

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

4(109)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

***Иран и Нидерландская Индия XIX – начала XX в.
в восприятии россиян***

*Iran and Netherlands Indies of the XIX – Early XX Centuries
in the Perception of the Russians*

Евразийский экономический союз: Проблемы и перспективы
The Eurasian Economic UNION: Problems and Prospects

***Россия и проблемы обеспечения энергетической
безопасности в современном мире***

*Russia and the Problems of Ensuring Energy Security
in the Contemporary World*

Сетевой бизнес в условиях COVID-19
Network Business in the Context of COVID-19

**Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год**

**МОСКВА
2020**

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75
DOI: 10.31249/rsm/2020.04.00

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, ВГУЮ (РПА Минюста России), Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, ИНИОН РАН, Россия, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *Л.Н. Шанишева* – кандидат философских наук, ИНИОН РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Ведущий редактор *О.Б. Константинова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА.
СЕГОДНЯ. ЗАВТРА

Ларин А. Б.
«Грешно одного и того же
человека оставлять долго
в этом глупом и скучном мес-
те»: Об одном повседневном
факторе жизни и деятельно-
сти российских дипломатов
в Иране в XIX – начале XX в.

6

Савицкий Е. Е.
Были ли колониальные гости-
ницы форпостами европейской
культуры? Свидетельства
русских путешественников по
Нидерландской Индии конца
XIX – начала XX в.

23

Киянская О. И.
«Люди двадцатых годов».
К биографиям Матвея и Сергея
Муравьевых-Апостолов

38

Черникова Н. В.
«Законодательная инициати-
ва» Государственного совета
Российской империи
во второй половине XIX в.

61

Глебова И. И.
«Страшная пора перелома»:
О русской революции и культуре

81

РОССИЯ И МИР.
В XXI ВЕКЕ

Гущин А. В.
Проблемы и перспективы
евразийской интеграции

105

RUSSIA YESTERDAY.
TODAY. TOMORROW

Larin A. B.
«It Is a Sin to Leave One and the
Same Person for a Long Time in
this Stupid and Boring Place»:
About One Everyday Factor
in Life and Activities of Russian
Diplomats in Iran in the XIX –
Early XX Century

Savitskiy E. E.
Were Colonial Hotels the
Outposts of European Culture?
Testimonies of Russian Travelers
to Netherlands Indies from Late
Nineteenth and Early Twentieth
Centuries

Kiyanskaya O. I.
«People of the 1820s». On the
Biographies of Matvey and
Sergey Murav'ev-Apostols

Chernikova N. V.
«Legislative Initiative»
of the State Council of Russian
Empire in the Second Half of
the 19th Century

Glebova I. I.
The Hideous Times of Breakup on
Russian Revolution and Culture

RUSSIA AND THE WORLD
IN THE 21ST CENTURY

Gushchin A. V.
The Problems and Prospects
of Eurasian Integration

Преснякова Е. В. Инвестиционные эффекты интеграции Беларуси и России в рамках Евразийского экономического союза	119	<i>Prasniakova E. V. Investment Effects of Integration of Belarus and Russia Within the Framework of the Eurasian Economic Union</i>
--	------------	---

Гадзацев К. В. Россия и обеспечение энерге- тической безопасности мира в условиях обострения глобальной энерго- экологической проблемы	140	<i>Gadzatsev K. V. Russia and the Global Energy Challenges Under the Energy-Ecological Conditions</i>
---	------------	--

Кузицына А. А. США и Китай: Когда состоится «битва за Анкоридж»?	158	<i>Kuzitsyna A. A. The USA and China: When Will the «Battle for Anchorage» Take Place?</i>
---	------------	---

Даниелова Т. А. Подходы администрации Барак Обама к созданию архитектуры ПРО в странах Вышеградской группы в 2009–2013 гг.	174	<i>Danielova T. A. The B. Obama Administration's Approaches to Creating BMD Architecture in the Visegrad Group Countries (2009–2013)</i>
---	------------	---

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

**PHENOMENOLOGY
OF SOVIET SOCIETY**

Ланник Л. В. Миссия Гельфериха в Москве: Забывтая флуктуация советско-германских отношений летом 1918 г.	186	<i>Lannik L. V. The Helfferich Mission in Moscow: A Forgotten Episode in Soviet-German Relations in Summer 1918</i>
---	------------	--

Жданова Е. С. Помощь Святого Престола гражданам СССР, оказавшимся за границей, в 1941–1947 гг. (по материалам Апостоль- ского архива Ватикана)	210	<i>Zhdanova E. S. Assistance of the Holy See to the Citizens of the USSR Who Were Abroad in 1941–1947 (Based on the Materials of the Vatican Apostolic Archives)</i>
---	------------	---

РАЗМЫШЛЕНИЯ.
СООБЩЕНИЯ.
КОММЕНТАРИИ

Файнштейн Е. М.
Особенности цифровой транс-
формации сетевого бизнеса
в условиях Covid-19 **225**

Миряков М. И.
Концепция пенсионного кризиса
в свете проблемы законов-
тенденций в методологии
экономической науки **242**

ОБЗОРЫ. РЕПЕНЗИИ

Семеко Г. В.
Экономика России: Всё еще на
перепутье. Рец. на книгу:
Vercueil J. Économie politique
de la Russie. 1918–2018 **262**

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА
«РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР» ЗА 2020 Г. 279

REFLECTIONS.
COMMUNICATIONS.
COMMENTS

Fainshtein E. M.
The Digital Transformation of
Business Under Conditions
of Covid-19

Miryakov M. I.
The Pension Crisis
Discourse in the Light
of the Methodology
of Economics

REVIEWS. SUMMARIES

Semeko G. V.
Russia's Economy: Still at a Cross-
roads. Review of: Vercueil J.
Économie Politique de la Russie.
1918–2018

CONTENTS OF «RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY WORD»
FOR 2020

А.Б. Ларин

**«ГРЕШНО ОДНОГО И ТОГО ЖЕ ЧЕЛОВЕКА ОСТАВЛЯТЬ ДОЛГО
В ЭТОМ ГЛУПОМ И СКУЧНОМ МЕСТЕ»:
ОБ ОДНОМ ПОВСЕДНЕВНОМ ФАКТОРЕ ЖИЗНИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ В ИРАНЕ
В XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

Аннотация. Статья посвящена влиянию фактора скуки на жизнь и деятельность российских дипломатов в Иране в середине XIX – начале XX в. Отмечается, что многие из чиновников МИД России, служившие в Иране, остро переживали чувства одиночества, тоски и скуки. Оказавшимся вдали от центров европейской цивилизации российским дипломатам часто было сложно перестроиться и воспринять новый стиль и ритм жизни. Образованные, культурные люди, привыкшие к определенным формам этикета, активной светской жизни, с трудом воспринимали реалии чуждого общества и культуры. При этом, если в столичном Тегеране, где существовала значительная европейская колония, проблема организации досуга не стояла столь остро, то в отдаленных и малонаселенных местностях проблема проявлялась максимально.

Важным следствием нехватки общения с людьми близкой культуры было повышенное внимание европейцев друг к другу, стремление сблизиться безотносительно тех разногласий и трений, что существовали между конкурирующими державами, в первую очередь с Россией и Британией. Отсутствие европейского общества в отдаленных районах Ирана переживалось крайне тяжело и подталкивало русских и англичан к общению и совместному времяпрепровождению. В то же время в тех случаях, когда представителям конкурирующих держав не удавалось выстроить хороших и конструктивных личных отношений, скука и вынужденное сосуществование на одной территории с представителями геополитического противника создавали почву для появления весьма странных форм взаимодействия между русскими и британцами.

Показано, что психологические затруднения, с которыми сталкивались дипломаты, вполне осознавались и в Петербурге, отдававшим отчет в непривлекательности назначений в Иран для многих чиновников МИДа. Ведомство учитывало особенности пребывания в Иране в своей кадровой политике, принимало во внимание гуманитарные соображения во взаимодействии с сотрудниками.

Ключевые слова: Россия; Британия; Иран; Европа; европейцы; дипломаты; скука.

Ларин Андрей Борисович – кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,
Россия, Москва. E-mail: ab-larin@mail.ru
Web of Science Researcher ID: Q-5730-2017

**Larin A.B. «It Is a Sin to Leave One and the Same Person for a Long Time
in this Stupid and Boring Places»: About One Everyday Factor in Life and
Activities of Russian Diplomats in Iran in the XIX – Early XX Century**

Abstract. *The article examines the influence of the factor of boredom on the life and activities of Russian diplomats in Iran in the mid-XIX – early XX centuries. A lot of officials of the Imperial Ministry of Foreign Affairs who served in Iran acutely experienced feelings of loneliness, melancholy and boredom. For the Russian diplomats who found themselves far from the centers of European civilization it was often difficult to adapt to a new way of life. Educated people, accustomed to the certain forms of etiquette and active social life, had a hard time accepting the realities of an alien society and culture. However, if in Tehran the problem of organizing leisure activities was not so acute, since there was a significant European colony there, in remote and sparsely populated areas it was quite a difficult case.*

An important consequence of the lack of communication with people of the same culture was a greater attention of Europeans to each other, the desire to get closer regardless of the differences and tensions that existed between the competing Powers, first of all – between Russia and Britain.

The absence of European society in remote areas of Iran was a hard experience and motivated the Russians and the British to communicate and spend time together. At the same time, if the representatives of competing Powers failed to create good and constructive personal relations, boredom and coexistence on the same territory with representatives of a geopolitical rival created the ground for the emergence of very strange forms of interaction between the Russians and the British. The craving for entertainment and escape from the tedious boredom, combined with the struggle of Powers and political competition, influencing the forms of the latter.

The psychological difficulties, faced by Russian diplomats, were recognized in St. Petersburg, which was aware about the unattractiveness of the appointments to Iran for many of them. In its policy, the Ministry took into account the peculiar circumstances of their service in Iran and was quite thoughtful about the humanitarian considerations in its interaction with the staff.

Keywords: *Russia; Britain; Iran; Europe; Europeans; diplomats; boredom.*

Larin Andrey Borisovich – Candidate of Historical Sciences,
Research Fellow, Institute of World History, RAS,
Russia, Moscow. E-mail: ab-larin@mail.ru
Web of Science Researcher ID: Q-5730-2017

Фауст
Мне скучно, бес.
Мефистофель
Что делать, Фауст?
Таков вам положен предел...
А.С. Пушкин

К числу человеческих переживаний, определенно не вызывающих приятных ассоциаций, относится скука – «деятельное безделье», в соответствии с метким определением Канта. И, разумеется, это одно из тех переживаний, с которым так или иначе сталкивается всякий человек в своей жизни. Одна из характерных черт современного постиндустриального общества – общества потребления – стремление всячески избегать состояния и ощущения скуки, интенция на ее изгнание из структуры повседневности. Монструозная индустрия развлечений, расцвет путешествий и туризма, бурное развитие компьютерных игр и виртуальной реальности, в целом консьюмеризм как стиль жизни будто бы пытаются решить задачу избавить людей развитого мира от переживания скуки как такового. В 2020 г., когда мир неожиданно столкнулся с угрозами, вызванными пандемией нового коронавируса, и человечество обнаружило себя запертым по домам, оторванным от привычных удовольствий и развлечений, стало ясно, что поведение людей в таких обстоятельствах меняется, и порой весьма значительно. В этом смысле представляет интерес вопрос о том, как переживание скуки влияло на поведенческие практики в другие эпохи.

Скука как неизбывный спутник человеческого бытия издавна занимает умы людей. Проблемам переживания скуки, тоски, хандры, сплина уделяли внимание философы, писатели, поэты, художники. Так, к этой проблематике обращался Иммануил Кант [Об осмыслении Кантом феномена скуки и деятельности как способа ее преодоления см.: Королькова 2017]. Сам он считал средством избавления от скуки деятельность, притом такую, которая захватывает человека в единстве всех его способностей, позволяет ему самоактуализироваться. Надо полагать, что к рекомендациям кёнигсбергского затворника в этом вопросе имеет смысл прислушаться и нам, ставшими затворниками поневоле. По мере дифференциации социально-гуманитарных наук в последние столетия росло и разнообразие подходов, в рамках которых исследователи обращались к изучению скуки. Беглый взгляд на первую страницу выдачи *e-library* по запросу «скука» демонстрирует, что в настоящую эпоху осмыслением данного феномена ученые занимаются в рамках философии [см., напр.: Аригунова 2010; Аригунова 2013; Свендсен 2007], психологии [см., напр.: Курочкин 2008; Рохина, Посохова 2017; Сунцова 2018], филологии [см., напр.: Леденёва, Цзян Юань 2018; Маханова 2015; Маханова 2016; Сороченко 2003], истории, антропологии и культурологии [см., напр.: Бабаева 2010;

Позняк 2015; Седанкина 2015; Чеснокова 2019] и т.д. Как видим, анализ скуки как явления человеческой жизни представляется многим исследователям занятием вовсе не утомительным, а вполне актуальным и любопытным.

Не претендуя на общефилософское осмысление означенного феномена, попытаемся представить на некотором конкретно-историческом материале один из аспектов скуки, как постоянно присутствующего в жизни человека явления, а также ее влияние на эту жизнь. В фокусе нашего внимания будет влияние фактора скуки на повседневную жизнь российских дипломатов позднеимперской эпохи в странах Востока, а именно – в Каджарском Иране. Многочисленные источники, в первую очередь личного происхождения, но также и дипломатическая переписка, публицистика и проч., дают любопытный материал, позволяющий поставить вопрос о скуке как факторе влияния на политику России (как, впрочем, и Британии) в Иране середины XIX – начала XX в. В условиях геополитического противостояния двух европейских империй скука, будучи фактором общечеловеческим, с одной стороны, должна была содействовать сближению (на повседневном уровне) представителей России и Британии, с другой – влиять на формы их конкуренции.

Согласно толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля, более чем релевантного для рассматриваемой эпохи, скука есть «тягостное чувство, от косного, праздного, недейтельного состояния души; томление бездействия». Это определение вполне подходит для описания той ситуации, с которой сталкивались многие русские дипломаты на службе в стране Льва и Солнца. Оказавшимся вдали от центров европейской цивилизации российским дипломатам часто было сложно перестроиться и воспринять новый стиль и ритм жизни, принятые в Иране Каджаров. Образованные, культурные люди, привыкшие к определенным формам этикета, активной светской жизни у себя на родине и вообще в Европе, с трудом воспринимали реалии чуждого общества и культуры. И если в столице страны – Тегеране – вопрос организации повседневной жизни и интересного времяпрепровождения в свободные от служебных обязанностей часы не стоял так остро, поскольку здесь присутствовала значительная европейская колония, то в более отдаленных и малонаселенных местностях проблема организации досуга вставала в полный рост.

Писатель и путешественник П.И. Огородников, посетивший Иран в 1870-е годы, описывает характерный эпизод, произошедший с ним в Астрабаде, городе у юго-восточного побережья Каспия:

«Время на покой; но только что разнежился я у себя на постели, как вошел секретарь консульства Ж., уже знакомый мне с Ашира¹; там он был бодр, но теперь тоска одиночества видимо подавляла физически мощного юношу.

1. Ашур-Аде, остров у юго-восточного побережья Каспийского моря, где была расположена русская военно-морская станция. – А. Л.

– Читайте, пишите, ну, хоть о Персии, о которой мы ничего не знаем, потому что вы молчите, прописывал я ему рецепт от скуки.

– Мы не пишем потому, что климат усыпляет мозг, отвечал он, в сильном волнении шагая по комнате и еле сдерживая слезы, – не пишем еще и потому, что ко всему уже пригляделись и ничего вокруг себя не замечаем... Скука ужасная! Единственное развлечение – прогулка верхом... Я и консул – и более ни одного европейца, даже армянской души здесь нет?!

– А английский агент?

– И тот перс. Минуты считаю, скоро ли придет срок отпуска, которым мы пользуемся через каждые пять лет, и если бы только не Астрабадская станция и Баку, где по временам отвожу душу, – не жил бы я здесь ни за миллион!..

– А в Тегеране?

– Несравненно лучше; там – послы с России, Великобритании, Франции и Турции; в Тавризе тоже хорошо: в нем проживают консулы этих держав, наконец в Реште...

– Перейдите туда.

Ж. махнул рукою, и, *как милости*, упросил меня в этот неудобный час отправиться к нему» [Огородников 1878, с. 284–285].

Как видим, страдания юного секретаря консульства вполне подпадают под те определения скуки, что мы находим у Канта и Даля: «деятельное безделье», либо же «тягостное чувство, от косного, праздного, недейтельного состояния души; томление бездействия». Именно от этого состояния изнывал молодой человек в иранском Астрабаде, будучи, с одной стороны, лишен возможности покинуть это место (в силу службы), с другой – лишен общения с другими европейцами. Что характерно, предложенный Огородниковым способ избавления от изнуряющего безделья, а именно – чтение и составление очерков о стране пребывания – был отвергнут. Притом что это именно тот способ борьбы со скукой через деятельность, что был рекомендован Иммануилом Кантом. Как видим, спектр возможных вариантов улучшения своей ситуации, как он виделся молодому секретарю консульства, оказался редуцирован до желания общения с другими европейцами. Впрочем, это лишний раз показывает значимость потребности в общении в нашей повседневности и то, как болезненно человек может переживать невозможность ее удовлетворить.

Очень образное описание этого переживания скуки как невозможности общаться с людьми той же культуры находим у Н.Ф. Масальского, русского артиллериста, посетившего Иран в конце 1830-х годов. Хотя сам он и не был дипломатом, очевидно, что чувства, переживаемые им, были аналогичны тем, что испытывали и все прочие россияне, вынужденные долго жить в Иране. Стиль писем офицера очень образный и поэтичный, что дополнительно усиливает впечатление от его переживаний. В начале 1840 г. шах

выехал в Исфахан, члены русской миссии отправились вслед за ним. Масальский начинает очередное письмо следующими словами:

«Я осиротел! – Вся наша миссия уехала в Испагань, я остался один!.. Слово “один” я говорю не в значении сидеть у себя в комнате одному *под* замком, не видеть никого, и никому себя не показывать; – нет, в таком уединении своя прелесть, свое утешение; отраднa мысль, что от тебя зависит распахнуть двери кабинета, и вот ты в обществе своих, или в кругу чужих; – чувства твои дробятся, мысли дробятся вместе с чувствами, и часы жизни сеются, как через сито, отделяясь от скуки.

Не то бывает на чужбине, как Персия, здесь уединение убийственно, – оно есть тяжкая неволя; – ты одинок среди людей, потому, что их чувства, их мысли чужды для тебя; чувствуешь, что тебя никто не понимает, тебе как будто становится тяжело дышать чужим воздухом! Тебе тесно, ты ищешь простору, бежишь в степь – и только там вздохнешь свободно в безграничной степи, под безграничным небом!.. Там ты найдешь себя!.. Теперь можно понять, что я хотел выразить словом “один”. В нем целая поэма человеческого сердца» [Масальский 1844, с. 300–301]. И вот от одиночества и скуки именно такого рода, «которая несносна, и не отвязчива, как сварливая старуха» [Масальский 1844, с. 206], было сложно избавиться европейцам в Иране. У Масальского это чувство выражено весьма отчетливо, он неоднократно упоминает о том, что скука, от которой он временами страдал в Иране, вызвана именно вынужденной оторванностью от родины, причем, что характерно, в интерпретации офицера последняя – это не только Россия сама по себе, но в целом – Европа, европейская цивилизация.

Очевидным следствием нехватки общения с людьми той же культуры было повышенное внимание европейцев друг к другу и стремление сблизиться безотносительно тех разногласий и трений, что существовали между конкурирующими державами, в первую очередь с Россией и Британией. Отсутствие европейского общества в отдаленных районах Ирана переживалось крайне тяжело и подталкивало русских и англичан к сближению, общению и совместному времяпрепровождению. Встретить даже не соотечественника, но человека, разделявшего схожие ценности и религиозные взгляды, говорящего на одном из европейских языков, близкого по бытовой культуре и привычкам, было большой удачей. В ситуациях подобных встреч разного рода межгосударственные политические проблемы отходили на второй план. Общение с человеком «своей» культуры давало возможность скрасить монотонные дни в «чужой» стране.

Дипломат Д. Беляев, проехавший в 1906 г. по южному Ирану, по маршруту от Кермана до нового места службы в Бендер-Аббасе, встретился в дороге с британским вице-консулом, лейтенантом Огилви. Они нанесли друг другу визиты, причем англичанин, «очень симпатичный еще молодой

человек», жаловался на «снедающую его скуку, отсутствие англо-индийских подданных, неимение дела» и очень сожалел, что Беляев скоро уедет и ему снова придется остаться одному [Беляев 1909, с. 261]. Лейтенант рассказал Беляеву о перипетиях своей жизни в Персии, сообщив, что «после службы в Кветте теперешнее одиночество ему кажется тяжелым, он просит у своего непосредственного начальника – Керманского консула – разрешить ему приехать хоть на время в Керман, где есть небольшая английская колония. Бам – единственный персидский город, посещенный лейтенантом Огилви». Когда же Беляев сообщил, что это «один из лучших городов юго-восточной Персии, тот пришел в отчаяние, так как предполагал, что хуже Бама ничего не может быть и что всякое дальнейшее передвижение по службе даст ему возможность попасть в лучший город» [Беляев 1909, с. 262]. Как видим, от одиночества и отсутствия европейского общества молодые люди страдали в равной мере – и русские, и англичане.

Конечно, томившиеся от скуки иранской жизни XIX в. дипломатические чиновники так или иначе искали способы с ней бороться. Где-то местные обстоятельства были более благоприятны для этого: например, в столице страны – Тегеране – и в других крупных центрах, таких как Табриз или Бушир. В этих городах существовала значительная европейская колония, а это автоматически означало наличие светского общества и ряда типичных развлечений (пусть даже и носящих отчасти ритуализированный, церемониальный характер, как, скажем, балы, приемы и т.п.). Российский дипломат С.В. Чиркин описывает свое пребывание в шахской столице в следующих словах: «Жизнь в Тегеране, особенно для дипломатической молодежи, была очень приятной, при постоянных приглашениях всюду – в миссии, у русских и иностранцев на обеды, вечера и пикники. Канцелярской работы было много, но оставалось достаточно времени для любителей развлечений вне дома» [Чиркин 2006, с. 64]. На период летней жары русская миссия перебиралась в Зергендэ – деревню неподалеку от Тегерана, находившуюся под российской юрисдикцией. Прочие европейские миссии также съезжались в окрестные деревни, «так что общественная жизнь с пикниками, *gardenparties*, завтраками и обедами не прекращалась и была как бы продолжением тегеранской, но в более приятной, здоровой обстановке» [Чиркин 2006, с. 70]. Однако, как мы уже имели возможность убедиться, во многих других местах служба дипломатических чиновников разительно отличалась от вышеприведенного описания. Там попросту не было в достаточном количестве европейцев, чтобы иметь возможность наладить совместный занимательный досуг. В таких местах арсенал доступных способов развлечь себя и избавиться от скуки был гораздо более скудным и однообразным. Вот как описал этот контраст Н.Ф. Масальский, посетивший Табриз еще в конце 1830-х годов: «Скучна здешняя жизнь для нас, но все веселее чем во всяком другом городе Персии;

здесь бывает более европейцев, здесь как-то более жизни, этой торговой жизни, которая так шумна, так деятельна; наконец, сюда скорее доходят вести из Европы – из родины, а эти вести, так отрадны в далеке!» [Масальский 1844, с. 40].

Что же до небольших отдаленных городков, расположенных в пустынной местности вдали от крупных очагов цивилизации, где-нибудь в Хорасане или Систане, то в них европейцам, число которых могло составлять всего несколько человек, было особенно сложно бороться с мучительной скукой и одиночеством. В таких местах было совершенно нечем заняться, а непривычный изнуряющий климат, как было показано выше, лишал последних сил и мотивации. Неудивительно, что в таких местах чиновники зачастую убивали время за выпивкой и картами – теми немногими возможностями времяпрепровождения, что еще оставались.

Порой стремление развлечь себя и избавиться от мучительной скуки и ничегонеделанья удивительным образом сочеталось с геополитической борьбой держав и политической конкуренцией. Не стоит забывать, что консульские учреждения в захолустных районах Ирана в период Большой Игры создавались Россией и Британией прежде всего по политическим мотивам, для поддержания собственного престижа и расширения возможностей конкуренции с соперником. Скука, выпивка и вынужденное сосуществование на одной территории с представителями геополитического противника создавали питательную почву для появления самых странных форм взаимодействия между русскими и британцами, особенно тогда, когда им не удавалось выстроить хороших личных отношений.

Так, не сложились отношения между консулом Миллером, ярким представителем русского империализма в Иране, и его британским коллегой Бенном. Из донесений последнего видно, что Миллер считал возможным многое позволять себе, пренебрегая даже правилами приличий. В частности, на одном обеде в январе 1902 г. Миллер злоупотребил алкоголем, вел себя буйно и вспоминал «неделикатные инциденты, произошедшие с ним в Кермане». В мае он пришел пьяным на вечеринку, устроенную Бенном в честь дня рождения короля. После обеда он «грубо настаивал на том, чтобы прервать беседу и, наконец, заснул прямо в кресле». Бенн трактовал поведение Миллера как оскорбление правительства Его Величества и требовал обратить на это внимание посланника в Тегеране, чтобы впредь подобное не повторялось. С тех пор Бенн не собирался ни приглашать Миллера, ни сам пользоваться его гостеприимством [Kazemzadeh 1968, p. 420].

Даже сами формы конкуренции между представителями держав приобретали весьма своеобразный, если не сказать курьезный, характер. Британский консул организовал еженедельные тренировки индийского эскорта, весьма зрелищные и притягивавшие внимание местного населения. Миллер

выступил с альтернативой. По сообщению Бенна, «мистер Миллер... приготовил свою приманку в виде местного оркестра с ручной обезьянкой и другое. Толпа детей и подростков из форта заняла место в нескольких ярдах позади моей палатки, которая на подобных мероприятиях исполняет роль “большой эстрады”, и начали в высшей степени бестолковую программу. Люди, в которых узнали русских служащих, были посланы обходить наших зрителей и привлекать внимание к представлению конкурентов, но безрезультатно» [цит. по: Kazemzadeh 1968, р. 419]. Создается ощущение, что появление подобных весьма своеобразных форм соперничества не в последнюю очередь было вызвано скукой как фактором жизни европейцев в Иране, особенно в отдаленных и глухих его уголках.

Профессор Ф. Казем-Заде, комментируя вышеприведенные эпизоды, писал: «Читая эти печальные доклады, можно представить себе напряженность внутри европейского сообщества, состоящего из полудюжины людей, заброшенных, с опорой исключительно на собственные совершенно недостаточные душевные силы, в маленький, жаркий, изолированный городок на краю великой пустыни, полный скуки и сплетен, кипящий интригами, злобой и ненавистью. Возможно, неким гротескным образом европейское сообщество Носратабада символизирует огромный мир империалистической политики, отражением которого оно являлось» [Kazemzadeh 1968, р. 420]. К этой оценке стоит добавить только одну, но весьма существенную ремарку: атмосфера общения и способы взаимодействия между европейцами в местах такого рода напрямую зависели от характера личных отношений, сложившихся между ними.

* * *

Важно отметить, что описанные выше особенности пребывания российских чиновников в Иране, их жизни в удаленной от Европы и европейского общества стране, принимались во внимание руководством в Петербурге, влияли на подходы к кадровой политике, назначениям и проч. Интересные материалы, содержащие сведения о соображениях Певческого моста при подборе людей для дипломатических назначений в те или иные города Ирана, прежде всего – в консульские учреждения, содержатся в личной переписке главы Азиатского департамента МИДа, впоследствии товарища министра иностранных дел, Льва Григорьевича Сеньявина с посланником в Тегеране кн. Д.И. Долгоруким, охватывающей период с 1845 по 1854 г. Надо полагать, что многие из соображений, нашедших отражение в этом источнике середины XIX в., сохраняли актуальность и в последующие десятилетия.

Так, мы видим, что на службу в те города Ирана, где очевидно практически не было европейского общества и светской жизни, старались назначать

людей холостых. В частности, в ответ на вопрос посланника об истинности слухов о назначении некоего чиновника в Астрабад, глава Азиатского департамента писал: «Отвечаю на это коротко и ясно: неправда. От роду никто об этом не думал и не помышлял. И с какой стати семейного человека посылать в Астрабад?» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 49]. Как было показано выше, даже десятилетия спустя российские представители в Астрабаде изнывали от отсутствия европейского общества, непривычного климата и крайней ограниченности форм возможного досуга. В этом смысле руководство внешнеполитического ведомства с пониманием относилось к гуманитарной составляющей службы, как минимум стремясь по возможности избавить семейных коллег от необходимости везти в отдаленные уголки Ирана семью, либо страдать от разлуки с родными.

Впрочем, в соображениях МИДа присутствовал и вполне очевидный прагматический резон: семейным дипломатам требовалась дополнительная инфраструктура, обеспечить которую министерству было неудобно, накладно и затруднительно. Семье дипломата необходимо было предоставить жилье, детям требовалось дать возможность получать образование и т.д. Вот что писал об этом сам Сеньявин: «Дипломат Рей задумал здесь жениться; следовательно, он для Персии уже более не годится; ибо если все секретари будут жениться, то для миссии не будет помещения» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 51].

Вообще из источников хорошо видно, что служба в Иране воспринималась российскими дипломатами как необходимая, но тягостная и скучная, своего рода *malum necessarium* имперской внешней политики. Потому и к разного рода издержкам, вызванным утомлением дипломатов от жизни в Иране, относились сочувственно. Получив известие о благополучном прибытии нового российского посланника, кн. Долгорукого, в Тегеран, к месту его предстоящей службы, глава Азиатского департамента желал тому, «чтобы пребывание в Тегеране не было слишком тягостно и скучно» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 54]. И как мы имели возможность убедиться, в данном случае это не было просто фигурой речи или формой вежливости.

То, что скука пребывания в захолустных уголках Ирана была существенным фактором, влиявшим на подбор кадров, можно увидеть из следующего характерного эпизода. Когда в 1846 г. было решено учредить консульство в Астрабаде и, соответственно, встал вопрос о выборе кандидатуры на должность консула, Сеньявин признавался Долгорукому, что «это – вещь трудная». Характерно, что когда, наконец, подходящая кандидатура была определена (на пост консула был выбран надворный советник С.И. Черняев) и встал вопрос о поиске человека на должность секретаря консульства, Сеньявин указывал Долгорукому: «Желательно, чтобы при сем выборе имелось в виду приготовить секретаря для замещения впоследствии должности консула

в Астрабаде; ибо грешно одного и того же человека оставлять долго в этом глупом и скучном месте» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 61]. Как видим, МИД стремился принимать во внимание особенности службы в Иране, заранее заботясь о том, чтобы обеспечить кадровую преемственность и возможность перевести чиновника из глухого места, если в том возникнет нужда.

Нужда возникала довольно часто. Российские представители в Иране регулярно писали в Петербург обращения с просьбой перевести их в другое место службы, либо, как минимум, предоставить отпуск. Так, уже с конца 1845 г. постоянным мотивом переписки Сеньявина с Долгоруким становятся настоятельные просьбы секретаря миссии Озерова о предоставлении тому отпуска. Чиновник был на хорошем счету в ведомстве, отмечен наградой по представлению посланника, который также ходатайствовал о предоставлении ему отпуска в России, однако дело затягивалось. Уже в августе 1846 г., почти год спустя, Сеньявин писал своему корреспонденту: «Об отпуске Озерова решительного еще ничего не последовало. Отказать совестно, а *теперь же* отпустить – значило бы лишить Вас секретарей. Нельзя ли ему несколько времени еще пообождать, пока мы пополним Вашу миссию новыми членами. Месяца два или три разницы для него, вероятно, не сделают». Глава МИДа, граф К.В. Нессельроде, тогда же предварительно согласился, чтобы Озерова отправили курьером в Петербург, однако пожелал, чтобы тот дождался назначения младшего секретаря, «ведь это составит каких-нибудь 3 или 4 месяца разницы для Озерова» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 75].

Однако несчастный секретарь, по-видимому, более не мог выносить пребывания в Персии, лишние месяцы службы давались ему тяжело. Во всяком случае, в ноябре Сеньявину пришлось писать Долгорукому: «Озерова, сделайте одолжение, успокойте. Я сплю и во сне думаю, как устроить его отпуск...» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 80]. Сеньявин предложил временно направить в Тегеран (очевидно, на замену Озерову) некоего чиновника Щербинина. По мысли Сеньявина, как только Щербинин прибудет в Тегеран, Озеров сможет выехать в Россию. Наконец, в декабре Долгорукому было предоставлено на усмотрение отправить Озерова в Петербург, когда тот признает это возможным [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 82]. По всей видимости, посланник немедленно дал пострадавшему чиновнику выехать в Россию, поскольку уже накануне нового 1847 г. тот прибыл в Петербург. Явившись пред очи начальника, Озеров «объявил категорически и самым положительным образом, что он, как говорят в простонародьи, ни за какие пряники в Персию более не поедет» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 84–85]. Характерно, что Сеньявину пришлось принять позицию Озерова во внимание, несмотря даже на то, что это порождало сложности и неудобства для миссии в Тегеране, поскольку посланник оставался без секретарей. При этом главе Азиатского департамента МИДа оставалось лишь высказать Долгорукому свои сожаления о том, что

Озеров не раскрыл своих намерений загодя, поскольку тогда можно было бы заранее назначить его преемника, теперь же нужно было ждать несколько месяцев [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 85]. Сеньявин писал Долгорукому о том, что Озерову планировали дать назначение на должность секретаря миссии в Стокгольме, о чем сам руководитель Азиатского департамента писал следующим образом: «Не из огня в полымя, а из огня в прорубь». Однако в итоге Озеров женился, а затем был назначен вице-директором Департамента хозяйственных и счетных дел. История с Озеровым выявляет два характерных момента. Во-первых, по ней хорошо видно, какой утомительной служба в Иране была для некоторых чиновников, как они стремились возможно скорее уехать из страны. Во-вторых, она явственно демонстрирует, что не только глава миссии в Тегеране, но и руководство в Петербурге вполне понимали чувства чиновников, принимали их в расчет в своих кадровых решениях и не опирались исключительно на административный ресурс и собственные властные полномочия.

Показательна риторика, использовавшаяся при обсуждении пребывания дипломатов в Иране чинами МИДа. Когда в апреле 1847 г. уже сам кн. Долгорукий подал прошение об отставке, глава Азиатского департамента, не давший ходу бумаге, писал посланнику следующее: «Я очень понимаю, что Персия далеко не рай земной, и что иметь дело с персиянами не только скучно, но даже несносно» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 95]. Однако же Сеньявин убеждал князя не принимать близко к сердцу сложности и тревожения службы в Иране. Два года спустя, в марте 1849 г., князь направил в Петербург, наряду с депешами о своих дипломатических успехах, новое прошение о возвращении в Россию. И снова его обращение было признано не вполне своевременным. Интересно при этом, что Сеньявин упомянул, имея в виду гр. Нессельроде, что тот «очень понимает тягость тегеранской жизни и само собой разумеется не будет требовать, чтобы Долгорукий оставался в Иране “через силу”». Министр иностранных дел не откажется «выручить» оттуда посланника. Однако сам Сеньявин полагал, что время еще не пришло, а потому «нынешний годик еще помучиться надобно в Тегеране» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 115]. Однако лишь весной 1854 г. Сеньявин написал Долгорукому, что представилась возможность исполнить его давнее желание и выручить князя «из персидского парадиза». По ходатайству Нессельроде, Николай I наградил Долгорукого «за долготерпение», пожаловав в тайные советники. Сеньявин поздравлял князя как с новым знаком благоволения монарха, так и с «освобождением» из «несносного иранского края». Долгорукого сделали сенатором в Москве. Расписав произведенные в связи со сменой посланника в Тегеране кадровые перестановки, Сеньявин резюмирует: «Вот какие мудрые мы сделали распоряжения, чтобы Вас поскорее выручить из Персии» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 125]. Как видится, приведенные речевые обороты

и общая стилистика сообщений не требуют дополнительных комментариев и создают вполне однозначное впечатление о том, как служба в Иране воспринималась в Санкт-Петербурге.

Министерству приходилось считаться с тем, что многие дипломаты не хотели служить в Иране, всячески избегали этого места назначения, которое воспринималось как унылое и безрадостное. Одним из следствий этого был кадровый голод в отношении консульских работников. Когда накануне Первой мировой войны отношения между Россией и Британией вновь обострились в связи с персидским вопросом [см. об этом: Ларин 2019], а С.Д. Сазонов потребовал от посланника в Тегеране И.Я. Коростовца укрепить служебную дисциплину консулов (поскольку именно самоуправство российских консулов было одним из постоянных мотивов жалоб британской стороны российскому правительству), последний высказался с известным скепсисом в отношении этой идеи. В частности, он заметил, что требование «безусловного нравственного авторитета» от консулов в свою очередь требует «весьма высоких личных качеств от представителей нашей консульской службы, которых в некоторых случаях, к сожалению, на деле не оказывается. Недостаточность лиц, знакомых с условиями Персии и необходимость в виду сего слишком снисходительно смотреть на деятельность некоторых консулов, является главным тормозом для правильного направления консульской деятельности в Персии» [Русская политика в Персии (1910–1917), л. 58]. Таким образом, Петербургу приходилось до известной степени мириться с тем, что консульские обязанности в Иране исполняли люди, быть может далеко не всегда щепетильно выполнявшие распоряжения МИДа и миссии в Тегеране, но зато так или иначе адаптировавшиеся к сложной для европейца жизни в этой восточной стране, поелику «белоручки в Персии не годятся» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 85].

Эта адаптация включала в себя, среди прочего, готовность и способность жить в условиях нехватки европейского (в том числе – женского) общества, привычных развлечений, крайней ограниченности форм досуга и всепоглощающей скуки. Порой вышестоящему руководству приходилось мириться с разного рода эксцессами в поведении консульских работников, когда те выходили за рамки принятых норм. Так, вышеупомянутому астрабадскому консулу Черняеву спустя год после назначения пришлось делать неофициальное внушение через его брата «по поводу сечений и битий, а также на счет стиля его корреспонденции» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 95]. Сеньявин полагал, что на первый раз братского увещевания будет достаточно. Не вполне ясно, что за «сечения и бития» здесь имеются в виду, однако судя по другим источникам, речь вполне может идти о разного рода неконвенциональных формах взаимодействия с местным населением. Видимо, увещевания брата, если таковые состоялись, не имели большого эффекта, поскольку уже в декабре

1851 г. Сенявин писал Долгорукому о том, что прибывший в Петербург иранский курьер передавал в министерство жалобы тегеранского правительства как на самого посланника, так и на всех консулов, «за настойчивость и неприличное обхождение с персидскими властями, приводя в пример, что Ивановский назвал кого-то публично... (В публикации стоит примечание следующего содержания: “Слово не разобрано”. – *А. Л.*), а Черняев (который, кстати, также уже с лета 1849 г. просил отпустить его домой в Россию. – *А. Л.*) разбил какой-то кальян». Возможно, в этих сообщениях мы видим отголоски каких-то занимательных событий повседневной жизни русских консулов, более обстоятельные сведения о которых до нас, к сожалению, не дошли. Вполне очевидно, что на многие малозначительные проступки консульских работников министерство предпочитало закрывать глаза, осознавая в полной мере, что вдали от столицы, от светского общества, привычной жизни многим чиновникам ведомства весьма сложно себя развлечь, почему порой утомление и уныние от однообразных дней приводили к недоразумениям.

В свое время Блез Паскаль записал: «Нет ничего столь невыносимого для человека, как пребывать в полном покое, без страстей, без дел, без развлечений, без занятий. Он ощущает тогда свое ничтожество, свою покинутость, свою недостаточность, свою зависимость, свое бессилие, свою пустоту. И немедля из глубины своей души он извлекает тоску, мрак, грусть, печаль, досаду, отчаяние» [Паскаль 1995, с. 260]. Эта сентенция, ярко демонстрирующая деструктивное влияние скуки на душевное состояние и личность человека, кажется очень подходящей для характеристики той ситуации, в которой обнаруживали себя многие российские чиновники, служившие в Иране.

Оторванность от привычной среды, заброшенность в инокультурное окружение, отсутствие привычных развлечений и способов организации досуга, вынужденное безделье – всё это составляло тот горький коктейль, что отравлял существование имперских чиновников, находившихся на дипломатической службе в государстве Каджаров. Как можно было убедиться, нехватка общения, европейского общества составляли основную проблему, особенно остро стоявшую перед теми, кто по службе оказался в отдаленных от столицы и других относительно крупных центрах районах. Тягостные условия службы, с одной стороны, создавали предпосылки для сближения на личном уровне между европейцами, принадлежавшими к разным нациям (в том числе – конкурирующим, как русские и британцы), с другой – могли порождать отторжение между ними, если по каким-то причинам личные отношения не сложились, а мотив геополитической конкуренции держав оказывался слишком силен.

Наконец, нельзя не отметить и тот немаловажный момент, что уныние, тягостность и скука дипломатической службы в Иране в полной мере осознавались в Санкт-Петербурге. Российское внешнеполитическое ведомство отдавало отчет в непривлекательности назначений в Иран для многих чиновников МИДа, учитывало перечисленные выше особенности пребывания в Иране в своей кадровой политике, принимало во внимание гуманитарные соображения во взаимодействии со своими сотрудниками.

Библиография

- Аригунова Е.В. Потенциал феномена скуки // Вестник Томск. гос. ун-та. 2013. № 368. С. 34–36.
- Аригунова Е.В. Скука и время // Вестник Томск. гос. ун-та. 2010. № 340. С. 45–47.
- Бабаева А.В. Аксиология скуки // Известия СПбГЭТУ ЛЭТИ. 2010. № 4. С. 69–73.
- Беляев Д. Отчет о поездке из Кермана в Бендер-Аббас через Гоук, Бам, Джируфт и Тенг-и-Нивергу в июне и июле 1906 г. состоящего в ведомстве Императорского Министерства Иностранных Дел Дмитрия Беляева 3-го // Материалы по изучению Востока. Вып. 1. СПб., 1909. С. 197–297.
- Королькова А.А. Историко-философский анализ скуки // Logos et Praxis. 2017. Т. 16. № 4. С. 6–14.
- Курочкин О.Е. Скука. Постановка психологической проблемы // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского. 2008. № 11. С. 177–181.
- Ларин А.Б. «Россия ничьего вмешательства в свои отношения к Персии не потерпит»: русская политика в Иране накануне и в начальный период Первой мировой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 11 (85). URL: <https://history.jes.su/s207987840008087-4-1/> (дата обращения: 18.01.2020).
- Леденёва В.В., Цзян Юань. О стилистическом потенциале слова скука // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. Сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора К.А. Войловой. Отв. ред. О.В. Шаталова. М., 2018. С. 175–182.
- [Масальский Н.Ф.] Письма русского из Персии. Часть 1. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1844. 2 т. Ч. 1. 317 с.
- Маханова Г.Е. Образно-языковая составляющая микрополя «психическое состояние» концепта «скука» // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1 (10). С. 49–54.
- Маханова Г.Е. Экзистенциальная составляющая концепта «скука» // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 3 (29). С. 153–155.
- Маханова Г.Е. Ядерное содержание одного из микрополей концепта «скука» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (38). С. 156–167.
- Огородников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб.: тип. М.И. Попова, 1878. 331 с.
- Паскаль Б. Мысли. СПб.: Северо-Запад, 1995. 572 с.
- Письма Л.Г. Сеньявина к посланнику в Тегеране кн. Д.И. Долгорукому // Русский архив. Год 54. Книга 1. М., 1916. С. 47–128.
- Позняк Т.З. Развезать скуку провинциальной жизни: общественный досуг в городах дальневосточной окраины в 1850–1870 гг. // Россия и АТР. 2015. № 1 (87). С. 81–93.

Рохина Е.В., Посохова С.Т. Переживание скуки как личностное искажение временной перспективы // Перспектива человека: будущее как универсалия. Сборник статей научно-теоретической конференции. Науч. ред. и сост. С.Т. Посохова, А.И. Извеков. СПб., 2017. С. 79–98.

Русская политика в Персии (1910–1917). Архив внешней политики Российской империи. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 489. Д. 592 б.

Свендсен Л. Философия скуки. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 256 с.

Седанкина Т.Е. Феномен экзистенциальной скуки: философско-культурологический аспект // Вестн. Каз. гос. ун-та культуры и искусств. 2015. № 4–2. С. 44–47.

Сороченко Е.Н. Концепт «скука» и его лингвистическое представление в текстах романов И.А. Гончарова. Дис. на соиск. учен. степ. канд. филологических наук. Ставрополь, 2003.

Сунцова А.О. Феномен скуки на рабочем месте // Социальный мир человека. Материалы VII Международной научно-практической конференции «Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация». Сер. «Язык социального» Под редакцией Н.И. Леонова. 2018. С. 223–224.

Чеснокова Л.В. Приватность, скука и гендерные отношения в эпоху Модерна // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2019. Т. 14. № 2 (188). С. 164–176.

Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М., 2006. 376 с.

Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914: A Study in Imperialism. New Haven and London, Yale University Press, 1968. 711 p.

References

Arigunova Ye.V. Potentsial fenomena skuki [Potential of boredom phenomenon]. Tomsk State University Journal of History. 2013. No 368. P. 34–36. (In Russ.)

Arigunova Ye.V. Skuka i vremya [Boredom and time]. Tomsk State University Journal of History. 2010. No 340. P. 45–47. (In Russ.)

Babaeva A.V. Aksiologiya skuki [Axiology of boredom]. Izvestiya SPbGETU «LETI». 2010. No 4. P. 69–73. (In Russ.)

Belyaev D. Otchet o poezdke iz Kermana v Bender-Abbas cherez Gouk, Bam, Dzhiruft i Teng-i-Nivergu v iyune i iyule 1906 goda sostoyashchego v vedomstve Imperatorskogo ministerstva inostrannykh del Dimitriya Belyaeva 3-go [Account of a journey from Kerman to Bandar-e ‘Abbās through Gowk, Bam, Jiroft and Tang-e Nevarg in June and July of 1906 by Dmitrii Belyaev III, assigned to the Imperial Ministry of Foreign Affairs]. Materialy po izucheniyu Vostoka. Iss. 1. Saint Petersburg, 1909. P. 197–297. (In Russ.)

Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A Study in Imperialism. New Haven and London, Yale University Press, 1968. 711 p.

Korol'kova A.A. Istoriko-filosofskii analiz skuki [Analysis of boredom in the context of the history of philosophy]. Logos et Praxis. 2017. Vol. 16. No 4. P. 6–14. (In Russ.)

Kurochkin O.E. Skuka. Postanovka psikhologicheskoi problemy [Boredom. Setting a psychological problem]. Bulletin of Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky. 2008. No 11. P. 177–181. (In Russ.)

Larin A.B. «Rossiya nich'ego vmeshatel'stva v svoi otnosheniya k Persii ne poterpit»: russkaya politika v Irane nakanune i v nachal'nyi period Pervoi mirovoi voyny [«Russia will not tolerate anyone's interference in its relations with Persia»: Russian policy in Iran on the eve and during the initial period of the First World War]. The Journal of Education and Science «ISTORIYA» («History»). 2019. V. 10. Iss. 11 (85). [Elektronnyi resurs]. Dostup dlya zaregistrovannykh pol'zovatelei. URL: <https://history.jes.su/s207987840008087-4-1/> (date of access: 18.01.2020). (In Russ.)

Ledeneva V.V., Jiang Yuan. O stilisticheskome potentsiale slova skuka [About the stylistic potential of the word boredom]. Russian language in the Slavic intercultural communication. Moscow, 2018. P. 175–182. (In Russ.)

[Masal'skii N.F.] Pis'ma russkogo iz Persii [Letters of a Russian from Persia]. Part 1. Saint Petersburg: Publishing house of Separate corps of the internal guard, 1844. 2 vol. Ch. 1. 317 p. (In Russ.)

Makhanova G.E. Obrazno-yazykovaya sostavlyayushchaya mikropolya «psikhicheskoe sostoyanie» kontsepta «skuka» [Figurative and language components of the microfield «mental state» of the concept of «boredom»]. Baltic Humanitarian Journal. 2015. No 1 (10). P. 49–54. (In Russ.)

Makhanova G.E. Ekzistentsial'naya sostavlyayushchaya kontsepta «skuka» [Existential component of the concept «boredom»]. The Bryansk State University Herald. 2016. No 3 (29). P. 153–155. (In Russ.)

Makhanova G.E. Yadernoe sodержanie odnogo iz mikropolei kontsepta «skuka» [Nuclear content of one of microfields of the concept of «boredom»]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. 2016. No 2 (38). P. 156–167. (In Russ.)

Ogorodnikov P. Na puti v Persiyu i prikaspiiskie provintsii ee [On the way to Persia and its Caspian provinces]. Saint Petersburg, 1878. (In Russ.)

Paskal' B. Mysli [Thoughts]. Saint Petersburg: Severo-Zapad, 1995. 572 p. (In Russ.)

Pis'ma L.G. Senyavina k poslanniku v Tegerane kn. D.I. Dolgorukomu [Letters from L.G. Senyavin to the Minister Plenipotentiary in Tehran Prince D.I. Dolgoruki]. Russian Archive. Year 54. Book 1. Moscow, 1916. P. 47–128.

Poznyak T.Z. Razveyat' skuku provintsial'noi zhizni: obshchestvennyi dosug v gorodakh dal'nevostochnoi okrainy v 1850–1870 gg. [To chase away the boredom of provincial life: public leisure activities in the Russian Far-East's outskirts in 1850–1870]. Rossiya i ATR. 2015. No 1 (87). P. 81–93. (In Russ.)

Rokhina E.V., Posokhova S.T. Perezhivanie skuki kak lichnostnoe iskazhenie vremennoi perspektivy [Experiencing boredom as a personal distortion of time perspective]. The Human Perspective: The Future as a Universal. Saint Petersburg, 2017. P. 79–98. (In Russ.)

Russkaya politika v Persii (1910–1917) [Russian policy in Persia (1910–1917)]. Archive of the Foreign Policy of Russian Empire. F. 144. Inv. 489. F. 592 b. (In Russ.)

Sedankina T.E. Fenomen ekzistentsial'noi skuki: filosofsko-kul'turologicheskii aspekt [The phenomenon of existential boredom: the philosophical and theological aspects]. Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts. 2015. No 4–2. P. 44–47. (In Russ.)

Sorochenko E.N. Kontsept «skuka» i ego lingvisticheskoe predstavlenie v tekstakh romanov I.A. Goncharova. Diss. na soisk. uch. step. kand. filologicheskikh nauk [The concept of «boredom» and its linguistic representation in the texts of I.A. Goncharov's novels. PhD Thesis]. Stavropol', 2003. (In Russ.)

Suntsova A.O. Fenomen skuki na rabochem meste [The phenomenon of boredom in the workplace]. The social world of a man. Materials of the VII International research and practice conference «Man and the World: action for peace, conflict and mediation». April 5–7, 2018. Izhevsk. 2018. P. 223–224. (In Russ.)

Svendsen L. Filosofiya skuki [A philosophy of boredom]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2007. 256 p. (In Russ.)

Tchesnokova L.V. Privatnost', skuka i gendernye otnosheniya v epokhu Moderna [Privacy, boredom and gender relations in the Modern era]. Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences. 2019. Vol. 14. No 2 (188). P. 164–176. (In Russ.)

Chirkin S.V. Dvadsat' let sluzhby na Vostoke: Zapiski tsarskogo diplomata [Twenty years of service in the East: the memoirs of the tsar's diplomat]. Moscow, 2006. 376 p. (In Russ.)

Е.Е. Савицкий

**БЫЛИ ЛИ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ГОСТИНИЦЫ
ФОРПОСТАМИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ?
СВИДЕТЕЛЬСТВА РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
ПО НИДЕРЛАНДСКОЙ ИНДИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.***

***Аннотация.** Цель исследования – анализ концепции М. Пелегги, указывавшего на важную роль быстро развивавшейся в Южной и Восточной Азии после строительства Суэцкого канала туристической инфраструктуры, особенно гостиниц, для распространения современного европейского образа жизни, утверждения престижа имперской власти среди туземцев. В качестве источников используются записки русских путешественников, побывавших в конце XIX – начале XX в. в Нидерландской Индии, на о. Ява. Автор показал, что гостиницы в Батавии и Бейтензоре нельзя отнести к форпостам европейской культуры или колониальным «зонам комфорта». Все путешественники испытывали существенные неудобства, отношение к обстановке яванских гостиниц варьировалось от возмущения до снисходительности. Лишь одна гостиница из рассмотренных четырех предлагала европейскую кухню, ни в одной не было заслуживающих упоминания европейских развлечений. Посетители гостиниц ощущают свою европейскую идентичность не потому, что чувствуют себя там как дома, а наоборот, поскольку противопоставляют свой культурный опыт гостиничным условиям жизни. В то же время наблюдение за гостиничной жизнью позволяет некоторым гостям делать замечания, допускающие большую, чем принято в России, телесную свободу, рациональность одежды, отказ от некоторых приличий. В источниках, однако, нет упоминаний о сексуальном или каком-то ином трансгрессивном опыте, связанном с гостиницами. Гостиницы не выступают и местом нарушения социальных или этнических границ. В целом, однако, гостиницы действительно оказываются культурно значимыми колониальными институтами, о которых более или менее подробно пишут все путешественники.*

***Ключевые слова:** колониальная гостиница; Нидерландская Индия; Ява; Батавия; Бейтензорг; русские путешественники; имперские идентичности.*

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00482).

Савицкий Евгений Евгеньевич – кандидат исторических наук,
доцент, Российский государственный гуманитарный университет;
старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН,
Россия, Москва. E-mail: savitski.e@rggu.ru
Scopus Author ID: 57200119377;
Web of Science Researcher ID: R-7745–2016

Savitskiy E.E. Were Colonial Hotels the Outposts of European Culture? Testimonies of Russian Travelers to Netherlands Indies from Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries

Abstract. *The article aims at testing the concept of M. Peleggi, who pointed at the important role of the tourism infrastructure, which rapidly developed in South and East Asia after the construction of the Suez Canal, especially hotels, for the spread of the modern European way of life and asserting the prestige of imperial power among the natives. The sources used are the notes of Russian travelers who visited the island of Java in the Netherlands Indies in the late nineteenth – early twentieth century. The analysis proves that the hotels in Batavia and Beitenzorg cannot be classified as outposts of European culture or colonial «comfort zones». All travelers experienced considerable inconveniences, and attitudes towards the furnishings of Javanese hotels ranged from indignation to condescension. Only one hotel out of the four under review offered European cuisine, while none of them had any European entertainment worth mentioning. Hotel visitors experienced their European identity not because they felt at home there, but, on the contrary, because they contrasted their cultural experience with the hotel living conditions. At the same time, observing the hotel life allowed some guests making remarks about greater bodily freedom than is customary in Russia, the rationality of clothing, and the rejection of certain proprieties. The sources, however, do not mention any sexual or any other transgressive hotel-related experience. Hotels did not stand out as a place for violation of social or ethnic boundaries. In general, however, as all travelers described in more or less detail, they did not prove to be culturally significant colonial institutions.*

Keywords: *colonial hotel; Netherlands Indies; Java; Batavia; Beitenzorg; Russian travelers; imperial identities.*

Savitskiy Evgeniy Evgen'evich – Candidate of Historical Sciences,
Russian State University for the Humanities, Associate Professor;
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher, Russia, Moscow. E-mail: savitski.e@rggu.ru
Scopus Author ID: 57200119377;
Web of Science Researcher ID: R-7745–2016

В статье «Социальная и материальная жизнь колониальных гостиниц» итальянский исследователь Маурицио Пелегги [Peleggi 2012] пишет, что в период с 1870 по 1930 г., от открытия Суэцкого канала до Великой депрессии, по-европейски устроенные гостиницы стали в колониальных городах

важнейшими точками притяжения. Эпоха «высокого империализма» обеспечивала европейским путешественникам, направлявшимся в Азию, политическую стабильность, материальную инфраструктуру, ощущение собственной безопасности и уверенности в себе. На примере Коломбо и Сингапура, двух крупных транзитных портов в Индийском океане, Пелегги показывает, что новые гостиницы предлагали более высокий, чем раньше, уровень комфорта, их посетители могли наслаждаться тем же образом жизни, что и в метрополии. Это касалось как архитектуры зданий, так и их технического оснащения, гастрономии и программы развлечений. Тем самым гостиницы оказывались важным инструментом перенесения в колонии элементов современного европейского образа жизни. Кроме того, как микрокосмы колониального общества гостиницы воплощали собой социальные различия между европейцами, уверенными в своем культурном превосходстве, и местными жителями, которые подлежали воспитанию в соответствии с более высокими цивилизационными стандартами. Гостиницы, считает Пелегги, были также местами, в роскоши которых особенно наглядно проявлялось накопление капиталов, осуществлявшееся путем эксплуатации местных жителей. При этом колониальные гостиницы были для европейцев не только зонами комфорта, но и контактными зонами, где взаимодействовали различные социальные, этнические и религиозные группы. Их изучение, по мнению Пелегги, требует обращать внимание не только на имевшиеся у колониальных элит привычки потребления, но также и на глобальное циркулирование престижных продуктов и социокультурных практик обращения с ними, а также на ежедневные взаимодействия между колонизаторами и колонизируемыми, между различными стратами колониального общества.

Как отмечает Пелегги, сложность изучения колониальных гостиниц связана с плохой сохранностью архивов частных коммерческих фирм, которым эти гостиницы принадлежали, поэтому особое значение имеют записки путешественников, позволяющие реконструировать повседневную жизнь гостиниц. В этой статье будут рассмотрены записки русских путешественников, направлявшихся в Нидерландскую Индию (совр. Индонезию), которая во многих отношениях отличалась от британских владений в этом регионе. Из-за языкового барьера эти записки русских путешественников практически не используются европейскими и американскими исследователями, между тем в них встречаются порой довольно подробные рассказы о гостиничной жизни, способные дополнить или скорректировать данные, полученные Пелегги. Своеобразие записок русских путешественников в том, что они находили в равной мере удивительными и заслуживающими описания как быт туземцев, так и колониальный образ жизни европейцев. В 1891 г. о. Ява, центр нидерландских колониальных владений, посетили великие князья Александр и Сергей Михайловичи. О своих впечатлениях они сообщали в письмах друзьям

по «Картофельной компании» (в нее входили, кроме двух Михайловичей, цесаревич Николай Александрович, его брат Георгий, сестра Ксения, двое сыновей и четыре дочери министра двора графа И.И. Воронцова-Дашкова и еще несколько человек; письма в поездке писал в основном Александр Михайлович). Великих князей сопровождал географ и натуралист Густав Иванович Радде, составивший на немецком языке записки об этом путешествии, опубликованные уже в 1892 г. в русском переводе. Радде больше известен своими исследованиями Кавказа, как раз там он познакомился с отцом Александра и Сергея Михайловичей, великим князем Михаилом Николаевичем, занимавшим в 1862–1881 гг. должность наместника на Кавказе. В итоге именно Радде было предложено сопровождать молодых великих князей в плавании на яхте «Тамара», которое включало посещение также ряда других восточных стран. В 1893 г. Яву посетил князь Александр Григорьевич Щербатов с супругой Ольгой Александровной, написавшей впоследствии книгу «В стране вулканов: путевые заметки на Яве». Год спустя на Яву прибывает российский дипломат Модест Модестович Бакунин, который был первым и последним консулом в Нидерландской Индии русского происхождения, до этого и позднее они назначались из числа местных голландцев. Бакунин также описал свою жизнь на Яве в записках, которые по возвращении на родину издал в виде книги «Тропическая Голландия. Пять лет на острове Ява» (1902). Особую группу путешественников составляли российские натуралисты, которых привлекал ботанический сад в Бейтензорге. В 1892 г. Яву посетил Андрей Николаевич Краснов, ботаник и географ, профессор Харьковского университета, старший брат известного впоследствии казачьего офицера и писателя П.Н. Краснова. Путешествие Краснова, включавшее в себя также посещение Японии, Китая, Индии и Цейлона, описано в его книге «По островам далекого Востока» (1895). В 1909 г. Яву посетил другой профессор Харьковского университета, Владимир Митрофанович Арнольди, также написавший о своем путешествии книгу. Таким образом, имеющиеся свидетельства принадлежат людям разного социального статуса: представителям высшего света, чиновнику, представителям академической среды.

Все путешественники, сойдя на берег в порту Танджунг-Приок, направляются сначала в Батавию (совр. Джакарта), столицу Нидерландской Индии. Великие князья ночуют здесь в доме русского консула, поэтому о гостинице ничего не рассказывают. Щербатовых уже на пристани встречает «посланный» из «Отель дер Недерланден», от вокзала в экипаже они едут прямо в гостиницу. Как пишет О.А. Щербатова, все гостиницы на Яве строятся по одному плану, и «Отель дер Недерланден» не был исключением: в центре располагался обширный двор, обсаженный деревьями и окруженный с четырех сторон зданиями, «в переднем из них находилась гостиная с дверьми, выходящими на широкий крытый балкон, вымощенный мраморными плитами

с расставленными по нему столами, креслами и стульями. Вечером балкон ярко освещался и был любимым местом пребывания живущих в гостинице в до- и послеобеденное время» [Щербатова 2009, с. 99]. Сзади к гостиной примыкала столовая, открытая со всех сторон и выступавшая во двор. Она была украшена различными растениями, наполнявшими боковые арки. «В этом же главном здании помещались лучшие спальни, и, между прочим, наши, отличавшиеся от прочих большей вышиной и комфортом» [Щербатова 2009, с. 99]. Остальные три стороны двора были окружены верандой, «служившей гостиной для спален и выходивших на нее дверьми. Перегороженная местами ширмами и уставленная мебелью, веранда затенялась спереди от солнца большими спускавшимися соломенными жалюзиями, заслонявшими также сидящих от взоров прохожих» [Щербатова 2009, с. 99]. Таким образом, гостиница имеет вполне ясную структуру, а также подчеркивает социальные различия между останавливающимися в ней. «Отель дер Недерланден» был основан еще в конце XVIII в. и сохранял, несмотря на позднейшие перестройки, свой классицистически ясный облик. Как и другие путешественники, Щербатова отмечает, что в Батавии вообще преобладали белые здания с колоннами в греческом стиле: «Дома с широкими портиками ослепительной белизны, ионическими колоннами и мраморными полами выглядывают из своей оправы зеленых деревьев» [Щербатова 2009, с. 102]. Голландский город на Яве оказывался подобием греческой колонии античных времен, и его жители должны были воплощать собой соответствующие, унаследованные от греков, ценности. Эти античные аллюзии в облике отеля Щербатова, однако, в дальнейшем никак не акцентирует.

В окружающих корпуса гостиницы верандах Щербатова видит большое удобство – можно «проводить время на открытом воздухе вместо того, чтобы запирались в удушливых комнатах» [Щербатова 2009, с. 100]. Комнаты, таким образом, проветриваются плохо, но и у пребывания на веранде есть недостатки – путешественник делается открытым для всеобщего обозрения: «Нельзя выйти во двор, не подвергаясь любопытным взорам многочисленных зрителей» [Щербатова 2009, с. 100]. Еще одним неудобством оказалось то, что «ванные комнаты помещались в самом конце двора», и на следующее утро княгине «пришлось идти туда в утреннем костюме мимо веранд, где уже сидели многие жители гостиницы, пьющие утренний чай» [Щербатова 2009, с. 104]. Ванные комнаты были «подобно пароходным, не имеющими ванн», в них «на каменном полу поставлена решетчатая доска, а рядом с ней огромный бак с водою, с небольшим лишь отверстием, вероятно из предосторожности, чтобы кто-нибудь по ошибке не выкупался бы в нем. Способ купанья обливанием холодной водой отчасти освежает больше, чем окунание, но зато он медлен и скучен» [Щербатова 2009, с. 104]. Таким образом, Щербатова

отноудь не находит в «Отель дер Недерланден» того комфорта, которого можно было бы ожидать от европейской гостиницы.

Возвращаясь после купания, княгиня «застала уже всех мужчин на своих верандах с голыми ногами, перекинутыми через ручки кресел» [Щербатова 2009, с. 104]. Это зрелище также не доставляет путешественнице удовольствия, она, однако, комментирует его цитатой из записок некой английской путешественницы, чье имя не называет: «Эта публичность домашней жизни является последствием климатических условий. Удобные позы и костюмы *negligé* понятны у себя дома, но не в публичной гостинице, а между тем понемногу привыкаешь к ним и находишь их вполне естественными в столь жарком климате» [Щербатова 2009, с. 104]. Схожим образом Щербатова оправдывает и вообще довольно свободную манеру голландцев одеваться: «Для непривычного глаза подобная манера одеваться кажется не только странной, но даже и неприличной, а между тем голландцы поступают в гигиеническом отношении весьма разумно, согласуя свое одеяние с климатическими условиями, в которых им приходится жить; тем более, что такие кажущиеся мелочи, как форма одежды, имеют очень значительное влияние на здоровье, и наше европейское платье вовсе неподходяще к тропическим жарам» [Щербатова 2009, с. 105]. Таким образом, поначалу воспринимаемое в качестве неприличного поведение голландцев на веранде гостиницы в итоге оказывается вполне разумным, обосновываемым соображениями гигиены. Щербатова использует даже аргументы вроде тех, какими пользовались в те годы сторонники движения за реформу женской одежды: платье не должно оказывать негативное влияние на здоровье. Можно сказать, что для княгини гостиница действительно оказывается в каком-то смысле проводником современных нравов, как о ней писал Пелегги. В гостинице происходит знакомство с иным культурным опытом, более свободными формами поведения, новым пониманием комфорта. Прежние стереотипы относительно приличного / неприличного преодолеваются в пользу разумного и здорового.

Что касается общения с другими постояльцами гостиницы, то оно оказывается весьма ограниченным, и, по-видимому, не столько из-за высокого статуса путешественников, сколько из-за языкового барьера. По словам Щербатовой, в Батавии «всюду, где мы побывали, все говорили только по-голландски и весьма немногие – на ломаном французском языке». Князь Щербатов, «мечтавший, что, зная немецкий язык, ему легко будет изъясняться здесь, решительно ничего не понимал из сказанного ему» [Щербатова 2009, с. 100]. Во время утреннего чая супругов навещает российский консул, голландец Бауд, хорошо говоривший по-французски, он рассказывает о страшном извержении вулкана Кракатау в 1883 г. Перед отъездом из гостиницы супругов удивил сильно завышенный, по их мнению, счет, так что они даже

сообщили владельцу о своем намерении больше никогда тут не останавливаться.

И действительно, когда на обратном пути Щербатовы снова приедут в Батавию, они остановятся в «Гранд отель де Жава», «гостинице во всех отношениях прекрасной: хорошие комнаты, весьма услужливый, любезный хозяин и главное, благодаря повару-французу, – отличный стол» [Щербатова 2009, с. 229]. Щербатовы были рады, наконец, найти европейскую кухню, которую не предлагали в других гостиницах. Большую часть времени путешественники снова проводят на веранде, при этом появляется новое неудобство, которое княгиня, однако, превращает в преимущество: «С утра до поздней ночи около веранды наших комнат толпились продавцы-китайцы, предлагавшие разный товар. Я воспользовалась тем, что они провели у нас, так сказать, весь день, чтобы не спеша выторговать многие вещи очень дешево, начав торговаться вскоре после приезда и покончив свои покупки под вечер» [Щербатова 2009, с. 229]. К этому времени Щербатова уже немного выучила малайский язык и могла отвечать китайцам: «Так как я сидела с книгой в руках на балконе, а китайцы тут же рядом на ступеньках, то целый почти день можно было бы услышать следующего рода диалог: “Мем сахиб,” – начинал заискивающим голосом торговец, показывая вазу, – “инисаамат бай паасубунгу”, “это очень красивая ваза”. Я, не подымая глаз с книги и делая вид, что нисколько не желаю купить предлагаемую вещь: “Брагпаахаргаани?”, “Какая цена?” Тот назначает, конечно, баснословно дорогую цену. Я: “Тилампоумах-хал”, “Слишком дорого»» [Щербатова 2009, с. 229–230]. В итоге этот разговор повторялся, пока Щербатова и китаец не сходились в цене. Можно сказать вслед за Пелегги, что гостиница здесь оказывается не только местом межкультурной коммуникации, но и воплощением социальных различий: китаец сидит под балконом и заискивающе обращается к белой госпоже, которая время от времени говорит ему «Пигги, пигги!» – «Убирайся!» [Щербатова 2009, с. 230]. Впрочем, в описании русской путешественницы дело выглядит так, как будто обе стороны воспринимали это общение просто как хитрую игру, и для читателя она представлялась элементом экзотической повседневности.

В этом же «Гранд отель де Жава» останавливался годом ранее А.Н. Краснов. Это жилье ему порекомендовали уже на борту парохода, и в порту его ожидал специальный гостиничный омнибус, что было для путешественника большим облегчением, так как, не владея малайским, он боялся искать нужный адрес самостоятельно [Краснов 1895, с. 272]. Краснов обращает внимание своих читателей на то, что, в отличие от англичан, всячески поощряющих своих подданных к изучению английского языка, голландцы, наоборот, препятствуют изучению голландского, язык сохраняется как средство отличия белых людей. Путешественник выбирает «Гранд отель де Жава» главным

образом потому, что гостиница – французская, т.е. в ней не должно было возникнуть языковых трудностей. Впрочем, позднее Краснов отмечает, что все местные голландцы, вопреки свидетельству Щербатовой, хорошо говорят или по-французски, или по-немецки, у него не возникало проблем в коммуникации с ними. Главной целью Краснова был, как уже говорилось, Бейтензорг с его ботаническим садом, поэтому он не задерживается в Батавии и не сообщает других подробностей о пребывании в здешней гостинице. В 1909 г. профессор Арнольди и вовсе проедет поездом прямо в Бейтензорг, не останавливаясь в Батавии.

Вообще в столице Нидерландской Индии было в это время три крупных отеля, где останавливались европейцы. Кроме упоминавшихся уже «Отель дер Недерланден» и «Гранд отель де Жава» был еще «Отель дез Анд», который Пелегги относит к наиболее знаменитым в ту эпоху, ставя его в один ряд с «Континенталем» в Сайгоне и «Метрополем» в Ханое. Именно в «Отель дез Анд» сразу по прибытии останавливается М.М. Бакунин, назначенный консулом вместо Бауда. Гостиница произвела на российского чиновника весьма скверное впечатление, он ставит ее ниже петербургского Гостиного двора. Впрочем, Бакунин вообще гораздо критичней других авторов отзывается о жизни в Нидерландской Индии [Савицкий 2019]. Как он пишет, ему «приходилось существовать более или менее скверно, и скорее более, чем менее, в караван-сараях, пещере, трактире третьего разбора, что угодно, только никак не в гостинице, именуемой *Hotel des Indes* и имеющей ничем не оправдываемую претензию считаться первым отелем в Батавии. [...] Кратковременное, к счастью, пребывание мое в этой перворазрядной разбойничьей пещере составляет незабвенную и весьма печальную страничку моего дебюта в Индии и заслуживает описания для примера и острастки других туристов, которых судьба-мачеха занесет в эту негостеприимную страну обезьян и малярии» [Бакунин 2007, с. 43].

Причины для недовольства у Бакунина во многом те же, что у Щербатовой в «Отель дер Недерланден»: цена проживания, несоизмеримая с качеством предоставляемых услуг («Комфарту никакого, прислуги не дозовешься, кормление отвратительное, дороговизна, даже прямо эксплуатация, возмутительная, и притом непостижимо, на что уходит уйма денег...» [Бакунин 2007, с. 44]), и несоблюдение другими постояльцами элементарных приличий. Причем, если Щербатова обращает внимание на сидящих с голыми ногами мужчин, то у Бакунина вызывает отвращение вид женских ног: «К завтраку дамы являются в своем неприличном *sarong*'е и в кабайе (кофте) с босыми ногами. Эти ряды грязных голых пяток и шлепающих туфель под столом, впрочем, вполне гармонируют с тою неопрятною снедью, которая подается на стол – одно к одному» [Бакунин 2007, с. 44].

Надо сказать, что на утренний женский костюм обращает в Батавии внимание и великий князь Александр Михайлович: «Утренний костюм европейек весьма оригинален, они носят малайскую юбку, туфли на босые ноги и легкую полотняную курточку, костюм весьма практичный для здешнего климата и вместе с тем красивый». Великий князь упоминает, что такой наряд вызывает возмущение у англичанок, которые находят его шокирующим и предпочитают даже в самую сильную жару носить европейское платье с корсетом, но, по мнению Александра Михайловича, голландские женщины «молодцы, что не стесняются» [Письма 2017, 99].

Говоря о еде, Щербатова упоминала лишь, что была рада найти, наконец, в «Гранд отель де Жава» французскую кухню. В «Отель дез Анд» ее не было, и Бакунин подробно описывает те отвратительные местные кушанья, что там подвались: «Кормят в отеле четыре раза в день в изобилии, но из рук вон плохо. [...] Встаешь из-за стола голодный, а впереди – завтра, послезавтра, постоянно имеется в виду все то же отвратительное питание» [Бакунин 2007, с. 46, 48]. Впрочем, утренний кофе с закусками, о котором упоминает и Щербатова, оказывается приемлемым, Бакунин пишет лишь о необычности его приготовления. По-настоящему отвратительным представляется ему подаваемый в час дня ко второму завтраку «Reistafel» (рисовый стол). Поскольку рис варится не в воде, а на пару, он оказывается «похожим на жеваную бумагу» [Бакунин 2007, с. 47]. Рис поливается «мутно-желтой похлебкой с кэрри» [Бакунин 2007, с. 47], в него предлагается также добавлять приправы, после которых «ваше нёбо и вся внутренность мгновенно начинают гореть, как в огне» [Бакунин 2007, с. 47]. Затем в рис валят без разбору кур в разных видах, лепешки из рыбы, жареные бананы и проч., и такое смешение всего на свете представляется Бакунину верхом безвкусицы. Вечером в половине девятого подают бифштекс с жареным картофелем. Все это повторяется изо дня в день без какого-либо разнообразия.

Отвращение вызывают также ящерицы и насекомые, которыми кишит гостиница. Открыв у себя в комнате «полуразвалившийся» шкаф, Бакунин увидел, как в нем «весело и нахально прыгали жирные и вонючие коричневые тараканы и взапуски гонялись за мошками и комарами проворные серозеленые ящерицы» [Бакунин 2007, с. 44]. Чуть дальше он пишет, что вообще по стенам и потолку комнаты сновали ящерицы, муравьи и тараканы. В отличие от Щербатовых, выбравших особенно просторный номер, Бакунин жил в «душной каморке, меблированной самым примитивным образом» [Бакунин 2007, с. 44]. Примечательно, что автор лишь мельком упоминает о верандах, на которых, по словам Щербатовой, было принято проводить основную часть времени, пребывание в гостинице означает для него именно нахождение в комнате. Сидеть на веранде, свесив на виду у всех голые ноги, Бакунин находил для себя неприемлемым. В комнате кроме шкафа была огромная

кровать под кисейным пологом для защиты от комаров, умывальный стол, ширма, столик, два кресла, а также широкая качалка, в которой, по словам Бакунина, «голландцы проводят, среди тупого созерцания своих необутых ног, три четверти своего существования» [Бакунин 2007, с. 44]. В целом «Отель дез Анд» выглядит примерно так же, как и «Отель дер Недерланден». В отличие от внутренней обстановки, неоклассический внешний вид гостиницы Бакунин находит даже «симпатичным»: «Вокруг центрального двухэтажного павильона расположены длинные флигели, соединенные между собой крытыми галереями. Лестница и настилка веранд мраморные. Выстлан белым мрамором также и пол громадного столового зала» [Бакунин 2007, с. 44].

Несмотря на ветхость мебели и плохое обслуживание, гостиница оказывается для российского консула воплощением современной жизни, а именно: он видит в ней характерный пример того вырождения, о котором говорилось в изданной незадолго до этого книге Макса Нордау («Вырождение», 1892–1893). Для Нордау современное декадентское искусство, мода, внутренняя обстановка европейских домов и многое другое свидетельствовали об утрате европейцами естественного чувства красоты. Ответственность за это возлагалась на становившийся все более интенсивным в XIX в. индустриальный труд, расстраивавший нервную систему европейцев. Бакунин прямо упоминает Нордау в связи со скверной гостиницей: европейцы, привыкшие к азиатской пище, даже наслаждающиеся ею, представляются ему извращениями, заслуживающими внимания психиатра. Неразборчивость в еде, неспособность соблюдать приличия, несоблюдение гигиенических правил оказываются явными признаками вырождения голландцев в колонии под влиянием менее развитой местной культуры.

После Батавии путешественники направлялись в Бейтензорг (совр. Богор), который был фактическим местом пребывания генерал-губернатора Нидерландской Индии и правительственных учреждений. Ко дворцу генерал-губернатора примыкал знаменитый ботанический сад. Все русские путешественники останавливались в одной и той же гостинице – «Бель вю» («Bellevue» – «Прекрасный вид» (франц.)). Самое подробное ее описание дает А.Н. Краснов, который считает ее довольно типичной для яванских гостиниц и вообще голландских домов, отличавшихся от иных европейских колониальных жилищ: «Голландская гостиница на Яве, хотя бы то и был отель 1-го ранга, мало походит на то, что мы разумеем под этим именем в Европе или других европейских колониях Азии. Она создается местными условиями жизни. Ее строй – сколок с строя жизни и устройства яванского европейского дома» [Краснов 1895, с. 279]. Как и другие путешественники, Краснов отмечает, что жара делает пребывание в комнатах крайне неприятным, в них находятся только для какой-то специальной работы, а остальное время проводят на верандах. Комнаты полутемные и небогаты мебелью, зато окружены превос-

ходящими их по площади верандами [Краснов 1895, с. 280]. По сути, веранды – это те же комнаты, туда не попадают лучи солнца и струи дождя, но их хорошо продувает ветер. Благодаря верандам создается тень для внутренних помещений. Длинное здание гостиницы «Бель вю» «прячется за еще более длинной и широкой верандой. Одноэтажная, как и все дома на Яве, она состоит из множества дверей, ведущих в маленькие полутемные комнатки-спальни, не имеющие ничего, кроме постели с пологом, умывальника, стола и нескольких стульев» [Краснов 1895, с. 280]. Таким образом, обстановка здесь оказывается примерно такой же, что и в «Отель дез Анд», где останавливался Бакунин. Краснов указывает, что общее пространство веранды разгорожено ширмами, так что образуются отдельные пространства. Перед дверью на веранде стоят стол, лонгшез и качалка, а над ними висит лампа. Неудобства гостиницы – те же, что отмечались другими путешественниками в Батавии: «Для иностранца, особенно русского, в первую минуту пребывание в подобной гостинице кажется чрезвычайно неудобным и некомфортабельным. Сидеть в комнате и темно, и душно, и тесно. Она годится лишь для сна. Выйти на балкон – значит оказаться на виду у своих соседей, которые слышат каждое ваше движение, слово, видят все недостатки вашего утреннего костюма» [Краснов 1895, с. 280]. Краснов, однако, в отличие от Бакунина, считает возможным привыкнуть к такому образу жизни.

В гостинице существует определенный распорядок дня: в шесть часов утра «вас будит ваш лакей, малаец, внося немедленно чашку кофе. В кальсонах и какой-нибудь легкой кофточке вы выходите на веранду любоваться пробуждающимся утром» [Краснов 1895, с. 280]. В таком же виде выходят на веранды и соседи, как мужчины, так и дамы. Никто друг друга не стесняется, «ибо это не принято, а приличие – вещь условная» [Краснов 1895, с. 281]. Проведя некоторое время в бездельи на веранде, жители гостиницы облачаются в тропический костюм и идут «в общую столовую съесть несколько бутербродов с ветчиной, телятиной или сыром, после чего отправляются по своим делам» [Краснов 1895, с. 281]. В час дня сервируется рисовый стол, который Краснов, как и Бакунин, описывает подробно, но без каких-либо проявлений недовольства; в пять часов подают чай с молоком, который пьют в таком же «беспардонном неглиже», что и утром; а в восемь вечера уже во фраках жители гостиницы выходят к обеду.

Почти 20 лет спустя, когда в гостинице остановился другой профессор ботаники, В.М. Арнольди, гостей будил около шести утра свисток первого поезда – железная дорога была проложена в непосредственной близости от гостиницы. Лишь после этого появлялись слуги-малайцы, которые разносили чай и кофе, а также будили тех, кто все еще продолжал дремать. Звук следующего поезда, который «со свистом и грохотом проносится под террасой отеля» [Арнольди 2014, с. 69], указывали на время, когда пора закончить

завтрак и отправиться на работу в Ботанический сад. Время в гостинице, таким образом, отмеряется звуками современной техники за окном, и быстро меняющаяся утренняя природа как будто созвучна ей: «Еще почти совершенно темно; Салак выступает в утреннем полумраке. [...] Скоро, однако, картина изменяется; быстро пролетают утренние сумерки, Салак резко выступает на чистом, ясном небе [...] и мы, проглотив чашку чая и закусывая на ходу бананом, спешим в Ботанический сад» [Арнольди 2014, с. 69]. В отличие от Краснова, отмечавшего длительные периоды безделья в гостинице, для Арнольди окружающее его пространство, наоборот, побуждает к динамичной деятельности. Обстановка комнат, однако, судя по описанию Арнольди, за эти годы существенно не изменилась. Большим неудобством, по его словам, было то, что прислуга понимала только по-малайски. При заселении удалось объяснить только с женой хозяина гостиницы, понимавшей по-французски.

Густав Радде в 1892 г. называет содержанием этой «весьма сносной» гостиницы ольденбургца. Как и все другие путешественники, он отмечает соответствующий ее названию прекрасный вид с балкона «на речную долину, леса, луга и на вулкан Салак» [Радде 1892, с. 111]. Великий князь Сергей Михайлович даже сделал фотографию с балкона [Письма 2017, с. 101]. На завтрак великие князья отправляются к генерал-губернатору, а затем возвращаются в гостиницу, где ложатся спать до трех часов, после чего, по словам Александра Михайловича, «доктор вылез, Граббе сонный прошел, Радде шалый выполз из своего номера», Сергей Михайлович же продолжал спать «сном праведника» [Письма 2017, с. 102]. Когда все проснулись, гости пьют кофе, а на улице в это время, как обычно в Бейтензоре, идет сильный дождь. Таким образом, в гостинице гости приспособляются к новому для них распорядку дня, схожему с описанным Красновым.

Князь и княгиня Щербатовы, напротив, заведенному распорядку не следуют. Каждый день после утреннего чая они отправляются с визитами и осматривают достопримечательности, возвращаясь домой только вечером. В первые два вечера супруги проводят в одиночестве у себя на балконе, «по потолку и стенам которого бегали маленькие ящерицы» [Щербатова 2009, с. 114], но в последующие вечера включаются в обычную в Нидерландской Индии вечернюю светскую жизнь: им наносят визиты сначала барон Суерте де Ландас-Уиборг, генеральный секретарь Нидерландской Индии, а затем доктор Трейб, директор Ботанического сада.

Щербатовы живут более комфортно, чем Краснов и Арнольди, занимавшие небольшие комнатки: «Наши комнаты угловые выходили дверьми с одной стороны на веранду двора, а с другой – на широкий крытый балкон, служивший нам гостиной и отделенный от соседних помещений высокими ширмами. Чудный вид открывался с этого балкона, висевшего над высокой пропастью» [Щербатова 2009, с. 114]. Таким образом, по-видимому, не все

номера были узкими и тесными, и в «Бель вю», как и в «Отель дер Недерланден», существовала социальная дифференциация постояльцев. В то же время никто из проживавших в бейтензоргской гостинице не упоминает о контактах с людьми иной социальной принадлежности, поэтому вряд ли можно согласиться с Пелегги в том, что гостиницы были местами, где пересекались и взаимодействовали представители различных социальных слоев.

В итоге свидетельства русских путешественников представляют колониальные гостиницы в целом ряде аспектов иначе, чем их описывает Пелегги. Их нельзя отнести к европейским «зонам комфорта», подобным горным поселениям в Индии. Все путешественники испытывают в гостинице в той или иной мере неудобства, хотя и относятся к ним порой с пониманием. Гостиницы отнюдь не выглядят и как форпосты современной европейской культуры. В плане гастрономии лишь одна гостиница предлагала французскую кухню, ни в одной не было заслуживающих упоминания европейских развлечений. Отношение к обстановке яванских гостиниц варьируется от возмущения до снисходительности. Правда, в то же время наблюдение за гостиничной жизнью позволяет некоторым гостям делать замечания, допускающие большую, чем принято в России, телесную свободу, рациональность одежды, отказ от некоторых приличий. Русские путешественники большей частью приспосабливались к имевшимся условиям проживания, что противоречит мнению Пелегги о том, что туристы своими требованиями активно распространяют более высокие цивилизационные стандарты.

Пелегги считает также, что гостиницы Коломбо и Сингапура укрепляли колониальную идентичность европейцев, возвращая их на время в привычное пространство европейского дома, однако в случае яванских отелей дело обстоит иначе: европейская идентичность утверждается скорее через противопоставление себя местным гостиничным условиям жизни. Особенно примечательно то, что русские путешественники не рассматривают местных голландцев в части устройства гостиниц как культурный образец, хотя одновременно они могут восхищаться голландской колониальной администрацией или Ботаническим садом и тем более – хорошо отзываться о голландцах в метрополии. В случае же яванских первоклассных гостиниц никаких западных настроений у русских не возникает.

По-видимому, спецификой статуса путешественников и опубликованных ими текстов объясняется то, что никто из них не упоминает о каком-либо трансгрессивном опыте, связанном с сексуальностью, наркотиками или чем-то еще, о чем упоминается порой в иных по характеру текстах, например в частном письме А.П. Чехова от 9 декабря 1890 г., адресованном А.С. Суворину и посвященном пребыванию в Коломбо (как указывают Д. Капустин и Р.Д. Сенасингхе, кокосовый лес, в котором происходило упоминаемое в этом письме свидание, располагался сразу за гостиницей [Капустин, Санасингхе,

2011])). Напомним и о коротком рассказе И.А. Бунина «Сто рупий», в котором речь идет о некой гостинице с внутренним двором в старинном голландском доме рядом с кокосовым лесом, но имеется в виду, очевидно, снова Цейлон, где писатель побывал в 1911 г. Впрочем, о наличии в яванских гостиницах проституток или иных сомнительных личностей российские путешественники не упоминают и в негативном смысле, хотя в остальном не скупятся на критические отзывы.

Таким образом, яванские гостиницы, как они выглядят в рассмотренных текстах, лишь в небольшой степени соответствуют предложенной Пелегги концепции. В то же время они действительно были значимыми явлениями колониальной культуры, о чем свидетельствует наличие в той или иной мере подробных их описаний у всех приезжавших на Яву.

Библиография

Арнольди В.М. По островам Малайского архипелага: Впечатления и наблюдения натуралиста. М.: Минувшее, Архивариус, 2014. 268 с.

Бакунин М.М. Тропическая Голландия. Пять лет на острове Ява. М.: Минувшее, 2007. 429 с.

Капустин Д., Сенасингре Р.Д. Антон Чехов на Цейлоне: факты и вымыслы // Нева. 2011. № 9. С. 158–166.

Краснов А.Н. По островам далекого Востока: путевые очерки. СПб.: Ред. «Недели», 1895. 443 с.

Мирзеханов В.С. Европейцы в колониях: стиль жизни и особенности менталитета // Вестник РГТУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 18 (140). С. 38–53.

Письма великих князей Александра и Сергея Михайловичей друзьям «Картофельной компании», 1890–1891 / Сост. и коммент. В.Д. Лебедева. М.: Кучково поле, 2017. 255 с.

Радде Г.И. 23 000 миль на яхте «Тамара». Путешествие вел. кн. Александра и Сергея Михайловичей в 1890–1891 гг. В 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1892. XXV, 228 с.

Савицкий Е.Е. Декадентская эстетика и имперские идентичности: Нидерландская Индия 1890-х глазами русского консула // Россия и современный мир. 2019. № 4. Р. 171–186.

Щербатова О.А. В стране вулканов: Путевые заметки на Яве 1893 года. М.: Минувшее, Архивариус, 2009. 254 с.

Peleggi M. The Social and Material Life of Colonial Hotels: Comfort Zones as Contact Zones in British Colombo and Singapore, ca. 1870–1930 // Journal of Social History. 2012. Vol. 46. No 1. P. 124–153.

References

Arnol'di V.M. Po ostrovam Malajskogo arhipelaga: Vpechatleniya i nablyudeniya naturalista [On the Islands of the Malay Archipelago: Impressions and Observations of a Naturalist.]. Moscow: Minuvshee, Arhivarius, 2014. 268 p. (In Russ.)

Bakunin M.M. Tropicheskaja Gollandija. Pjat' let na ostrove Java [Tropical Holland. Five years on the island of Java]. Moscow: Minuvshee, 2007. 429 p. (In Russ.)

Kapustin D., Senasingre R.D. Anton Chekhov na Cejlone: fakty i vymysly [Anton Chekhov in Ceylon: facts and fictions]. Neva. 2011. No 9. P. 158–166. (In Russ.)

Krasnov A.N. Po ostrovam dalekogo Vostoka: putevye ocherki [On the islands of the Far East: travel sketches]. Saint Petersburg: Red. «Nedeli», 1895. 443 p. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Evropejcy v kolonijah: stil' zhizni i osobennosti mentaliteta [Europeans in the colonies: lifestyle and mentality]. RSUH Bulletin. Series: Political science. History. International relationships. Foreign Regional Studies. Oriental studies. 2014. No 18 (140). P. 38–53. (In Russ.)

Peleggi M. The Social and Material Life of Colonial Hotels: Comfort Zones as Contact Zones in British Colombo and Singapore, ca. 1870–1930 // Journal of Social History. 2012. Vol. 46. No 1. P. 124–153.

Pis'ma velikih knyazej Aleksandra i Sergeya Mihajlovichej druž'yam «Kartofel'noj kompanii», 1890–1891 [Letters of the Grand Dukes Alexander and Sergei Mikhailovich to the friends of the Potato Company, 1890–1891]. Ed. by V.D. Lebedev. Moscow: Kuchkovo pole, 2017. 255 p. (In Russ.)

Radde G.I. 23 000 mil' na yahte «Tamara». Puteshestvie vel. kn. Aleksandra i Sergeya Mihajlovichej v 1890–1891 gg. [23,000 miles on the yacht «Tamara». Travel of the Grand Dukes Alexander and Sergei Mikhailovich in 1890–1891]. 2 vols. Vol. 1. Saint Petersburg: Tip. E. Goppe, 1892. XXV, 228 p. (In Russ.)

Savitskiy E.E. Dekadentskaya estetika i imperskie identchnosti: Niderlandskaya Indiya 1890-h glazami russkogo konsula [Decadent aesthetics and imperial identities: Netherlands Indies of the 1890 s as seen by the Russian consul]. Russia and the contemporary world. 2020. No 4. P. 171–186. (In Russ.)

Shcherbatova O.A. V strane vulkanov: Putevye zametki na Yave 1893 goda [In the Land of Volcanoes: Travel Notes in Java 1893]. Moscow: Minuvshee, Arhivarius, 2009. 254 p. (In Russ.)

О.И. Киянская

**«ЛЮДИ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ». К БИОГРАФИЯМ МАТВЕЯ
И СЕРГЕЯ МУРАВЬЕВЫХ-АПОСТОЛОВ**

***Аннотация.** Статья представляет собой первую часть работы, посвященной судьбам декабристов Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов. Анализируются мнения современников и историков, по-разному характеризовавших братьев. Так, младший из них, Сергей Муравьев-Апостол, представлялся «одним из лучших людей того, да и всякого времени». Старший же, Матвей, напротив, характеризовался как «бледный, холодный спутник» Сергея, не игравший в событиях 1820-х годов самостоятельной роли.*

Биографии братьев анализируются в историко-политическом и историко-культурном контексте. В частности, предметом исследования становится литературная деятельность их отца, И.М. Муравьева-Апостола, в чьей книге «Путешествие по Тавриде в 1820 году» описано нравственное состояние молодых дворян, прошедших Отечественную войну 1812 г. и Заграничные походы 1813 и 1814 гг. Писатель считал, что офицерам, привыкшим за годы войны к ощущению собственной значимости, приходилось выбирать между послевоенными ленью и скукой и действиями во имя высокой цели. Доказывается, что именно между двумя этими крайностями и жили оба его сына.

Общественно-политическая деятельность братьев Муравьевых-Апостолов анализируется до конца 1820-х годов. Характеризуются тайные общества 1820-х годов: Союз спасения и Союз благоденствия, а также роль Матвея и Сергея в жизни этих обществ. Описывается изменение настроения братьев: от периодов тоски и разочарования к периодам активных действий.

В заключении речь идет о Семеновской истории 1820 г. и ее влиянии на биографии героев статьи.

***Ключевые слова:** Матвей Муравьев-Апостол; Сергей Муравьев-Апостол; декабристы; восстание Семеновского полка.*

**Киянская Оксана Ивановна – доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ); ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва.
E-mail: kianoks@inbox.ru
Web of Science Researcher ID: H-8120-2013;
Scopus Author ID: 57212137038**

Kiyanskaya O.I. «People of the 1820s». On the Biographies of Matvey and Sergey Murav'ev-Apostols

Abstract. *This article is the first part of the scientific work devoted to the destinies of Matvey and Sergey Murav'ev-Apostols. Addressing contrasting opinions about the brothers, expressed by their contemporaries and some of the historians of the Decembrist movement, the author notes that Sergey, the younger brother, was perceived, according to his contemporary, as «one of the best persons of his own and any other time», while Matvey was characterized as Sergey's «pale and cold companion», who played no significant role in the events of the 1820s.*

The article sheds a new light on the brothers' biographies, attempting to examine them in the cultural and political contexts of their time. In particular, the text focuses on I.M. Murav'ev-Apostol's (Sergey and Matvey's father) book «A journey around Tavrida in 1820», which describes the morals of the young nobility who had taken part in the war of 1812 and the European anti-Napoleon campaigns of 1813 and 1814. According to I.M. Murav'ev-Apostol, having become accustomed to strong emotions during the war events, they afterwards had to choose between the boredom and idleness of after-war life and active part in public life for a higher purpose. As the author argues, the same applies to the brothers' psychologies.

The analysis of the social and political activity of the Murav'ev-Apostols is brought to the end of the 1820s. The author of this article describes the early secret societies of the Decembrists: The Union of Salvation and The Union of Welfare, as well as the roles of Matvey and Sergey in the activities of these societies. The researcher also focuses on the changes in the moods of the brothers – from periods of depression and disappointment to spirited activities.

Concluding, the author touches upon the uprising of the Semenovskiy regiment in 1820 and its impact on the biographies of the characters of this article.

Keywords: *Matvey Murav'ev-Apostol; Sergey Murav'ev-Apostol; Decembrists; revolt of the Semenovskiy regiment.*

**Kiyanskaya Oksana Ivanovna – Doctor of Historical Sciences,
Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU);
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Russia, Moscow. E-mail: kianoks@inbox.ru
Web of Science Researcher ID: H-8120-2013;
Scopus Author ID: 57212137038**

В январе 1826 г. молодому императору Николаю I пришлось еще раз пережить тревогу за собственный престол: на юге, под Киевом, началось и вскоре было подавлено восстание Черниговского полка. Руководил восстанием подполковник Сергей Иванович Муравьев-Апостол. Столичную печать заполнили официальные сообщения об этом происшествии; в них Муравьева-Апостола именуют «одним из главных злоумышленников, стремящихся к общему

беспокойствию и разрушению благосостояния государства». Правительственная пресса утверждала, что целями подполковника были «безначалие, грабежи и кровопролития», а средством к достижению целей – «убийство». В газетах можно было прочитать и о том, что мятежный подполковник действовал в сообщничестве со своими братьями: при подавлении мятежа был захвачен «брат Муравьева-Апостола, отставной подполковник», а другой брат, «свиты Вашего императорского величества по квартирмейстерской части прапорщик», был убит [Готовцева 2007, с. 170, 173].

История трех братьев Муравьевых-Апостолов: Матвея (25.04.1793–21.02.1886), Сергея (23.10.1795¹–13.07.1826) и Ипполита (7.08.1805²–03.01.1826), после подавления восстания стала известна каждому образованному современнику. Оставляя в стороне личность и дела младшего из трех братьев – Ипполита, биография которого уже была предметом моего исследования [Киянская 2015, с. 243–319], остановлюсь в данном случае на судьбах его старших братьев – Матвея и Сергея. Основное внимание в данной работе я уделю самому интересному, «декабристскому» периоду их жизни.

У современников и исследователей особую популярность приобрел Сергей Муравьев-Апостол. Его уважали и ему сочувствовали почти все: от заговорщиков до императора.

Товарищи по тайному обществу считали руководителя восстания черниговцев «другом человечества», обладавшим «высокой и благородной душой» и «благородным характером»; при этом, по их мнению, он был «чужд всякой жестокости». Декабристы называли Сергея Муравьева-Апостола «знаменитым сотрудником, приговоренным умереть на эшафоте за его политические мнения». По их мнению, «для отечества» он «готов был жертвовать всем», «не помрачил своего достоинства ни трусостью, ни подлостью» [Андреевич 1926, с. 387; Лунин 1988, с. 27; Горбачевский 1963, с. 37, 92; Розен 1984, с. 179]. Редкие отрицательные характеристики давались, как правило, в жестких условиях следствия.

Консервативный журналист Николай Греч уважал подполковника за то, что тот «действовал решительно», «по внутренним убеждениям и остался им верен до конца» [Греч 1886, с. 379]. Император Николай I писал в мемуарах, что Муравьев одарен «необыкновенным умом», но при этом «был в своих мыслях дерзок и самонадеян до сумасшествия, но вместе скрытен и необыкновенно тверд» [Междуцарствие 1926, с. 33]. Знаменитый отзыв о Сергее

1. В разных исследованиях и справочниках указываются разные даты рождения Сергея Муравьева-Апостола. В данном случае я опираюсь на метрические сведения, приводимые В.Ф. Шубиным [Шубин 1986, с. 73].

2. Дата рождения Ипполита Муравьева-Апостола приводится его братом Матвеем в «Погостном списке» [Муравьев-Апостол 1907, с. 172].

Муравьеве-Апостоле принадлежит Льву Толстому, считавшему декабриста «одним из лучших людей того, да и всякого времени» [Толстой 1964, с. 449]. Историки называли его «Орфеем среди декабристов», вся жизнь которого «была похожа на песню», и писали о «тайне обаятельного действия» личности подполковника на людей [Чулков 1925, с. 75; Шугуров 1902, с. 284].

Старший из братьев, Матвей, особого энтузиазма у современников не вызывал. Современники утверждали, что Матвей не имел «ни твердости в характере, ни желания жертвовать всем для достижения цели», а в заговоре участвовал только «из братской любви». После восстания же, «увидев всю важность своего преступления», он «впал в отчаяние и искренно раскаялся» [Горбачевский 1963, с. 91; Греч 1886, с. 381; Междуцарствие 1926, с. 34].

Вряд ли кто-то из писавших о Матвее Муравьеве-Апостоле современников мог до конца понимать мотивы его поступков. Пищу для такого рода рассуждений современники почерпнули, прежде всего, в открытой печати. «Донесение следственной комиссии» констатировало, что в 1824 г. Матвей отказался от радикальных взглядов, изъявлял «благоразумие» и старался «удержать брата от всяких покушений», доказывая ему «если не беззаконность, то по крайней мере безрассудность предприятия и невозможность успеха». По мнению следствия, Матвей не решился окончательно порвать с заговором лишь из «тщеславия» и боязни «признаваться в перемене образа мыслей» [Донесение 1980, с. 39–40].

Кроме того, современникам, по-видимому, было известно содержание письма Сергея Муравьева-Апостола к отцу из крепости. В письме он утверждал, что «брат Матвей» последовал за ним «в деле, которому не сочувствовал», и что поведение Матвея «было только делом дружественной преданности» [Муравьев-Апостол 1887, с. 50].

Естественно, эти свидетельства нуждаются в серьезной проверке. Не поверил им, например, знаменитый публицист-эмигрант Александр Герцен. Для него Матвей Муравьев-Апостол, подобно Сергею, – «сильная личность», известная «твердостью характера» [Герцен 1994, с. 175]. Однако представление о Матвее как о человеке слабом и случайном среди декабристов стало общим местом в исследованиях.

Так, историк С.Я. Штрайх считал Матвея представителем «среднего типа декабристов: богато одаренных по условиям рождения, среды и воспитания, но робких и очень скромных по личным качествам, лишенных революционного порыва, творчески-преобразовательных замыслов и бунтовщических дерзаний».

Штрайх уверен: «Матвей Иванович был бледным, холодным спутником Сергея Ивановича: ни яркости, ни революционного жара своего брата он не воспринял, но роковым образом был втянут в круг его действий». Характеризуя следственное дело Матвея, Штрайх отмечает, что по его показаниям

«можно было бы написать целую историю заговора, конечно, историю бледную, как неярк был и сам их автор». В мемуарных же и эпистолярных текстах Матвея «виден робкий, скромный, испуганный, но честный представитель обширной, знатной, богато одаренной и славной в русской истории семьи Муравьевых» [Штрайх 1922, с. 3, 4, 5, 10].

В исторической литературе можно встретить характеристику Матвея как человека «скуповатого», «раздражительно-холодного» и «немножко эгоиста», не обладавшего «сердечным тактом и тонкостью» даже в общении с близкими [Энгельгардт 1926, с. 109].

О том, что такого рода характеристики неверны, еще в конце 1960-х годов писала Н.А. Рабкина. Она утверждала: «то малое», что известно о Матвее Муравьеве-Апостоле, было «обидно искажено», а оценка его личности и дел, сложившаяся в исторических сочинениях, нуждается в пересмотре. Но несмотря на эти заявления она считала Матвея умеренным «представителем Северного тайного общества», стремившегося «остановить пылких, решительных, крайних южан» [Рабкина 1967, с. 123, 126], а рассуждения о взглядах Матвея строила прежде всего на основании его переписки 1860-х годов.

В 1970-е годы вышли сразу две замечательные книги: «Сергей Иванович Муравьев-Апостол» Л.А. Медведской и «Апостол Сергей» Н.Я. Эйдельмана [Медведская 1970; Эйдельман 1975]. В них анализируется биография Сергея Муравьева-Апостола; специальную задачу описать деятельность его старшего брата исследователи перед собой не ставили. И тем не менее в книге Медведской подчеркивается «дворянская ограниченность» Матвея, его «страх перед массовыми выступлениями» [Медведская 1970, с. 108]. Даже в современной исторической литературе можно прочесть о том, что старший брат «придерживался умеренных позиций и далеко не всегда был последовательным сторонником идей тайного общества» [Бойчук 2007, с. 564].

В 2015 г. вышла книга Г.А. Лумпановой «Декабрист Матвей Муравьев-Апостол». Автор считает, что «истина», связанная со взглядами Матвея, «лежит где-то посередине» [Лумпанова 2015, с. 488]. Книга эта, претендующая на научную биографию декабриста, написана вне научного дискурса: она содержит вольный некритический пересказ источников, показания и мемуарные свидетельства зачастую представлены как диалоги исторических персонажей.

Мысли и дела братьев Муравьевых-Апостолов 1820-х годов отразились в большом количестве документов. Это многочисленные письма – как написанные самими братьями, так и те, в которых братья упоминаются. Кроме того, это показания декабристов на следствии, а также воспоминания о 1820-х годах – и прежде всего мемуарные записи Матвея Муравьева-Апостола. Из этих документов следует очевидный вывод: и Матвей, и Сергей принадлежали

к поколению «людей двадцатых годов», которое, по меткому выражению Ю.Н. Тынянова, перестало существовать «на очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года».

«Люди двадцатых годов» – это поколение молодых дворян, вызванное к жизни Отечественной войной и не знавшее взрослой довоенной жизни. Отличительной чертой этого поколения было романтическое мировосприятие. «Мы были дети 1812 года. Принести в жертву все, даже самую жизнь, ради любви к отечеству было сердечным побуждением. Наши чувства были чужды эгоизма», – вспоминал Матвей Муравьев-Апостол [Якушкин 1886, с. 159].

Однако жертвенностью и чуждостью «эгоизма» характеристика поколения не исчерпывается. «Люди двадцатых годов» жили в социуме, служили, делали карьеры, ссорились, мирились, вступали в тайные общества – из которых кто-то потом выходил, кто-то оставался. Их романтическое настроение сталкивалось с суровым прагматизмом повседневной жизни. Собственно, отличительной чертой поколения был конфликт между «идеальной» жизнью, полной самопожертвования и любви к ближнему, и жесткой реальностью.

Кроме того, декабристы в истории России – это не только тайные общества, «Русская Правда» Павла Пестеля и Конституция Никиты Муравьева, не только планы революционного похода, восстание на Сенатской площади и мятеж Черниговского полка. Декабристы – это человеческий феномен, без осознания которого трудно понять эпоху. История братьев Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов – безусловно, составная часть этого феномена.

Братья Диоскуры

В биографиях братьев много общего. Известная с XV в. семья Муравьевых, знаменитый «муравейник», была разветвленной, дружной, действительно «богато одаренной и славной в русской истории». Кроме того, Муравьевы-Апостолы были потомками последнего избранного украинского гетмана Даниила Апостола; вторая часть фамилии была «дарована» отцу декабристов императором Александром I в 1801 г.

Братья учились в Париже, в частном пансионе Хикса; отец, крупный российский дипломат, мог себе это позволить – несмотря даже на опалу, постигшую его в начале царствования императора Александра I. В 1810 г., вернувшись в Россию, братья поступили в институт Корпуса инженеров путей сообщения. Сергей, окончивший курс первого отделения, незадолго до начала войны стал подпоручиком [Список 1883, с. 183, 1]. Матвей же, бросивший учебу, начал службу с нижних чинов, а эполеты надел только в декабре 1812 г. Преодолеть отставание от младшего брата в чине ему так и не удалось.

Оба брата воевали: Матвей в 1812–1814 гг. служил в Семеновском полку. Сергей же сменил несколько мест службы: в составе «офицерского класса Корпуса путей сообщения» он «прибыл на службу в армию» накануне Бородинского сражения [Муравьев-Апостол 1922, с. 26]. За годы войны он успел послужить в отряде своего родственника генерал-майора Адама Ожаровского, перевестись в Тверской батальон великой княгини Екатерины Павловны, побывать ординарцем у командовавшего авангардом Главной армии генерала Николая Раевского.

Заграничные походы Сергей закончил капитаном Тверского батальона, а Матвей – прапорщиком Семеновского полка. В 1815 г. Сергей, потеряв чины при переводе в гвардию, стал поручиком того же Семеновского полка.

Характерами братья были похожи: периоды замкнутости и молчаливости чередовались у обоих с периодами открытости и общительности. Сергей, по мнению современников, «был чрезвычайно умен, довольно учен и привлекательной любезности», обладал «кротким нравом», казался «немного застенчивым», «сурьезным» и молчаливым, «но когда говорил, то лицо его оживлялось, глаза блестели, и в те минуты он был истинно прекрасен». В одном из писем Сергей сам себя называл «увальнем», однако «в тесном кругу» он был «весел и остер».

Матвей же, «будучи немного легкомыслен», «увлекался мнением других и потому часто менял свое собственное». По воспоминаниям знавших братьев людей, Матвей «был веселый и приятный товарищ», «живой» и «разговорчивый», «присутствием своим» оживлявший общество [Оленина 1938, с. 485; Греч 1886, с. 379; Муравьев 1986, с. 79; Муравьев-Апостол 1951 а, с. 225; Капнист-Скалон 2008, с. 398].

Однако в мемуарах можно встретить и прямо противоположные свидетельства: о том, что «Матвей казался угрюм и, верно, любезность свою берег про приятелей, ибо они одни его без меры восхваляли». Сергей же был «гораздо живее, блистательнее, приманчивее». Оба брата «были идолами полку своего», «охотно посещали хорошее общество, где были отлично приняты». Офицеры-семеновцы, и братья Муравьевы-Апостолы в их числе, в свете были «развязны, ловки, учтивы и не совсем чуждались танцев» [Вигель 2003, с. 976].

Периодическая замкнутость братьев была связана, кроме прочего, со слабым здоровьем. Журналист Греч запомнил Матвея, тяжело раненного на войне, как человека «слабого телосложения», «малорослого» и «тщедушного». Пулевое ранение в правую ногу, полученное в Кульмской битве, беспокоило Матвея еще долго: и пять лет спустя он с трудом ходил [Греч 1886, с. 381; Муравьев 2000, с. 116, 117]. Сергей же «вследствие ангины» был подвержен «беспрестанным нарывам» [Письма 1926, с. 125].

Так, например, осенью 1817 г. троюродный брат и близкий друг Муравьевых-Апостолов Никита Муравьев постоянно сообщал матери о здоровье Сергея: «Сережа... болен: у него щека распухла и нарыв», «ужасный нарыв на щеке», «на днях сделали ему операцию, прорезали нарыв – теперь ему легче», «Сереже теперь гораздо лучше», но нарыв «не совершенно еще прошел» ([Муравьев 2000, с. 97, 98, 100], ср.: [Муравьев-Апостол 1927, 277]).

Нарывы на шее и на ноге беспокоили Сергея Муравьева-Апостола и осенью 1821 г. В конце 1825 г., буквально накануне восстания, он снова долго болел, перенес заболевание, из-за которого, по его собственным словам, «менял кожу» ([Письма 1926, с. 125; Муравьев-Апостол 1928, с. 223], ср.: [Муравьев-Апостол 1927, с. 237]).

С детства братья Муравьевы-Апостолы были погружены в литературную среду.

Сергей дружил и переписывался с Константином Батюшковым, служа в столице, общался с Александром Пушкиным. Он «чувствовал себя породственному» в доме видного сановника, литератора, президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки Алексея Оленина. Там он встречался, в частности, с журналистом Николаем Гречем, баснописцем Иваном Крыловым, поэтом и переводчиком Николаем Гнедичем – и, видимо, со многими другими литераторами [Медведская 1970, с. 30; Бестужев-Рюмин 1953, с. 119; Письма 1926, с. 114; Греч 1886, с. 379; Георгиевский 1914, с. 30].

Про тех, с кем общался Матвей, известно меньше, но очевидно, что в конце 1810-х годов у братьев был общий круг знакомств. Матвей дружил с Петром Чаадаевым, будущим философом и публицистом, общался с поэтом Павлом Катениным [Муравьев-Апостол 1922, с. 78; Муравьев 2000, с. 106]. Дружеские и родственные отношения связывали братьев с драматургом и поэтом Василием Капнистом и его семьей.

По-родственному братьев принимали и в семье Никиты Муравьева. Никита был сыном попечителя Московского университета и поэта Михаила Муравьева, умершего в 1807 г. Постоянно бывая в доме кузена, братья имели возможность общаться, например, с Николаем Карамзиным. Карамзин дружил с отцом Никиты, а впоследствии посещал дом его вдовы.

Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы и сами обладали явными литературными способностями и тонким филологическим чутьем, много читали и с легкостью рассуждали о европейской литературе. Среди любимых литераторов Матвей называл Жан-Батиста Руссо, Расина, Корнеля и некоторых других, признавался, что не любит Ламартина, «так как он вызывает безнадежность... и нетерпимость». Матвей знал наизусть стихи Николя Жильбера и утверждал, что «из всех писателей», которых он «читал в своей жизни», «больше всего благодарности» питает к Стерну. Лоуренс Стерн, знаменитый английский сентименталист, автор романа «Сентиментальное путешествие»,

нравился Матвею за то, что он «понял значение чувства, и это было в век, когда чувство поднимали на смех». Матвей утверждал, что после чтения Стерна чувствует себя «более склонным к добру» [Муравьев-Апостол 1922, с. 12, 14, 15].

По мнению же Сергея, великие исторические события, такие как Французская революция конца XVIII в., способствуют расцвету поэзии. Французов Мари-Жозефа Шенье и Лебрена, современников и участников революции, отличают от предшественников «идеи более высокие, чувства более возвышенные, и именно поэтому более истинные, и какой-то... порыв, который пробуждает вас от апатии и увлекает к деятельности». Их поэзия, которая, по его словам, «заговорила языком более мужественным», «в наши дни» породила «Байронов и Муров». Сергей Муравьев был уверен, что «среди необычайных явлений нашего века, который сам по себе необычен, без сомнения, лорд Байрон, его характер, его произведения займут не последнее место» [Муравьев-Апостол 1928, с. 223–224; Медведская 1970, с. 69–70].

Большой ценностью для обоих братьев были родственные отношения. Сергей мечтал «бросить службу», «погрузиться в любезную безвестность» и «удалиться» в имение, был убежден, что «подлинное счастье есть отдых на лоне семьи согласной и достойной быть таковою» [Письма 1926, с. 114, 130]. Матвей же, уже сидя в тюрьме, вспоминал «круглый стол в Хомутце», имени отца в Полтавской губернии, и «вечернее чтение» в кругу родных. Он утверждал, что «самыми сладостными мгновениями» жизни «обязан дружбе», которую «питает к родным», мечтал «удалиться в деревню» и «отдаться садоводству» – или «умереть вблизи своих» [Муравьев-Апостол 1922, с. 16].

Но мечта о «безвестной» жизни «на лоне семьи» для братьев, с детства не имевших собственного дома и с юности служивших в военной службе, была недостижима. Зато Матвей и Сергей всегда были вместе: даже если физически находились в разных местах, постоянно обменивались письмами. Еще со времени парижской учебы учителя и родственники сравнивали их с Кастором и Поллуксом, братьями Диоскурами, античным символом братской любви (см. об этом: [Эйдельман 2001, с. 131]).

По семейным и дружеским воспоминаниям, «Матвей Иванович любил страстно брата своего», буквально «боготворил» его, «гордился им и всегда сердился за то, что он был молчалив и не любил выказывать себя»; при этом «Сергей Иванович имел над ним большое влияние». Сам Матвей писал, что «привык раскрывать... душу» перед братом [Капнист-Скалон 2008, с. 398; Бибикова 1916, с. 409; Муравьев-Апостол 1950, с. 212].

В мемуарах Матвей описал эпизод их с Сергеем совместной службы в Семеновском полку: в 1818 г. на учениях один из старших офицеров приказал высечь солдата, Сергей вступился за него – и наказание было отменено.

«Когда ученье кончилось... я взял и поцеловал руку брата, смутив его такую неожиданной с моей стороны выходкой» [Муравьев-Апостол 1922, с. 44].

Но Матвей был одним из немногих, к кому прислушивался Сергей. В «Рассказах о декабристах, записанных неизвестным лицом», анонимной рукописи, написанной в 1880-х годах, можно прочесть, как Матвей «во многом... сдерживал» Сергея [Рассказы 2004, с. 167]³. Известно воспоминание Ивана Якушкина о начале дружбы Сергея с Михаилом Бестужевым-Рюминым, впоследствии – одним из главных южных заговорщиков. Якушкин рассказывал, что поначалу Сергей и его знакомые «часто подымали» Бестужева-Рюмина «на смех». Матвей пристыдил брата, Сергей раскаялся и, «чтобы загладить вину свою перед юношей», стал ему покровительствовать. Молодой офицер искренне привязался к Сергею Муравьеву-Апостолу ([Якушкин 2007, с. 55], ср.: [Рассказы 2004, с. 167]).

Для Сергея старший брат был «спутником жизни», «другом» его «души», «товарищем жизни, верным и неразлучным от колыбели». Известны восторженные отзывы Сергея о Матвее, о том, что характер брата «такой благородный, такой глубокий, что он ничем не обнаружит то, что у него на душе, не желая огорчать любящих его». Родным он сообщал, что подружился с Бестужевым-Рюминым потому, что он «очень похож» на «чудесного Матвея», который «тоже не знает, как в нем много хорошего» [Медведская 1970, с. 74; Муравьев-Апостол 1887, с. 53; Муравьев-Апостол 1887 а, с. 318, 319].

* * *

Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, отец декабристов, был не только дипломатом и сановником, но и прозаиком, поэтом, переводчиком. Исследователи много писали о «широте культурных интересов» главы семьи, который «хорошо знал античную культуру, древние и европейские языки, обладал литературным вкусом, философским складом ума, являлся признанным критиком, оратором» [Эйдельман 2001, с. 135; Трошина 2007, с. 3].

Отношения отца с Матвеем и Сергеем были непростыми. Ситуация в семье осложнилась после того, как в 1810 г. умерла мать Матвея и Сергея. Иван Матвеевич вскоре женился вторично; в этом браке тоже родились дети. Естественно, что второй брак стал причиной охлаждения отца к старшим сыновьям. Современники утверждали, что с Матвеем и Сергеем отец «был суров и деспот», бывал «часто несправедлив» к ним, «вообще не любил и не ласкал их после второй женитьбы своей» [Русские достопамятные люди 1892, с. 461; Капнист-Скалон 2008, с. 375].

3. Исследователи считают, что рассказчиком в данном случае выступил сам Матвей Муравьев-Апостол.

Матвей относился к мачехе «с изысканною, вежливою холодностью» — чем еще сильнее раздражал отца против себя. Судя по семейной переписке, Сергей, «любимец» отца, мирил его с Матвеем. Сергей сетовал, что ему приходилось находиться между отцом, которого он «всегда нежно любил и почитал», и братом. А публикатор семейной переписки Б.А. Энгельгардт справедливо утверждал, что «благодаря своему уму и прекрасному сердцу» Сергей Муравьев «имел влияние не только на братьев и сестер, но и на отца, и улаживал всегда раздоры в семье» [Муравьев-Апостол 1886, с. 227; Медведская 1970, с. 74; Энгельгардт 1926, с. 110].

Сергей обсуждал с отцом политические новости и книжные новинки, переводил его книгу «Путешествие по Тавриде в 1820 году» на французский язык, считал «Путешествие» произведением «совершенно нового жанра на нашем языке», советовал отцу издать фрагмент книги в журнале [Медведская 1970, с. 9–10; Трошина 2007, с. 117–118, 156–157].

Спустя много лет Матвей вспоминал, что отец держал их с Сергеем «в черном теле». Действительно, взрослые сыновья были зависимы от отца финансово. «Совершенное безденежье» Сергея «принуждало» его просить отца о «подкреплении». В 1821 г. он просил назначить ему «годовую сумму», которую хотел получать «в два или три срока». Очевидно, сумма не была назначена, поскольку в письмах Сергея финансовый вопрос — один из весьма болезненных. Матвей же в 1823–1824 гг. жил в столице на отцовские деньги и уехал оттуда, «не хотя умножить расходы батюшки, которого дела очень расстроены» [Медведская 1970, с. 12; Письма 1926, с. 122; Тизенгаузен 1954, с. 247; Муравьев-Апостол 1950, с. 261].

Современники утверждали, что Иван Матвеевич «не разделял вовсе направления сыновей своих» [Русские достопамятные люди 1892, с. 460]. Действительно, отец не был революционером, более того, он считал, что в России «не было революции и не будет ее, потому что народ наш одарен лучшею философиею — здравым смыслом, который беспрестанно твердит ему, что он под отеческим правлением благоденствует и что от добра добра не ищут». «А если бы и случилось немного воспаленных мозгов, то что они значат? они одиноки, они отверженные, они ни одной точки соединения с целым обществом не имеют; да такое заблуждение их не есть, так сказать, домашнее: оно ввезено, как моды, и так же преходяще, как они», — развивал свою мысль Иван Матвеевич [Муравьев-Апостол 2002, с. 185].

В 1826 г., в письме из тюрьмы, Сергей просил отца прислать ему Евангелие и написать «своей рукой на первой странице», что он прощает и благословляет сына. Комментируя эту просьбу, Матвей впоследствии сбивчиво пояснял: «Лица, принадлежавшие тайному обществу, привезенные в Петербург, являлись к Николаю, который в словах, обращенных к ним, по поводу последних строк этого письма сказал, как кажется мне и моему брату, что отец

нас проклял». Матвей отмечал, что, «зная... своего отца», он «не поверил» императору [Муравьев-Апостол 1887, с. 51]. Но письменного прощения Сергея от отца так и не получил.

Публикатор семейной переписки Муравьевых-Апостолов, издатель журнала «Русский архив» Петр Бартенов отмечал, что отец не простил сына «страха ради политического» [Муравьев-Апостол 1887 а, с. 320]. Однако назначенный в 1824 г. сенатором и членом Главного правления училищ, Иван Матвеевич «не боялся выражать собственное мнение», показал себя «человеком весьма независимым» [Кошелев 2002, с. 226]. «Страх политический» и гипертрофированная любовь к начальству не были ему свойственны; в данном случае он, скорее всего, не простил старшим сыновьям гибели 20-летнего Ипполита.

Не выдерживают критики и свидетельства о том, что после событий 1825–1826 гг. Иван Матвеевич «остался, как был всегда, черстводушный ученый и эгоист» и «не был сердечно поражен потерей сыновей» [Русские достопамятные люди 1892, с. 460]. Известно, что он навещал сыновей в тюрьме, передавал им вещи, а «по случаю событий 14 декабря 1825 года» сочинил элегию на греческом языке, переведенную впоследствии на русский. В элегии речь шла про «три лавра», которые лирический герой посадил и за которыми заботливо ухаживал, но судьба которых оказалась плачевной:

*И те, кем могла бы родная обитель
Гордиться... повержены, мертвы во прах:
А грустный тех лавров молодых насадитель
Рыдает, полмертвый, у них на корнях*

[Капнист-Скалон 2008, с. 416;
Муравьев-Апостол 1886 а, с. 228].

«Смертельная души болезнь – скука»

Книга Ивана Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» вышла из печати в 1823 г. и стала заметным литературным явлением. «“Путешествие по Тавриде” прочел я с чрезвычайным удовольствием», – писал Александр Пушкин лицейскому другу Антону Дельвигу [Пушкин 1926, с. 107]. Выпиской из этой книги Пушкин снабдил поэму «Бахчисарайский фонтан»; автора «Путешествия» Пушкин, согласно исследовательскому мнению, воспринимал «в качестве безусловного, незыблемого авторитета» [Кошелев 2002, с. 226].

Из писем Матвея и Сергея и «Путешествия по Тавриде» явствует, что одна из самых обсуждаемых в семье Муравьевых-Апостолов тем – лень, скука и методы борьбы с ними. В 1816 г. в письме к «скучающему» поэту Констан-

тину Батюшкову Сергей Муравьев-Апостол утверждал, что скука, овладевшая его другом, – это «отвратительное чудовище», которое следует «задушить в самом корне»: «Очень худо, что ты скучаешь, – лучше было бы, чтобы ты веселился» [Муравьев-Апостол 1951 а]. Год спустя Матвей (который и сам часто предавался «сплину») напишет, что с «ленью и бесчувственностью» «нельзя сделать ничего хорошего» и «счастлив тот, кто в состоянии принести жертву своей родине» [Муравьев 2000, с. 80; Из эпистолярного наследия 1975, с. 106].

В 1825 г. тот же Матвей убеждал своего приятеля Ивана Якушкина, жаловавшегося на «лень» и «скуку», что необходимо «себя в этом отношении побороть». «Хотите, чтобы я стал еще яснее? Возьмите сочинение моего отца о Крыме и прочтите письмо, приведенное там на стр. 176, если только я не ошибаюсь, не имея книги перед глазами. Вы найдете там полное разъяснение моей мысли», – уточнял Матвей [Муравьев-Апостол 1922, с. 84].

Несмотря на то что политические взгляды отца и детей не совпадали, сыновей и их сверстников, пришедших после войны в тайные общества, он понимал очень хорошо. На странице, на которую ссылается Матвей, повествуется как раз о скуке и ее причинах. Штатский автор «Путешествия по Тавриде» пишет о состоянии молодых людей, прошедших войну.

«Что делает воина столь пристрастным к ремеслу своему, в котором смерть грозит ему на каждом шаге...?» – задается вопросом Иван Матвеевич. И сам же отвечает, что причина этому – «живое ощущение бытия, или, иначе сказать, сильной воли, все преодолевающей». Писатель убежден, что человеку вообще свойственно «любить то, что угрожает ужаснейшим в природе, разрушением».

После окончания военных действий их участники начинают скучать и хандрить: «Война кончилась, опасности миновались, и жизнь воина становится томною», потому что «воин», «приобыкший к сильным потрясениям», без этих потрясений своей жизни уже не мыслит [Муравьев-Апостол 1823, с. 176].

Из этого состояния для «воина», по словам автора «Путешествия», есть два выхода. Одни из них – «смертельная души болезнь», «источник несметных зол, несчастий», скука. По мнению автора «Путешествия», высшее проявление скуки – «сомнение и отчаяние». Но тот, кто «родился не *veluti resoga*», т.е. не «скотом», «обязан предполагать от жизни своей какую-нибудь высокую цель, к которой он должен всечасно стремиться». В мирное время необходимо иметь «твердую, непоколебимую волю» «быть полезным».

Автор «Путешествия» убежден: истинно счастлив тот, кто устроил свою жизнь исходя из стремления к этой цели, такой человек «скуки не знает, а если дух в нем и смутится иногда, то это ненадолго: так пар дыхания на

чистом зеркале мгновенно исчезает и оставляет стекло еще светлее, нежели оно прежде было» [Муравьев-Апостол 1823, с. 178–179].

Эти идеи вполне разделяли воевавшие сыновья Ивана Матвеевича. Следователям в 1826 г. Матвей объяснял, что «революционные мысли» появились и окрепли в России потому, что «гарнизонная жизнь», в которую окунулись возвратившиеся с войны в столицу офицеры, «не могла удовлетворить» их желания и «заменить прежних ощущений» [Муравьев-Апостол 1950, с. 224].

Правда, Иван Матвеевич считал, что к высокой цели, которую обязан поставить перед собою всякий мыслящий человек, необходимо «всечасно стремиться». Но достичь этой цели невозможно, потому что «мы сотворены не с тем, чтобы *иметь*, а чтобы *желать*, не с тем, чтобы наслаждаться, а с тем, чтобы искать наслаждений» [Муравьев-Апостол 1823, с. 177]. Сыновья же Ивана Матвеевича хотели не просто стремиться к высокой цели – политическому преобразованию в России – но достичь ее.

Но именно между этими крайностями – «лень, скука, сомнение и отчаянье» и желание «быть полезным» и подчинить свою жизнь достижению «высокой цели» – и существовали братья Муравьевы-Апостолы.

* * *

Матвей Муравьев-Апостол показывал, что, не увидев себя в послевоенной российской реальности 1810-х годов, молодые люди, прошедшие войну, «вдались» «мистическим» и «политическим» наукам. После войны братья увлеклись модным магнетизмом. Матвей читал «все, что о нем писалось», вместе с Сергеем он ставил неудачные опыты над собственным камердинером [Муравьев-Апостол 1950, с. 224; Муравьев-Апостол 1922, с. 76]. Были братья и масонами: состояли, в частности, в близкой к тайным обществам ложе Трех добродетелей. Однако в масонстве оба быстро разочаровались. Младший брат, обрядоначальник ложи, официально отказался от этой должности и в 1819 г. порвал с масонством, старший же в 1820 г. был исключен из той же ложи «за длительное непосещение» [Серков 2001, с. 1103].

В 1815 г., открывая заседания польского Сейма, император Александр I анонсировал политические реформы: пообещал ввести и в России «законно-свободные учреждения». Офицеры, горевшие желанием помогать императору в деле реформ, стали учиться: для послевоенных лет характерно повальное увлечение общественными и военными науками.

В 1815 г. Сергей Муравьев-Апостол хотел «оставить на время службу и ехать за границу слушать лекции в университете», однако «отец не дал своего согласия», по-видимому, отказавшись оплачивать это путешествие [Муравьев-Апостол 1922, с. 26]. В 1816 г. и Сергей, и Матвей участвовали в подписке, т.е. сборе денег, предпринятом для того, чтобы слушать курс политической

экономии «у профессора здешней академии господина Германа». Среди участников подписки Матвей называл будущего лидера заговора Павла Пестеля, будущего автора северной Конституции Никиту Муравьева и некоторых других молодых офицеров. Впрочем, сам Матвей не кончил курса, поскольку, получив отпуск, уехал на Кавказские Минеральные Воды лечить рану [Муравьев-Апостол 1950, с. 216].

Параллельно с обучением офицеры организовывали тайные общества, в частности «декабристский» Союз спасения (1816); братья Муравьевы-Апостолы входили в группу его основателей. Это общество, как и многие другие возникшие после войны организации, не было революционным. Его участники обсуждали политические новости, читали книги, предлагали свои – иногда весьма радикальные – способы преобразования России. Однако радикальные и, в частности, царубийственные идеи были случайными, не пользовались поддержкой и, как правило, быстро забывались. Многие из тех, кто состоял и в Союзе спасения, и в образованном в 1818 г. Союзе благоденствия (в руководящий орган которого, Коренную думу, входили братья) надеялись, что императору их помощь понадобится в самом скором времени.

Сергей Муравьев-Апостол показывал, что «до начала 1822-го года» был в тайном обществе «самый недействительный, а следственно, малозначащий член», не всегда присутствовал на собраниях, «мало входил в дела, соглашался с большинством голосов и во все время не сделал ни одного приема» [Муравьев-Апостол 1927, с. 273]. Это была, конечно, полуправда: если бы Матвей и Сергей «мало входили в дела» и не интересовались политикой, им незачем было бы участвовать в организации Союза спасения, переходить из него в Союз благоденствия и тем более входить в состав Коренной думы. Но политическая активность братьев с 1816 по 1821 г. действительно шла на убыль, ими все больше овладевала «скука».

Сергей был весьма деятелен, например, осенью 1817 г. во время так называемого «московского заговора». Юные конспираторы, услышав о том, что Александр I якобы хочет переехать жить в Варшаву, отдав Польше часть российских территорий, решили его убить. Сергей, «быв болен нарывом на щеке», письменно высказался против, видя «скудность средств их и совершенную невозможность начинания какого-либо действия». Письмо Сергей вручил Матвею «для прочтения» на собрании заговорщиков [Муравьев-Апостол 1927, с. 277, 256]. Царубийственное намерение было оставлено.

Сергей Муравьев присутствовал и на совещаниях Коренной думы в начале 1820 г., когда в связи с предложением Пестеля ввести в России республику возник «большой спор» [Муравьев-Апостол 1927, с. 291]. Однако о позиции Сергея Муравьева в этом споре ничего не известно: по-видимому, он просто

отмолчался⁴. Федор Глинка, один из главных деятелей Союза благоденствия и участник совещаний, показывал на следствии, что никогда не слышал от Муравьева-Апостола «ни одного резкого суждения. А при случае разговоров в *полемическом* смысле он никогда не спорил, а часто шутил насчет тех, кои усиливались выказать ученость и ум» [Глинка 2001, с. 133].

Деятельность членов Союза благоденствия должна была охватывать «четыре главные отрасли»: «человеколюбие», «образование», «правосудие» и «общественное хозяйство». Но о том, какую из этих «отраслей» выбрал для себя Сергей Муравьев-Апостол, ничего не известно. Как член Коренной думы он, по его собственным словам, должен был «составить свою особенную» управу, чего, однако же, «не делал» [Муравьев-Апостол 1927, с. 328].

В начале 1821 г. Московский съезд принял решение о роспуске Союза благоденствия. Сергей же и в 1826 г. не знал точно, что «происходило на собрании сих депутатов» и кто именно принимал решение о роспуске Союза [Муравьев-Апостол 1927, с. 247]. Стоит отметить, что в организации в 1821 г. Южного общества – Южного округа Союза благоденствия, по терминологии Пестеля, – он тоже участия не принимал.

Попытки некоторых исследователей доказать, что уже во времена первых тайных обществ Муравьев-Апостол был радикальным революционным лидером, оказались бесплодными. Современники – и те, кто состоял в тайных обществах, и те, кто не состоял в них – не могли, конечно, угадать в Сергее Муравьеве «того исступленного революционера, того безумного предводителя шайки мятежников... каким он явился впоследствии» [Греч 1886, с. 379].

* * *

Матвей же в 1818 г. уехал из Петербурга в Полтаву: он стал адъютантом князя Николая Репнина, генерал-губернатора Малороссии, родного брата генерала Сергея Волконского.

В Полтаве тоже были заговорщики: в частности начальником канцелярии Репнина служил Михаил Новиков, масон, член Союза спасения и Союза благоденствия, республиканец по убеждениям. В марте 1818 г. в Полтаве Новиков основал масонскую ложу «Любви к Истине», про которую Матвей Муравьев говорил на следствии, что она «служила рассадником тайного

4. Участвовавший в совещаниях Александр фон-дер Бриген утверждал, что Муравьев-Апостол не только поддержал Пестеля, но и заранее «подготовился» к выступлению [Бриген 1976, с. 436]. Но об этом обстоятельстве больше никто из участников совещаний не вспомнил. Очевидно, Бриген перепутал Сергея с его кузеном Никитой Муравьевым, действительно поддержавшим Пестеля [Муравьев-Апостол 1927, с. 291].

общества». Новиков, судя по показаниям Матвея, «в оную принимал дворянство малороссийское, из числа коих способнейших помещал в общество, называемое Союз благоденствия» [Муравьев-Апостол 1950, с. 189].

Однако в ходе следствия выяснилось, что управы Союза благоденствия в Полтаве не существовало. Пестель показывал: «Новиков имел поручение основать управу в Малороссии, но в сем не успел», «Новиков завел в Малороссии ложу масонскую; но тайного общества не успел устроить; по крайней мере, не имел я о том ни разу ни малейшего известия» [Пестель 1927, с. 117, 139]. Да и сам Матвей Муравьев к концу следствия изменил свои показания: «В Полтаве Новиков (как я уже сказал) составил масонскую ложу как бы действовать для цели Союза», но после закрытия ложи «совершенно прекратил свои действия» [Муравьев-Апостол 1950, с. 224–225].

Очевидно, что Матвей, лишь однажды посетивший ложу Новикова [Серков 2001, с. 1112] и в итоге поссорившийся с начальником генерал-губернаторской канцелярии, плохо представлял себе, чем – помимо службы – занят его товарищ по тайному обществу (подробнее об этом см.: [Киянская 2008, с. 280–284]).

Мимо Матвея прошла Семеновская история октября 1820 г., когда солдаты-семеновцы коллективно выступили против жестокого командира Федора Шварца. Сергея же «история» сильно задела: в 1820 г. в чине капитана он командовал одной из семеновских рот. Греч ехидно писал впоследствии, что, не случись ее, Сергей Муравьев-Апостол «преспокойно прослужил бы в гвардии, получил бы полк или поступил бы в флигель-адъютанты, женился бы на богатой барышне и был бы теперь где-нибудь хорошим военным губернатором» [Греч 1886, с. 380].

Трудно сказать, как сложились бы судьбы братьев, не случись «истории» в полку. Однако в ноябре 1820 г. младший Муравьев-Апостол был переведен подполковником в армию, сначала в Полтавский, а в мае 1822 г. – в Черниговский пехотный полк.

Старший же брат, тоже числившийся в Семеновском полку, по-прежнему служил адъютантом Репнина и жил в Малороссии. В начале 1821 г. Матвей был переведен из Семеновского в Лейб-гвардии Егерский полк; поскольку речь шла о переводе в рамках Гвардейского корпуса, такой перевод не воспринимался как наказание. О том, что Матвей тоже пострадал в «истории», стало известно только в 1822 г.: поссорившись с Репниным и решив оставить адъютантскую службу, он стал проситься «во фронт».

Вскоре Матвей узнал, что опять переведен – на этот раз майором в тот же Полтавский полк – и после этого известия подал в отставку, которая и последовала в начале 1823 г. При отставке он – очевидно, из гордости – не стал просить о назначении «пенсии» [Муравьев-Апостол 1950, с. 217]. А потому стал полностью зависим от финансовой помощи отца.

Общественным же последствием Семеновской истории стала радикализация тайных обществ, превращение по крайней мере одного из них – Южного – в организацию, программным требованием которой стало установление республики, а способом действия – военная революция.

Библиография

- Андреевич Я.М. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 346–408.
- Бестужев-Рюмин М.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Госизд-во полит. лит-ры, 1950. Т. 9. С. 26–176.
- Бибилова А.И. Из семейной хроники // Исторический вестник. 1916. № 11. С. 404–426.
- Бойчук Л.Л. Из переписки М.И. Муравьева-Апостола с А.П. Созонович // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Российский фонд культуры; Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 2007. Новая серия. Вып. 16. С. 564–569.
- Бриген, фон-дер А.Ф. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1976. Т. 14. С. 423–447.
- Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 610–1358.
- Георгиевский Г.П. А.Н. Оленин и Н.И. Гнедич: Новые материалы из Оленинского архива // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Пг.: Типография Императорской Академии наук, 1914. Т. 91. № 1. С. 1–31.
- Герцен А.И. 14 декабря 1825 и император Николай // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М.: Наука, 1994. С. 65–206.
- Глинка Ф.Н. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 20. С. 93–143.
- Горбачевский И.И. Записки, письма. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 354 с.
- Готовцева А.Г. Движение декабристов в официальной прессе // Вестник РГГУ. 2007. № 9. С. 157–199.
- Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1886. 588 с.
- Донесение Следственной комиссии (Его императорскому величеству высочайше утвержденной комиссии для изыскания о злоумышленных обществах всеподданнейший доклад) // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1980. Т. 17. С. 24–61.
- Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому. М.: [б/и], 1975. Т. 1. 329 с.
- Капнист-Скалон С.В. Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М.: [б/и], 2008. Т. 1. С. 328–473.
- Киянская О.И. Декабристы. М.: Молодая гвардия, 2015. 383 с.
- Киянская О.И. Очерки из истории общественного движения в России в правление Александра I. СПб.: Нестор-История, 2008. 302 с.
- Кошелев В.А. О жизни и сочинениях И.М. Муравьева-Апостола // Муравьев-Апостол И.М. Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб.: Наука, 2002. С. 191–230.
- Лумпанова Г.А. Декабрист Матвей Муравьев-Апостол. Тверь: Изд-во НИИ «Центрпрограммсистем», 2015. 560 с.
- Лунин М.С. Письма из Сибири. М.: Наука, 1988. 496 с.
- Медведская Л.А. Сергей Иванович Муравьев-Апостол. М.: Просвещение, 1970. 176 с.
- Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л.: Госиздат, 1926. 248 с.

- Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. 448 с.
- Муравьев Н.М. Письма декабриста. 1813–1826 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 310 с.
- Муравьев-Апостол И.М. О преподавании философии // Муравьев-Апостол И.М. Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб.: Наука, 2002. С. 182–188.
- Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб.: Тип. Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823. XII, 337 с.
- Муравьев-Апостол И.М. Элегия, сочиненная им на греческом языке по случаю событий 14 декабря 1825 года // Русский архив. 1886 а. № 2. С. 227–228.
- Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. Пг.: Былое, 1922. 96 с.
- Муравьев-Апостол М.И. О собственном воспитании // Русский архив. 1886. № 2. С. 226–227.
- Муравьев-Апостол М.И. Погостный список // Декабристы. Материалы для характеристики. М.: Изд. М.М. Зензинова, 1907. С. 172–176.
- Муравьев-Апостол М.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 9. С. 177–284.
- Муравьев-Апостол С.И. Два письма // Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 217–226.
- Муравьев-Апостол С.И. Письма // Русский архив. 1887 а. № 3. С. 315–320.
- Муравьев-Апостол С.И. Письмо к К.Н. Батюшкову // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Госполитиздат, 1951 а. Т. 2. С. 224–226.
- Муравьев-Апостол С.И. Письмо к отцу от 21 января 1826 г. Предсмертные размышления. Письмо накануне казни к брату его, Матвею Ивановичу // Русский архив. 1887. № 1. С. 47–54.
- Муравьев-Апостол С.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 227–412.
- Оленина В.А. Воспоминания о декабристах. Письма к П.И. Бартеневу // Декабристы. М.: Изд. Гос. лит. музея, 1938. С. 483–491.
- Пестель П.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 1–226.
- Письма С.И. и М.И. Муравьевых-Апостолов к А.Д. и А.И. Хрушовым // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. 1. С. 108–139.
- Пушкин А.С. Письма. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 1. 1815–1825. 540 с.
- Рабкина Н.А. Версия и документ // Прометей: Альманах. М.: Молодая гвардия, 1967. Т. 3. С. 122–133.
- Рассказы о декабристах, записанные неизвестным лицом // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 2004. Т. XIII. С. 165–172.
- Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 480 с.
- Русские достопамятные люди: Заметки и воспоминания по поводу труда Д.Н. Бантыш-Каменского: «Словарь достопамятных людей русской земли», изд. 1847 г., СПб., и некоторых других изданий того времени. Рукопись из собрания С.Д. Полторацкого // Русская старина. 1892. № 6. С. 458–487.
- Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1222 с.
- Список лиц, окончивших курс наук в Институте инженеров путей сообщения императора Александра I с 1811 по 1882 год. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1883. 192 + 36 с.
- Тизенгаузен В.К. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. Т. 11. С. 238–412.

- Толстой Л.Н. Стыдно // Толстой Л.Н. Собр. соч. М.: Худ. лит., 1964. Т. 16. С. 449.
- Трошина М.С. Жизнь и творчество И.М. Муравьева-Апостола. Дис. на ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2007. 211 с.
- Чулков Г.И. Мятежники 1825 года. М.: Соврем. проблемы, 1925. 298 с.
- Штрайх С.Я. Предисловие // Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. Пг.: Былое, 1922. С. 3–10.
- Шубин В.Ф. О датах рождения декабристов Н.М. Муравьева и С. и И. Муравьева-Апостола // Советские архивы. 1986. № 4. С. 72–73.
- Шугуров М.Ф. О бунте Черниговского полка // Русский архив. 1902. № 6. С. 268–302.
- Эйдельман Н.Я. Апостол Сергей. М.: Политиздат, 1975. 391 с.
- Эйдельман Н.Я. Удивительное поколение. Декабристы: лица и судьбы. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2001. 376 с.
- Энгельгардт Б.М. Письма С.И. и М.И. Муравьевых-Апостолов к А.Д. и А.И. Хрущовым [Вступительная статья] // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. 1. С. 108–112.
- Якушкин В.Е. Матвей Иванович Муравьев-Апостол. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1886. 170 с.
- Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. СПб.: Наука, 2007. 740 с.

References

- Andreevich Ja.M. Sledstvennoe delo [Criminal case. Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1926. Vol. 5. P. 346–408. (In Russ.)
- Bestuzhev-Rjumin M.P. Sledstvennoe delo. Vosstanie dekabristov. Materialy. [Criminal case. Decembrist uprising. Documents]. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1950. Vol. 9. P. 26–176. (In Russ.)
- Bibikova A.I. Iz semejnoy hroniki. Istoricheskij vestnik [From the family chronicle. Historical Bulletin]. 1916. N 11. P. 404–426. (In Russ.)
- Boychuk L.L. Iz perepiski M.I. Murav'eva-Apostola s A.P. Sozonovich. Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv. [The correspondence of M.I. Muravyov-Apostol A.P. Sazonovich. Russian Archive: The history of the Fatherland in certificates and documents of the XVIII–XX centuries]. Moscow: Russian cultural foundation; Studio «TRITE»; Rosarchive, 2007. Novaja serija. New series. Iss. 16. P. 564–569. (In Russ.)
- Brigen, von der A.F. Sledstvennoe delo. Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Criminal case. Decembrist uprising. Documents]. Moscow: Nauka, 1976. P. 423–447.
- Chulkov G.I. Mjatezhniki 1825 goda [Insurgents of 1825]. Moscow: Sovrem. problemy, 1925. 298 p. (In Russ.)
- Donesenie Sledstvennoj komissii (Ego imperatorskomu velichestvu vysochajshe utverzhdennoj komissii dlja izyskanija o zloumyshlennyh obshhestvah vsepoddanejsij doklad). Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Report to the Commission of Inquiry (to His Imperial Majesty the highest approved commission for investigation of malicious societies is the all-signed report). Decembrist uprising. Documents]. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 17. P. 24–61. (In Russ.)
- Engelhardt B.M. Pis'ma S.I. i M.I. Murav'evyh-Apostolov k A.D. i A.I. Hrushhovym [Vstupitel'naja stat'ja]. Pamjati dekabristov: Sb. materialov [Letters of S.I. and M.I. Muravyov-Apostolov to A.D. and A.I. Khrushchovs [Introductory article]. In memory of the Decembrists: Collection of materials]. Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1926. Vol. 1. P. 108–112.

Georgievsky G.P. A.N. Olenin i N.I. Gnedich: Novye materialy iz Oleninskogo arhiva. Sbornik Otdeleniya russkogo jazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk [A.N. Olenin and N.I. Gnedich: New Materials from Oleninsky Archive. Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Petrograd: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1914. Vol. 91. No 1. P. 1–31.

Glinka F.N. Sledstvennoe delo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Criminal case // Decembrist uprising. Documents]. Moscow: Rosspen, 2001. Vol. 20. P. 93–143. (In Russ.)

Gorbachevskij I.I. Zapiski, pis'ma [Notes and letters]. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1963. 354 p. (In Russ.)

Gotovceva A.G. Dvizhenie dekabristov v oficial'noj presse [The Decembrist movement in the official press]. Vestnik RGGU. 2007. No 9. P. 157–199. (In Russ.)

Grech N.I. Zapiski o moej zhizni [Notes about my life]. Saint Petersburg: Publishing house of A.S. Suvarin, 1886. 588 p. (In Russ.)

Herzen A.I. 14 dekabrya 1825 i imperator Nikolaj. 14 dekabrya 1825 goda i ego istolkovateli (Gercen i Ogarev protiv barona Korfa) [December 14 1825 and Emperor Nicholas. 14 December 1825 and his interpreters (Herzen and Ogarev vs Baron Corf)]. Moscow: Nauka, 1994. P. 65–206. (In Russ.)

Iz jepistoljarnogo nasledstva dekabristov. Pis'ma k N.N. Murav'evu-Karskomu [From the epistolary legacy of the Decembrists. Letters to N.N. Murav'ev-Karsky]. Moscow: [b/i], 1975. Vol. 1. 329 p. (In Russ.)

Jakushkin V.E. Matvej Ivanovich Murav'ev-Apostol. Saint Petersburg: Printed by The expedition of storing securities, 1886. 170 p. (In Russ.)

Jejdel'man N.Ja. Apostol Sergej. Moscow: Politizdat, 1975. 391 p. (In Russ.)

Jejdel'man N.Ja. Udivitel'noe pokolenie. Dekabristy: lica i sud'by [An amazing generation. The Decembrists: faces and destinies]. Saint Petersburg: Pushkin Foundation Publishing house, 2001. 376 p. (In Russ.)

Kapnist-Skalon S.V. Vospominaniya. Vospominaniya i rasskazy dejatelej tajnyh obshhestv 1820-h godov [Memories. Memoirs and stories of figures of secret societies of the 1820s]. Moscow: [b/i], 2008. Vol. 1. P. 328–473. (In Russ.)

Kiyanskaya O.I. Dekabristy [The Decembrists]. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2015. 383 p. (In Russ.)

Kiyanskaya O.I. Ocherki iz istorii obshhestvennogo dvizheniya v Rossii v pravlenie Aleksandra I [Essays from the history of the social movement in Russia during the reign of Alexander I]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. 302 p. (In Russ.)

Koshelev V.A. O zhizni i sochinenijah I.M. Murav'eva-Apostola. Murav'ev-Apostol I.M. Pis'ma iz Moskvy v Nizhnij Novgorod [About the life and writings of I.M. Muravyov-Apostol. Muravyov-Apostol I.M. Letters from Moscow to Nizhny Novgorod]. Saint-Petersburg: Nauka, 2002. P. 191–230. (In Russ.)

Lumpanova G.A. Dekabrist Matvej Murav'ev-Apostol [The Decembrist, Matvej Murav'ev-Apostol]. Tver': Publishing House of NII «Centrprogrammsistem», 2015. 560 p. (In Russ.)

Lunin M.S. Pis'ma iz Sibiri [Letters from Siberia]. Moscow: Nauka, 1988. 496 p. (In Russ.)

Medvedskaya L.A. Sergey Ivanovich Murav'ev-Apostol. Moscow: Prosveshhenie, 1970. 176 p. (In Russ.)

Mezhdunarstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarah chlenov carskoj sem'i [The interregnum of 1825 and the Decembrist uprising in correspondence and memoirs of members of the Royal family]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1926. 248 p. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol I.M. O prepodavanii filosofii [On the teaching of philosophy]. Murav'ev-Apostol I.M. Pis'ma iz Moskvy v Nizhnij Novgorod [About the life and writings of I.M. Muravyov-

Apostol. Muravyov-Apostol I.M. Letters from Moscow to Nizhny Novgorod]. Saint-Petersburg: Nauka, 2002. P. 191–230. (In Russ.)

Murav'ev A.N. Sochinenija i pis'ma [Compositions and letters]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1986. 448 p. (In Russ.)

Murav'ev N.M. Pis'ma dekabrista [Letters of the Decembrist]. 1813–1826 gg. Moscow: Pamjatniki istoricheskoy mysli, 2000. 310 p. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol I.M. Jelegija, sochinenaja im na grecheskom jazyke po sluchaju sobytij 14 dekabnja 1825 goda [Elegy composed by him in Greek on the occasion of the events of December 14, 1825]. Russian archive. 1886 a. No 2. P. 227–228. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol I.M. Puteshestvie po Tavride v 1820 godu [Journey on the Taurida in 1820]. Saint Petersburg: Printed by Special office of the Ministry of internal Affairs, 1823. XII, 337 p. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol M.I. O sobstvennom vospitanii [About own upbringing]. Russian archive. 1886. No 2. P. 226–227. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol M.I. Pogostnyj spisok. Dekabristy. Materialy dlja harakteristiki [List of the deceased. The Decembrists. Materials for characteristics]. Moscow: Publishing House of M.M. Zenzinov, 1907. P. 172–176. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol M.I. Sledstvennoe delo. Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case. Decembrist uprising. Documents]. Moscow: Gospolitizdat, 1950. Vol. 9. P. 177–284. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol M.I. Vospominanija i pis'ma [Memoirs and letters]. Petrograd: Byloe, 1922. 96 p. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol S.I. Dva pis'ma [Two letters]. Krasny archive. 1928. Vol. 5 (30). P. 217–226. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol S.I. Pis'ma [Letters]. Russian archive. 1887 a. No 3. P. 315–320. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol S.I. Pis'mo k K.N. Batjushkovu. Izbrannye social'no-politicheskie i filosofskie proizvedenija dekabristov [The letter to K.N. Batyushkov. Selected socio-political and philosophical works of the Decembrists.]. Moscow: Gospolitizdat, 1951 a. Vol. 2. P. 224–226. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol S.I. Pis'mo k otcu ot 21 janvarja 1826 g. Predsmertnye razmyshlenija. Pis'mo nakanune kazni k bratu ego, Matveju Ivanovichu [The letter to the father from January 21, 1826. Deadly reflections. The letter on the eve of the execution to his brother, Matvei Ivanovich]. Russian archive. 1887. No 1. P. 47–52. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol S.I. Sledstvennoe delo. Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case. Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. Vol. 4. P. 227–412. (In Russ.)

Olenina V.A. Vospominanija o dekabristah. Pis'ma k P.I. Bartenevu. Dekabristy [Memoirs of the Decembrists. Letters to P.I. Bartenev. Decembrists]. Moscow: Publishing house of the State literary Museum, 1938. P. 483–491.

Pestel' P.I. Sledstvennoe delo. Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case. Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. Vol. 4. P. 1–226. (In Russ.)

Pis'ma S.I. i M.I. Murav'evyh-Apostolov k A.D. i A.I. Hrushhovym. Pamjati dekabristov: Sb. materialov [Letters of S.I. and M.I. Muravyov-Apostolov to A.D. and A.I. Khrushchovs. In memory of the Decembrists: Collection of materials]. Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1926. Vol. 1. P. 108–139. (In Russ.)

Pushkin A.S. Pis'ma [Letters]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1926. Vol. 1. 1815–1825. 540 p.

Rabkina N.A. Versija i document [The version and the document]. Prometheus: Almanac. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1967. Vol. 3. P. 122–133.

Rasskazy o dekabristah, zapisannye neizvestnym licom. Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv. [Stories about the Decembrists recorded by an unknown person. Russian Archive: The history of the Fatherland in certificates and documents of the XVIII–

XX centuries]. Al'manah. Moscow: Studio «TRITE»; Rosarchive, 2004. Vol. XIII. P. 165–172. (In Russ.)

Rosen A.E. Zapiski dekabrista [Notes of the Decembrist]. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1984. 480 p. (In Russ.)

Russkie dostopamjatnye ljudi: Zametki i vospominanija po povodu truda D.N. Bantysh-Kamenskogo: «Slovar' dostopamjatnyh ljudej russoj zemli», izd. 1847 g., SPb., i nekotoryh drugih izdanij togo vremeni. Rukopis' iz sobranija S.D. Poltorackogo [Russian memorable people: Notes and memoirs about the work of D.N. Bantysh-Kamensky: «Dictionary of memorable people of the Russian land», ed. 1847, St. Petersburg, and some other publications of that time. The manuscript from the collection of S.D. Poltoratsky]. Russkaja starina. 1892. No 6. P. 458–487. (In Russ.)

Serkov A.I. Russkoe masonstvo. 1731–2000. Jenciklopedicheskij slovar' [Russian masonry. 1731–2000. Encyclopedic dictionary]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 1222 p. (In Russ.)

Shtrajh S.Ja. Predislovie. Murav'ev-Apostol M.I. Vospominanija i pis'ma [Preface. Murav'ev-Apostol M.I. Memoirs and letters]. Petrograd: Byloe, 1922. P. 3–10. (In Russ.)

Shubin V.F. O datah rozhdenija dekabristov N.M. Murav'eva i S.I. Murav'eva-Apostola. Sovetskie arhivy [About dates of birth of Decembrists N.M. Murav'ev and S.I. Murav'ev-Apostol. Soviet archives.]. 1986. No 4. P. 72–73. (In Russ.)

Shugurov M.F. O bunte Chernigovskogo polka [About the Chernigov regiment's revolt]. Russian archive. 1902. No 6. P. 268–302. (In Russ.)

Spisok lic, okonчивshih kurs nauk v Institute inzhenerov putej soobshhenija imperatora Aleksandra I s 1811 po 1882 god [List of persons who completed the course of science at the Institute of railway engineers of Emperor Alexander I from 1811 to 1882]. Saint Petersburg: Printing house of the Ministry of Railways, 1883. 192 + 36 p.

Tizengauzen V.K. Sledstvennoe delo. Vosstanie dekabristov. Dokumenty. [Criminal case. Decembrist uprising. Documents]. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1954. Vol. 11. P. 238–412. (In Russ.)

Tolstoj L.N. Stydno. Collected works. M.: Hud. lit., 1964. Vol. 16. P. 449. (In Russ.)

Troshina M.S. Zhizn' i tvorchestvo I.M. Murav'eva-Apostola [The Life and work of I.M. Murav'ev-Apostol]. Dis. na ... kand. filol. nauk. Ul'janovsk, 2007. 211 p. (In Russ.)

Vigel' F.F. Zapiski [Notes]. Moscow: Zakharov, 2003. Vol. 2. P. 610–1358.

Yakushkin I.D. Zapiski, stat'i, pis'ma [Notes, articles, letters]. Saint Petersburg: Science, 2007. 740 p. (In Russ.)

Н.В. Черникова

**«ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА»
ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Аннотация. В Российской империи второй половины XIX в. право законодательной инициативы принадлежало самодержцу и – опосредованно – министерствам, Правительствующему Сенату и Святейшему Синоду. Высшее законосовещательное учреждение Империи, Государственный совет, этим правом не обладал. Однако на практике он мог поручить министрам разработать любой законопроект, который казался ему полезным или необходимым. Такая возможность была обусловлена не законом, а традицией и, кроме того, находила поддержку императора.

Поручения («представления») были неофициальными, не регулировались никаким законом и не были ограничены какими-либо правилами. Часто они даже граничили с просто пожеланиями. И, конечно, Государственный совет не имел способов контролировать их исполнение. Но это не значит, что министры могли пренебрегать ими. Дело в том, что поручения носили не только законодательный характер. Очень часто они были связаны с финансовой или административной сферой и даже представляли собой разрешение на ту или иную меру, так что министры были заинтересованы в их исполнении. Не могли они игнорировать и замеченные Советом лакуны в законодательстве. Однако независимо от этого разработка проектов могла замедляться, а даты их завершения – переноситься. В других случаях, особенно если речь шла о законодательном проекте, его выполнение по тем или иным причинам могло вообще оказаться невозможным.

И тем не менее право Государственного совета давать поручения министрам отчасти восполняло отсутствие права законодательной инициативы и было одним из проявлений существовавших де-факто координирующих функций Госсовета.

Ключевые слова: Российская империя; Государственный совет; поручение; император; министры; законодательство; координация.

Черникова Наталья Владимировна – кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института российской истории РАН
(Москва), Россия, Москва. E-mail: ncher@inbox.ru
Web of Science ID AAS-3119–2020

Chernikova N.V. «Legislative Initiative» of the State Council of Russian Empire in the Second Half of the 19th Century

Abstract. *In Russian Empire of the second half of the 19th century, the right to initiate legislative projects belonged to the autocrat and, also, to ministries, the Governing Senate and the Holy Sinod. The highest legislative authority of Russian Empire, the State Council, had no such power. However, in practice it could commission ministers to draft any legislation which the Council considered useful and essential. This power stemmed from custom, not from law; besides, it founded support from the Russian emperors.*

As these assignments («predstavlenia») were unofficial, they weren't governed by any law or limited by any rules. They could even border on wishes. And of course, the State Council wasn't able (or allowed) to supervise the enforcement of its assignments. But it doesn't mean that ministers could afford to neglect them. These assignments might have had not only legislative character. Very often they were of financial or administrative nature and constituted permissions for ministers, those ones, therefore, being interested to fulfil them. Ministers furthermore had to cover lacuna in legislation that were noticed by the Council. Regardless of this aspect, projects could suffer multiple delays, and expected dates of its completion might have been not respected. In other cases, especially if it was a legislative project, its implementation might, for various reasons, have been impossible at all.

Nevertheless, the power of the State Council to entrust ministers the tasks of developing drafts compensated for the lack of legislative initiative and was one of the manifestations of its role as an interministerial coordinator.

Keywords: *Russian Empire; State Council; assignment; emperor; ministers; legislation; coordination.*

**Chernikova Natalya Vladimirovna – Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy
of Sciences (Moscow), Russia, Moscow. E-mail: ncher@inbox.ru
Web of Science ID AAS-3119-2020**

Право законодательной инициативы, т.е. право возбуждать новые законодательные вопросы, в Российской империи принадлежало прежде всего императору и затем, по согласованию с ним, Правительствующему Сенату, Святейшему Синоду и министерствам. Высший законосовещательный орган империи – Государственный совет – таким правом не обладал. Это обстоятельство неоднократно подчеркивалось как современниками [Градовский 1875, с. 20; Коркунов 1903, с. 80, 110], так и исследователями [Ерошкин 2008, с. 161; Whelan 1982, р. 42; Деев 2002, л. 49; Ремнев 2010, с. 139] и трактовалось как признак слабости и зависимости [Ремнев 1987, с. 180] Совета.

Между тем при отсутствии объединенного правительства Государственный совет оказывался едва ли не единственным органом, способным, по выражению А.Д. Градовского, «составить целостное представление об общем

положении законодательства, совершенно недоступное отдельным министерствам, слишком углубленным в свои специальные дела» [Градовский 1903, с. 517]. Предоставление Совету права инициативы таким образом не только повысило бы его авторитет и значение, но и дало бы ему возможность координировать действия ведомств, а значит – вело к более гармоничному развитию страны в целом.

Эта тема время от времени поднималась не только в печати, но и в среде высшей бюрократии. Об этом, в частности, писал сенатор А.А. Половцов в записке 1877 г., предназначенной для наследника престола вел. кн. Александра Александровича [Чернуха 1978, с. 120].

Еще дальше пошел его коллега М.П. Веселовский, долгое время исполнявший обязанности статс-секретаря Департамента экономии. С его точки зрения, Совету должно было принадлежать право не только законодательной инициативы, но и запросов министрам. «Если бы Госуд[арственному] совету было предоставлено право делать так называемые “запросы” министрам (интерpellации), – писал он, – если бы ему принадлежало право инициативы в законодательных вопросах, то это очень подняло бы его авторитет, с пользою для дела» [Веселовский, л. 724].

Впрочем, ограничение функций Совета только рассмотрением представленных министрами проектов не всегда соблюдалось на практике, и сложившаяся традиция законотворчества выходила далеко за рамки существующего законодательства. В частности, не обладая правом законодательной инициативы, Государственный совет нередко инициировал подачу – в законодательном порядке – представлений министерствами. Оформлялось это поручениями тому или иному министру; причем поручения эти, как составляющая высочайше утвержденного мнения Совета, часто вносились в Полное собрание законов.

Такой обычай сложился еще в первой половине XIX в. и был связан с тем, что при обсуждении Советом того или иного проекта зачастую выявлялась необходимость более подробного рассмотрения связанного с ним вопроса или даже разработки тех или иных законодательных мер. Так, в начале 1838 г. частный случай предоставления привилегии полковнику Шипову на учреждение общества пароходства по рекам Волге, Оке и Шексне стал причиной поручения министрам финансов, внутренних дел и главноуправляющему путями сообщений «подробно исследовать вопрос не только по данному случаю, но и вообще относительно возможности буксирования судов на Волге посредством казенных пароходов» [цит по: Государственный совет 1901, с. 80–81].

Интересно, что закон никаких поручений министрам не предусматривал. Согласно Учреждению Государственного совета 1842 г., «по делам частным» и департаменты, и Общее собрание должны были основывать свои суждения

и заключения только на существующих законах (ст. 40, 89). Однако департаменты могли, «когда усмотрится неполнота закона или неимение оно», одновременно с решением по делу сообщить о возникшей проблеме II Отделению Собственной Его Императорского величества канцелярии «для соображений его при дополнении или составлении закона на будущее время» (ст. 40). Но в 1882 г. II Отделение было преобразовано в Кодификационный отдел при Государственном совете [Полное собрание 1886, с. 23], основной задачей которого было переиздание Свода законов со всеми внесенными к тому времени изменениями и дополнениями. С исчезновением II Отделения были сокращены или исключены из Учреждения Государственного совета все упоминавшие о нем статьи, так что уже в издании Учреждения 1886 г. возможность для Совета инициировать пересмотр существующего или издание нового закона не оговаривалась. Закон, таким образом, полностью отрицал за Советом право законодательной инициативы.

Получившие к этому времени широкое распространение поручения министрам сохраняли негласный характер: никакой власти над министрами Совет не имел, давать им «поручения» не мог, и в официальном языке мы этого слова не найдем. Вместо него употреблялось выражение «предоставить министру» сделать то-то и то-то.

Двойственный характер «поручений», существовавших *defacto*, но не *de jure*, лишал Совет возможности контроля за их исполнением.

Проблема привлекла внимание еще Николая I. Как-то, просматривая дела Совета, император заметил, «что во многих случаях Совет предоставляет министрам или главноуправляющим или сделать зависящие от них распоряжения к приведению в исполнение особо указанных Советом мер, или же дать в установленном порядке движение таким возникшим в Совете вопросам, разрешение коих зависит от других установлений», но о последствиях таких распоряжений Совет остается в неведении. Монарх приказал, чтобы во всех подобных случаях министры сообщали о принятых ими мерах «государственному секретарю, для доведения до сведения Государственного совета» [Высочайшее повеление № 1, л. 8–8 об.]. Второе, тогда же последовавшее, распоряжение касалось сроков, которые Совет устанавливал для внесения представлений и соображений министров и которые те не всегда соблюдали. Министрам и главноуправляющим объявлялась «высочайшая воля» вносить дела в срок, если же это оказывается почему-то невозможным, то о причинах «представлять Совету», чтобы он мог этот срок продлить [Высочайшее повеление № 2, л. 8 об.].

Как и многие другие распоряжения, не вошедшие в Учреждение, эти указания императора имели ограниченное по времени значение и со временем забылись. Однако сама идея расширения участия Совета в законодательном процессе не исчезла. В 1884 г. попытка «установить порядок, который дал бы

Совету возможность наблюдать за исполнением данных им поручений» была предпринята А.А. Половцовым. Правда, его предложение не встретило понимания. Выслушав доклад государственного секретаря «о множестве поручений, возложенных Государственным советом на министров и ими не исполненных», Александр III ограничился распоряжением представить ему ведомость о всех таких поручениях [Половцов 1966, с. 183].

В начале XX в. в связи со 100-летним юбилеем Государственного совета было принято решение о полной переработке его Учреждения, уже во многом устаревшего. В связи с этим вновь был поднят вопрос о законодательной инициативе Совета. В феврале 1901 г. на совещании под председательством вел. кн. Михаила Николаевича сановники рассуждали о предоставлении Совету права, «если он при рассмотрении законодательного дела признает то необходимым, возбуждать новый законодательный вопрос и поручать изготовление нового законопроекта либо подлежащему министру, либо подготовительной комиссии, в среде Совета образованной» («Разумеется, все это делается с особого на каждый раз высочайшего разрешения») [Половцов 2014, с. 281].

Возникшая дискуссия стала яркой демонстрацией несоответствия закона в сложившейся практике. Основываясь на существующем законодательстве, Д.М. Сольский и Н.В. Муравьев утверждали, что это совершенно новое право Совета, тогда как прослуживший девять лет на посту государственного секретаря А.А. Половцов полагал, что в этом нет ничего нового, что Совет «и теперь зачастую дает министрам поручения, которые они принимают, зная, что в противном случае дело путем разногласия будет доведено до высочайшего сведения» [Половцов 2014, с. 282].

Статья о поручениях Совета министрам действительно появилась в Учреждении 1901 г. (ст. 38), но была сформулирована довольно обтекаемо. Фактически она лишь предписывала министрам в тех случаях, когда высочайше утвержденное мнение Государственного совета будет включать поручение им привести в исполнение те или иные меры или разработать тот или иной проект, доводить «своевременно до сведения Государственного совета» о своих распоряжениях по таким вопросам и движении соответствующих дел. «Вестник права», разбирая новое Учреждение, предсказывал практическую бесполезность этой статьи, поскольку, во-первых, министры сохраняли свою безответственность перед Советом, и, во-вторых, «понятие своевременности есть понятие административное, определение которого в каждом конкретном случае входит всецело в компетенцию министров» [Д.Л. 1901, 219].

Служивший в Государственной канцелярии в 1895–1902 гг. В.И. Гурко писал, что широкое использование Советом права давать поручения министрам, при отсутствии у него каких-либо способов принуждения, на практике «сводилось к нулю: ведомства в огромном большинстве случаев не обращали

на них никакого внимания, и я даже не припомню ни единого проекта, внесенного в Государственный совет в исполнение данного им поручения» [Гурко 2000, с. 43].

Однако при более подробном рассмотрении проблема поручений министрам выглядит не столь однозначно. Прежде всего отметим, что поручения были довольно частыми. Так, только за два месяца с конца января по конец марта 1886 г. Государственным советом было дано семь поручений министрам [Извлечения-1, л. 30–55]. Однако далеко не все из них имели отношение к разработке новых законов. Тот же В.И. Гурко свидетельствует, что в начале царствования Николая II «широких политических вопросов» Совет вообще не поднимал, все его «поручения касались лишь второстепенных вопросов и собственно техники управления» [Гурко 2000, с. 43–44].

Маловажные вопросы превалировали среди поручений министрам и во второй половине XIX в. При этом далеко не всегда требовался отчет о выполнении порученного дела. Так, 3 февраля 1886 г. император утвердил мнение Государственного совета об упразднении состоящей при Ташкентской гимназии ученической квартиры для детей инородцев и об открытии ее при Туркестанской учительской семинарии [Полное собрание 1888, № 3497, с. 37–38]. При этом министру народного просвещения поручалось обсудить вопрос, «не представляется ли возможным равным образом изменить устройство ученического общежития в Верном» [Извлечения-1, л. 33]. В данном случае только от результатов этого обсуждения зависело, будет ли внесен в Совет еще один проект.

Часто поручения министрам относились к административной или финансовой сфере и вообще не подразумевали никакого, даже гипотетического, отчета об исполнении. Например, весной 1889 г. в Государственном совете обсуждался вопрос о выкупе в казну Закавказской железной дороги. Было принято решение «предоставить» министру путей сообщения принять Закавказскую железную дорогу в казну, а министру финансов произвести в скорейшем времени обмен всех еще непогашенных акций общества на 5%-ные гарантированные облигации равной нарицательной стоимости [Извлечения-1, л. 35].

Такие поручения часто граничили с разрешением, предоставлением права на то или другое действие, как «предоставление» (фактически – разрешение) министру внутренних дел после закрытия тюрем в Туле и Калуге использовать освободившиеся казенные здания по своему усмотрению или, в случае ненадобности, назначить в продажу [Полное собрание 1888, № 3595, п. XII, VII, с. 130]. Или «предоставление» в 1889 г. министру финансов по соглашению с министром внутренних дел «разрешать в особо уважительных случаях рассрочку и отсрочку недоимок и выкупных платежей, числящихся на

сельских обывателях» [Извлечения-1, л. 131 об.; Полное собрание 1891, № 5899, с. 127].

В других случаях таким образом описывался путь прохождения дел. Например, в 1889 г. при обсуждении Временного положения о железнодорожных тарифах и об учреждениях по тарифным делам министру финансов было «предоставлено» осуществлять связь между двумя вновь учреждавшимися в его ведомстве структурами: Тарифным комитетом и Советом по тарифным делам. Фактически же он получил право передавать любое дело Комитета в Совет (как более высокую инстанцию) [Извлечения-1, л. 124 об.].

Все эти поручения не предполагали внесения в Государственный совет каких-либо проектов или даже отчетов об их исполнении, поскольку носили административный характер, и министры сами выступали заинтересованной стороной в правильном и своевременном их исполнении.

Равным образом не оставляли возможности для иных действий министров и поручения, связанные с ведомственным финансированием. В том же Временном положении о железнодорожных тарифах указывалось, что «ввиду новизны и сложности дела» Положение вводится только на три года и по завершении этого срока министр финансов должен представить свои окончательные соображения по этому вопросу [Извлечения-1, л. 125; Полное собрание 1891, № 5831, п. VII, с. 88]. Такого рода поручение не могло быть не выполнено, поскольку было связано с формированием бюджета. И действительно, 7 декабря 1892 г. Государственным советом было утверждено представление министра финансов «об оставлении Временного положения о железнодорожных тарифах и об его учреждениях по тарифным делам в силе постоянного закона» [Полное собрание 1895, № 9131, с. 675–676]. По той же причине такие поручения всегда выполнялись в срок, и если их исполнение почему-то затягивалось, то очень незначительно. Например, в мае 1881 г. в Государственном совете обсуждался вопрос об источниках финансирования Кишиневской городской полиции, о соотношении средств казны и городского бюджета, используемых на эти нужды. Суммы были определены на пять лет (1881–1885) и затем, в 1886 г., еще на пять лет (1886–1890). При этом каждый раз министру внутренних дел поручалось в конце установленного срока внести в Совет представление о расходах казны на следующий период [Полное собрание 1885, № 132, с. 61–62; 1888, № 3482, с. 31–32]. Первый раз это условие было выполнено: представление поступило в Совет 4 ноября 1885 г. [Опись дел 1913, с. 202]. Второй раз время представления было также четко определено – «не позднее осени 1890 г.» [Извлечения-1, л. 31], однако срок выдержан не был, хотя опоздание и было незначительным. Проект поступил в Совет только 5 января 1891 г. и был утвержден 25 февраля [Опись дел 1914, с. 168; Полное собрание 1894, № 7499, с. 95].

Манкируя такого рода поручениями министр рисковал быть «наказанным рублем», как это произошло с министром путей сообщения К.Н. Посыетом в 1887 г. Тогда министерству был предоставлен кредит в 6 млн руб. на постройку Самаро-Уфимской железной дороги. Кредит был внесен условно, впредь до представления министром подробных расчетов о предстоящих расходах. Этого сделано не было, и Департамент экономии своим решением, утвержденным императором, уже в марте месяце сократил эту условно ассигнованную сумму наполовину [Извлечения-3, л. 32 об.].

Отдельную категорию связанных с финансированием поручений составляли дела об утверждении штатов различных учреждений. Во второй половине века дела о пересмотре штатов были вообще нередки, в чем нельзя не видеть влияния Великих реформ, изменивших систему управления империей. Особенно сложным было положение высших и центральных ведомств, поскольку новые задачи, которые возникали перед руководящими структурами в ходе реформ, при этом определялись далеко не сразу. В результате штаты часто утверждались как временные, руководителю ведомства поручалось через несколько лет внести новый проект штатов.

В такую ситуацию попала даже обслуживающая Совет Государственная канцелярия. Ее штат в 1869 г. был утвержден Советом на три года. В течение этого срока государственный секретарь должен был разработать и представить в Совет проект штата с учетом всех необходимых изменений [Полное собрание 1873, № 47856, с. 436–437]. Предполагалось, за это время служебные потребности Государственной канцелярии определятся и можно будет издать новый штат. Однако этого не произошло, и три года спустя высочайшим повелением от 30 декабря 1872 г. срок действия временного штата Государственной канцелярии был продлен еще на два года (до 1 января 1875 г.), а 31 декабря 1874 г. (также высочайшим повелением) до 1 января 1877 г. 11 января 1877 г. Совет принял решение о продлении этого штата со всеми сделанными к этому времени изменениями и дополнениями «до тех пор, пока состояние делопроизводства Государственного совета дозволит издание для Государственной канцелярии постоянного штата» [Отчет 1893, с. 91]. Как видим, сроки представления выдерживались здесь довольно четко.

Неоднократно, правда по другой причине, вынужден был вносить в Государственный совет проект штата столичной полиции министр внутренних дел. На протяжении нескольких лет, начиная с 1883 г., Совет тщетно пытался сократить требующуюся на содержание петербургского градоначальства и столичной полиции ежегодную сумму, которая стремительно приближалась к 2 млн руб. В 1883 г. она составляла 1 793 940 руб., и когда министр внутренних дел внес проект об усилении личного состава и денежных средств Санкт-Петербургского полицейского управления, ему было указано на то, что сумма отпускается «временно лишь на два года, в виду исключительных

политических обстоятельств», и поручено «выработать окончательный штат Петербургской городской полиции с таким расчетом времени, чтобы он мог быть введен в действие в 1885 г.». Совет ожидал сокращения расходов [Извлечения-1, л. 14; Полное собрание 1886, № 1430, с. 80], однако, когда спустя два года штат снова был представлен на его обсуждение, выяснилось, что за это время требующаяся на содержание градоначальства и столичной полиции сумма не только не уменьшилась, но увеличилась на 290 тыс. руб. В результате «разрешение вопроса о нормальных границах, в которые должен быть введен состав здешней полиции» был отложен еще на два года, а министру вновь поручено выработать более скромный штат к концу 1886 г. [Извлечения-1, л. 14; Полное собрание 1887, № 2855, с. 138–139]. Поручение было выполнено, и новый штат был внесен министром в Совет уже в июле 1886 г. [Опись дел 1913, с. 272], однако и на этот раз требуемая сумма возросла, обсуждение затянулось и очередной штат – снова временный – был утвержден только в мае 1887 г. [Полное собрание 1889, № 4428, с. 214].

В целом все это свидетельствует о том, что исполнение министрами поручений Совета в установленные сроки было общей практикой, но речь при этом шла именно о поручениях административно-финансового характера. Иная ситуация складывалась в тех случаях, когда имелась в виду собственно разработка законодательных проектов.

Установление точных сроков было здесь скорее исключением и касалось различных правил и инструкций, при этом сроком исполнения поручения могла быть не конкретная дата, а окончание каких-либо работ. Например, в 1884 г. министру финансов было поручено представить в Государственный совет проект правил о взимании особого сбора с проходящих через Батумский порт товаров на покрытие издержек по строительству портовых сооружений (мола, набережных, дамб, сооружений по очистке бухты и пр.). Работы были рассчитаны на три года [Извлечения-3, л. 70 об.–71; Опись дел 1913, с. 97], однако по разным причинам, в том числе и технического характера, строительство несколько затянулось, и порт вступил в строй только в 1889 г. Тогда же были представлены в Совет и утверждены им правила денежного сбора [Полное собрание 1891, № 5999, с. 203].

В остальных случаях срок не устанавливался (или легко нарушался), поскольку невозможно было заранее предугадать, сколько времени займет составление проекта и окажется ли оно вообще возможным.

Работа над новым законом подразумевала целый ряд шагов, длительность которых было сложно спрогнозировать. Это и сбор информации, и, нередко, рассылка предположений министерства на отзывы местным чиновникам и земствам, и консультации с другими министерствами, которые могли вылиться в создание межведомственных совещаний, и, наконец, получение отзывов всех затронутых проектом структур. При разработке сложных или

малоизвестных проблем эти работы могли тянуться годами. Е.А. Перетц, уже в самом конце своего пребывания на посту государственного секретаря, встретился с делом, с которого начинал свою служебную деятельность 23 годами ранее. Речь шла о некоторых облегчениях раскольников, а в 1882 г. обсуждался вопрос, вносить ли это дело в Государственный совет [Перетц 1927, с. 144].

Но и в простых случаях разработка и даже уточнение проекта могло занять несколько лет, даже если сами ведомства были заинтересованы в скорейшем окончании работы. Три года потребовалось Министерству народного просвещения, чтобы составить точный перечень мер для расширения народного образования. Его отсутствие в 1866 г. стало для Департамента экономии поводом отказать министру Д.А. Толстому в увеличении сметы на народные училища со 100 до 300 тыс. руб. И только в 1869 г. министерство смогло представить четкие указания, на что и как будут расходоваться затребованные деньги [Отчет 1870, с. 23–25; Полное собрание 1873, № 47148, с. 541–543]. Еще больше времени, целых восемь лет, работало Военное министерство над уточнением проекта об увеличении содержания военных врачей. Первоначально представленный в Государственный совет в 1863 г., этот проект был вторично внесен в него только в 1871 г. Правда, в данном случае дело усложнялось готовящимся введением всеобщей воинской повинности, потребовавшей существенной переработки проекта [Отчет 1878, с. 24–31].

Даже существование уже одобренного проекта не гарантировало быстрого исполнения «поручения» Совета. В 1885 г. Государственный совет разбирал вопрос о воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах. Признавая более осторожным ввести эту меру в виде опыта, на три года, Госсовет поручил («предоставил») министру финансов по соглашению с министром внутренних дел «подвергнуть вопрос о ночной работе подростков и женщин всесторонней разработке в связи с вопросом о работе малолетних и окончательные предположения по оному внести на рассмотрение установленным порядком» не позднее трехлетнего срока, т.е. 1 октября 1888 г. [Мемория 20 мая 1885, л. 261 об.–262; Полное собрание 1887, № 3013, с. 261]. Казалось бы, эта работа не должна затянуться. Однако министры дважды испрашивали высочайшее разрешение на отсрочку (сначала по 1 января, а затем по 1 апреля 1890 г.) [Отчет 1891, с. 341], 24 января 1890 г. проект был внесен ими в Совет [Опись дел 1914, с. 71] и уже 24 апреля стал законом [Полное собрание 1893, № 6742, с. 309–310].

Еще больше времени потребовалось министру юстиции на исполнение порученного ему Советом в том же 1885 г. составления проекта об ответственности за погромы. Работа также не была начата с нуля. Собственно, поводом к поручению стало рассмотрение в Совете проекта того же министра

о расширении компетенции мировых судей [Полное собрание 1887, № 3388, с. 523–525].

Еврейские погромы 1881–1882 гг. заставили министерство обратить внимание на отсутствие в уголовном законодательстве соответствующих статей, и оно посчитало возможным отнести эти преступления к компетенции мирового суда. Департаменты выступили категорически против такого предложения. Действия толпы, вызванные чувством религиозной или племенной вражды, полагали они, нельзя считать обычным нарушением тишины и спокойствия, подобным ссоре, драке или иному буйству в публичных местах, которые не представляют собой угрозы ни лицам, ни имуществу. Наоборот, погромы являются преступлением против порядка управления и тем самым представляют значительную опасность для общества [Отчет 1887, с. 555, 572, 573]. Отнесение таких преступлений к маловажным проступкам, рассматриваемых мировыми судьями, может дать повод «к предположению о снисходительном отношении закона к столь преступным проявлениям народного произвола» [Отчет 1887, с. 573]. Так что, соглашаясь с министром юстиции в необходимости срочно восполнить существующий в законодательстве пробел, Департаменты поручили ему рассмотреть вопрос «об особой наказуемости деяний, заключающихся в открытом нападении одной части населения на другую» и внести свои предположения в Совет «в возможно непродолжительном времени» [Отчет 1887, с. 574]. Эта работа заняла почти шесть лет. Только в конце мая 1891 г. дело было представлено в Совет, а в декабре стало законом [Опись дел 1914, с. 159; Полное собрание 1894, № 8144, с. 659].

К сожалению, незначительное число работ, посвященных деятельности Государственного совета на рубеже веков, не дает возможности ответить на вопрос, как строились отношения между Советом и министрами в первой половине царствования Николая II. Однако бесспорно, что целый ряд поручений разработать проект именно законодательного характера и в этот, и в более ранний период действительно исчезал в недрах различных ведомств. Другое дело, что в этом нельзя видеть исключительно нежелание министра выполнять поручение, его пренебрежение мнением Совета.

В некоторых случаях у министра просто не оказывалось такой возможности. В ноябре 1883 г., например, при образовании Приамурского генерал-губернаторства была учреждена Амурская казенная палата. Она получила временное устройство, причем министру финансов, которому палата была непосредственно подчинена, было «предоставлено» через три года внести в Государственный совет проект ее окончательного устройства и состава [Полное собрание 1886, № 1866, с. 467–468]. Своевременно этого сделано не было, а внесенное все же 21 февраля 1887 г. представление лишь признавало невозможность определения круга деятельности и состава Палаты до тех пор, пока Приамурским генерал-губернатором (А.Н. Корфом) не будут завершены

образования управления подведомственных ему областей [Опись дел 1913, с. 273; Извлечения-3, л. 40 об.]. Между тем дело это оказалось непростым [Ремнев 1996, с. 17–30], предвидеть срок его окончания было невозможно, и Государственному совету не оставалось ничего иного, как продлить действие временного штата Амурской казенной палаты до преобразования областных учреждений в Приамурском крае [Полное собрание 1889, № 4374, с. 182].

Кроме того, надо учитывать, что многие поручения министрам законодательного характера часто граничили с пожеланиями рассмотреть саму возможность издания того или иного закона. И замеченные Советом пробелы в законодательстве не всегда оказывалось возможным заполнить.

Это касается, например, закона о духовных завещаниях. Его необходимость была осознана еще в середине XIX в., и II Отделение неоднократно (и по разным причинам неудачно) пыталось провести через Государственный совет положения, касающиеся разных частей этого вопроса. После Судебной реформы 1864 г. проблема стала еще более настоятельной, некоторые постановления о духовных завещаниях оказались просто неисполнимы. В начале 1867 г. управляющий II Отделением граф В.Н. Панин внес проект об изменении законов о духовных завещаниях и согласовании их с новыми судебными порядками. Однако министр юстиции, на предварительное заключение которого был передан проект, заявил, что пересмотр и согласование всех вопросов требуют продолжительного времени, тогда как изменение статей, связанных с реализацией закона, представляется безотлагательным. В результате, по соглашению главноуправляющего II Отделением и министра юстиции, было принято решение о выработке временных правил о духовных завещаниях [Отчет 1870, с. 12–13], которые были обсуждены Государственным советом и утверждены императором в 1869 г. [Полное собрание 1873, № 46935, с. 297–299]. При этом главноуправляющему II Отделением кн. С.Н. Урусову было поручено внести, по согласованию с министром юстиции, проект общих изменений узаконений о духовных завещаниях «в возможно непродолжительном времени» [Отчет 1870, с. 14]. Сделано этого не было; вплоть до 1917 г. правовой основой оставалась глава «О духовных завещаниях» Свода Законов Гражданских [Свод законов 1857, с. 199–216]. Однако было бы неверно видеть в этом нежелание главноуправляющего II Отделением и министра юстиции исполнять рекомендации Государственного совета. Причина крылась в общей неразработанности наследственного права, вплоть до отсутствия в нем общих понятий и собственно наследственного права, и института наследования по завещанию. В результате доминирующую роль в создании завещательного права играло не законодательство, а судебная практика [Беляев 1903, с. 68–72; Смирнов 2012, с. 2, 17, 21–31]. Участвовал в этом и Государственный совет, принимая постановления об обнародовании (распубликовании) решений по наиболее сложным наследственным делам, восходящим

в него из Сената, «для устранения недоразумения» при применении закона в будущем [Отчет 1873, с. 252–255; Отчет 1881, с. 443–445].

Еще одним примером неисполненного поручения было создание биржевого устава. В 1885 г. при рассмотрении Советом дела об изменении числа и порядка выборов биржевых маклеров при Рыбинской бирже в Департаментах законов и экономии, а потом и в Общем собрании было обращено внимание на отсутствие единообразия в устройстве российских бирж, каждая из которых действовала на основании своего собственного устава, сходных в главных чертах, но отличавшихся второстепенными подробностями. По мнению департаментов, это объяснялась «не столько особенностями той или другой местности, в которой действует биржа, сколько способом составления самих уставов, не подвергавшихся взаимному соображению во всей их совокупности» [Мемория 7 января 1885, л. 21 об.].

Собственно, и Министерство финансов, и биржевые купеческие общества прекрасно понимали неполноту Торгового устава в разделе постановлений о биржах. На протяжении 1860–1870 гг. вопрос об усовершенствовании биржевой торговли поднимался неоднократно [Лизунов 2003, с. 152–174, 195–196, 206–209; Бородин, Коновалова 2010, с. 71–72], а первую половину 1870-х годов исследователь даже назвал «периодом несостоявшихся биржевых преобразований» [Лизунов 2003, с. 174]. Тем не менее, как признавал сам Государственный совет, сначала II Отделение, а затем и Кодификационный отдел отказались от введения их в Свод законов, так что в торговом законодательстве образовался пробел, заполнить который и было поручено министру финансов «созданием проекта нормального для бирж устава» и внесением его на рассмотрение Совета [Мемория 7 января 1885, л. 23 об.].

Как известно, сделано этого так и не было, хотя до конца XIX в. Министерством финансов такие попытки предпринимались. Так, в конце 1894 г. С.Ю. Витте представил Николаю II доклад о необходимости пересмотреть законоположения о биржах и акционерных компаниях, узаконения о которых «не подвергавшиеся изменениям со времени издания отличаются крайней неясностью и неполнотой» [цит. по: Лизунов 2003, с. 220]. С этой целью была создана специальная межведомственная комиссия, действительно разработавшая единый «Устав биржевой», однако его утверждение было отложено, как позже объявлялось, из-за разнохарактерности фондовой и товарной торговли и неоднородности условий биржевой торговли [Лизунов 2003, с. 227]. Впоследствии Витте отказался от общей биржевой реформы, ограничившись частной реформой торговли ценными бумагами и валютой на Петербургской бирже – созданием на ней Фондового отдела [Лизунов 2004, с. 273–282, 317–319]. Таким образом, и в этом случае неисполнение министром финансов Вышнеградским поручения Совета было следствием связанных с делом сложностей.

Как видим, поручения Государственного совета министрам не всегда предполагали их обязательное исполнение, тем более что свои «предоставления» Совет раздавал очень широко.

Существуя неофициально, поручения не регламентировались никакими правилами, не связывали Совет никакими соображениями и могли быть даны даже не тому министру, который внес обсуждавшийся проект. Например, в 1883 г. министр государственных имуществ возбудил вопрос об упразднении Пермской межевой комиссии, которая была учреждена в 1878 г. Однако против закрытия комиссии высказался министр юстиции, которому и было поручено представить в Совет свое мотивированное заключение. Поручение было выполнено, департаменты законов и экономии согласились с министром, и Пермская межевая комиссия была сохранена до окончания генерального межевания [Извлечения-1, л. 45; Полное собрание 1888, № 3554, с. 94].

Количество поручений также не было ничем ограничено, и министр внутренних дел как-то в 1885 г. получил четыре поручения за один раз. Ему «предоставлялось» представить к концу 1886 г. более скромный штат Петербургской городской полиции, выработать и представить на утверждение проект необходимых изменений и дополнений действующих законов об этой полиции, составить и преподать в руководство Петербургскому градоначальнику подробную инструкцию о внутренней организации и приемах полицейской службы и разработать основные начала устройства эмеритальной кассы для чинов полиции [Полное собрание 1887, № 2855, п. V, с. 138–139].

Ни в коем случае не могла идти речь и о какой-то ответственности руководителей ведомств перед законосовещательным учреждением. Единственное, о чем мог просить Совет, давая «поручение» министру, – быть в курсе хода его исполнения. В этом – но и только в этом – он опирался на поддержку императоров, начиная с Николая I. Вообще при отсутствии каких-либо официальных возможностей следить за ходом дела, единственным рычагом, который позволял Совету если не мобилизовать министров, то по крайней мере время от времени напоминать им о поручении, был монарх. Поэтому-то поручения министрам и вносились в мемории Совета, предназначенные для чтения императора. А государственный секретарь Перетц как-то в самом начале правления Александра III пошел на хитрость, заострив внимание августейшего собеседника на тех вопросах, которые были возбуждены Советом при обсуждении проекта о выкупных платежах, а именно об отмене круговой поруки, облегчении паспортного режима, дешевом кредите для приобретения частных земель, отводе крестьянам казенных земель и облегчении переселений. Все эти вопросы решить немедленно было невозможно, и потому предполагалось поручить соответствующим министерствам разработать предложения по всем этим предметам. «В резолюции вашего величества относительно этих вопросов ничего не сказано. Угодно ли вам утвердить заключение Совета?» –

спрашивал Перетц, чем вызвал справедливое изумление Александра III, считавшего, что для поручений министру разработать тот или иной вопрос отдельного утверждения не требовалось [Перетц 1927, с. 78].

Император, конечно, был прав, однако и государственный секретарь, обращая внимание недавно воцарившегося монарха на эти вопросы, руководствовался совсем не делопроизводственными, а чисто практическими соображениями.

Отсутствие у Государственного совета права законодательной инициативы, таким образом, не лишало его возможности в завуалированном виде инициировать подготовку того или иного проекта. Лишенный права настаивать на исполнении своих поручений министрами, Совет использовал иные способы контроля. В этом качестве нередко выступала апелляция к монарху. Вторым и не менее надежным рычагом была финансовая составляющая проектов.

С формальной точки зрения это явление было прямым нарушением буквы закона с молчаливого согласия высшей бюрократии и самого императора. Но в нем нельзя не видеть и реализацию практической потребности государства. Законодательная жизнь Российской империи нуждалась в координирующем работу министерств органе, для которого политическое устройство страны не оставляло места. В этом случае закон вынужден был уступать первенство практике, а Государственный совет выполнять функции, противоречащие собственному учреждению.

Библиография

Беляев П.И. Исторические основы и юридическая природа современного русского завещания // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 6. С. 68–72.

Бородкин Л.И., Коновалова А.В. Российский фондовый рынок в начале XX века. Факторы курсовой динамики. СПб.: Алетейя, 2010. 296 с.

Веселовский М.П. Записки // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ). Ф. 550. Ф. IV. № 861. 730 л.

Высочайшее повеление от 22 августа 1853 г. № 1 // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1162. Оп. 2. ОтГС. Д. 2. Л. 8–8 об.

Высочайшее повеление от 22 августа 1853 г. № 2 // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1162. Оп. 2. ОтГС. Д. 2. Л. 8 об.

Государственный совет. 1801–1901. СПб.: Государственная типография, 1901. 264 с.

Градовский А.Д. Государственный совет // Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 8. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1903. С. 513–518.

Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. 1. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1875. 436 с.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 810 с.

Д.Л. Новое учреждение Государственного совета // Вестник права. 1901. Т. 31. С. 210–222.

- Деев А.Ю. Государственный совет Российской империи, 1894–1905 гг. Дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. 327 с.
- Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: РГГУ, 2008. 710 с.
- Извлечения из меморий Государственного совета // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Т. 1. 198 л.
- Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 2. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1903. 596 с.
- Лизунов П.В. Биржи в России и экономическая политика правительства (XVIII – начало XX в.). Архангельск: ОГУП Соломбальская тип., 2003. 309 с.
- Лизунов П.В. Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб.: Блиц, 2004. 574 с.
- Мемория Общего собрания Государственного совета. 7 января 1885 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1159. Оп. 1. Д. 343. Л. 1–64.
- Мемория Общего собрания Государственного совета. 20 мая 1885 // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1159. Оп. 1. Д. 346. Л. 1–279 об.
- Опись дел архива Государственного совета. Т. 10. 1883–1888. СПб.: Государственная типография, 1913. 445 с.
- Опись дел архива Государственного совета. Т. 11. 1889–1894. Петроград: Государственная типография, 1914. 469 с.
- Отчет по Государственному совету за 1869 г. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1870. 177 с.
- Отчет по Государственному совету за 1871 г. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1873. 277 с.
- Отчет по Государственному совету за 1876 г. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1878. 423 с.
- Отчет по Государственному совету за 1879 г. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1881. 771 с.
- Отчет по Государственному совету за 1885 г. СПб.: Государственная типография, 1887. 708 с.
- Отчет по Государственному совету за 1890 г. СПб.: Государственная типография, 1891. 567 с.
- Отчет по делопроизводству Государственного совета за время с 1 января 1892 г. по 31 мая 1893 г. СПб.: Государственная типография, 1893 г. Т. 1. 932 с.
- Перетц Е.А. Дневник государственного секретаря (1880–1883). М. – Л.: Государственное издательство, 1927. 172 с.
- Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1873. Собрание 2. Т. 44 (1869). 1144 с.
- Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Государственная типография, 1885. Собрание 3. Т. 1 (1881). 623 с.
- Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Государственная типография, 1886. Собрание 3. Т. 3 (1883). 979 с.
- Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Государственная типография, 1887. Собрание 3. Т. 5 (1885). 1521 с.
- Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Государственная типография, 1888. Собрание 3. Т. 6 (1886). 802 с.
- Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Государственная типография, 1889. Собрание 3. Т. 7 (1887). 1146 с.

- Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Государственная типография, 1891. Собрание 3. Т. 9 (1889). 1447 с.
- Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Государственная типография, 1893. Собрание 3. Т. 10 (1890). 1090 с.
- Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Государственная типография, 1894. Собрание 3. Т. 11 (1891). 1384 с.
- Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Государственная типография, 1895. Собрание 3. Т. 12 (1892). 1353 с.
- Половцов А.А. Дневник. 1893–1909. СПб.: Алетея, 2014. 704 с.
- Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. М.: Наука, 1966. Т. 1. 1883–1886. 551 с.
- Ремнев А.В. Проблема «указа и закона» в пореформенной России // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1987. Вып. XVIII. С. 175–189.
- Ремнев А.В. Проблемы управления Дальним Востоком России в 1880-е гг. // Исторический ежегодник. Омск: Изд-во ОмГУ. 1996. С. 17–30.
- Ремнев А.В. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Политическая энциклопедия, 2010. 511 с.
- Свод Законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. Т. 10. Ч. 1. Законы гражданские. 595 с.
- Смирнов С.А. Развитие института наследования по завещанию в Российской империи в 1835–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский государственный юридический университет, 2012. 39 с.
- Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. Л.: Наука, 1978. 248 с.
- Whelan H. Alexander III and the State Council: Bureaucracy and Counter-Reform in Late Imperial Russia. New Brunswick: Rutgers University press, 1982. 258 p.

References

- Beljaev P.I. Istoricheskie osnovy i juridicheskaja priroda sovremennogo russkogo zaveshhanija. [Historical foundations and legal nature of modern Russian wills]. Journal of the Ministry of Justice. 1903. No 6. P. 68–72. (In Russ.)
- Borodkin L.I., Kononova A.V. Rossijskij fondovyy rynek v nachale XX veka. Faktory kursovoj dinamiki [Russian stock market in the early 20th century: Factors of exchange rate dynamics]. Saint-Petersburg: Aletea, 2010. 296 p. (In Russ.)
- Chernuha V.G. Vnutrennjaja politika carizma s serediny 50-h do nachala 80-h gg. XIX v. [Domestic policy of tsarism since the mid 50-h before the start of 80-h years of the XIX century]. Leningrad: Science, 1978. 248 p. (In Russ.)
- D.L. Novoe uchrezhdenie Gosudarstvennogo soveta [The new Establishment of the State Council]. Vestnik prava. 1901. G. 31. P. 210–222. (In Russ.)
- Deev A.Ju. Gosudarstvennyj sovet Rossijskoj imperii, 1894–1905 gg. [The State Council of the Russian Empire, 1894–1905]. PhD dissertation in political science. Moscow: Moscow State University, 2002. 327 p. (In Russ.)
- Ershkin N.P. Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii [The history of state institutions in pre-revolutionary Russia]. Moscow: RGGU, 2008. 710 p. (In Russ.)
- Gosudarstvennyj sovet. 1801–1901 [State Council. 1801–1901]. Saint Petersburg: State Printing house, 1901. 264 p. (In Russ.)

Gradovskij A.D. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava [The beginnings of Russian state law]. Vol. 1. Saint Petersburg: Publishing house by M.M. Stasjulevich, 1875. 436 p. (In Russ.)

Gradovsky A.D. Gosudarstvennyj sovet [The State Council]. Gradovsky A.D. Sobranie sochinenij [Collected works]. Saint Petersburg: Publishing house by M.M. Stasjulevich, 1903. Vol. 8. P. 513–518. (In Russ.)

Gurko V.I. Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvo v tsarstvovanie Nikolaia II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past. Government and society in the reign of Nicholas II, an overview of a contemporary]. Moscow: A New Literary Review, 2000. 810 p. (In Russ.)

Izvlechenija iz memorij Gosudarstvennogo soveta [Extracts from weekly memoranda of the State Council]. State Archive of the Russian Federation. F. 543. Inv. 1. F. 706. Vol. 1. 198 p. (In Russ.)

Korkunov N.M. Russkoe gosudarstvennoe parvo [Russian State Law]. Saint Petersburg: Publishing house by M.M. Stasjulevich, 1903. Vol. 2. 596 p. (In Russ.)

Lizunov P.V. Birzhi v Rossii i jekonomicheskaja politika pravitel'stva (XVIII – nachalo XX vv.) [Stock Exchange in Russia and the Government's Economic Policy (18th – early XX century)]. Arhangel'sk: OGUP Solombal'skaja Printing house, 2003. 309 p. (In Russ.)

Lizunov P.V. Sankt-Peterburgskaia birzha i rossiiskii ryok tsennykh bumag (1703–1917 gg.) [St. Petersburg Exchange and Russian securities market (1703–1917)]. Saint Petersburg: Blitz, 2004. 574 p. (In Russ.)

Memoria Obshhego sobranija Gosudarstvennogo soveta [Memorandum of General Assembly of the State Council]. 7 January 1885. Russian State Historical Archive. F. 1159. Inv. 1. F. 343. P. 1–64. (In Russ.)

Memoria Obshhego sobranija Gosudarstvennogo soveta [Memorandum of General Assembly of the State Council]. 20 May 1885. Russian State Historical Archive. F. 1159. Inv. 1. F. 346. P. 1–279 f.v. (In Russ.)

Opis' del arhiva Gosudarstvennogo soveta [Inventory of records of the Archive of the State Council]. Vol. 10. 1883–1888. Saint Petersburg: State Printing house, 1913. 445 p. (In Russ.)

Opis' del arhiva Gosudarstvennogo soveta [Inventory of records of the Archive of the State Council]. Vol. 11. 1889–1894. Petrograd: State Printing house, 1914. 469 p. (In Russ.)

Otchet po Gosudarstvennomu sovetu za 1869 g. [Report on the State Council for 1869]. Saint Petersburg: Printing house of the Second Branch of His Own Imperial Majesty's Chancery, 1870. 177 p. (In Russ.)

Otchet po Gosudarstvennomu sovetu za 1871 g. [Report on the State Council for 1871]. Saint Petersburg: Printing house of the Second Branch of His Own Imperial Majesty's Chancery, 1873. 277 p. (In Russ.)

Otchet po Gosudarstvennomu sovetu za 1876 g. [Report on the State Council for 1876]. Saint Petersburg: Printing house of the Second Branch of His Own Imperial Majesty's Chancery, 1878. 423 p. (In Russ.)

Otchet po Gosudarstvennomu sovetu za 1879 g. [Report on the State Council for 1879]. Saint Petersburg: Printing house of the Second Branch of His Own Imperial Majesty's Chancery, 1881. 771 p. (In Russ.)

Otchet po Gosudarstvennomu sovetu za 1885 g. [Report on the State Council for 1885]. Saint Petersburg: State Printing house, 1887. 708 p. (In Russ.)

Otchet po Gosudarstvennomu sovetu za 1890 g. [Report on the State Council for 1890]. Saint Petersburg: State Printing house, 1891. 567 p. (In Russ.)

Otchet po deloproizvodstvu Gosudarstvennogo soveta za vremja s 1 janvarja 1892 g. po 31 maja 1893 g. [Report on the proceedings of the State Council from 1 January 1892 to 31 May 1893]. Saint Petersburg: State Printing house, 1893. Vol. 1. 932 p. (In Russ.)

Peretz E.A. Dnevnik gosudarstvennogo sekretaria (1880–1883) [Diary of Secretary of State]. (1880–1883). Moscow, Leningrad: Gosizdat, 1927. 172 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Printing house of the Second Branch of His Own Imperial Majesty's Chancery, 1873. Collection 2. Vol. 44 (1869). 1144 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: State Printing house, 1885. Collection 3. Vol. 1 (1881). 623 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: State Printing house, 1886. Collection 3. Vol. 3 (1883). 979 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: State Printing house, 1887. Collection 3. Vol. 5 (1885). 1521 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: State Printing house, 1888. Collection 3. Vol. 6 (1886). 802 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: State Printing house, 1889. Collection 3. Vol. 7 (1887). 1146 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: State Printing house, 1891. Collection 3. Vol. 9 (1889). 1447 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: State Printing house, 1893. Collection 3. Vol. 10 (1890). 1090 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: State Printing house, 1894. Collection 3. Vol. 11 (1891). 1384 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: State Printing house, 1895. Collection 3. Vol. 12 (1892). 1353 p. (In Russ.)

Polovtsov A.A. Dnevnik gosudarstvennogo sekretaria [Diary of Secretary of State]. Moscow: Nauka, 1966. Vol. 1. 1883–1886. 551 p. (In Russ.)

Polovtsov A.A. Dnevnik. 1893–1909 [Diary. 1893–1909]. Saint Petersburg: Aleteia, 2014. 704 p. (In Russ.)

Remnev A.V. Problema «ukaza i zakona» v poreformennoj Rossii [Problem of decree and law in post-reform Russia]. Special historical disciplines. Leningrad: Science, 1987. Vol. XVIII. P. 175–189. (In Russ.)

Remnev A.V. Problemy upravleniia Dal'nim Vostokom Rossii v 1880-e gg. [Governance problems of Russian Far East in the 1880s]. Istoricheskii ezhegodnik. Omsk: Omsk State University, 1996. P. 17–30. (In Russ.)

Remnev A.V. Samoderzhavnoe pravitel'stvo: Komitet Ministrov v sisteme vysshego upravleniia Rossiiskoi Imperii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX veka) [Autocratic government: The Committee of Ministers in the government system of the Russian Empire (second half 19th – early 20th century)]. Moscow: Rosspen, 2010. 511 p. (In Russ.)

Smirnov S.A. Razvitie instituta nasledovaniia po zaveshhaniju v Rossijskoj imperii v 1835–1917 gg. [Development of the institute of inheritance by will in Russian empire in 1835–1917]. Synopsis of thesis for PhD degree. Moscow: Moscow State Law University, 2012. 39 p. (In Russ.)

Svod zakonov Rossiiskoi Imperii [Digest of Laws of the Russian Empire]. Vol. 10. P. 1. Zakony grazhdanskie [Civil laws]. St. Petersburg: Printing house of the Second Branch of His Own Imperial Majesty's Chancery, 1857. 595 p. (In Russ.)

Veselovsky M.P. Zapiski [Notes]. Manuscripts Department of the National Library of Russia (RO RNB). F. 550. F. IV. N 861. 730 p. (In Russ.)

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Vysochajshee povelenie ot 22 avgusta 1853 g. N 1 [Imperial Order. August 22, 1853. No 1].
Russian State Historical Archive. F. 1162. Inv. 2. DepSS. F. 2. P. 8, 8 f.v. (In Russ.)

Vysochajshee povelenie ot 22 avgusta 1853 g. N 2 [Imperial Order. August 22, 1853. No 2].
Russian State Historical Archive. F. 1162. Inv. 2. DepSS. F. 2. P. 8 f.v. (In Russ.)

Whelan H. Alexander III and the State Council: Bureaucracy and Counter-Reform in Late Imperial Russia. New Brunswick: Rutgers University press, 1982. 258 p.

И.И. Глебова

**«СТРАШНАЯ ПОРА ПЕРЕЛОМА»*:
О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И КУЛЬТУРЕ**

Аннотация. Этот текст возвращает нас к русской революции 1917 г. – к той эпохе, ее мировоззренческим контекстам, ее метафизике. В центре внимания автора – революционные созвучия культурного и социального и политического. Европейская культура 1890–1900–1910-х годов была наполнена «музыкой революции»: потребностью ниспровергать, неприятием авторитетов, традиций, поиском нового (форм, образов, смыслов). В российской культуре, являвшейся в XIX – начале XX в. ярким и динамичным элементом европейского культурного пространства, намерение «преступить», желание радикальных перемен особенно очевидны. В ней всегда были сильны «страсть к разрывам», расколам, нигилистический запал; во многом поэтому переходы в новое историческое качество имели революционный характер. XX век с его новым миром (индустриализма, урбанизма, массовых обществ, революций сознания, образов жизни и образов мыслей), футуристическая культура модерна раскалили эти страсти, спровоцировали новые противостояния. Наиболее опасным автор считает раскол по линии «старое / новое» (а это и есть главный конфликт любой революции) той социальности, что была создана европейской культурной прививкой («Петербург против Петербурга»). И источники этой опасности ищут в пространстве культуры. Определявшие ее в начале XX столетия новаторы-творцы (культурный авангард «новой России» / «новый Петербург») были заряжены на бескомпромиссные поиск, эксперимент, борьбу со всей той «ветошью», что стояла на пути творчества, молодости. «Прошлое – тесно», «только мы – лицо нашего времени» – вот то, что они несли в литературу, искусство, науку. Производимые «детонации» были столь сильны, что не могли не сказаться на политике, экономике, социальной практике. Культурный подъем придавал чрезвычайное напряжение конфликтам старых и новых сил, самодержавия («старой» власти) и общества, устремленного к новым социальным горизонтам. Культура и была одним из контекстов русской революции, одной из ее «лабораторий».

* С.П. Дягилев, готовивший к марту 1905 г. выставку исторического русского портрета в Таврическом дворце и объехавший для этого множество дворянских имений, писал: «...вот когда я совершенно убедился, что мы живем в страшную пору перелома, мы осуждены умереть, чтобы дать воскреснуть новой культуре, которая возьмет от нас то, что останется от нашей усталой мудрости» [Дягилев 1982, с. 193]. Это определение времени и вынесено в заголовок статьи.

Ключевые слова: революция; темпоральные ориентации; модерн; Петербург; общество; творцы; наука; искусство; «новый человек»; свобода.

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук,
руководитель Центра руссиеведения, Институт научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва.
E-mail: glebova.i.i@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: AAT-7754-2020

Glebova I.I. The Hideous Times of Breakup on Russian Revolution and Culture

Abstract. *This text brings us back to the Russian Revolution of 1917 – its epoch, mindset context and metaphysics. The author focuses on the revolutionary consonance of the cultural, social and political. The European culture in 1890s – 1990s – 1910s was full of the «music of revolution»: striving for subversion, rejection of authorities, traditions, search for the new (forms, images, narratives). In Russian culture, which in the 19th – beginning of the 20th century represented a bright and dynamic element of the European cultural space, the desire to «contravene» and the wish for radical change were especially evident. It had always had in itself a powerful passion for schisms, ruptures, nihilistic fervor. This is largely why the transitions to the new historic state of affairs had revolutionary nature. The 20th century with its new world (industrialism, urbanism, mass societies, revolutions in consciousness, ways of life and modes of thinking) and futuristic culture of modernism fueled these passions, provoking new clashes. In the author's view, the most dangerous was the divide between «the old» and «the new» (this being the main conflict in any revolution) of that sociality, which was created by the European cultural vaccine («St. Petersburg vs St. Petersburg»). The origins of this threat are to be found in cultural space. Those pioneering creators of the beginning of the 20th century – the cultural vanguard of «the new Russia» / «new St. Petersburg» – who shaped that space were full of energy for uncompromising search, experiment, fight against all the obsolete that stood in the way of creativity, in the way of youth. «The past is narrow», «only we are the face of our time», – that is what they brought in literature, arts and science. «Detonations» made by them were so powerful that they couldn't but have an impact on political, economic and social practices. The cultural ascent brought extraordinary tension to the conflicts between the old and the new forces, absolutist rule («old» ruling class) and society headed for new social horizons. Culture itself was one of the contexts of the Russian Revolution, one of its «laboratories».*

Keywords: *revolution; temporal orientations; modernism; St. Petersburg; society; creators; science; arts; «new man»; freedom.*

Glebova Irina Igorevna – Doctor of Political Sciences,
Head of the Center of Russian Studies, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Russia, Moscow. E-mail: glebova.i.i@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: AAT-7754-2020

Совсем недавно отзвучало столетие русской революции – события, определившего XX в. (и не только в России), последствия которого и теперь еще влияют на нашу жизнь. Главное ощущение, им оставленное: невнимание, равнодушие (прошло – и ладно), мелочность и скандальность в «подборе» тем (Распутин, Матильда, измена, враги) и какая-то странная высокомерная усталость¹. Идет ли речь о России царской, революционной, ранней советской (ленинской, сталинской), посыл один: что тут обсуждать – все давно известно, отговорено, разобрано². Однако итог большого юбилея 2017 г. как раз обратный.

Понять революцию – с этой задачей мы явно не справились³. Причин здесь много, но одна имеет особое значение – еще и потому, что об этом не вспоминают (не придают значения). Наше время лишено революционного запала; потребность менять мир в нем не то что не доминирует, но периферийна, культура лишена этого напряжения: время, вперед!⁴ В этом – его принципиальное отличие от начала XX в., потрясшего мир революциями во всех областях. Это эпохи различных, если так можно выразиться, темпоральных устремленностей, разных «возрастов» (в культурном, ментальном, мировоззренческом отношениях)⁵. Когда XXI столетие обращается к XX, меряя те

1. Так или иначе она проявлялась и у больших исследователей, и у интересующейся историей публики.

2. Эта иллюзия – знаем, понимаем – вообще характерна для массового отношения к прошлому (особенно к тем временам, с которыми у настоящего уже нет непосредственных связей). За этим – желание им овладеть (владеть), распоряжаться, свойственное человеку. При кажущейся легкости оно не осуществимо. Прошлое – это действительно ушедший мир, не восстановимый во всей его полноте; в известном смысле он потерян для нас навсегда. Поэтому работа с прошлым – всегда **искусство интерпретации**, если угодно, перевода (с «языка» на «язык»).

3. Это фиксировали исследователи революции [см., напр.: Fitzpatrick 2017; Минц 2019]. Речь, однако, идет не только о профессиональном знании, но и о том опыте, которое общество (общества) могут (и должны) извлекать из прошлого. И дело здесь не в дефиците источников, сведений – напротив, этого в избытке. Отсутствуют какие-то важные «опоры» (точки зрения, позиции), которые могли бы сфокусировать взгляд.

4. «Благоприятная обстановка для всех возвращений к прошлому – это реакция на фальшивое “светлое будущее” ... коммунизма», – указывал Э. Морен [Морен 1995, с. 11]. «Культ прошлого является ответом на неизвестность будущего и отсутствие коллективного общественного проекта», – «рефреном» звучит А. Про [Про 2000, с. 318]. Иначе говоря, современный «перфектизм» имеет идеологические, политико-культурные обусловленности. Поэтому его вторжение в политику, очевидное везде, совершенно не случайно.

5. А это значит, что разительно различаются идентичности человека и общества, что в них действуют разные модальные типы личности (по-разному смотрят в прошлое и будущее, оценивают настоящее).

«неслыханные перемены, невиданные мятежи» своим знанием, опытом, — неадекватности неизбежны.

О началах XX в.: «Мы наш, мы новый...»

XX век (не тот, что случился и стал нашей историей⁶, но едва успевший заявить о себе, внезапно оборвавшийся, забытый: 1900–1910-х годов, до мировой войны и Русской революции) жил перспективами: мечтал, изобретал, строил, творил. То была эпоха торжества «фьючеризма» (футуризма) – предельное ускорение и уплотнение времени, прорывы во всем (науке, искусстве, технологиях, социальной жизни). Эпоха требовала радикального обновления (и активизировала всякого рода радикализмы – правые, левые), признавала одну легитимацию – через будущее (образы будущего), противопоставляла традицию и современность (объявила войну традиции / традиционному как отжившему, ненужному, препятствию на пути развития)⁷. Высокий статус в футуристической культуре модерна приобрели новизна (неожиданное, неизведанное), молодость (и младшее поколение), идеи начала, начинания заново – и, соответственно, отрицания, разрушения⁸. Социальные катаклизмы XX в. во многом связаны с модернистскими настроениями, культурой (ими обусловлены).

Во власть метафизики столетия попала вся Европа (точнее, весь европейский мир). Везде она спровоцировала раскол на старые и новые силы (политические, социальные, культурные), их столкновения. Однако особенно острый

6. А именно этому XX в. (в особенности раннему СССР) приписываются весь оптимизм, футуризм, упрямая достижительность века. Об этом (как об утрате) теперь ностальгируют даже те, кто был бы потенциальной жертвой ленинско-сталинского «оптимизма». Это стало модно (так в конце 1990-х годов вдруг вошло в моду вспоминать об СССР).

7. Р. Козеллек говорил: «Специфическая ориентация Нового времени на будущее складывалась по мере того, как общественная модернизация разрушила староевропейское пространство опыта крестьянско-ремесленных жизненных миров, она привела их в движение и обесценила в качестве установок, направляющих ожидания. На место опыта предшествующих поколений приходит опыт прогресса, который придает горизонту ожидания, до тех пор прочно привязанному к прошлому, исторически новое качество постоянной погруженности в утопию» [цит. по: Хабермас 2003, с. 23]. XX век, едва начавшись, придал этой нововременной ориентации окончательное напряжение: ощущение, что он, наконец, позволит ей реализоваться, что тут-то история и «закончится», прогресс победит (интересно, что и конец столетия был связан с подобными надеждами – вспомним «футуристический манифест» Ф. Фукуямы, да и вообще реакции на «конец коммунизма» как мирового проекта).

8. «Прогрессизм» и нигилизм – вот идеология модерна. Он мыслил утопически (присущий ему идеализм открывал дорогу для различных утопий), переоценивал новизну – гнался за всем новым, не страшился неизвестности, не заботясь о цене и последствиях.

характер конфликт традиционного и модерного приобрел в тех странах, которые запаздывали в XX в.⁹, где на пути нового века стояли «старые режимы» – автократические порядки, имевшие источником легитимности священную власть монархов (утверждавшую сверхвласть трона). Само наличие этой мишени способствовало сплочению новых сил, усилению их позиций в обществе (влияния на общество), придавало конфликту «старое» / «модерное» революционное напряжение¹⁰. Другим источником радикализации служила ситуация «восстания масс» – выхода на историческую арену «массового человека». Этот новый исторический субъект рвался строить свой новый мир, стремился реализовать обретенную субъектность – тотально, без ограничений, в ущерб всем прежним хозяевам истории (перевести традиционных социальных творцов: монархию, аристократию, церковь, буржуазию – в бывшие, оставить их власть в прошлом)¹¹.

В России этот конфликт века – «мы наш, мы новый ...» (XX век против всего, что было до него) – нашел для себя особо благоприятную почву. Его радикализм обычно объясняют одной причиной: самодержавие – «старый режим», который при своей очевидной бездарности (в том смысле, что давно пережил свою силу, свою самодержавность), консервации отсталости (держал страну на «низком старте» на пути в прогресс), слишком ожесточенно сопротивлялся, вызывая ответную ярость¹². Да, конечно, это фактор важный, в чем-то даже решающий: антисамодержавность – точка сборки для всех новых сил, борьба с самодержавием как со «старым режимом» – идеология

9. «Догнать и перегнать», овладеть Современностью – страсть отстающих (одна из страстей); не будучи реализована, она рождает тяжелые комплексы.

10. Известна формула М. Малиа: «европейская “великая революция” – это принявший всеобщий характер бунт против “старого режима”» (тысячелетнего европейского порядка, в основе которого был раскол на два мира – монархии, аристократии, церкви (тех, кто «правит, воюет и молится») и «тех, кто работает») [Малиа 2015, с. 13, 14].

11. Здесь берет начало тот «эгалитарный импульс», который, нарастая, приводил «ко все более радикальным уравнильным революциям XX в.» [Малиа 2015, с. 16].

12. М. Малиа указывает, что западная революционная традиция «идет не только от примата политической свободы к примату устранения социального неравенства и от сравнительной умеренности к экстремизму», но и «из передовых обществ в отсталые. Так, от экономически развитых и политически сложных “старых режимов” атлантического Запада эта традиция распространилась на более простые и милитаризированные “старые режимы” Пруссии и Австрии, а также на самый незрелый и жестокий из них – российский» [Малиа 2015, с. 15–16]. То есть с «продвижением современности на восток» (по «западно-восточному культурному градиенту») традиция радикализуется; революция приобретает все более конкретные очертания, все более жестокие, дикие формы.

русской революции¹³. Однако рассматривая это «решение» как единственное (исходную базу для всех размышлений об эпохе), мы не принимаем во внимание (теряем) тот долговременный политико-культурный контекст (те контексты), который во многом обусловил масштаб и последствия революционных событий.

В России рубежа XIX–XX вв. совпало (сошлось, срезонировало) несколько процессов, несколько обстоятельств. Это совпадение придало конфликту «новое / старое», вроде бы естественному, неизбежному, необходимому для развития, отчасти утрированному XX в., чрезвычайное напряжение (характер чрезвычайщины).

Страна тогда находилась на решающем своем переходе, на главном рубеже. Самое «простое» определение природы этой переходности – движение от традиционного общества к современному, более открытому, демократическому, динамичному, «интенсивному» (во всех отношениях – от экономики и технологий до культуры, образования, политики)¹⁴. «В истории каждой нации подобная трансформация может произойти лишь однажды, так как она закладывает фундамент будущей “современности” этой нации», – пишет М. Малиа [Малиа 2015, с. 13]. Иначе говоря, это русское время было революционно по духу и сути, предполагало ожесточенное столкновение традиционного и нового, разных «образов Современности», различных политических проектов и социальных сил. Вызовы XX в., модерн с его футуристической устремленностью и агрессивным отношением к традиции довели ситуацию до противостояния.

Вообще особенность российского развития состоит в том, что переход в новое историческое качество имеет характер революции (происходит по революционному сценарию)¹⁵. Свой прежний «большой скачок»: в Новое (европейское) время – страна совершила как раз таким путем. Он сопровождался бескомпромиссной борьбой с традицией (европейского – с автохтонным, «инновационного» – с архаичным), расколом на две России: «модерни-

13. Заметим, однако, что вопрос о степени старорежимности «старого режима» нуждается в проработке – и тем настоятельнее, чем более очевидными кажутся ответы на него. Более того, именно столетнее «стояние» на этой позиции заставляет задуматься: а старорежимен ли «старый режим»? так ли он «старорежимен», как мы привыкли о нем думать?

14. Вот что говорит об этом М. Малиа: «Это политический, идеологический и культурный разрыв с извечной традицией; его суть заключается в переходе от корпоративного, иерархического мира, просто данного людям историей и / или божественным промыслом, к миру, где люди сознательно организуют и формируют свое общество» [Малиа 2015, с. 309].

15. В том смысле, что революционер хочет тотального переустройства мира; он не желает компромиссов – идет на крайности (или / или).

стов» / европейцев (петербургскую / петровскую) и «традиционалистов» / националистов (московскую / соборную) и их противостоянием¹⁶. То есть потребность в обновлении породила войну – культурно-ментальную, социальную (внутреннюю, гражданскую). Правда, она была ограничена верхушкой общества (теми, кто «правил, воевал и молился»), но это не снижало градуса ожесточения.

Вот этот сценарий и актуализировал XX век (дал воздух этому тлеющему пламени, позволил ему разгореться). При этом, однако, внес в него коррективы. В начале XVIII в. в качестве сценариста / революционера выступила власть (как источник всего и вся в этой социальности – других субъектов не было). Она привела революцию в страну – через Петербург (этот город – наше окно в Европу / мир и в революцию), создала модель новой русской современности. Два столетия спустя ее потеснило общество: это дитя петровского переворота созрело для того, чтобы учинить свой; само вознамерилось определять для этой нации, что есть Современность¹⁷.

Со сменой «актеров» изменилась и символическая топография конфликта. Диспозиция петровской революции: Петербург против Москвы (новый город – против старого, европейский – против русского, регулярность и форма – против жизнерадостного естественного хаоса / хаотической естественности). В XX в. по линии «новое / старое» окончательно раскололась одна сущность: Петербург (Россия общественная – интеллектуальная, художественная, буржуазная, политическая) – против Петербурга (России властной – придворной, бюрократической, гвардейской)¹⁸.

Хотя это символическое обозначение (имя) конфликта власти и общества, интересна (особенно значима) и его конкретика. Ведь со всей яркостью и очевидностью конфликт проявил себя именно в Петербурге – не только

16. Применяемые термины, конечно, условны. Однако важно подчеркнуть: восприятие нового (приобщение к Современности) было связано с расколом национальных сил, реализовывалось через их ожесточенное столкновение. У нас вообще воспроизводится эта тенденция – к разрыву, расколу; в культуре (в том числе, в культуре политической) присутствует нигилистический запал, страх разрывов приглушен. Тема расколотого общества (разных России как противоположностей, чуждостей – не в социальном только, но в культурном, политическом смысле) сохраняется, не уходит со временем.

17. Образ нового мира (Современности) для России общественной был «определен» европейским Просвещением (в широком смысле); ведь она сама – плод просвещения. Это прежде всего социальная эмансипация и индивидуальная свобода.

18. Петербург в данном случае название не географическое, а «цивилизационное». Такова имя той цивилизации, что явилась следствием 200-летнего европейского развития (национального как европейского), плодом европейской культуры. Власть со всем, что ей сопутствовало, и общество во всех его проявлениях суть одна Россия – Петербургская.

потому, что столица, но и оттого, что это их (власти и общества) место рождения и «место развития». В 1900–1910-е годы в одном пространстве (Петербург) как бы сошлись два города (город раздвоился – или удвоился)¹⁹. Один был устремлен в будущее, олицетворен новым искусством, религиозно-философскими исканиями, занят поиском новых форм (экономических, политических, потребительских, бытовых, всяческих). Символом другого выступал «Дворец» (царь / двор / Дворцовая площадь), власть, иерархия, ограничения – все то, что сковывает личность, мысль, воображение, творчество.

Новый город считал «Дворец» оплотом не только отсталости (анахронизмом, препятствием на пути прогресса), но и «азиатчины» – апофеозом русской неевропейскости; видел в нем вызов европейской природе столицы, европейским началам России. В этом смысле для «нового Петербурга» дело «Дворца» было делом антипетербургским (антипетровским). Он намеревался заменить собой Петербург царя, царской бюрократии и гвардейских казарм, построить свой город (свой мир), современный, передовой, европейский. Но «старый мир» не хотел уступать, настаивал: я есмь (жив, дееспособен; Дворец и есть Петербург, Россия).

Вот здесь, в этом расколе: Петербург против Петербурга – один из главных источников (и движущих сил) русской революции. Он имел разные характеристики, особенности, у него много лиц, обусловленностей, целеположений. Этот текст – о его культурном измерении: попытка не только сказать о тех напряжениях, которые возникли в культуре (хотя и это важно: здесь концентрировался и рефлексировался весь футуристический накал века), но привлечь культуру для понимания социального (в том числе, политического).

Российский случай дает для этого особые возможности. Общественный Петербург (российское общество) – это прежде всего культура. «Через» культурную экспансию он и создавался (других возможностей попросту не было, точнее они были ограничены – монополию на политическое, экономическое и проч. имело государство / власть), стал сознавать себя самостоятельным, самоценным. Здесь прежде всего сказалось то громадное напряжение, которое принесла с собой Современность. И новое общество во многом формиро-

19. Это характерно для тогдашних больших городов: они не были едины, в них соседствовали разные сущности. И это естественно: общий город для всех – это **задача** века; он еще только замыслился, конструировался, строился. Тогдашний Берлин, например, – город имперский (монархический, чиновный, гарнизонный), современный (урбанистический, буржуазный, интеллектуальный и культурный), рабочий (индустриальный, полный классовых конфликтов, социальных запросов). Все это – совершенно разные типы города; им трудно «ужиться», сосуществовать. Чем выраженнее, зримее были эти расколы / конфликты, тем выше опасность революции.

валось через «облучение» новой культурой. Поэтому культура стала важным пространством реализации «петербургского конфликта».

Петербургская Россия и XX век

Тот конфликт, который в этом тексте назван петербургским, совсем не случайно прошел по двум линиям: темпоральность (социальное время, тема развития / прогресса) и европеизм (тема «пути» – ценностей, сущностей / идентичностей). Это и есть основы Петербурга, той европеизированной социальности (субкультуры), источником и символом которой он был. Все, что существовало за ее пределами, жило циклами (природными, культурными, поколенческими); там все повторялось, воспроизводилось, регулировалось традицией, привычкой, строилось на пассивной адаптации к наличной реальности²⁰. Петербург – другой / параллельный мир (другая Россия – потенциальный вызов традиционалистской, крестьянской стране), вышедший из немецко-голландского камзола царя-революционера.

Нарождавшийся XX век вновь поставил все те темы, на (из) которых вырос Петербург, петербургская социальность. Не просто вернул их в повестку, но восстановил в том же крайнем, предельном виде (ребром), что и в начале XVIII столетия. Век требовал от России развития, европеизации, творчества – всего и в форсированном порядке. Хотя эти требования были обращены ко всем социальным слоям, для «субкультуры-Европы» то был особый вызов. Задачи века в первую очередь вменялись ей; «время, вперед!» – это прежде всего ее ответственность²¹.

20. А это и была вся Россия – многомиллионная страна, оставшаяся за пределами петровских и постпетровских европеизаций (бывшая для них только ресурсом, возможностью для осуществления). В каком веке она жила – XVII, XVIII, XIX? Трудно сказать. Крестьянская Русь столетиями была погружена в свое особое «настоящее / прошлое» (точнее, оставалась вне социального времени – просто потому, что это не ее тема). Изменения всерьез коснулись ее только с пореформенной эпохи; тогда для нее по-настоящему появилось время (началась темпорализация основного социального пространства).

21. Россия опять пошла в Современность «верхним», европеизированным, темпорально чувствительным своим слоем. Иначе и быть не могло: нам присущ именно этот тип исторического движения; он (в разных формах) воспроизводится во времени. Однако переход в XX в. уже не мог быть верхушечным, как петровский – он должен был захватить всю эту социальность, где архаичное, традиционалистское (имеется в виду прежде всего деревня) имело самые сильные позиции в Европе. Массы в массовом обществе (в обществе, стремительно отливавшемся в эти новые формы) уже нельзя исключить (вынести за скобки), использовать только как ресурс. И здесь – вопрос: удастся ли их включить в общий поток развития, удержать от взрывов традиционалистской реакции.

Здесь новая эпоха (капитализма, индустриализма, урбанизма) оказалась связана с еще большим усилением, ростом самосознания, идентификационной определенности. Российские «верхи» (а это определение не только «социологическое», но и культурное – и даже: прежде всего культурное) уже в значительной степени изменились под влиянием эпохи Освобождения (с 60-х годов XIX в.)²². XX век с ходу стал их доделывать, количественно и качественно, менял типы / модальности, образы жизни, способы самовыражения.

Этот слой постепенно оформлялся – как «открытое общество» (в том смысле, в каком впоследствии говорил К. Поппер): европейское, буржуазное, уже имевшее свой средний (городской) класс, жившее современной, напряженной, сложной, динамичной жизнью. Здесь возобладал определенный тип личности, точнее: здесь победила личность, рожденная европейской культурой – индивидуалистической, замкнутой на человеке, на частностях / частном во всех областях (а значит, на правах и праве)²³. Этот тип (эта личность) был родственен всему остальному цивилизованному миру. Он тяготился внешним принуждением, так как самоограничение и дисциплина уже были его сущностью²⁴. Был устремлен в будущее – очень далеко ушел (зашел) в таком естественном для модерна порыве.

Европеизованные «верхи» рубежной России (между столетиями, на переходе из века в век) – чрезвычайно много- и разнообразная среда. С развитием

22. Те «верхи», с которыми Россия вошла в новый век, являлись плодом эпохи социальной революции (она продолжалась от Великих реформ Александра II до падения Временного правительства), по существу капиталистической, антикрепостнической, антисамодержавной, демократической. Поэтому и оказались несовместимы с миром, рожденным революцией большевистской (попавшим от нее в зависимость, ею завоеванным, созданным).

23. Это была именно культура меньшинства – не в том смысле, что она численно абсолютно уступала народно-массовой, а в том, что ее *raison d'être* была «единица», а не множество (масса / массовость), многообразие и сложность, а не усредненность. То есть это меньшинство было культурно ориентировано (запрограммировано) на «повышение», усложнение, плюрализацию. В политическом отношении это был демократический тренд.

24. Здесь следует подчеркнуть: общество (его значительное большинство – «новый Петербург») вовсе не было антигосударственным. Главным «отщепенцем» в России было крестьянство. Оно – интуитивно самодержавно (за царя), но против государства – форм и формальностей (институтов, процедур – они ему не органичны) и «лиц» (чиновников, господ – в этом смысле и против города как их «резиденции»). Общество же в основном стояло **против наличного (царского) государства**, за другое (свое – демократическое, правовое), им порожденное. Более того, идеалом было сильное государство, сильные лидеры. В революцию 1917 г. это проявилось особенно отчетливо, приняло даже крайние формы (желание «сильной руки», общественной диктатуры).

капитализма и распространением образования она постоянно пополнялась; о мощи дореволюционных социальных лифтов свидетельствуют фантастические – и по нашим сегодняшним меркам (по ним – особенно) – карьеры ее представителей из «простых», из «бывших» (крестьян, «кухаркиных детей» и проч.). То есть это были действительно *новые* «верхи», разные (разночинные) по происхождению *элиты*. XIX век с его ограничениями (различными репрессированиями: причем в основном не меньшинств (это практика будущего, массового общества), но большинства (масс, народа, народов) – уходил в прошлое.

Это уже не лишние люди XIX в., но творцы и потребители XX («новые люди»)²⁵. Их возможности, влияние все больше определялись не столько происхождением, сколько капиталом и интеллектом²⁶. Этот слой не только стремительно массовизировался, но и профессионализировался (профессия – новая основа этого слоя, признак элитарности XX в.); учителя, журналисты, врачи, статистики, адвокаты, музыканты, политики – профессиональная интеллигенция (подобная европейским интеллектуалам – для XX в. противопоставление России и Европы в этом отношении уже неадекватно²⁷). Тон задавали «технари» (инженеры, изобретатели, архитекторы, организаторы

25. При всем тяготении некоторых их представителей (из художественного, артистического мира) к трагическим позам и апокалиптическим предощущениям в них не чувствуется «лишности», «исключенности», тем более обреченности. «Лишний человек» перестал быть здесь господствующим (модальным) типом личности, а уход из социальной жизни – доминирующим социальным поведением. «Новые элиты» активно вторгались в мир, были в социальном творчестве столь же радикальны, сколь и в художественном. Нечто подобное мы видим в СССР в конце 1950-х – начале 1960-х годов; «бывшие люди» ленинско-сталинского безвременья вышли из тени, вернулись в историю.

26. Кстати, не следует списывать со счетов российское дворянство (тот «класс», который еще в XIX в. записали в исчезающие, да так и оставили в этой «лиге» – бесполезных, проигравших). В отношениях культурном, политическом и хозяйственном оно вовсе не сошло со сцены. Русское дворянство – это не русская аристократия в том негативном смысле, в каком ее характеризовало русское разночинство (историческую задачу – унизить аристократизм – решали все «третьи сословия»). Но – русская освободительная традиция, русская культура и русский капитализм. Последний не убил дворянство – достаточно сказать, что основную часть товарного хлеба давали до революции помещичьи («культурные») хозяйства.

27. Стиранию различий между русским интеллигентом и европейским интеллектуалом (хотя: были ли различия? возможно, они только придуманы – русским интеллигентом и европейским интеллектуалом) способствовал городской стиль жизни, рождавший склонность к буржуазности. Интерес к материальному – важная черта «нового человека», жителя большого города XX в., и его отличие от интеллигента-разночинца «базаровского» типа («новых людей» пореформенной эпохи), отрицавшего материю в пользу материализма.

массового производства и потребления, массового («небоскрежного») строительства и т.п.) и «деятели науки и культуры», как говаривал советский новояз. Таков был век: техника и культурная революция решали все²⁸. Чем массовее, образованнее, богаче, профессиональнее, увереннее в себе они становились, тем сложнее ими было управлять, и тем тяжелее им казались путы порядка, имевшего черты самодержавно-крепостнического (навевавшего о нем воспоминания).

Естественно: петербургская Россия полностью созрела для *самоустроення*, за плечами была большая история²⁹. Эти поиски не только «дробили» общество, противопоставляя друг другу его разные элементы; они-то и привели к полному отчуждению общества от власти («Петербург против Петербурга»)³⁰. Все – и «левые», и «правые», и анти-, и про-самодержавные – были ею недовольны, пытались ею руководить, ее направлять (именно потому, что стали осознавать себя обществом). Новые российские «верхи» особенно интенсивно искали и новые способы самореализации – не самодержавно-крепостнические. Успех в этих поисках означал бы для них последнюю свободу, окончательное совершеннолетие.

Новый век позволял всему этому состояться. Везде – не только в России. Но здесь именно общество (образованная, европеизированная, сознательная часть социума) стало проводником мировоззрения XX в. Оно соответствовало столетию (слышало музыку той революции, что век в себе нес). На этом

28. При всей общности культурных реакций на современность везде все-таки были свои дороги в XX в. («особые пути»). В Германии, к примеру, торжествовал техницизм. Берлин на рубеже веков превращается в мировую столицу высоких технологий; университетская наука «срачивается» с производством. Как говорят о себе сами немцы, нацию поэтов и философов сменила нация ведущих исследователей природы, открывателей новых миров. Россия тоже находилась в процессе научно-технической революции, была здесь успешна; известно, к примеру, что на парижской выставке 1900 г. публика восхищалась немецкими пароходами и российскими локомотивами [см.: Wien: Metropole der Kunst 2010, S. 141]. Но первенство естествоиспытателей еще не было так очевидно; властителями дум оставались поэты и философы. Поэтому революция именно в литературе, искусстве (детонации, производимые веком в **этом** пространстве) имела для нее решающее значение.

29. Оно автономизировалось, самоорганизовалось (лидеры, мнение, публичность, публика), сформировалось именно как общество.

30. Ощущение отчужденности (разности и розни) лучше всего выразил О. Мандельштам: «С миром державным я был лишь ребячески связан, / Устриц боялся и на гвардейцев глядел исподлобья, / И ни крупницей души я ему не обязан, / Как я ни мучал себя по чужому подобию». Дворец перестал быть для «Петербурга» сцепкой (в эстетическом, символическом, социально-властном смысле), некой предельной величиной, которая, несмотря ни на что (аристократическую фронду, дворцовые перевороты, разного рода оппозиции, восстание разночинного «элемента»), в XVIII–XIX вв. вела страну в истории. Повторю: теперь в этой роли общество видело себя.

созвучии строило собственную идентичность. Это придавало особую остроту тому противостоянию, что зашифровано в формуле «Петербург против Петербурга»³¹.

Экзистенция века: О творцах и творчестве

Новый Петербург имел все черты России XX в. Нередко они были выражены в гипертрофированном (до карикатурности) виде. Ведь – столица.

Этот город – подлинно европейская Россия, но не в пространственном, а в социально-антропологическом смысле; его жители – уже не «русские западники», как в XIX столетии, но «люди Запада»³². Они и делали город городом, мировой столицей. Здесь лидировал (ценился, «властвовал») особый социокультурный тип: чрезвычайно сложный, невероятно талантливый, заряженный на творчество (во всех областях, в том числе общественно-политической) – петербургский, европейский, всемирный. Не случайно именно рубежный Петербург (рубежа веков) оказался центром русского культурного ренессанса (того, что принято называть Серебряным веком). Это «город символистов, акмеистов и вообще изысканной и утонченной культуры и обостренной чувствительности к предвестиям грядущего» [Шлегель 2010, с. 143]³³. Здесь создавались эстетика, стиль, образность, язык русского XX в., творилось столетие.

Творить – вот оно, главное слово, намерение, экзистенция эпохи. Когда речь идет об истоках / формах недовольства / протеста в предреволюционной России, говорят обычно о бунташности масс («низы не хотят») и политиканстве политиков (слабостях «верхов», умыслах «контрэлит»). Однако общественную атмосферу во многом формировала культура, захваченная одним

31. У XX в. была психология революционера. Но и у русского общества была такая же психология. Оно созрело для строительства своего, нового мира (в этом, кстати, его отличие от позднесоветских общественных сил; их субъектности хватило для разрушения старого, но быть субъектом созидания они не могли – этому препятствовал весь опыт их адаптации к советскому порядку; история «съела» их потенциалы; в этом смысле они – жертва XX в.). Это и было содержанием конфликта – общественная претензия: стать тем, чем было в петербургской России самодержавие, а единственным социальным творцом (преобразователем, революционером), строителем России как Европы (европейцем).

32. Так их называл Ф. Степун [см.: Степун 2017, с. 250]. Тем самым он утверждал: **Россия (как) Европа – состоявшийся культурный «проект».**

33. «Не случайно, – продолжает К. Шлегель, – Белого, автора романа “Петербург”, Блока, “поэта целой эпохи”, а позже Ахматову и Мандельштама обвиняли одновременно в буржуазном декадентстве и аристократической холодности», аристократическом эстетизме [Шлегель 2010, с. 143–144]. Этот город формировал определенный тип личности, в которой благородная стильность соединялась с буржуазностью.

порывом: созидать новый мир. Творцы и творчество начала XX в. – особый феномен в истории; весь тот мир экспериментален, отягощен стремлением к новым идеалам (идеалистичен) и в этом смысле революционен³⁴.

Разворачиваясь, столетие везде творило новую реальность, агрессивно и даже навязчиво демонстрировало: социальный мир – это не нечто изначально заданное; он постоянно определяется и переопределяется, создается и пересоздается. Эпоха требовала творцов – и они явились: как-то враз – словно были вызваны, изобретены³⁵. 1900–1910-е годы – исключительно талантливое

34. Это действительно культурный взрыв (сродни вулканическому извержению), оказавший огромное влияние на тогдашнее европейское (имевшее европеизм своей основой) общество, на все социальные слои – потому что у него была масса «инструментов» (от «высокого» искусства до массовых «жанров» – рекламы, кинематографа, цирка, уличных зрелищ). По накалу, взрывоопасности с эпохой 1900–1920-х годов схожи, пожалуй, только 1960-е: новая философия, Битлз, новый язык (в литературе, политике, моде), серия революций (потребительская, сексуальная, мировоззренческая), молодежь штурмует «старый мир», везде новые лица (лидеры, «авторитеты»). Снова: «время, вперед!», намерение – преступить, потрясти; рационализмы, пессимизмы, «охранительные хитрости» – не в ходу (не в них – сила эпохи). Кстати, на этом фоне хрущёвская идея: коммунизм – через 20 лет – выглядит не такой уж и безумной; это попытка не только идеологически оживить советизм, но и соответствовать времени (быть современными – войти в Современность). Спутник, Гагарин, коммунизм – здесь есть соответствия по масштабу (коммунизм – необходимое «расширение» для космических дел, недостающее слово в «триаде»). Спутник, Гагарин, коммунизм – это символы эпохи, советский вклад в Современность, советская революция в общей мировой серии.

35. Б. Пастернак вспоминает: «Приблизительно с 1907 г. стали расти как грибы издательства, часто давали концерты новой музыки, одна за другою открывались выставки картин “Мира искусства”, “Золотого руна”, “Бубнового вала”, “Ослиного хвоста”, “Голубой розы”. Вместе с русскими именами Сомова, Сапунова, Судейкина, Крымова, Ларионова, Гончаровой мелькали французские имена Боннара и Вюйара. На выставках “Золотого руна”, в затененных занавесями залах, где пахло землей, как в теплицах, от наставленных кругом горшков с гиацинтами, можно было видеть присланные на выставку работы Матисса и Родена. Молодежь примыкала к этим направлениям» [Пастернак 2004, с. 28]. Москвой и Петербургом этот культурный подъем не ограничился; захватил, взвихрил и провинцию (везде: выставочные залы, музеи, частные коллекции, издательства – публичное пространство культуры XX в.). Притом, надо отметить, взрыв в культуре («культура взрыва») имел и экономические причины – был связан с ростом спроса на искусство. Иначе говоря, страсть к творчеству, интерес к новому соединялись здесь с буржуазностью. Не случайно советские творцы в 1920-е годы выступали за освобождение от этих старорежимных оков (буржуазия развратила художника, манифестировал, к примеру, Д. Штеренберг; сделала его своим наемником, поденщиком, рабом; все, что буржуазно, то плохо). Правда, эта революционная борьба за чистое искусство (за чистоту искусства) увенчалась успехом лишь отчасти; в рабоче-крестьянском СССР все буржуазное смели, а художника закрепили – и идеологически, и экономически.

время (не только в России – во всей Европе) – и по скоплению талантов, и по «воздуху». Поэтому в ней заметно какое-то безумие – не клиническое, конечно; так проявлялась сильнейшая потребность в преодолении рациональных (прежде считавшихся рациональными) барьеров³⁶.

Эта тяга: *преступить* – была общеевропейской; характерна для всей европейской науки, искусства, всех областей и направлений. А. Эйнштейн – такой же вызов для классической физики, как И.П. Павлов и И.М. Мечников – для науки XIX в., изучавшей природу человека³⁷. М. Врубель так же упорно, до иступления искал новые формы, образы, новые способы самовыражения, как Г. Климт, весь круг венского Сецессиона³⁸. Манифестацией музыки XX в. стали постановки «Саломеи» Р. Штрауса (1906) и «Весны священной» И. Стравинского (1913), одинаково шокировавшие публику. На парижской

36. Творцы эпохи намеревались потрясти основы, поэтому метафизикой их искусства был вызов, протест. Это естественно: чтобы не походить на «классику» (признанное, вошедшее в канон), не выглядеть последователем / копией – **чтобы быть**, искусство должно стать вызывающим, менять (отменять) старую образность, прежнее видение мира, опровергать предшественника. Но тогда этого было слишком, через край.

37. Одна из работ, посвященных науке того времени, называется «В угаре познания» [Schroder 2004]. Это точный образ: проникновение в неизведанное, эйфория от возможностей – революция. Открытия естествоиспытателей, физиков (прежде всего немецких – такие, как теория теплового излучения М. Планка) полностью перевернули представление о мире, которое дала классическая наука. Изучая природу, заставляя работать на человека (превращая из мира наслаждений и романтических грез в «работающую машину»), ученые ее демистифицировали. При этом поднимали на невиданные высоты науку и себя как первооткрывателей; чувствовали себя творцами, создателями новой мировой реальности. Симптоматично: в Германии (в Йене) возникло движение «свободомыслящих», предполагавшее заменить христианскую религию верой во всемогущество законов природы («веропознание»); его основателя Э. Геккеля называли анти-Папой [см.: Schröder 2004, S. 126]. Россия ощущала эту детонацию, находилась в этом поле, ее творцы играли в этой «лиге».

38. Стенные панно Врубеля с былинными богатырями и принцессой Грезой, созданные для павильона Академии художеств на Нижегородской промышленной и художественной выставке 1896 г., и профессионалами, и публикой были встречены резко враждебно («ругань», «ненависть», «проклятия») – как «чудовищные» [см.: Берар 2016, с. 79–83]. Организованную Дягилевым в 1897 г. в Петербурге выставку, где, кроме Врубеля и других москвичей, участвовали А. Бенуа, Л. Бакст, К. Сомов, Е. Лансере, В. Стасов назвал «оргией беспутства и безумия» [Берар, 2016, с. 92]. Случаи показательные – речь идет о персонификаторах поворота к современности, к XX в. в русском искусстве. Так же относились к Климту: его картины – размалеванная порнография; он рисует человеческое тело противоестественным – это ужасно! [Wien: Metropole der Kunst 2010]. Еще в 1913 г. никто, даже знатоки, не могли себе представить, что Пикассо – это искусство. Новая эстетика («новая красота») шокировала, возмущала и отвержала, не казалась эстетичной.

премьере «Весны...» случилась драка: все эти новые звуки, дикие пляски раздражали, возмущали, провоцировали взрыв. А Стравинский намеренно шел на провокацию, пытаясь понять, как далеко можно раздвинуть границы дозволенного, допустимого – вообще, как далеко можно зайти.

Творцы XX в. противопоставляли себя классическому, академическому искусству, завязанному на порядке и иерархии, расшатывали общепринятые правила, привычную гармонию. Их новый мир пугал угрозой (пафосом) дезорганизации³⁹. И они действительно взрывали «старые» искусство, науку, отправляли XIX в. в прошлое⁴⁰. Это и была *революция* – культурная, эстетическая, этическая. Она не могла не иметь социальных последствий. Время было настолько заряжено на поиск, эксперимент, переворот, что не давало избежать этого в политике, экономике, социальной практике. И здесь новаторы проверяли на прочность старый мир – тем азартнее и ожесточеннее, чем старше он был (выглядел), чем упорнее держался.

39. О. Вейнинггер, автор бестселлера начала века «Пол и характер», доказывал, что нет чистых гендерных полюсов, «М» и «Ж» суть некие абстракции (идеальные типы), любой человек – смешение, в разных пропорциях, этих начал. З. Фрейд занимался «хаосом души», показал человечеству, что человек – не хозяин самого себя. Это шокирующее, магнетическое знание – революция. Но что может быть страшнее этой революции? И другие перевороты (поиски, открытия) века имели тот же смысл, те же последствия. Чем дальше, тем больше в новом искусстве, науке, культуре чувствовался дух тоталитарности – в том смысле, что оно не терпело несогласия, не хотело знать ограничений.

40. Вот как, к примеру, оценивается значение «Мира искусства»: «За шесть лет своего существования ... **радикальным образом изменит** русскую художественную жизнь. Этот журнал, исходный посыл которого заключался в протесте против дряхлого академизма и передвижнического провинциализма, в стремлении к большему европеизму, вскоре был объявлен “декадентским”. Однако в его деятельности не было ничего упадочнического; напротив, он сумел изменить нравы творческой среды, **поколебать ранее незыблемые постулаты, сформировать новую моду, начать борьбу за независимость художника и художественных институтов**» [Берар 2016, с. 65]. В литературе намерение «переменить» заявило о себе еще раньше – едва ли не в начале 1890-х годов. Одним из первых (по времени и по качеству) реформаторов русского стиха был И.Ф. Анненский. Среди «идейных колебателей» выделялся Д.С. Мережковский с его протестом против «плоского материализма старой интеллигенции». И его стихи, эссеистика, историческая проза вызывали эффект скандала и язвительную критику – и их новизна шокировала. «Радикально изменить» «сформировать новую моду», «начать борьбу» – все это совсем не «странные», а естественные для времени «сближенья». Так рождался новый мир, «новый Петербург».

«Новый Петербург» как авангард

Намерением «преступить», таким характерным для всего нового, необходимым для познания и созидания, были опасны творцы и творчество XX в. В России бескомпромиссность и агрессия новаторства особенно сильны, особенно очевидны. Одна из определяющих черт предреволюционного русского общества – невероятная (даже шокирующая) и какая-то бесшабашная, безответственная внутренняя свобода⁴¹. Допускались и даже поощрялись самые разные пристрастия, увлечения, поиски – во всех областях: от науки, художественного творчества – до религии, духовности, предельных вопросов человеческого существования (вспоминается Д.С. Мережковский: «Мы для новой красоты / нарушаем все законы, / преступаем все черты»)⁴².

Вот как об одном из сочинений Скрябина (мире его музыки) говорил Б. Пастернак: «...не было в симфонии ничего ложно глубокого, риторически почтенного, “как у Бетховена”, “как у Глинки”, “как у Ивана Ивановича”, “как у княгини Марии Алексеевны”, но трагическая сила сочиняемого торжественно *показывала язык всему одряхлело признанному* и величественно тупому и была *смела до сумасшествия*, до мальчишества, шаловливо стихийная и свободная, *как падающий ангел*» (курсив мой. – И. Г.) [Пастернак 2004, с. 14]⁴³. Скрябин «обновил ощущение музыки *до основания*», сказал «столько ошеломляюще нового». Уже в его ранних сочинениях «*все современно, все полно внутренними, доступными музыке соответствиями с миром внешним, окружающим, с тем, как жили тогда, думали, чувствовали, путешествовали, одевались*» (курсив мой. – И. Г.) [Пастернак 2004, с. 18].

Этот радикализм новаторов / новаторства проявлялся во всем – в том числе в представлениях о социальном устройстве, политических предпочтениях. Скрябин, вспоминал Пастернак, беседуя с ним, «нападал на Толстого, проповедовал сверхчеловека, аморализм, нищезанство» [Пастернак 2004, с. 14]. Что же касается четы Мережковских, достаточно вспомнить об их увлеченности Б. Савинковым (терроризмом!), интересе к А.Ф. Керенскому (не к личности

41. Б.А. Слуцкий говорил, что человечество делится на две команды: команду «вольно» и команду «смирно». К тому обществу «смирно» было малоприменимо; оно – вольное (во всех смыслах этого слова). Поэтому так остро реагировало на ограничения, было так чувствительно к самодержавной образности и риторике.

42. «Мы – соблазн неуголенных, / Мы – посмешище людей, / Искра в пепле оскорбленных / И потухших алтарей» (1894). Потом, в начале 1900-х годов, эта фраза будет звучать у Гиппиус в ее размышлениях о современном искусстве как манифест [см.: Гиппиус 2003].

43. Скрябиным владела та же страсть – преступить; его музыка сложна и для понимания, и для исполнения. Музыканты говорят, что в финале Седьмой сонаты, к примеру, он хотел выйти за пределы всего – в том числе и рояля; для этого творения возможностей инструмента – мало (недостаточно).

даже, но к крайней думской позиции – к Думе как инструменту (дубине) революции). Эти характерные, показательные, не индивидуальные крайности (семейство Гиппиус⁴⁴ вообще характерно-показательно) многое говорят о тогдашнем обществе, наиболее просвещенной, деятельной, творческой его части.

Дело даже не в том, что ничто политическое было ему не чуждо. Хотя и это важно. Для нового Петербурга (при всех его различиях) характерны бурный общественный темперамент, высокий градус «политичности». Это вообще мода века (без политизации всех, начиная с «верхов», невозможно было бы явление массовой политики). Все сколько-нибудь заметные петербургские деятели были общественными фигурами, политически весьма активными⁴⁵. Определяющее значение имело другое. Российское общество в начале XX в. (петербургское, московское, провинциальное) не толерантно, не компромиссно, по-революционному критично, по любому поводу склонно впасть в радикализм. И при этом совсем не самокритично. Это *другое* общество: не александровское (I-го или III-го), уж конечно не николаевское (I-го), даже не пореформенное – вообще *не XIX века*. Тогда оно было спокойнее, снисходительнее к власти, добрее, что ли. Все потому, что осознало себя обществом (его сила, самость – в антисамодержавности)⁴⁶.

44. Для определения этой четы фамилии взаимозаменяемы; здесь царил гендерное равенство.

45. Однако справедливости ради надо сказать, что петербургская политичность в основном не была конкретна (носила, скорее, метафизический характер). В Петербурге культура и интеллект мало участвовали в хозяйственной жизни города – в отличие, скажем, от Москвы. Это – интеллигенция в чистом виде (связи с коммерческим, «экономическим» ограничены семейно-бытовым), у которой – свой голос, своя роль.

46. Набирая силу (самость), общество («новый Петербург») становилось все более протестным, чувствительным к разного рода ограничениям. Видимо, это социальная закономерность – свобода и протест нераздельны: **чем больше свободы, тем сильнее противодействие существующему порядку**. Александр II, Горбачёв и Хрущёв разбудили общество (как декабристы – Герцена), заставив его забыть о страхе и вспомнить о свободе, позволив думать, говорить, критиковать, требовать. И тут же стали для него мишенью: недовольны были все – разным и по-разному, но все. Так происходит везде и всегда. Однако особенность России состоит в том, что здесь слишком мало умеренных сил (и даже не потому, что они не успевают вырастать, подавляются террором – их просто мало), способных обеспечить эволюционный путь развития. Общественная радикализация во времена свобод выбрасывает вверх радикалов; они сужают пространство компромисса, сводят политику к «или / или». 1917 г. – от Февраля до Октября – историческая тому иллюстрация. Горбачёва первым оставили демократические силы. Мгновенно устав от его «шатаний» и компромиссов, сделали ставку на Ельцина – как на таран, «настоящего» революционера. В русской истории чаще всего проигрывают умеренные, компромиссные, «переговорщики» – и ценятся «силовики», «твердые руки». Поэтому она так часто оборачивается диктатурами.

А ведь это был не предел; следом шли еще более крутые борцы со старым миром, авангардисты-ниспровергатели. Мы недооцениваем (возможно, просто не придаем значения) степень агрессивности / молодости российской столицы на старте столетия. Город был полон молодой энергии, молодой агрессии; в социальных верхах (образованной, «продвинутой», сознательной части народа) тоже сказался демографический подъем⁴⁷. Для нового поколения (родившихся в 1890-е годы, людей XX в., «маяковских») прошлым был уже современный Петербург. Их время – Мировая война и революция (они им созвучны). Их радикализм был сродни большевистскому (многие из них и пошли в новый, революционный мир с большевиками⁴⁸). Едва появившись (начав звучать, писать, творить), они стали накалять общественную атмосферу⁴⁹.

При этом чрезвычайно важно, что все эти деятели и их деяния – явление сугубо городское⁵⁰. Если предшествовавшие им «народники» (от передвижников и «могучих кучек» до «ходивших в народ»), эти генераторы эстетики (и социальной этики) «освобожденного» XIX в., культуртрегеры порефор-

47. Роль этого фактора во взрывные эпохи едва ли не первостепенна: «Французская, русская и немецкая (1933) революции случились на фоне (наверное, и в результате) демографического взрыва... Здесь, видимо, порядок не выдерживает избыточных энергий, которые до поры до времени “гуляют сами по себе”. А затем нечто канализирует их ... на разрушение» [Пивоваров 2014, с. 64].

48. Известно, к примеру, что Маяковский восхищался Лениным, а Мережковский, приметив его в 1905 г., боялся. Это тоже характерное размежевание: современный Петербург был либеральным, социал-демократическим, но все же в меру. Авангардистский же всякие умеренности отталкивали; он не Петербургом желал быть, а **Петроградом – столицей какого-то другого (совершенно иного) мира**. Иначе говоря, и «новый Петербург» был не просто разнообразен и неоднороден, но расколот – и тоже по линии старое / новое (а это главный конфликт любой революции). Раскол был поколенческим (т.е. в некоторой степени естественным), однако по степени радикализма (художественных, политических, мировоззренческих противостояний) выбивался из европейской «нормы».

49. Им присущи идеализм и экстремистская самоуверенность; они нацелены на разрыв с традицией, господствующими и господством (в прежнем, «старом» виде). Бенуа был испуган эстетическим хаосом нарождавшегося авангарда, требовавшего – «в безумии бесовской гордыни» – отмены всяческих ограничений для творца [см.: Бенуа 1906, с. 84–92]. Так Климт на вопрос Шиле, есть ли талант в его рисунках, с испугом ответил: да, даже слишком много [Wien: Metropole der Kunst 2010. S. 147]. Футуристические эксперименты особенно ярко демонстрировали, какая короткая дистанция между «творить» и «натворить».

50. Ко многим из них можно отнести (само)определение А. Бенуа: «Мы, Бенуа, были чисто городскими людьми» [Бенуа 1990 а, с. 503]. У них все: происхождение, образование, профессия, круг интересов, образ жизни – имели своим источником город. Это и есть идентичность человека XX столетия.

менной эпохи, «ориентировались» на Русь деревенскую (имели ее в фокусе своего творчества), то творцы XX в. питались связью с городом. Новое русское искусство было искусством большого города – в этом и была его новизна, его революционность.

Символично: Б. Пастернак видел в поэзии А. Блока «революционное, городское» (вот так – в строчку, через запятую); в этом, полагал он, и была ее сила. Блоковский стиль подходил «к духу *времени*, таившемуся, сокровенному, подпольному, едва вышедшему из подвалов, объяснявшемуся языком заговорщиков, *главным лицом которого был город, главным событием – улица*» [Пастернак 2004, с. 21]. Слово Блока производило впечатление переворота: «Точно распахиваются двери и в них проникает шум идущей снаружи жизни, точно не человек сообщает о том, что делается в городе, а сам город устами человека заявляет о себе» [Пастернак 2004, с. 20]. То же Пастернак видел в Маяковском; вот что он писал о нем, сравнивая с Есениным: «Место есенинской природы у него занимает лабиринт нынешнего большого города, где заблудилась и нравственно запуталась одинокая современная душа, драматические положения которой, страстные и нечеловеческие, он рисует» [Пастернак 2004, с. 50].

Центральным элементом русской культуры XIX в. была усадьба: она вбирала в себя жизнь помещика и мужика, деревни и города⁵¹, провинции и столиц; через нее можно было передать все тогдашние темы, проблемы, вопросы. Поэзию и прозу усадебного быта вытеснила в России XX в. улица – и это была именно петербургская улица⁵². К. Шлегель изучал ее как главную политологическую категорию эпохи [см.: Schlogel 2002]⁵³. Но возникла она как категория эстетическая. В мире XX столетия будет «властвовать» человек

51. Усадебной была не только сельская жизнь. В структуре дореформенных русских городов дворянская усадьба занимала одно из главных мест – в этом их особенность, придававшая им облик естественный и в то же время не современный, не урбанистический.

52. Здесь формируется общий стиль эпохи. Петербургская улица раньше всего теряет приметы патриархальности, полудеревенской-полугородской «народности», становится улицей современного большого города. Показательно: в начале 1910-х годов А.Н. Бенуа (с сожалением) пишет об умирании старой (XIX в.) петербургской улицы, исчезновении с нее городского деревенского люда, бывшего душой масленичного веселья, глядя на которое «барские дети» «учились России» [Бенуа 1990 b, с. 286]. А Ю.М. Лотман потом на этом примере покажет, как городская культура на рубеже XIX–XX столетий искала новые формы, добивалась признания [см.: Лотман 1981].

53. Если петербургская площадь – это тема власти (подавления, поклонения или сопротивления ей), то улица – **форпост городской демократии**. Здесь она и самоутверждалась. Недаром петербургско-петроградские бои и в 1905 г., и в 1917 г. шли за улицу. Дворцовая площадь была «забыта» (на периферии событий).

улицы⁵⁴. На него и нацеливалось новое искусство – чтобы увлекать, освобождать, творить⁵⁵.

* * *

«Новый Петербург» (петербургская Россия) 1900–1910-х годов – это партии, но не только (а в какие-то времена и не столько) политические, а еще и культурные, интеллектуальные: литературные, философские, художественные, научные издания, кружки и собрания, выставки и проч., а также творцы, искавшие новых смыслов, стилей, образов. материй. Их воздействие на современников было именно *революционизирующим* – в смысле наполнения общественной атмосферы новыми впечатлениями, идеями, продвижения (навязывания общественному мнению) оппозиции «старое как отжившее, устаревшее» / «новое как передовое»⁵⁶, формирования революционного мировоззрения.

По своей силе оно не меньше, а, возможно, и больше «партийного» (собственно политического). Культурный взрыв (взрыв культуры) начала прошлого столетия имел значение революции – и работал на революцию. Здесь создавалась философия перемен, лежащая абсолютно вне рамок существующей системы и уже потому против нее направленная. Вся метафизика

54. В послевоенных дневниках Карла Шмитта есть такое замечание: «Человек с улицы – господин улицы; это и есть современная демократия» [цит. по: Пивоваров 2004, с. 283].

55. Тогда был создан образ искусства XX в.: искусство – это *все*; оно должно пронизывать всю жизнь, проникать в повседневность и захватывать ее. Демократизация – путь искусства в массовое общество, адаптации к нему. Но для творцов 1900–1910-х годов это не означало сдаться массе. Напротив, следовало ею овладеть – задавать образцы, направлять, «конструировать» (творить свою публику – один из элементов творчества).

56. Вот одно из осторожных заявлений, как бы предвещающих век, – отклик Д. Философова на обрушение в июле 1902 г. колокольни Сан-Марко в Венеции (XVI в.), воспринятое как трагедия и ставшее событием года: «Прежде боялись смерти по крайней мере из-за страха Дантовского ада ... Теперь мы в [адские] муки не верим, тем не менее смерти страшно боимся и искусственно поддерживаем то, что давно уже обречено на вымирание, забывая, что этим задерживаем нарождение и развитие нового» [Философов 1902]. **«Не поддерживать, а подталкивать»** следует **«то, что падает»** – вся эта ветошь, авторитет признанного препятствуют свободе творчества молодых. А за этим будет **«Пощечина общественному вкусу»** (1912) – **не только эстетический, но и политический манифест**, возвестивший революцию общества, страстно увлеченного будущим, идеей перемен, собою: «прошлое тесно», «только мы – лицо нашего времени». Потребность в новой культуре, новых людях, новом искусстве отвращала от жалости к старому; казалось, оно обречено – и это естественно.

революции – отсюда. Город был перенасыщен этой энергией, этим электричеством. Никогда еще искусство не имело такой социальной власти. И никогда еще не хотело большей – не было настолько смело, самоуверенно и безответственно (в своем стремлении творить, переделывать, перестраивать – в абсолютизации всего этого).

Петербург, переживавший сложнейшую эпоху «перехода» (транзита – кризиса старого города и рождения нового), в культурном отношении был уже городом XX в. Поэтому так велика была тяга к культуре, лаборатории столетия, так сильно ее воздействие. Потребители такого творчества, подобно творцам, перестали быть рациональными (в чем-то утратили рациональность, опасливость) – хотели какого-то прорыва⁵⁷. Новый человек, творимый в России XX в. (новым искусством, наукой, технологиями, производством, модой и проч.), – это человек в ожидании больших перемен (тех самых, «неслыханных», – пусть и с «невиданными мятежами»).

Библиография

- Бенуа А. Художественные ереси // Золотое руно. 1906. № 2. С. 84–92.
Бенуа А.Н. Мои воспоминания: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1990 а. 711 с.
Бенуа А.Н. Мои воспоминания: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1990 б. 743 с.
Берар Е. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге, 1894–1914. М.: НЛЮ, 2016. 344 с.
Гиппиус З.Н. Современное искусство // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2003. С. 34–37.
Лотман Ю.М. Блок и народная культура города // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1981. Вып. 535. С. 7–26.

57. «Новый Петербург» (Россия / Европа–XX) был молод (в культурном, ментальном смысле). А где молодость – там самонадеянность, самоуверенная смелость, склонность к риску. Главной темой новых сил была не **безопасность**, а самореализация, **развитие**; доминировало стремление творить, строить и перестраивать, менять мир. С этим во многом связана какая-то странная притупленность чувства самосохранения, которую эти силы так очевидно проявили в революции 1917 г. (от Февраля до Октября). Острейшая потребность в безопасности (навязчивость этой темы) характерна, скорее, для **крестьянского** мира (России – не Европы, России масс, которые и победят в революции). Это следствие постоянной необходимости выживать, скудости ресурсов, незащищенности перед природой (которая есть важнейший элемент жизнедеятельности и мировосприятия аграрного социума) и государством. То общество, что сформировалось в России в XX в., являлось крестьянским по своему происхождению (нынешнее – наследник: пост пост крестьянское); поэтому потребность в безопасности в нем всегда преобладала над развитием. Отсюда и тяготение к лидерам, обещавшим безопасность (и из безопасности), а также отчужденность от «креативщиков» (оторванность «креативного класса», нацеленного на развитие и его обеспечивающего, открытого миру и транслирующего его ценности, технологии, образы жизни, от большинства народонаселения).

- Малиа М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. М.: РОССПЭН, 2015. 405 с.
- Минц М.М. Столетие революций 1917 г. и российская историческая наука. (Обзор) // Россияведение: В поисках утраченного времени. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 180–209.
- Морен Э. О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. М.: РГГУ, 1995. 218 с.
- Пастернак Б. Темы и вариации: Стихотворения. Роман в стихах. СПб.: Азбука-классика, 2004. 352 с.
- Пивоваров Ю.С. Полная гибель всерьез: Избранные работы. М.: РОССПЭН, 2004. 320 с.
- Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. М.; СПб.: Университетская книга, 2014. 336 с.
- Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: РГГУ, 2000. 333 с.
- Сергей Дягилев и русское искусство: в 2 т. Т. 1. М.: Изобразительное искусство, 1982. 496 с.
- Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция: Избранные сочинения. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 896 с.
- Философов Д. Современное искусство и колокольня св. Марка // Мир искусства. СПб., 1902. № 8. С. 114–121.
- Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. 414 с.
- Шлегель К. Постигая Москву. М.: РОССПЭН, 2010. 311 с.
- Fitzpatrick S. Celebrating (or not) the Russian revolution // Journal of Contemporary History. Cambridge, 2017. Vol. 52. N 4. P. 816–831.
- Schlogel K. Petersburg: Das Laboratorium der Moderne, 1909–1921. München: Carl Hanser Verlag, 2002. 704 S.
- Schröder J. Im Rausch der Erkenntnis // Geopoche. Hamburg, 2004. N 12: Deutschland um 1900. S. 125–133.
- Wien: Metropole der Kunst // Geopoche. Hamburg, 2010. N 46: Die Macht der Habsburger. S. 144–147.

References

- Benua A. Xudozhestvenny'e eresi. Zolotoe runo [Artistic heresies. Golden Fleece] 1906. No 2. P. 84–92. (In Russ.)
- Benua A.N. Moi vospominaniya: v 2 t. [My memoirs: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1990 a. 711 p. (In Russ.)
- Benua A.N. Moi vospominaniya: v 2 t. [My memoirs: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1990 b. 743 p. (In Russ.)
- Berar E. Imperiya i gorod: Nikolaj II, «Mir iskusstva» i gorodskaya дума v Sankt-Peterburge, 1894–1914 [Empire and the City: Nicholas II, «The World of Art» and the City Council in St. Petersburg, 1894–1914]. Moscow: NLO, 2016. 344 p. (In Russ.)
- Filosofov D. Sovremennoe iskusstvo i kolokol'nya sv. Marka. Mir iskusstva. [Contemporary art and the bell tower of St. Brand. World of Art]. 1902. No 8. P. 114–121. (In Russ.)
- Gippius Z.N. Sovremennoe iskusstvo. Gippius Z.N. Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 7. M.: Russkaya kniga [Gippius Z.N. Contemporary art. Gippius Z.N. Collected works: v 15 vol. Vol. 7]. Moscow: Russian book, 2003. P. 34–37. (In Russ.)
- Lotman Yu.M. Blok i narodnaya kul'tura goroda. Ucheny'e zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta [The block and the folk culture of the city. Scientific notes of the Tartu State University]. Tartu, 1981. Iss. 535. P. 7–26. (In Russ.)

Malia M. Lokomotivy` istorii: Revolyucii i stanovlenie sovremennogo mira. [Locomotives of history: Revolutions and the formation of the modern world]. Moscow: ROSSPE`N, 2015. 405 p. (In Russ.)

Mincz M.M. Stoletie revolyucij 1917 g. i rossijskaya istoricheskaya nauka. (Obzor). Rossievdenie: V poiskax utrachennogo vremeni [A century of revolutions in 1917 and Russian historical science (Review). Russian Studies: In Search of Lost Time]. Moscow: INION RAN, 2019. P. 180–209. (In Russ.).

Moren E`. O prirode SSSR: Totalitarny`j kompleks i novaya imperiya [On the nature of the USSR: The totalitarian complex and the new empire]. Moscow: RGGU. 1995. 218 p. (In Russ.)

Pasternak B. Temy` i variacii: Stixotvoreniya. Roman v stixax. SPb.: Azbuka-klassika [Pasternak B. Themes and Variations: Poems. A novel in verse]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2004. 352 p. (In Russ.)

Pivovarov Yu.S. Polnaya gibel` vser`ez: Izbranny`e raboty` [Complete death in earnest: Selected works]. Moscow: ROSSPE`N, 2004. 320 p. (In Russ.)

Pivovarov Yu.S. Russkoe nastoyashhee i sovetskoe proshloe [Russian present and Soviet past]. Moscow; Saint Petersburg: University book, 2014. 336 p. (In Russ.)

Pro A. Dvenadczat` urokov po istorii [Twelve lessons in history]. Moscow: RGGU, 2000. 333 p. (In Russ.)

Sergej Dyagilev i russkoe iskusstvo: v 2 t. [Sergei Diaghilev and Russian art: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Izobrazitel`noe iskusstvo, 1982. 496 p. (In Russ.)

Shlegel` K. Postigaya Moskvu [Comprehending Moscow]. Moscow: ROSSPE`N, 2010. 311 p. (In Russ.)

Stepun F.A. Bol`shevizm i xristianskaya e`kzistenciya: Izbranny`e sochineniya [Bolshevism and Christian Existence: Selected Works]. Moscow; Saint Petersburg: Centr gumanitarny`x iniciativ, 2017. 896 p. (In Russ.)

Xabermas Yu. Filosofskij diskurs o moderne [Philosophical discourse about modernity]. Moscow: Ves` Mir, 2003. 414 p. (In Russ.)

А.В. Гущин

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

***Аннотация.** Почти 30 лет прошло с момента распада СССР. То, что для многих исследователей на рубеже 80–90-х годов казалось «концом истории», очевидно, явилось не концом, а началом новейшего этапа в мировой истории и развитии одного из важнейших регионов, от будущего которого во многом зависит архитектура мировых политических и социально-экономических процессов – постсоветской Евразии. Сегодня на том пространстве, которое мы зачастую еще называем постсоветским, происходят разнонаправленные тенденции. Одновременно наблюдается как дезинтеграционные векторы, так и интеграционные импульсы. И при этом активизируются внерегиональные акторы, которые предлагая свои социально-экономические и политические модели конкурируют с Россией. Перед Россией стоит очевидный вызов формирования собственной евразийской интеграционной парадигмы. В этом контексте от того, насколько успешным будет евразийский интеграционный процесс, зависит не только будущее самого региона, но и развитие России как страны.*

В статье анализируются общие итоги, проблемы и перспективы развития евразийских интеграционных процессов. Автор, характеризуя проблемы евразийской интеграции и Евразийского экономического союза, делает вывод о необходимости выхода его на уровень не только торговой, но и промышленной интеграции с приоритетным вниманием к союзному импортозамещению, развитию высокотехнологичных секторов, активизации социокультурных процессов. В условиях развития в мире новой bipolarности все это способно для России и ее соседей стать реальной альтернативой – на основе развития принципов многоукладности, стимулирования промышленного потенциала, развития внутренних инвестиций, высокотехнологичных производств и внутрирегиональных цепочек добавленной стоимости.

***Ключевые слова:** Евразия; Евразийский экономический союз; интеграция; постсоветское пространство; промышленность.*

Гущин Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры стран постсоветского зарубежья; старший научный сотрудник Института постсоветских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета, Россия, Москва.

E-mail: aguschin78@mail.ru

Web of Science Researcher ID: D-5733-2018

Gushchin A.V. The Problems and Prospects of Eurasian Integration

Abstract. *Almost 30 years have passed since the collapse of the USSR. What for many researchers at the turn of the 80's–90's seemed to be the «end of history», obviously, was not the end, but the beginning of a new stage in world history, with the development of one of the most important regions the future of which in many ways defines the architecture of global political and socio-economic processes – post-Soviet Eurasia. Today, in what we often call the post-Soviet space, there are multidirectional trends. At the same time, we observe both disintegration vectors and integration impulses. Extra-regional actors are becoming more active, offering their own socio-economic and political models to compete with Russia, which faces an obvious challenge of forming its own Eurasian integration paradigm. In this context, the success of the Eurasian integration process depends not only on the future of the region itself, but also on the development of Russia as a key element of the Eurasian space.*

The article analyzes the overall results, problems and prospects of the Eurasian integration processes. The author, describing the problems of Eurasian integration and the Eurasian Economic Union, argues that integration should encompass not only trade but also industrial spheres, with priority being placed on import substitution, development of high-tech sectors, and enhancement of socio-cultural processes, all of which, under conditions of new bipolarity, could become, for Russia and its neighbours, a viable alternative of development based on the principles of industrial diversity, the growth of internal investments, high-technology production development and intraregional value chains.

Keywords: *Eurasia; the Eurasian Economic Union; integration; post-Soviet states; industry.*

Gushchin Aleksander Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences,
Russian State University for the Humanities, Associate Professor,
Senior Researcher of the Institute for Post-Soviet and Interregional Studies,
Russia, Moscow. E-mail: aguschin78@mail.ru
Web of Science Researcher ID: D-5733–2018

Распад СССР и образование пространства, которое мы до сих пор зачастую называем постсоветским, сразу же поставило ряд новых вопросов относительно того, как оно будет обустроено, насколько долго дезинтеграционные тенденции будут доминировать, в какой степени возможна его реинтеграции и на каких основах она может происходить. Международные процессы и тенденции государственного развития на пространстве бывшего СССР привели к тому, что дезинтеграционные тренды в течение длительного времени, безусловно, преобладали, в то время как интеграционные инициативы зачастую отличались аморфностью, слишком долгой реализацией и противоречиями среди участников.

Это в итоге приводило к размыванию подобных инициатив, что касалось как интеграции с участием России, так и попыток построения альтернативных

моделей и проектов. Тем не менее с течением времени объективная необходимость в интеграции осознавалась все больше. Этому во многом способствовало и желание со стороны многих стран – участников интеграционных процессов воссоздать прежде разорванные экономические связи, а также невозможность «убежать от географии», желание уравновесить за счет внутрирегионального евразийского партнерства все более растущее влияние внерегиональных акторов.

На современном этапе постсоветского пространства как геополитического субъекта или общности уже не существует – это скорее термин, употребляющийся для описания, к примеру, политики России в отношении соседей или пространства, на которое оказывают влияние те или иные внешние акторы. Конечно, аргумент о том, что термин «постсоветское» и понятие «пространство» как некой общности употребляются как фигура речи и для удобства, можно парировать тем, что если такое удобство само по себе есть, значит оно вызвано какими-то объективными причинами и закономерностями. Действительно, говорить об исчезновении постсоветских черт из политики постсоветских государств было бы слишком самонадеянно. Эти черты проявляются, как справедливо отмечает Сергей Маркедонов [Маркедонов 2018], в сфере, например, национальных конфликтов и постконфликтного урегулирования и даже в политике стран Балтии, в которых счесть с прошлым, попытки обоснования субъектности через определенные нарративы о прошлом по-прежнему доминируют. Скрепляющим фактором является и фактор русского языка, который до сих пор остается своеобразным «клеем», обеспечивающим общественные и личные связи, но постепенно все же заметно утрачивающим свое влияние. В условиях же деградации советского наследия и упадка постсоветских смыслов и архетипов постсоветская Евразия уже сейчас превращается в конкурентное пространство, в рамках которого внерегиональные акторы играют все большую роль, представляя серьезный вызов для России.

Кроме того, оказалось, что 30 лет – достаточный срок для того, чтобы национальные элиты далеко не просто, а порой и в очень сложных обстоятельствах выстраивали суверенитет в институциональном и социокультурном плане, почувствовали его самоценность. Именно поэтому вопросы соотношения суверенитета и интеграции в постсоветской Евразии сегодня являются столь актуальными. Каждый участник интеграционного процесса, вне зависимости от того, на какой стадии интеграции он находится, артикулирует через какие линии он готов заходить, делегируя полномочия, а через какие нет, и линии эти лежат пока довольно далеко от возможной полноценной реинтеграции всего пространства, по инерции, напомним, называемого постсоветским.

Сегментарная интеграция, затрагивающая относительно небольшое число стран, оказалась заметно более жизнеспособной, чем такие организации, как СНГ, создававшиеся, как это во многом справедливо принято определять, для цивилизованного развода, хотя и сыгравшие свою немалую роль в амортизации распада СССР на межотраслевом уровне, в сохранении торговых связей посредством Зоны свободной торговли и даже в миротворческих процессах. Тем не менее сегодня эта организация и ее зона свободной торговли, по мнению целого ряда экспертов, противоречит в известной мере более эффективным интеграционным форматам [Международная неопределенность 2020].

При этом понятно, что новая интеграция не может строиться только сугубо на основаниях общего прошлого и общего социокультурного наследия. Безусловно, эти факторы имеют большое значение для определения во многом благоприятных возможностей для коммуникации и современных интеграционных дискурсов, однако их ослабляющего влияния уже явно недостаточно. В связи с этим основанный в 2015 г. на базе Таможенного союза на принципах прагматического, экономикоцентричного современного евразийства, институционально во многом повторяющий структурные компоненты ЕС [Кондратьева 2011]. Евразийский экономический союз является при всех проблемах его развития наиболее успешной интеграционной группировкой постсоветской Евразии.

Сегодня по прошествии пяти лет с момента создания ЕАЭС в научной литературе, в рамках экспертных оценок, звучат порой диаметрально противоположные мнения относительно того, в какой мере современная евразийская интеграция жизнеспособна вообще, на что она в итоге направлена, каковы ее цели, каковы перспективы развития, наконец, с каким знаком оценить прошедшее – с момента создания и развития ЕАЭС – время для процессов евразийской интеграции. Корпус научной литературы о современных процессах евразийской интеграции очень велик, не говоря уже о большом количестве экспертных материалов. Однако если говорить о концептуальном восприятии интеграции, то можно в целом согласиться с рамочной и не претендующей на исчерпывающий характер классификацией, предложенной белорусским исследователем П. Петровским, который выделяет три магистральных линии в современном анализе проблем и перспектив современной евразийской интеграции [Петровский 2020].

Первое направление условно можно определить как либеральное. В его рамках работают такие известные специалисты, как Е. Винокуров и А. Либман [Винокуров, Либман 2012], которые предложили интерпретацию евразийской интеграции на основании анализа четырех волн евразийского обмена. При этом обмен не сводится лишь к товарным или финансовым отношениям и оценивается как комплексное явление с выраженным социокультурным элементом. Авторы видят задачу в интенсификации евразийского обмена, а также

институционализации интеграционных процессов в Евразии [Винокуров, Либман, 2013]. Е. Винокуров рассматривает интеграционные процессы с точки зрения превалирования не государственной инициативы и государственного регулирования, а предпринимательской, рыночной составляющей. Географические же факторы, роль государственного влияния в инвестициях, проблематика частно-государственного партнерства, согласованной промышленной политики учитываются в меньшей степени. Одной из главных целей евразийской интеграции при этом определяется встраивание в глобальные товарные цепочки; акцент делается на роль внешних рынков, а не на автономию евразийского регионального союза [Евразийский экономический союз 2017]. К этому направлению в целом можно отнести и ряд других известных исследователей [Россия в современных интеграционных процессах 2014].

Антиподом либеральной концепции можно считать интерпретацию евразийской интеграции, предложенную такими известными авторами, как И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольский, Л.С. Тарасевич [Евразийская политическая экономия 2016]. С ними же, но лишь по некоторым аспектам, в целом солидарны министр Евразийской экономической комиссии академик С. Глазьев, некоторые белорусские авторы, в частности упомянутый выше белорусский историк и философ Петр Петровский и ряд других. В рамках этой парадигмы, которую можно условно определить как неомарксистскую и государственническую, постулирующей тезис о том, что континентальным странам и их регионам целесообразнее выстраивать отношения не столько с мировым рынком, сколько организовывать автономное и дополняющее друг друга целостное континентальное хозяйство. При этом большая роль отводится стратегическому планированию, роли государства в импортозамещении, кредитовании промышленности. При рассмотрении возможных путей экономического развития страны авторы заключают, что «чем инновационнее вариант модернизации, тем при прочих равных условиях меньше рынка и больше плана». В качестве коллективного частного собственника выступает бюрократия, которая присваивает и распределяет весь произведенный продукт. Авторы отмечают периферийный характер современной экономики постсоветской Евразии, говорят о важности перераспределения государством средств в пользу инновационных высокотехнологичных секторов экономики – «пионерных» секторов, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью. В противном случае, по мнению исследователей, евразийское пространство сохранится сугубо как регион сырьевой периферии и будет по-прежнему в определяющей степени зависеть от конъюнктуры мировых цен на энергоносители [Евразийская политическая экономия 2016].

Напротив, Я. Лисоволик и В. Сутырин делают ставку во многом именно на географию, как на стержневой элемент евразийской интеграции, посвятив этому фактору специальное исследование [География стран Евразийского

экономического союза 2017]. Авторы отмечают ряд преимуществ в, на первый взгляд, негативных географических константах, таких как низкая плотность населения или удаленность от портовой инфраструктуры и морей. В частности, указывается на большую стабильность и долгосрочность континентальных связей. Авторы предлагают устанавливать выгодные тарифы для внутриевразийского потребления, что потенциально будет компенсировать фактор транспортных издержек и сложных климатических условий. Определенное перемещение капитала из сырьевого сектора в социальный и инновационный формирует евразийскую модель экономического роста, которая, по мнению исследователей, должна основываться на синтезе западной и восточной экономической модели, учитывающей специфику больших расстояний и преобладание железнодорожного транспорта.

Однако было бы неверно сводить весь большой комплекс работ, посвященных евразийской интеграции к указанным выше направлениям [Пивовар, Гущин, Левченков 2013]. В изучение отдельных важных экономических аспектов евразийской проблематики, ее идеолого-философских проблем, роли в международных отношениях внесли такие известные авторы из стран – членов ЕАЭС, как С.А. Афонцев, Е. Кузьмина, Л. Вардомский, Т. Бордачев, С. Рекеда, А.Н. Быков, Н.Б. Кондратьева, В. Пилипенко, П. Своик, Б. Эргашев, Ю. Кофнер, а также ряд западных авторов, среди которых, к примеру, выделяется переведенная на русский язык работа П. Франкопана [Frankopan 2015]. Автор, уделяя приоритетное внимание Китаю и его модели логистического конструирования Евразии в рамках Шёлкового пути, противопоставляет кооперационный подход Китая современному изоляционизму США. Он также указывает на большой потенциал Евразии с точки зрения интеграции, в то время как в Европе напротив доминируют дезинтеграционные тенденции. Особое место принадлежит исследователям, занимающимся проблематикой новой евразийской идентичности, где выделяются подходы А. Дзерманта и Р. Вахитова [Дзермант 2020]. Первый исследователь сосредоточивает внимание на проблематике построения новой евразийской идентичности на основе формирования наднациональной евразийской бюрократии, что определяет уже гуманитарную задачу – возвращение и культивирование общей евразийской идентичности, дополняющей и расширяющей национальную. Эта задача достижима только средствами «мягкой силы», общественной дипломатии и культурной политики при поддержке проевразийских элит и наднациональной бюрократии. Р. Вахитов работает в парадигме «левого евразийства», которое во многом коррелирует в идеологическом и философском плане экономические концепции Максимцева и Миропольского. Существует и критическая линия, в рамках которой, в частности, выделяются работы исследователей либерального направления, таких как А. Малашенко и В. Иноземцев [Малашенко 2018], которые критикуют евразийскую интеграцию как таковую,

показывая пределы ее потенциального развития, непригодность политических систем стран-участников для полноценной интеграции, а также говорят об отсутствии потенциала к построению евразийской идентичности на современном этапе. Помимо этого, можно констатировать, соглашаясь с российскими исследователями И. Болговой и Ю. Никитиной [Болгова, Никитина, 2019], наличие тенденции, когда большинство российских авторов зачастую применяют редукционистский подход, сфокусированный на экономической сфере. Во многом является ответом на упреки в адрес евразийской интеграции как проекта, продвигаемого в первую очередь в российских геополитических интересах.

Сегодня именно практическое евразийство является – и вполне справедливо – доминирующей тенденцией в восприятии и оценках евразийских интеграционных процессов. Но необходимо понимать, какой тип экономики и социальных отношений строится в рамках евразийской интеграции и строится ли он вообще, как будут состыковываться различные экономические системы внутри ЕАЭС при их существенном различии, которое мы наблюдаем, скажем, сегодня на примере разницы экономических систем России и Беларуси, какое место ЕАЭС будет занимать как субъект международных отношений.

Было бы наивным ждать через 30 лет после распада СССР развития быстрой реинтеграции, да и создать интеграцию поистине эффективную посредством лишь механизмов Таможенного союза вряд ли возможно, если она не преследует далекоидущей цели выхода из периферийности глобальных процессов и нового регионального конструирования, становления в качестве одного из центров НТР. Хотя, несмотря на все сложности в рамках ЕАЭС, удалось достичь довольно большого прогресса в деле становления четырех декларируемых общих пространств, в первую очередь рынка труда. Сегодня перед евразийской интеграцией и ЕАЭС стоит целый ряд серьезных до сих пор нерешенных вопросов.

Несмотря на некоторый прогресс, четыре пространства, которые являются стратегической целью, не просто до сих пор не построены, но в полном смысле слова не построено ни одно из них. Самые крупные страны Союза завязаны на экспорт минерального сырья, за последние годы есть лишь косметические и ситуативные изменения с точки зрения структуры экономики стран ЕАЭС. Прежде всего это касается Казахстана и России, в то время как Беларусь имеет все более диверсифицированный экспорт. Большой урон процессу евразийской экономической и социальной интеграции в этом контексте был нанесен выпадением из него Украины с ее большим на момент 2012–2013 гг. промышленным потенциалом.

Прирост ВВП стран ЕАЭС сегодня очень невысок: около 1% по итогам 2019 г. Лидеры при этом Армения и Кыргызстан, в то время как локомотивы

интеграции отстают и от них [Евразийский экономический союз 2020]. Численность населения также сокращается, только в Казахстане и Кыргызстане идет рост и превышение показателей по сравнению с показателями накануне распада СССР. Проблемой ЕАЭС сегодня также является кризис экономики участников Союза в сторону внешних рынков, прежде всего Китая и ЕС, а также очевидная нехватка капиталовложений, которая диктует все большую важность развития и функционирования фондов стратегического развития интеграции. В условиях, когда ресурсы Евразийского банка довольно ограничены, остро ощущается нехватка инвестиций.

При девальвации определенный эффект замещения был за счет российского рынка. Но внутриотраслевая торговля не достигает высоких показателей, что обуславливает доминирование инерционного сценария развития евразийской интеграции. В 2015–2018 гг. торговля внутри ЕАЭС увеличилась на 23,6%, что, однако, все еще на 5,4% ниже, чем было в 2014 г. [Ушкалова 2020].

В течение этого периода ЕАЭС не смог увеличить внутрисоюзную взаимную торговлю по сравнению с внешней торговлей с третьими странами. В период с 2014 по 2018 г. соотношение в среднем оставалось на уровне 13,5% к 86,5% [Кофнер 2019]. В 2015–2019 гг. торговля товарами внутри ЕАЭС увеличилась. Более того, в 2018 г. ЕАЭС принял современный таможенный кодекс. Однако эти относительные успехи были нивелированы сохраняющимися изъятиями и продолжающимися торговыми спорами между государствами-членами, нетарифными ограничениями, а также односторонними контрсанкциями [Доклад о состоянии взаимной торговли 2018]. На начало 2017 г. насчитывалось 60 согласованных всеми государствами-членами препятствий, а на начало 2019 г. число таких препятствий достигло 71. Для таких стран, как Беларусь, наличествует отрицательное сальдо в торговле со странами ЕАЭ, что приводит к увеличению внешнего долга.

Объем взаимной торговли товарами между государствами-членами за январь–декабрь 2019 г., исчисленный как сумма стоимостных объемов экспортных операций государств – членов ЕАЭС во взаимной торговле, составил 61 млрд долл. США, или только 101,3% к уровню января–декабря 2018 г. К сожалению, прежде всего именно динамика мировых цен влияет на рост внутренней торговли, а вовсе не эффект ЕАЭС. По экспорту и импорту товаров для России лидирует ЕС, а ЕАЭС занимает не более 5–6%. Таким образом, одной из ключевых проблем Союза является низкая социально-экономическая связанность его членов при наблюдаемом ощущимом преобладании в торговле стран ЕАЭС внерегиональных акторов, таких как ЕС и КНР. К институциональным ограничениям можно отнести структуру управления Союза, в нем слишком много органов, которые могут отменять решения нижестоящих органов.

В глобальном плане проблемы ЕАЭС заключаются в различном видении его членами будущего самого Союза, что, в частности, отчетливо проявилось в позиции относительно перспектив и алгоритмов создания единого рынка нефти и газа, что вылилось в серьезную дискуссию в ходе недавнего заседания Высшего совета ЕАЭС. Свою роль сыграло и общее охлаждение российско-белорусских отношений.

Совокупная доля ЕАЭС в мировом ВВП сегодня очень мала и составляет примерно 2,5%. С одной стороны, это указывает на то, о чем говорят исследователи либерального направления, – на то, что альтернативным полюсом с такими показателями в условиях формирования в мире новой биполярной экономической и военно-политической структуры не стать. Прежде всего это вовсе не означает, что цель создания ЕАЭС заключается в том, чтобы повышать конкурентоспособность на внешних рынках, тем более в условиях несовпадения интересов ЕС и ЕАЭС. Кроме того, понятно, что никаких особо конкурентных преимуществ при гипотетическом и маловероятном равноправном партнерстве и соглашении с ЕС не будет, необходимо в новых условиях мировой конъюнктуры наращивать товарооборот, насыщать свой рынок, создавать и развивать промышленную кооперацию внутри Союза. Безусловно, сегодня надо признать, что постсоветская Евразия находится на периферии трансформационных глобальных тенденций. Прежний особый характер социально-экономической модели региона практически размывается. Усиливается разрыв между конкурирующими центрами экономического и политического влияния.

Сегодня, сколько бы ни говорили о «нормальности» интеграции, сравнивая к примеру ЕАЭС с другими интеграционными объединениями, например по такому показателю, как уровень единого таможенного тарифа, который не так высок как в ЕС, но и не так низок по отношению к другим интеграционным объединениям, ясно, что при всех тактических плюсах способность обеспечить в современной международной обстановке успех зависит от того, в какой мере государства, проектирующие новую союзность, следуют алгоритмам трансформации своего Союза в объединение на базе нового технологического уклада, новой экономики и стоимости. Конечно, некоторые элементы качественного развития интеграции могут быть обеспечены и без углубления интеграции. Но стратегически в условиях предпосылок новой биполярности и все большего превращения евразийского пространства в пространство конкуренции мало. Пока же приходится констатировать, что в ЕАЭС пока нет парадигмы будущего на основе общей промышленной политики, отсутствует долгий горизонт планирования, что является серьезной проблемой элит стран – членов Союза.

Если говорить о внешнем контуре евразийской интеграции, то полноценное расширение Союза сегодня не самоцель, тем более что при наличии

существующих противоречий вхождение в него нового актора породило бы еще больше спорных вопросов. Свидетельством этого является довольно сложный процесс обсуждения возможного вхождения в ЕАЭС Узбекистана. С точки зрения возможного расширения внутреннего рынка Союза, однако, статус наблюдателя в ЕАЭС сегодня для Узбекистана скорее всего пока является пределом интеграционных возможностей. Дальнейшая интеграция в Союз будет обуславливаться довольно трудным процессом согласования условий вхождения, тем более что уже сегодня есть довольно серьезные опасения относительно конкуренции, к примеру, сельскохозяйственной продукции Кыргызстана и Узбекистана или тех условий, которые будут созданы узбекскому автомобилестроению в случае его выхода на российский рынок. Тем не менее евразийские рынки для Узбекистана, безусловно, важны, так как есть риск попадания в зависимость от торговли с КНР. Ведь эта торговля не обеспечивает рынка сбыта для узбекских товаров: примерно половина от всего экспорта Узбекистана в Китай – это энергоносители, в то время как евразийские рынки более востребованы в ходе диверсификации промышленности Узбекистана и усиления экспортной составляющей экономики страны. Большое значение имеет и миграционная составляющая, однако стратегически ее роль будет сокращаться в виду постепенного сокращения рождаемости в стране, что в перспективе может создать угрозу вымывания трудовых ресурсов. Это – позитивный момент для евразийской интеграции, так же как и достигнутые ранее договоренности с Вьетнамом и Сингапуром. С имиджевой точки зрения, с точки зрения субъектности было бы большим плюсом вхождение в Союз страны не из постсоветского пространства, однако на данный момент – это дело довольно отдаленного будущего.

Однако торговли, как и взаимодействия с внерегиональными акторами, недостаточно для полноценной интеграции. Торговый, особенно торгово-сырьевой, сценарий приводит к глубокой деформации социальных и хозяйственных связей на евразийском пространстве. Нужны связующие звенья, которые позволили бы вывести взаимодополняющую специализацию, организовать разделение труда стран, исходя из их конкурентных преимуществ, и связать их в единый интеграционный хозяйственный механизм [Точки роста 2018]. В связи с этим именно промышленная кооперация должна способствовать модернизации стран Союза, которые пока находятся на периферии мирового развития. Еще одним важным элементом должно быть уравнивание условий хозяйствования всех цепочек Союза и реализация политики создания и укрепления внутрирегиональных цепочек добавленной стоимости. Это особенно актуально в условиях, когда устаревают и утрачивают свое значение прежние технологические несырьевые цепочки.

Особенное значение приобретает создание сельскохозяйственного рынка, ведь доля сельского хозяйства во всех странах Союза довольно велика. Кроме

того, это является перспективным направлением не только для насыщения внутреннего рынка, но и для экспорта, принимая во внимание продовольственные проблемы в современном мире. Важным вопросом является развитие специализации стран ЕАЭС, прежде всего в области обработки и промышленности и развития цифровизации.

Много зависит в этом контексте от России как локомотива и лидера евразийской интеграции. Пока же зачастую приходится констатировать, что «именно неудовлетворительное состояние российской экономики активно стимулирует центробежные тенденции в интеграционном объединении и, как результат, риски использования протекционистских инструментов, в том числе изъятий, ограничений и барьеров между государствами-членами» [Евразийская интеграция 2017]. Во многом сегодня можно согласиться с оценкой некоторых исследователей о том, что Россия до сих пор в значительной степени ослабляет свое влияние на постсоветском пространстве, но приобретает его в иных регионах мира [Международная неопределенность 2020]. От преодоления этого подхода во многом зависит будущее как самой России в качестве регионального центра влияния, так и будущее региональной интеграции. В обозримой перспективе ключевой проблемой для интересов России и ее влияния в Евразии становится и институциональный вызов, способность создавать и поддерживать различные формы координации секторальных и национальных интересов, не допуская доминирования внерегиональных акторов. При этом участники Союза должны научиться не переносить проблемы двусторонних отношений на уровень всего Союза, что является пока одной из серьезных проблем в деле развития интеграции. Пока этого не достигнуто, и участники Союза далеки от создания равноправных, единых условий, от достижения высокой планки научно-технической, промышленной и производственной кооперации с последующим разделением труда и специализацией стран.

Для реализации задач евразийской интеграции на современном этапе необходимо формирование нового союзного мышления. Россия в состоянии обеспечить развитие евразийской интеграции и укрепление своей позиции регионального лидера посредством создания стимулов для своих союзников как в области безопасности, сохраняя свое значение как ее гаранта, так и в области экономики. Для этого важно трансформировать свою экономическую систему и экономическую политику в сторону суверенизации и построения смешанной экономики на основе принципов многоукладности, расширения государственного кредитования промышленности, развития потенциала внутренних инвестиций, стимулирования развития высокотехнологичных производств и внутрирегиональных цепочек добавленной стоимости, союзного импортозамещения и согласованного выхода на рынки третьих стран. При этом важно приоритетное внимание к таким сферам, как цифрови-

зация и развитие возобновляемых источников энергии, которые давно следует перестать воспринимать сугубо как вызов для ТЭК, а начать воспринимать как широкое поле потенциальных возможностей [Катона 2020].

Все это может способствовать созданию варианта интегрального, синтетического социально-экономического строя с усилением элементов национального и союзного стратегического планирования, который позволит не только обеспечить укрепление региональной интеграции и интенсификацию социокультурного взаимодействия, но и даст возможность не опоздать к моменту перехода на новый технологический уклад и не оказаться в качестве сырьевой периферии в процессе нового витка НТР и структурной технологической перестройки, происходящей в современном мире. В противном случае как процесс, так и структуры евразийской интеграции будут размываться при одновременном усилении взаимодействия партнеров России по ЕАЭС с вне-союзными акторами.

Библиография

- Болгова И., Никитина Ю. Евразийский экономический союз между интеграцией и суверенитетом // Современная Европа. 2019. № 5. С. 13–22.
- Винокуров Е.Ю., Либман А.М. Две евразийские интеграции // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 47–72.
- Винокуров Е.Ю., Либман А.М. Евразийская континентальная интеграция. СПб.: Центр интеграционных исследований, 2012. 210 с.
- География стран Евразийского экономического союза. Валдай – дискуссионный клуб 2017: [презентация доклада Я. Лисоволика и В. Султырина: видеотрансляция]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tbvtVKpeF-Q> (дата обращения: 28.05.2020).
- Дзермант А. Технологии евразийской интеграции. Северная Евразия. 2020. URL: <http://eurasia-sever.by/tehnologii-evrazijskoj-integraczi/> (дата обращения: 15.06.2020).
- Доклад о состоянии взаимной торговли между странами – членами Евразийского экономического союза в 2018 г. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/report/Report_2018.pdf (дата обращения: 20.05.2020).
- Евразийская политическая экономия: учебник. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2016. 767 с.
- Евразийский экономический союз / под общ. ред. Е.Ю. Винокурова. СПб.: Центр интеграционных исследований, 2017. 287 с.
- Евразийский экономический союз: Проблемы и перспективы развития. АНЦЭА: диспут-клуб. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Lab08XJQ9ho> (дата обращения: 20.06.2020).
- Катона В. Энергопотребление на постсоветском пространстве. 2020. URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/energopotreblenie-na-postsovetskom-prostranstve/> (дата обращения: 18.06.2020).
- Кондратьева Н.Б. Таможенный союз ЕврАзЭС движется по стопам ЕС // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 2. С. 164–187.
- Кофнер Ю. 5 лет ЕАЭС. Удалось ли создать единый товарный рынок? 2019. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/34944/?sphrase_id=40273138 (дата обращения: 20.05.2020).

Малашенко А. Евразийская идентичность: реальность и фантазии // Независимая газета. 2018. 5 июля. № 134 (7259). С. 5.

Маркедонов С.М. Россия и Запад на постсоветском пространстве: что будет? [видеолекция]. 2018. URL: https://www.gazeta.ru/politics/video/2018/02/16/11652691/rossiya_i_zapad_na_post-sovetskom_prostranstve_chno_budet.shtml (дата обращения: 01.06.2020).

Международная неопределенность 2020. Новая Евразия на пути к консолидации: конференция: [видеозапись] / МГИМО-Университет. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bJcVpk2gLhA> (дата обращения: 03.06.2020).

Петровский П. Мировоззренческие и философские основания современной евразийской интеграции. 2020. URL: <http://eurasia-sever.by/mirovozzrencheskie-i-filosofskie-osnovaniya-sovremennoj-evrazijskoj-integracii/> (дата обращения: 02.06.2020).

Пивовар Е.И., Гушин А.В., Левченков А.С. Интеграция на постсоветском пространстве: Новый век – новые горизонты изучения // Новый исторический вестник. 2013. № 36 (2). С. 43–55.

Россия в современных интеграционных процессах: кол. моногр. / под ред. С.А. Афонцева, М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2014. 312 с.

Точки роста ЕАЭС: экономика, безопасность, общество: доклад / Евстафьев Д.Г., Кусанов А.М., Масаулов С.И. и др. М.: [б. и.], 2018. 48 с.

Ушкалова Д. 5 лет ЕАЭС: итоги взаимной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 1. С. 73–92.

Frankopan P. The New Silk Roads: The Present and Future of the World. London: Bloomsbury, 2015. 656 p.

References

Bolgova I., Nikitina Yu. Evrazijskij ekonomicheskij soyuz mezhdru integraciej i suverenitetom [Eurasian economic Union between integration and sovereignty]. Modern Europe. 2019. No 5. P. 13–22. (In Russ.)

Doklad o sostoyanii vzaimnoj trgovli mezhdru stranami-chlenami Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza v 2018 g. [Report on the state of mutual trade between the member States of the Eurasian economic Union in 2018]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/report/Report_2018.pdf (date of access: 20.05.2020). (In Russ.)

Dzermant A. Tekhnologii evrazijskoj integracii. Severnaya Evraziya. [Technologies of the Eurasian integration. Northern Eurasia]. 2020. URL: <http://eurasia-sever.by/tehnologii-evrazijskoj-integracii/> (date of access: 15.06.2020). (In Russ.)

Evrazijskaya politicheskaya ekonomiya [Eurasian political economy]: textbook. Saint Petersburg: St. Petersburg State University of Economics Publishing House, 2016. 747 p. (In Russ.)

Evrazijskij ekonomicheskij soyuz [Eurasian economic Union]. Ed. E.Yu. Vinokurov. Saint Petersburg: Center for Integration Studies, 2017. 287 p. (In Russ.)

Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: Problemy i perspektivy razvitiya. Disput-klub ANCEA [The Eurasian economic Union: Problems and prospects of development: The debate club ARETT]. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Lab08XJQ9ho> (date of access: 20.06.2020). (In Russ.)

Frankopan P. The New Silk Roads: The Present and Future of the World. London: Bloomsbury, 2015. 656 p.

Geografiya stran Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza. Valdaj – diskussionnyj klub [Geography of the countries of the Eurasian economic Union. Valdai – discussion club] 2017: [presentation of the

report by Y. Lisovolik and V. Sulyrin: video broadcast]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tbvtVKpeF-Q> (date of access: 28.05.2020). (In Russ.)

Katona V. Energopotreblenie na postsovetском prostranstve [Energy consumption in the former Soviet Union]. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ukraina-na-poroge-burnoy-politicheskoy-oseni/> (date of access: 18.06.2020). (In Russ.)

Kofner Yu. 5 let EAES. Udalos' li sozdat' edinyj tovarnyj rynek? [5 years of the EAEU. Was it possible to create a single product market?]. 2019. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/Greater-Eurasia/34944/?sphrase_id=40273138 (date of access: 20.05.2020). (In Russ.)

Kondrat'eva N.B. Tamozhennyj soyuz EvrAzES dvizhetsya po stopam ES. [The EurAsEC Customs Union is moving in the footsteps of the EU]. Current problems of Europe. 2011. No 2. P. 164–187. (In Russ.)

Malashenko A. Evrazijskaya identichnost': real'nost' i fantazii [Eurasian identity: reality and fantasy]. Nezavisimaya gazeta. 2018. 5 July. No 134 (7259). P. 5. (In Russ.)

Markedonov S. Rossiya i Zapad na postsovetском prostranstve: chto budet? [Russia and the West in the post-Soviet space: what will happen?]. 2018: [video lecture]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/video/2018/02/16/11652691/rossiya_i_zapad_na_postsovetском_prostranstve_chto_budet.shtml (date of access: 01.06.2020). (In Russ.)

Mezhdunarodnaya neopredelennost' 2020. Novaya Evraziya na puti k konsolidacii [International Uncertainty 2020. A New Eurasia Towards Consolidation: Conference]: [video recording]. MGIMO University. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bJcVpk2gLhA> (date of access: 03.06.2020). (In Russ.)

Petrovskij P. Mirovozzrencheskie i filosofskie osnovaniya sovremennoj evrazijskoj integracii [Ideological and philosophical foundations of modern Eurasian integration]. 2020. URL: <http://eurasia-sever.by/mirovozzrencheskie-i-filosofskie-osnovaniya-sovremennoj-evrazijskoj-integracii/> (date of access: 02.06.2020). (In Russ.)

Pivovarov E.I., Gushchin A.V., Levchenkov A.S. Integraciya na postsovetском prostranstve: Novyj vek – novye gorizonty izucheniya [Integration in the post-Soviet space: New age-new horizons of study]. New Historical Bulletin. 2013. N 36 (2). P. 43–55. (In Russ.)

Rossiya v sovremennyh integracionnyh processah [Russia in modern integration processes: a collective monograph]: collective monograph. Ed. S.A. Afontsev, M.M. Lebedeva. Moscow: MGIMO-Universitet, 312 p. (In Russ.)

Tochki rosta EAES: ekonomika, bezopasnost', obshchestvo [EAEU Growth Points: Economy, Security, Society]: Report. Evstafiev D.G., Kusainov A.M., Masaulov S.I. et al. Moscow: [s. n.], 2018. 48 p. (In Russ.)

Ushkalova D. 5 let EAES: itogi vzaimnoj trgovli [5 years of the EAEU: the results of mutual trade]. Russian Foreign Economic Bulletin. 2020. No 1. P. 73–92.

Vinokurov E.Yu., Libman A.M. Evrazijskaya kontinental'naya integraciya. [Eurasian continental integration]. Saint Petersburg: Center for Integration Studies, 2012. 210 p. (In Russ.)

Vinokurov E.Yu., Libman A.M. Dve evrazijskie integracii [Two Eurasian integrations]. Economic issues. 2013. No 2. P. 47–72. (In Russ.)

Е.В. Преснякова

**ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ЭФФЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ БЕЛАРУСИ
И РОССИИ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

***Аннотация.** В статье раскрывается влияние интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза на приток российских прямых инвестиций в Беларусь с учетом внешнеторговых отношений между странами. На основе анализа динамики взаимных инвестиций сделан вывод о снижении их объема по сравнению с началом функционирования ЕАЭС. Отмечено, что рост доли взаимных инвестиций в структуре зависит от снижения объема прямых инвестиций из третьих стран. Зависимость экономики Беларуси от размера инвестиционных потоков из Российской Федерации подтверждается высоким удельным весом накопленных российских прямых инвестиций в общем объеме прямых инвестиций. Проведена оценка зависимости между притоком российских прямых иностранных инвестиций (ПРИИ) и импортом инвестиционных, промежуточных и потребительских товаров из России в Беларусь. При этом учитывалось наличие или отсутствие в определенные годы интеграционных процессов. Показано, что наиболее сильной является зависимость между притоком ПРИИ из России как страны – партнера по интеграционному объединению и импортом российских инвестиционных товаров в Беларусь. Также притоку ПРИИ в Беларусь из России способствует организация совместных с российскими предприятиями производств импортируемых промежуточных товаров, кроме энергетических. Интерес инвесторов из России к размещению на территории Беларуси производств потребительских товаров, а также товаров, для производства которых не требуются промежуточные компоненты белорусского происхождения, в условиях экономической интеграции является наименьшим. Выработаны направления стимулирования взаимных инвестиций в контексте развития евразийской экономической интеграции в соответствии с Декларацией о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. В числе таких направлений максимальное сокращение изъятий и ограничений для свободного передвижения капитала; поддержка и развитие потенциала имеющихся преференциальных инвестиционных режимов в государствах – членах ЕАЭС; использование потенциала международных финансовых институтов развития; формирование центров компетенций по развитию средне- и высокотехнологичных, а также принципиально новых производств и др.*

***Ключевые слова:** взаимные инвестиции; прямые иностранные инвестиции; интеграция; Евразийский экономический союз; взаимная торговля; инвестиционные*

товары; промежуточные товары; цепочки добавленной стоимости; промышленное сотрудничество.

Преснякова Елена Владимировна – кандидат экономических наук,
доцент, ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси»,
зав. сектором промышленной политики, Беларусь, Минск.
E-mail: prasniakova@tut.by

Prasniakova E.V. Investment Effects of Integration of Belarus and Russia Within the Framework of the Eurasian Economic UNION

Abstract. *The article examines the influence of integration processes within the Eurasian Economic Union on the inflow of Russian direct investments to Belarus, taking into account the foreign trade relations between the countries. Regarding the dynamics of mutual investments, the author shows that their volume has decreased in comparison to the initial stages of the EEU. It is noted that the increase in the share of mutual investments in the structure stems from a decrease in the volume of direct investments from third countries. The dependence of the Belarusian economy on the investment flows from the Russian Federation manifests itself in the high share of accumulated Russian direct investment in the total volume of foreign direct investment. The text provides an assessment of the relationship between the inflow of Russian FDI and the import of investment, intermediate and consumer goods from Russia to Belarus. At that, taken into account was the presence or absence of integration processes in particular years. The strongest dependence is between the inflow of FDI from Russia as a partnership country and the import of Russian investment goods to Belarus. Also, the inflow of FDI to Belarus from Russia is facilitated by the organization of joint production of imported intermediate goods (excepting energy) with Russian enterprises. The interest of Russian investors in the setting consumer goods production facilities on the territory of Belarus as well as goods the production of which does not require intermediate components of Belarusian origin, is the least visible correlation under the conditions of economic integration. The directions for stimulating mutual investments in the context of the development of Eurasian economic integration have been suggested in accordance with the Declaration on the further development of integration processes within the EEU. Among these areas is the maximum reduction in withdrawals and restrictions on the free movement of capital; support and development of the potential of the existing preferential investment regimes in the EEU member states; wider use of the potential of international financial development institutions; formation of centers of excellence for the development of medium- and high-tech as well as fundamentally new industries, etc.*

Keywords: *mutual investments; direct foreign investments; integration; the Eurasian Economic Union; mutual trade; investment goods; value chains; industrial collaboration.*

Prasniakova Elena Vladimirovna – PhD in Economics,
Associate Professor, the Institute of Economics of the National
Academy of Sciences of Belarus, Head of Industrial Policy Sector,
Belarus, Minsk. E-mail: prasniakova@tut.by

Углубление интеграции Беларуси и России с 2010 г. в рамках Таможенного союза, с 2012 г. – Единого экономического пространства, с 2015 г. – Евразийского экономического союза, имело большой потенциал роста для активизации притока как иностранных, так и взаимных инвестиций в эти страны. Согласно преамбуле к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., стороны его общими задачами считали устойчивое экономическое развитие, всестороннюю модернизацию и усиление конкурентоспособности национальных экономик в рамках глобальной экономики. В качестве целевого ориентира выступает свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Подразумевается, что в совокупности это должно способствовать повышению взаимной инвестиционной привлекательности экономик государств – членов ЕАЭС, а также увеличению притока прямых инвестиций из третьих стран [Договор о Евразийском экономическом союзе 2014]. В реальности опыт реализации договоренностей и формирования единого экономического пространства в рамках ЕАЭС свидетельствует об определенных трудностях и противоречиях в интересах интегрирующихся сторон, что негативно влияет на развитие инвестиционного сотрудничества.

Оценке интеграционных и инвестиционных эффектов в рамках различных форм объединений России и Беларуси посвящен ряд исследований. В частности, это труды Л.Б. Вардомского, Т.С. Вертинской, Г.А. Власкина, Г.В. Германовича, А.В. Готовского, Е.В. Зайцевой, Н.Б. Ленчук, А.И. Лученка, Д.В. Мухи, М.В. Мясниковича, Н.П. Радикевича, Д.И. Ушкаловой, В.И. Филатова, Б.А. Хейфеца, В.Н. Шимова, А.В. Шурубовича и др.

Согласно исследованию Б.А. Хейфеца «О зоне свободных инвестиций Евразийского экономического союза» (2014), в самом Договоре о ЕАЭС инвестиционному сотрудничеству с концептуальной точки зрения уделено недостаточно внимания. Объединена тематика инвестиций и сотрудничества в области торговли услугами (Раздел XV Договора, Приложение № 16 к Договору). Подобная логика изложения вызывает сомнения, так как сектор услуг выделен по отраслевому принципу, а инвестиции относятся к инструментам реализации экономической политики. Так, более целесообразным являлось бы выделение в Договоре отдельного раздела по инвестиционному сотрудничеству с выработкой мероприятий по созданию зоны свободных инвестиций [Хейфец 2014 а)]. В качестве перспективного направления активизации инвестиционного сотрудничества предлагалось проводить работу по формированию Единого инвестиционного пространства [Хейфец 2014 б)].

Рассматривая последовательно интеграционные и инвестиционные эффекты со времени формирования Таможенного союза (ТС), авторы отмечали не использованный полностью потенциал взаимного сотрудничества с учетом имеющихся возможностей. В научном докладе «Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации» [Евразийский интеграционный

проект 2013 г.] под общей редакцией С.П. Глинкиной приводилось мнение, что несмотря на некоторый рост взаимных инвестиций стран ТС, едва ли возможно говорить о его осязаемом положительном инвестиционном эффекте. При этом наблюдалось обострение конкуренции за иностранные инвестиции между Россией, Казахстаном и Беларусью, что обусловлено функционированием на их территории особых экономических зон (в частности, на территории Беларуси – Парка высоких технологий) [Евразийский интеграционный проект 2013]. В подтверждение данного тезиса Д.В. Муха подчеркивала, что в условиях функционирования ЕАЭС Беларусь будет вынуждена конкурировать с Казахстаном и Россией за иностранные инвестиции [Муха 2013]. В свою очередь, более низкую инвестиционную привлекательность Беларуси по сравнению с Россией и Казахстаном в 2013 г. отмечали Г.В. Германович и Н.П. Радикевич, что, в частности, объяснялось вступлением России в ВТО в 2012 г. в одностороннем порядке [Германович, Радикевич 2013]. Учитывая имеющуюся взаимосвязь инвестиционной интеграции и финансовой либерализации Е.В. Зайцева обосновывала необходимость проведения согласованной политики по развитию общего финансового рынка, его либерализации и гармонизации [Зайцева 2017].

С позиции институциональной теории А.И. Лученком сделан вывод о том, что схожие институты стран, относящихся к одной институциональной матрице, являются предпосылкой для образования ими интеграционной группировки [Лученок 2013; Лученок 2018]. В целях создания необходимой институциональной инфраструктуры на базе Евразийской экономической комиссии белорусские ученые предлагали создать Евразийский информационно-аналитический правовой центр содействия инвестициям, обеспечивающий своевременное и качественное сопровождение интеграционных проектов.

Согласно точке зрения М.В. Мясникова, потенциал России и Беларуси позволяет выходить на новые крупные совместные проекты, в частности в химической промышленности. В России и Беларуси надо активно создавать мощности по производству широкого ассортимента полимерных материалов, что обеспечит реальное импортозамещение [Мясникович 2017]. По мнению А.В. Шурубовича, в углублении экономического сотрудничества и интеграции России и Беларуси заинтересованы прежде всего предприятия, связанные взаимопоставками продукции и производственной кооперацией, а также предприятия и производства высокотехнологичных наукоемких отраслей. Вместе с тем сдерживающим фактором такого сотрудничества выступает различие хозяйственных систем двух стран, а также – прежде всего – реализация в Беларуси экономической модели, основанной на доминирующей собственности государства [Шурубович 2018]. Согласно исследованиям Л.В. Вардомского, взаимным инвестициям в рамках ЕАЭС препятствуют такие факторы, как свобода взаимной торговли, отсутствие значительных

преимуществ относительно друг друга по привлекательным для союзных инвесторов факторам производства, большие транспортно-логистические издержки, ограниченная рыночная емкость отдельных стран ЕАЭС, недостаточное предложение со стороны национальных компаний привлекательных друг для друга технологий для разных отраслей экономики [Вардомский 2019]. Наряду с вышеназванными, нерешенными до сих пор остаются такие задачи, как полное устранение препятствий на рынке ЕАЭС, совершенствование таможенного регулирования, формирование цифрового пространства Союза, выстраивание системы управления и финансирования совместных кооперационных проектов и др. Не использован в полной мере потенциал промышленного сотрудничества государств – членов ЕАЭС.

Оценивая происходящие процессы в мире и в рамках интеграционного объединения, главы государств – членов ЕАЭС 6 декабря 2018 г. подписали Декларацию о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. В области развития инвестиционного сотрудничества в Декларации указывается на необходимость совершенствования рыночных институтов, административных процедур, улучшения делового и инвестиционного климата с учетом наилучших международных и национальных практик; активизации сотрудничества с ШОС, АСЕАН, Европейским союзом, МЕРКОСУР, ВТО, ОЭСР, а также другими региональными интеграционными объединениями и международными организациями, что позволит в том числе комплексно решать задачи привлечения иностранных инвестиций и технологий. Вместе с тем, по нашему мнению, наряду с перечисленными выше стимулировать взаимные инвестиции в рамках ЕАЭС будут мероприятия, направленные на полное устранение барьеров и максимальное сокращение изъятий и ограничений для свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы; формирование общего финансового рынка ЕАЭС; стимулирование локализации производства; совместную реализацию значимых инфраструктурных проектов; создание и развитие высокопроизводительных и экспортно ориентированных секторов экономики; реализацию масштабных высокотехнологичных проектов и (кооперационных) проектов с интеграционной составляющей; объединение усилий по созданию и использованию новых технологий и инноваций, проведение совместных научно-исследовательских работ, а также многие другие.

1. Взаимные инвестиции государств – членов ЕАЭС

В соответствии с теоретическими предпосылками влияние интеграционных процессов на направления и объем потоков иностранных инвестиций как из-за пределов интеграционного объединения (внешние инвестиции), так и из стран-партнеров (взаимные инвестиции) распределяется неравномерно между

государствами – членами интеграционного объединения. Это сказывается на различиях в качестве экономического роста и повышении их конкурентоспособности [Blomström, Kokko 1997]. В определенной степени оценить динамику инвестиционной привлекательности государств – членов ЕАЭС за период осуществления интеграционных процессов (Беларусь, Казахстан, Россия – с 2010 г., Армения, Кыргызстан – с 2015 г.) позволяют данные рейтинга Doing Business (рис. 1).

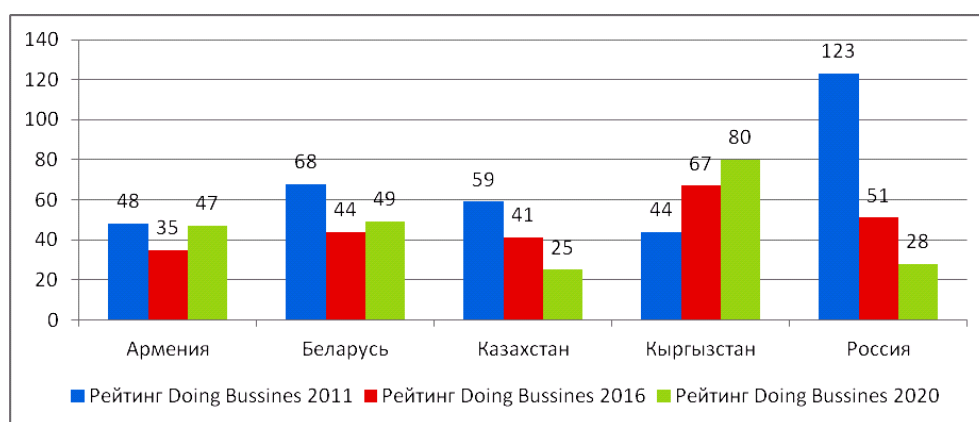

Рис. 1. Рейтинг легкости ведения бизнеса государств – членов ЕАЭС, согласно отчетам Doing Business

Источник: отчеты Всемирного банка Doing Business.

За период осуществления интеграционных процессов наиболее стремительно поднялись позиции Российской Федерации в рейтинге Doing Business – со 123-го места в 2010 г. до 28-го – в 2019 г. Для Беларуси положительная динамика существует, но не столь результативна, как ожидалось; позиции повысились с 68-го до 49-го места. При этом на 24 позиции страна отстает от лидера среди стран ЕАЭС – Казахстана, занимающего в 2019 г. 25-ю строчку в общем рейтинге из 190 стран. Об ухудшении инвестиционной привлекательности для потенциальных инвесторов свидетельствует 80-е место Кыргызстана (против 44-го места в 2010 и 67-го места в 2015 г.).

Анализируя динамику взаимных инвестиций в ЕАЭС с момента его функционирования, отметим, что объем взаимных инвестиций снизился с 2090,1 млн долл. США в 2015 до 1557,7 млн долл. – в 2018 г., или на 25,5%. Одновременно доля взаимных инвестиций в структуре выросла с 5,7% в 2015 г. до 14,4%, что, однако, произошло за счет снижения объема прямых инвестиций из третьих стран – с 34 318,8 до 9265,7 млн долл. США, или на 73,0%. Столь неблагоприятные тенденции указывают как на снижение инве-

**ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ЭФФЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ БЕЛАРУСИ
И РОССИИ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

стиционной привлекательности интеграционного объединения для внешних инвесторов, так и свидетельствуют о внутренних противоречиях и определенном разобщении экономических интересов стран-участниц. В первую очередь, это касается Беларуси (снижение притока взаимных инвестиций в 2018 г. по сравнению с 2015 г. на 16,2%), Кыргызстана (на 102,7) и России (на 63,5%) (табл. 1).

Таблица 1

**ПРЯМЫЕ ИНВЕСТИЦИИ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС
В 2015–2018 гг., млн долл. США**

Государства – члены ЕАЭС	2015	2016	2017	2018	2018 г. к 2015 г.	
					(+, –)	%
Взаимные прямые инвестиции в ЕАЭС						
Армения	130,4	–90,9	–0,9	161,6	31,2	123,9
Беларусь	736,8	543,7	462,7	617,5	–119,3	83,8
Казахстан	197,3	292,3	500,6	605,3	408	306,8
Кыргызстан	512,5	279,5	78,1	–13,9	–526,4	–2,7
Россия	513,1	414,3	91,3	187,2	–325,9	36,5
Итого:	2090,1	1438,9	1131,8	1557,7	–532,4	74,5
в том числе доля в общем объеме, %	5,7	2,8	3,3	14,4	8,7	–
Прямые инвестиции из третьих стран						
Армения	53,7	424,6	251,8	92,5	38,8	172,3
Беларусь	915,5	703,1	813,6	809,0	–106,5	88,4
Казахстан	6380,5	16 928,7	4212,0	–391,5	–6772	–6,1
Кыргызстан	629,2	336,4	–185,3	158,1	–471,1	25,1
Россия	26 339,9	32 124,6	28 466,2	8597,6	–17 742,3	32,6
Итого	34 318,8	50 517,4	33 558,3	9265,7	–25 053,1	27,0
в том числе доля в общем объеме, %	94,3	97,2	96,7	85,6	–8,7	–
Всего	36 408,9	51 956,3	34 690,1	10 823,4	–	–

Источник: данные Евразийской экономической комиссии.

Переориентация взаимных инвестиционных потоков в сторону Армении (увеличение на 23,9%) и Казахстана (на 206,8%) привела к соответствующему изменению структуры взаимных прямых инвестиций государств – членов ЕАЭС, а именно: увеличению их доли до 10,2 и 38,2% соответственно, уменьшению доли Кыргызстана, России до 11,8% и минус 0,9% соответственно. Доля Беларуси с учетом всех изменений выросла до 38,9% (рис. 2).

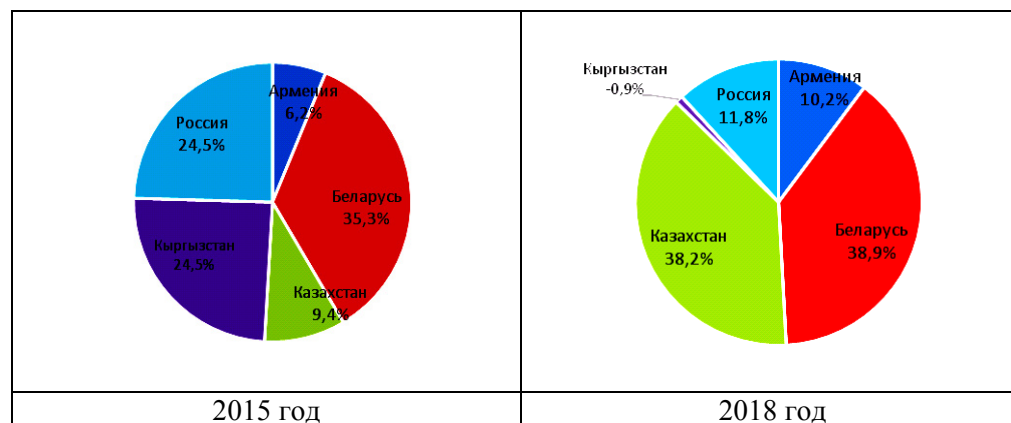

Рис. 2. Структура взаимных прямых инвестиций государств – членов ЕАЭС, %

Источник: данные Евразийской экономической комиссии.

Основным инвестором для Беларуси является Россия. В 2018 г. приток прямых иностранных инвестиций в экономику Беларуси из России (с учетом изъятия) составил 613,0 млн долл., что равно 99,3% от всего притока инвестиций из государств – членов ЕАЭС, или 43,0% всего притока прямых иностранных инвестиций из-за рубежа (за 2017 г. – 455,7 млн долл. США, или 98,5% от притока от государств – членов ЕАЭС, или 35,7% от всего притока) (табл. 1, рис. 3).

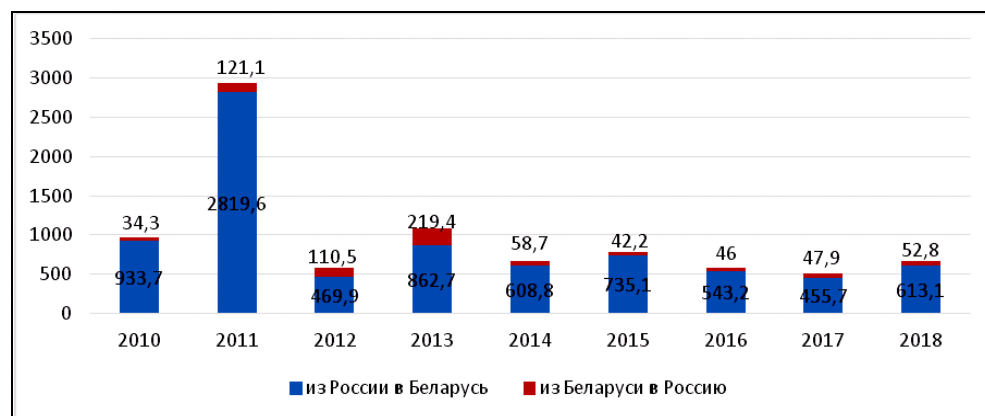

Рис. 3. Взаимные прямые инвестиции Беларуси и России в 2010–2018 гг., млн долл. США¹

Источник: данные Национального банка Республики Беларусь.

¹ Примечание: в 2011 г. в составе прямых инвестиций России в Беларусь учтена плата ОАО «Газпром» за 50% акций ОАО «Белтрансгаз» в размере 2500 млн долл. США.

Для России отток инвестиций в Беларусь в 2018 г. в размере 646,3 млн долл. составляет 2,1% от всего оттока зарубежных инвестиций (31 376,9 млн долл.). Поступившие из Беларуси 52,8 млн долл. в общем объеме притока прямых инвестиций (8784,8 млн долл.) составляют 0,6%.

В целом прямые инвестиции государств – членов ЕАЭС в Беларусь составляют 43,3% от всего притока, отток прямых инвестиций в страны ЕАЭС – 51,1% от всего оттока. Для российской экономики данные показатели равны соответственно 2,1% и 3,7%, что подтверждает тезис о большей степени ее открытости и диверсификации.

О зависимости экономики Беларуси от размера инвестиционных потоков из Российской Федерации свидетельствует высокий удельный вес накопленных российских прямых инвестиций в общем объеме прямых инвестиций. В 2018 г. из 13 060,9 накопленных прямых инвестиций на долю государств – членов ЕАЭС приходилось 4089,6 млн долл. США (31,3%), в том числе на долю России – 4042,5 млн долл. (31,0%). В значительной степени структура накопленных ПИИ в Беларуси определяется вложениями российских компаний. В свою очередь, их отраслевая структура связана с внешнеэкономической специализацией России, а также доминирующими мотивами прямого инвестирования российских ТНК в разных регионах мира. Интенсивность инвестиционного сотрудничества Беларуси и России позволяют оценить следующие данные. По состоянию на 1 января 2019 г., в Беларуси функционировала 2451 организация с участием российского капитала, в том числе совместных – 1305, со 100%-ным российским капиталом – 1133. Таким образом, в структуре ПИИ Беларусь показывает доминирующую долю взаимных инвестиций с Россией. Проведенный анализ позволяет сделать вывод об имеющемся потенциале притока российских инвестиций в белорусскую экономику. Вместе с тем необходимо проводить работу с инвесторами из стран ближнего и дальнего зарубежья с целью диверсификации инвестиционных рисков.

2. Оценка взаимосвязи притока взаимных прямых инвестиций и взаимной торговли Беларуси и России с учетом интеграционных процессов

Согласно исследованиям многих авторов, интеграция оказывает влияние на инвестиционные процессы в странах с учетом специфики их торговой деятельности. В соответствии с теорией цикла международного производства товара (Р. Вернон), теорией интернационализации (Р. Баккли, М. Кассон, А. Ругманн), парадигмой «догоняющего развития» (К. Акамацу) существует взаимосвязь между внешнеэкономической деятельностью стран, уровнем импорта товаров в принимающие страны и инвестиционной деятельностью, предусматривающей организацию производств данных товаров инвесторами-

импортерами в принимающих странах [Akamatsu 1962; Vernon 1966]. Снижение торговых таможенных барьеров между участниками интеграционных объединений приводит к сокращению горизонтальных взаимных ПИИ, так как либерализация торговли делает экспорт товаров в страну-реципиент относительно более привлекательным для потенциальных инвесторов, чем размещение там производств. Одновременно снижение торговых таможенных барьеров способствует росту вертикальных взаимных ПИИ, так как это стимулирует технологическую кооперацию между предприятиями, находящимися в странах-партнерах, и способствует усилению кооперационных связей [Kindleberger 1966; Blomström, Kokko 1997; Te Velde 2006].

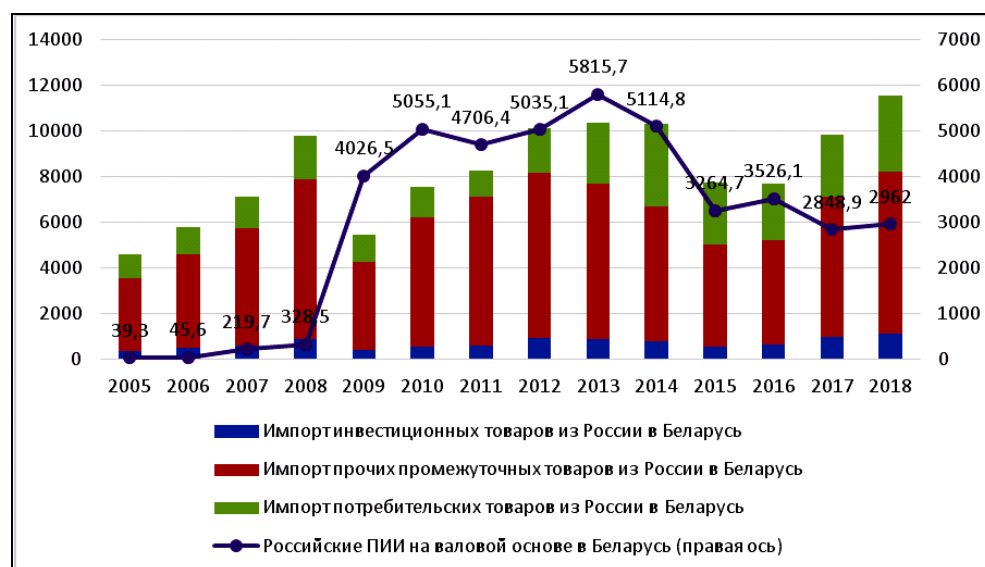

Рис. 4. Динамика прямых иностранных инвестиций на валовой основе из России в Беларусь, импорта товаров из России в Беларусь в 2005–2018 гг., млн долл. США

Источник: данные Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Для экономических взаимоотношений партнеров по интеграционному объединению характерен значимый рост притока ПИИ из России в Беларусь начиная с 2009 г., т.е. с периода, в котором было определено стратегическое направление на формирование единого таможенного пространства с 1 июля 2010 г. в рамках Таможенного союза. Рост импорта российских товаров, кроме энергетических, в Беларусь наблюдался с 2012 г. (в 1,2 раза по сравнению с 2011 г.), в котором был создан общий рынок Беларуси, России и Казахстана в рамках Единого экономического пространства. В 2018 г. значение объемов

импорта товаров, кроме энергетических, составило 11 561,9 млн долл. США (рис. 4).

2.1. Вертикальные взаимные инвестиции

Важной задачей в рамках вертикальной интеграции является выработка стратегии для активного включения государств – членов ЕАЭС в сложившуюся систему глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦДС), а также формирование возможностей для создания собственных ЦДС ЕАЭС с выходом на внешние рынки. В глобальных цепочках каждая страна формирует не полную стоимость товара, а лишь участвует в формировании добавленной стоимости на очередном этапе его разработки, производства и сбыта. Это позволяет снижать издержки и повышать конкурентоспособность продукции, размещая отдельные этапы производств там, где это выгодно.

Устранение торговых и таможенных барьеров в условиях интеграционного объединения способствует росту вертикальных взаимных ПИИ между партнерами. В таком случае инвесторы размещают филиалы по производству промежуточных и инвестиционных товаров в партнерах по интеграционному объединению в двух целях: обратного перемещения промежуточных компонентов в материнскую компанию для включения в производственную сеть; последующего экспорта товаров в третьи страны. В случае с вертикальными обратными ПИИ инвесторы создают предприятие в партнере по интеграционному объединению в качестве собственного поставщика факторов производства. Исходя из этой предпосылки интересными для российских инвесторов будут являться виды экономической деятельности, производящие импортируемые ими инвестиционные товары в Беларусь, промежуточные элементы, комплектующие и полуфабрикаты для которых производятся в Беларуси [Преснякова, Матейчук, Зайцева 2017].

Для оценки влияния эффекта интеграции на приток российских ПИИ в Беларусь, а также зависимости между притоком российских ПИИ и импортом инвестиционных товаров построим эконометрическую ANCOVA-модель за период с 2005 по 2018 г. (формула 1). Параметр интеграции учтем в качестве фиктивной переменной начиная с 2009 г. Именно в этом году на уровне глав государств и правительств были приняты и ратифицированы около 40 международных договоров, составивших основу Таможенного союза. Значение переменной, равное 1, свидетельствует о наличии интеграционных процессов, 0 – об их отсутствии.

$$FDI_{russian_t} = -268,15 + 0,39_6 IMPOR T invest products_t + 4204,8_1 Integration_t + \varepsilon \quad (1),$$

где $FDI_{russian}$ – приток российских ПИИ в Беларусь на валовой основе, млн долл. США;

$IMPORT_{investproducts}$ – импорт инвестиционных товаров, млн долл. США;

$Integration$ – фактор, свидетельствующий о наличии или отсутствии интеграционных процессов.

Параметры качества уравнения:

$R^2 = 0,951$.

$F_{набл} = 118,2 > F_{кр0,05; 2; 11} = 19,4$. R^2 статистически значим.

t-статистика $a_1 = 0,60 > t_{0,4; 11} = 0,260$, т.е. переменная «импорт инвестиционных товаров» статистически значима.

t-статистика $a_2 = 7,30 > t_{0,05; 11} = 1,812$, т.е. переменная «наличие интеграционных процессов» статистически значима.

Статистика $DW = 2,15$. $du = 0,629 < 2,15 < 4 - 0,629$, т.е. автокорреляция остатков отсутствует.

Согласно выявленным зависимостям, осуществление интеграционных процессов между Беларусью и Россией, в числе которых создание общего рынка и единого таможенного пространства, оказало значимое влияние на приток российских ПИИ в Беларусь. Активизация взаимной торговли на основе ликвидации торговых барьеров между странами обусловила рост взаимных инвестиций. Определено, что рост импорта инвестиционных товаров из России в Беларусь на 1 млн долл. приводит к росту притока ПИИ на 0,396 млн долл.

Российским производителям следует оценить степень белорусского участия в промежуточном производстве комплектующих для импортируемых в нашу страну инвестиционных товаров и проработать вопрос об организации на базе действующих совместных производств с белорусскими организациями. Прежде всего – это предприятия таких видов экономической деятельности, как производство машин и оборудования, транспортных средств.

Оценка зависимости между притоком российских ПИИ и импортом прочих промежуточных товаров в Беларусь из России

Для оценки зависимости между притоком российских ПИИ и импортом прочих промежуточных товаров построим соответствующую эконометрическую ANCOVA-модель за период с 2005 по 2018 г. (формула 2).

$$FDI_{russian}_t = -837,904 + 0,205IMPORT_{tothinterproducts}_t + 3880,668Integration_t + \varepsilon(2),$$

где *IMPORTothinterproducts* – импорт прочих промежуточных товаров, млн долл. США.

Параметры качества уравнения:

$$R^2 = 0,843.$$

$F_{\text{набл}} = 29,48 > F_{\text{кр}0,05; 2; 11} = 19,4$. R^2 статистически значим.

t -статистика $a_1 = 1,03 > t_{0,05; 11} = 1,812$, т.е. переменная «импорт прочих промежуточных товаров» статистически значима.

t -статистика $a_2 = 6,82 > t_{0,05; 10} = 1,796$, т.е. переменная «наличие интеграционных процессов» статистически значима.

Статистика $DW = 2,15$. $du = 0,629 < 2,15 < 4 - 0,629$, т.е. автокорреляция остатков отсутствует.

Согласно выявленной закономерности, рост импорта прочих промежуточных товаров из России в Беларусь на 1 млн долл. приводит к росту притока ПИИ на 0,205 млн долл., что свидетельствует о наличии кооперационных связей между странами.

Следовательно, Беларуси следует осуществлять организацию на территории страны производств, в том числе совместных с участием российских предприятий, импортируемых промежуточных товаров, кроме энергетических. В первую очередь, это касается предприятий таких видов экономической деятельности, как химическое производство, производство резиновых и пластмассовых изделий, металлургическое производство, производство машин и оборудования, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования.

2.2. Горизонтальные взаимные инвестиции

В условиях снижения торговых таможенных барьеров в связи с функционированием Таможенного союза с 1 июля 2010 г. происходит *снижение заинтересованности у инвесторов из государств – членов ЕАЭС к осуществлению горизонтальных взаимных инвестиций в Беларусь*, так как в этом случае отсутствует экономия на таможенных издержках и в рамках единого рынка становится выгодным работать через экспорт продукции в страну. С учетом малого объема рынка Беларуси по сравнению с российским экономия на транспортных издержках также является неактуальной. Прежде всего, снижается интерес из России к размещению на территории Беларуси производств потребительских товаров, а также товаров, для производства которых не требуются промежуточные компоненты белорусского происхождения.

Для оценки зависимости между притоком российских ПИИ и импортом потребительских товаров построим соответствующую эконометрическую ANCOVA-модель за период с 2005 по 2018 гг. (формула 3).

$$FDI_{russian_t} = 534,061 - 0,27_3 IMPORT_{consumerproducts_t} + 4336,86_9 Integration_t + \varepsilon \quad (3),$$

где $IMPORT_{consumerproducts}$ – импорт потребительских товаров, млн долл. США.

Параметры качества уравнения:

$$R^2 = 0,837.$$

$$F_{набл} = 28,27 > F_{кр0,05; 2; 11} = 19,4. R^2 \text{ статистически значим.}$$

t-статистика $a_1 = 0,803 > t_{0,25; 11} = 0,697$, т.е. переменная «импорт потребительских товаров» статистически значима.

t-статистика $a_2 = 6,84 > t_{0,05; 11} = 1,796$, т.е. переменная «наличие интеграционных процессов» статистически значима.

Статистика $DW = 2,15$. $du = 0,629 < 2,15 < 4 - 0,629$, т.е. автокорреляция остатков отсутствует.

Согласно проведенным расчетам, рост импорта потребительских товаров из России в Беларусь на 1 млн долл. приводит к снижению притока российских ПИИ на 0,273 млн долл.

Как видно, во всех формулах переменная «наличие интеграционных процессов» является крайне высокой и статистически значимой. То есть безусловно, интеграционные процессы оказали влияние на приток прямых инвестиций на валовой основе из России в Беларусь.

Для оценки инвестиционных эффектов влияния взаимной торговли и интеграционных процессов на приток прямых инвестиций в динамике произведем расчет зависимостей по аналогии с формулами 1, 2, 3 за 2005–2016 гг., 2005–2017 гг., используя свободный член уравнений с данными за период 2005–2018 гг. Рассчитанные на основе ANCOVA-моделей коэффициенты эластичности притока ПИИ из России в Беларусь в зависимости от вида товаров: инвестиционных, прочих промежуточных и потребительских представим на рис. 5.

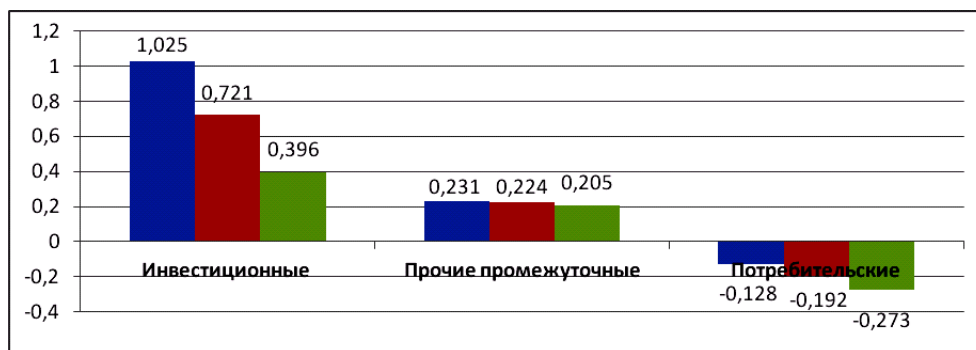

Рис. 5. Коэффициенты эластичности притока ПИИ из России в Беларусь в зависимости от вида импортируемых товаров

Источник: собственная разработка.

Сравнительный анализ результатов, полученных на основе эконометрического моделирования, показывает, что наиболее сильной является зависимость между притоком ПИИ из России как страны – партнера по интеграционному объединению и импортом российских инвестиционных товаров в Беларусь. Также притоку ПИИ в Беларусь из России будет способствовать организация совместных с российскими предприятиями производств импортируемых промежуточных товаров, кроме энергетических. Интерес инвесторов из России к размещению на территории Беларуси производств потребительских товаров, а также товаров, для производства которых не требуются промежуточные компоненты белорусского происхождения, в условиях экономической интеграции является наименьшим. Полученные расчеты свидетельствуют, что с каждым годом вышеназванные зависимости снижаются, о чем свидетельствует снижение значений коэффициентов эластичности. Так, при расчетах по данным за 2005–2016 гг. коэффициент эластичности притока прямых инвестиций по объему импорта инвестиционных товаров составлял 1,025, по данным за 2005–2018 гг. – 0,396 (рис. 5). Кроме того, значение t-статистики, характеризующей статистическую значимость, с добавлением года уменьшалось для всех переменных. С учетом высоких объемов взаимной торговли товарами данные негативные тенденции обуславливают необходимость проработки новых вариантов создания и организации между предприятиями Беларуси и России совместных производств, обладающих интеграционным потенциалом.

3. Направления стимулирования взаимных инвестиций в контексте развития евразийской экономической интеграции

В целях реализации Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС Распоряжением Высшего Евразийского Экономического Совета от 6 декабря 2018 г. № 9 принято решение подготовить Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. Стратегические направления должны определить механизмы и инструменты реализации декларации и соответствовать национальным интересам и целям устойчивого и инклюзивного экономического развития каждого государства – члена ЕАЭС. В настоящее время идет работа над проектом и согласование отдельных его позиций представителями государств – членов ЕАЭС. К работе над стратегическими направлениями привлечено научное сообщество. Так, 19 февраля 2020 г. принято решение об обеспечении научного сопровождения Стратегических направлений Научным советом Российской академии наук по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию. Как подчеркнул Президент РАН А. Сергеев: «Важно, чтобы наука была правильно интегрирована в экономику и практическое взаимодействие РАН и ЕЭК могло бы дать эффект для всех стран Союза» [Научный совет РАН обеспечит научное сопровождение стратегии развития евразийской интеграции 2020]. В научном докладе «Как модернизировать Евразийский экономический союз» Б.А. Хейфец отмечает, что именно Россия должна стать инициатором модернизации ЕАЭС и предлагать привлекательные проекты для совместной реализации. Важнейшим направлением модернизации сотрудничества в ЕАЭС могла бы стать разработка совместной программы развития технологий четвертой промышленной революции, которая могла бы получить название «Сделать в ЕАЭС 2030... Одновременно следует осуществлять платформизацию и создание общего цифрового пространства ЕАЭС, которое создаст новые возможности для интеграции потребителей и бизнеса» [Хейфец 2019].

Научные предложения для проекта Стратегических направлений подготовлены и в Национальной академии наук Беларуси. С учетом структуры положений Декларации основные меры по стимулированию и активизации взаимных инвестиционных процессов в контексте развития евразийской экономической интеграции будут отражены по следующим ключевым направлениям.

1. Обеспечение максимальной эффективности единого рынка ЕАЭС и реализация его возможностей для социально-экономического развития:

– выравнивание экономических различий на пространстве ЕАЭС, повышение потенциала национальных экономик;

- гармонизация условий хозяйствования и формирование общих рынков товаров;

- устранение барьеров, максимальное сокращение изъятий и ограничений во взаимной торговле;

- унификация технического регулирования;

- обеспечение доступа к государственным закупкам.

2. Формирование «территории инноваций» и стимулирование научно-технических прорывов.

2.1. Формирование единого научно-инновационного пространства ЕАЭС:

- внесение в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. отдельного раздела или статьи по научно-техническому сотрудничеству;

- разработка Рамочной программы развития науки и инноваций ЕАЭС на период до 2035 г.;

- создание системы сквозного планирования и реализации крупных совместных инновационных проектов;

- создание совместного фонда поддержки научно-технических и инновационных производственных программ и проектов.

2.2. Развитие промышленного сотрудничества:

- согласование промышленных политик государств-членов;

- расширение производственно-технологической кооперации промышленных предприятий государств – членов ЕАЭС на основе инструментов;

- выявление и поддержка развития «точек роста» на основе производственно-технологической кооперации и инвестиционного сотрудничества промышленных предприятий государств – членов ЕАЭС;

- создание Карты индустриализации ЕАЭС;

- реализация межгосударственных программ в промышленной сфере, межгосударственных программ инновационного и технологического развития, кооперационных проектов в сфере НИОКР, в том числе на базе Евразийских технологических платформ;

- применение общих (на уровне Союза) мер поддержки кооперационных проектов или локализации производства в ЕАЭС, в том числе путем их финансирования за счет средств бюджета Евразийского экономического союза через Евразийский банк развития;

- организация комплексной работы по импортозамещению на уровне ЕАЭС, объединение национальных планов по импортозамещению, построение импортозамещающих производственных цепочек на уровне ЕАЭС;

- недискриминационное применение национальных мер поддержки кооперационных проектов и локализации производства в ЕАЭС;

- обеспечение равных условий доступа к программам субсидирования для производителей промышленной продукции других государств – членов ЕАЭС, имеющих сборочные производства на территории страны инициатора

программ субсидирования, с учетом расчета степени локализации в ЕАЭС, а не в отдельной стране;

- сопряжение процессов технологического развития и цифровой трансформации промышленных комплексов государств – членов ЕАЭС.

2.3. Повышение инвестиционной активности и обеспечение условий для свободного движения капитала:

- максимальное сокращение изъятий и ограничений для свободного передвижения капитала (по состоянию на 13 января 2020 г. реестр препятствий насчитывает три изъятия и ни одного ограничения);

- поддержка и развитие потенциала имеющихся преференциальных инвестиционных режимов в государствах – членах ЕАЭС (инвестиционные договоры / контракты, особые экономические зоны, промышленные парки и т.д.);

- создание равных правовых условий для участников инвестиционной деятельности путем введения единого правового режима для взаимных инвестиций;

- использование потенциала международных финансовых институтов развития, осуществляющих деятельность в ЕАЭС, а также финансовых центров государств – членов Союза в целях стимулирования инвестиционной активности;

- формирование эффективного механизма венчурного финансирования и привлечения средств частного капитала для финансирования венчурных проектов;

- создание и поддержание положительного инвестиционного имиджа ЕАЭС.

2.4. Создание евразийских корпораций:

- создание совместных евразийских транснациональных корпораций в отраслях, обладающих интеграционным потенциалом;

- кластерное развитие ЕАЭС по принципам «умной специализации»;

- формирование центров компетенций по развитию средне- и высокотехнологичных, а также принципиально новых производств.

Вышеприведенный перечень мер не является исчерпывающим. Главным результатом инвестиционного сотрудничества должно стать объединение усилий, знаний, навыков и компетенций по реализации совместных проектов и созданию современных кооперационных производств на пространстве государств – членов ЕАЭС, в том числе Беларуси и России, обеспечивающих повышение конкурентоспособности национальных экономик на основе более полного использования интеграционного потенциала.

Библиография

- Вардомский Л.Б. Евразийская интеграция в контексте формирования Большой Евразии // Белорусский экономический журнал. 2019. № 2. С. 52–63.
- Германович Г.В., Радикевич Н.П. Привлечение прямых иностранных инвестиций в экономику государств в условиях функционирования Единого экономического пространства Беларуси, Казахстана и России // Белорусский экономический журнал. 2013. № 2. С. 118–131.
- Договор о Евразийском экономическом союзе. 2014. 29 мая. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0043610/itia_05062014 (дата обращения: 10.01.2020).
- Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации (научный доклад) / Под общ. ред. С.П. Глинкиной. М.: Институт экономики РАН, 2013. 92 с.
- Зайцева Е.В. Инвестиционная интеграция и финансовая либерализация рынков стран ЕАЭС // Современные проблемы социально-экономических систем в условиях глобализации: сборник научных трудов / Белгород: Издательский дом «Белгород», 2017. С. 64–67.
- Лученок А.И., Моторина О.И. Реформирование институтов в рамках интеграционного объединения: теория и практика для Беларуси // Экономическая наука сегодня. 2018. Вып. 8. С. 155–165.
- Лученок А.И. [и др.] Макроэкономическое регулирование в условиях Единого экономического пространства / под ред. А.И. Лученка. Минск: Беларус. навука. 2013. 243 с.
- Преснякова Е.В., Матейчук Т.С., Зайцева Е.В. Механизм стимулирования взаимных инвестиций Республики Беларусь и государств – членов Евразийского экономического союза. Минск: Беларуская навука. 2017. 179 с.
- Муха Д.В. Эффективность привлечения прямых иностранных инвестиций в Республику Беларусь // Белорусский экономический журнал. 2013. № 1. С. 46–63.
- Мясникович М.В. Актуальная повестка развития белорусской экономики в условиях интеграции. Минск: Беларуская навука, 2017. 278 с.
- Научный совет РАН обеспечит научное сопровождение стратегии развития евразийской интеграции. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/19-02-2020-3.aspx> (дата обращения: 20.02.2020).
- Социально-экономическая модель: становление и развитие: теория, методология, практика: в 2 кн. Минск: Беларуская навука. 2015. 955 с.
- Хейфец Б.А. Актуальные проблемы инвестиционного сотрудничества стран Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция: материалы IX Международной конференции, Москва, 9 окт. 2014 г. М.: [б. и.], 2014. С. 35–42.
- Хейфец Б.А. О зоне свободных инвестиций Евразийского экономического союза // Вопросы экономики. 2014. № 8. С. 26–40.
- Хейфец Б.А. Как модернизировать Евразийский экономический союз М.: Институт экономики РАН, 2019. 44 с. (Научные доклады Института экономики РАН).
- Шурубович А.В. Экономическое взаимодействие России и Белоруссии: интеграционные проекты и национальные интересы. М.: Институт экономики РАН, 2018. 96 с.
- Akamatsu K. A historical pattern of economic growth in developing countries // Journal of Developing Economies. 1962. Vol. 1. No 1. P. 3–25.
- Vernon R. International investment and international trade in the product cycle // Quarterly Journal of Economics. 1966. Vol. 80. No 2. P. 190–207.
- Blomström M., Kokko A. Regional Integration and Foreign Direct Investment. A Conceptual Framework and Three Cases // Policy Research Working Paper 1750. 1997. April. P. 1–50.
- Kindleberger C.P. European Integration and the International Corporation // Columbia Journal of World Business. 1966. Vol. 1. No 1. P. 65–73.

Te Velde D.W., July D.B. Regional Integration and Foreign Direct Investment in Developing Countries // Transnational Corporations. 2006. Vol. 15. No 2 (August). P. 41–70.

References

Akamatsu K. A historical pattern of economic growth in developing countries. *Journal of Developing Economies*. 1962. Vol. 1. No 1. P. 3–25.

Blomström M., Kokko A. Regional Integration and Foreign Direct Investment. A Conceptual Framework and Three Cases. Policy Research Working Paper 1750. 1997. April. P. 1–50.

Dogovor o Evrazijskom ekonomicheskom soyuze maya [Treaty on the Eurasian Economic Union]. 2014. 29 May. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0043610/itia_05062014 (date of access: 10.01.2020). (In Russ.)

Evrazijskij integratsionnyj proekt: efekty i problemy realizatsii (nauchnyj doklad) [Eurasian integration project: effects and implementation problems (scientific report)]. Ed. by S.P. Glinkina. Moscow: Institute of Economics RAS, 2013. 92 p. (In Russ.)

Germanovich G.V., Radikevich N.P. Privlechenie pryamyh inostrannyh investitsij v ekonomiku gosudarstv v usloviyah funkcionirovaniya Edinogo ekonomicheskogo prostranstva Belarusi, Kazahstana i Rossii [Attracting foreign direct investment into the economies of states in the conditions of the functioning of the Common Economic Space of Belarus, Kazakhstan and Russia]. *Belarusian Economic Journal*. 2013. No 2. P. 118–131. (In Russ.)

Hejfec B.A. Aktual'nye problem investitsionnogo sotrudnichestva stran Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [Actual problems of investment cooperation between the countries of the Eurasian Economic Union]. *Eurasian economic integration: materials of the IX International conference, Moscow, 1 Oct. 2014*. Moscow: [s. n.], 2014. P. 35–42. (In Russ.)

Hejfec B.A. Kak modernizirovat' Evrazijskij ekonomicheskij soyuz [How to modernize the Eurasian Economic Union]. Moscow: Institute of Economics RAS, 2019. 44 p. (Scientific reports of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences). (In Russ.)

Hejfec B.A. O zone svobodnyh investitsij Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [In Eurasian Unione Oeconomica Belgo liberum investment zonam]. *Economic issues*. 2014. No 8. P. 26–40. (In Russ.)

Luchenok A.I., Motorina O.I. Reformirovaniye institutov v ramkah integratsionnogo ob"edineniya: teoriya i praktika dlya Belarusi [Reforming Institutions within the Framework of Integration Unity: Theory and Practice for Belarus]. *Economics today*. 2018. Is. 8. P. 155–165.

Makroekonomicheskoe regulirovanie v usloviyah Edinogo ekonomicheskogo prostranstva [Macroeconomic Regulation in the Common Economic Space]. Ed. by A.I. Luchenk. Minsk: Belarusskaya navuka, 2013. 243 p. (In Russ.)

Muha D.V. Effektivnost' privlecheniya pryamyh inostrannyh investitsij v Respubliku Belarus' [Efficiency of attracting foreign direct investment to the Republic of Belarus]. *Belarusian Economic Journal*. 2013. No 1. P. 46–63. (In Russ.)

Myasnikov M.V. Aktual'naya povestka razvitiya belorusskoj ekonomiki v usloviyah integratsii [The current agenda for the development of the Belarusian economy in the context of integration]. Minsk: Belarusskaya navuka, 2017. 278 p. (In Russ.)

Nauchnyj sovet RAN obespechit nauchnoe soprovozhdenie strategii razvitiya evrazijskoj integratsii [Scientific Council of the Russian Academy of Sciences to provide scientific support for the development strategy of Eurasian integration]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/19-02-2020-3.aspx> (date of access: 20.02.2020). (In Russ.)

Presnyakova E.V., Mateychuk T.S., Zajceva E.V. Mekhanizm stimulirovaniya vzaimnyh investitsij Respubliki Belarus' i gosudarstv – chlenov Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [Mechanism

for stimulating mutual investments of the Republic of Belarus and the member states of the Eurasian Economic Union]. Minsk: Belaruskaya navuka. 2017. 179 p. (In Russ.)

Shurubovich A.V. Ekonomicheskoe vzaimodejstvie Rossii i Belorussii: integracionnye proekty i nacional'nye interesy [Economic interaction between Russia and Belarus: integration projects and national interests]. Moscow: Institute of Economics RAS, 2018. 96 p. (In Russ.)

Social'no-ekonomicheskaya model': stanovlenie i razvitie: teoriya, metodologiya, praktika [Socio-economic model: formation and development: theory, methodology, practice]: 2 vol. Minsk: Belaruskaya navuka. 2015. 955 p. (In Russ.)

Te Velde D.W., July D.B. Regional Integration and Foreign Direct Investment in Developing Countries. Transnational Corporations. 2006. Vol. 15. No 2 (August). P. 41–70.

Vardomskij L.B. Evrazijskaya integraciya v kontekste formirovaniya Bol'shoj Evrazii [Eurasian integration in the context of the formation of Greater Eurasia]. Belarusian Economic Journal. 2019. No 2. P. 52–63. (In Russ.)

Vernon R. International investment and international trade in the product cycle. Quarterly Journal of Economics. 1966. Vol. 80. No 2. P. 190–207.

Zajceva E.V. Investicionnaya integraciya i finansovaya liberalizaciya rynkov stran EAES [Investment integration and financial liberalization of the markets of the EAEU countries]. Contemporary problems of socio-economic systems in the context of globalization: collection of scientific papers. Belgorod: Publishing house «Belgorod», 2017. P. 64–67. (In Russ.)

Kindleberger C.P. European Integration and the International Corporation. Columbia Journal of World Business. 1966. Vol. 1. No 1. P. 65–73.

К.В. Гадзацев

**РОССИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МИРА В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ
ГЛОБАЛЬНОЙ ЭНЕРГОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ**

***Аннотация.** В настоящее время крупнейшей из проблем глобального развития является энергоэкологическая, связанная с необходимостью роста энергообеспечения человечества – в условиях увеличения численности населения, в модальности экономики развивающихся стран, при ухудшении экологической ситуации на глобальном, локальном и региональном уровнях.*

Новое обострение данной проблемы может стать (или уже стало) маркером и/или триггером активной фазы глобального энергетического перехода на Возобновляемые источники энергии (ВИЭ), с одной стороны, и нового периода обострения глобальной политической ситуации – с другой.

В настоящее время можно говорить о наступлении значимой стадии в решении глобальной энергоэкологической проблемы, связанной в том числе с ее массовым осознанием всем человечеством. Речь идет в целом о комплексной ресурсоэнергоэкологической проблеме, требующей комплексных глобальных решений в области устойчивого развития. Для этого необходимы глобальные органы и институты обеспечения энергетической безопасности (в целом, а не по отдельным сферам / отраслям).

В работе исследуется острота данной проблемы на сегодняшний день и уровень ее осознания глобальными и национальными структурами. Показано, что Россия как ответственный игрок энергетического рынка может играть одну из ключевых ролей в становлении единой системы глобальной энергетической безопасности.

Сделано предположение, что в настоящее время в силу экономических, экологических и политических причин происходит перелом в формировании и реализации национальных и региональных энергетических стратегий, что, с одной стороны, несомненно способствует решению глобальной энергоэкологической проблемы, а с другой – значительно стимулирует обострение сложившейся ситуации в политической сфере, требуя от крупнейших акторов мировой политики высокой ответственности. Рекомендуются за счет ресурсов комплексного моделирования развития не только человечества, но и всей биосферы, с учетом факторов окружающей среды – обеспечить выработку оптимальных для всех стран мира вариантов согласованного решения глобальной энергоэкологической проблемы.

Ключевые слова: энергоэкологическая проблема; Россия; США; развитые и развивающиеся страны; глобальное потепление; глобальная политика; возобновляемые источники энергии (ВИЭ).

Гадзацев Кирилл Владимирович – руководитель
Центра финансового мониторинга и глобальной экономики,
факультет глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, Москва. E-mail: gefic@fgp.msu.ru
Scopus Autor ID: 36711863700;
Web of Science Researcher ID: AАН-6521-2020

Gadzatsev K.V. Russia and the Global Energy Challenges Under the Energy-Ecological Conditions

Abstract. *Currently, one of the largest global problem may be defined as an energy-environmental challenge to mankind, which manifests itself in the need for increasing energy supplies under conditions of population growth, economic concerns of developing countries and the general deterioration of the environmental situation at the global, regional and local levels.*

If the problem escalates, this could become (or has already become) a marker and / or a trigger of the active phase in a global transition to renewable types of energy, on the one hand, and a new worsening of the global political situation, on the other.

Today, one can talk about the arrival of an important stage in addressing the global energy-ecological problem, this movement being visible, among other things, in the mass awareness of it by the whole mankind. Essentially, it's a question of a complex resource-energy-ecological problem, which calls for comprehensive solutions on the road to sustainable development. There is, therefore, a pressing need for establishing global bodies and institutions active in the matters of energy security (in a broad sense and not only for particular areas).

The paper examines how severe is this problem nowadays and what is the level of its comprehension by global and national institutions. It is shown that Russia, as a responsible player in the energy market, is in a position to play a key role in formation of an integrated system of energy security.

The author postulates that, at present, because of various economic, ecological and political reasons there takes place a visible turn in formation and realization of national and regional energy strategies and this, on the one hand, facilitates the solutions to the global energy-ecological problem, but on the other, aggravates the international situation, calling for greater responsibility on the part of the major actors of world politics.

Concluding, the paper recommends to make greater use of integrated modelling, simulating both the development of human societies and biosphere at large, thus making it possible to provide best options for the solution to the global energy-ecological problem, suitable for all countries.

Keywords: *energy-ecological problem; Russia; the USA; developed and developing economies; global warming; global politics; renewable energy sources (RES).*

Gadzatsev Kirill Vladimirovich – Head of Global Economy & Financial Intelligence Center, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow.
E-mail: gefic@fgp.msu.ru
Scopus Autor ID: 36711863700;
Web of Science Researcher ID: AАН – 6521–2020

Решение глобальных проблем человечества требует ответственных политических действий. В настоящее время ключевой для развития человечества является глобальная энергоэкологическая проблема [Малков 2018], связанная, с одной стороны, с необходимостью обеспечения растущих потребностей человечества в энергии, а с другой – со все более явными экологическими ограничениями развития традиционной «ископаемой» энергетики. В этом отношении последние годы были наполнены событиями, которые могут стать знаковыми для глобального устойчивого развития.

Энергетика, технологии, мировая политика и глобальное развитие тесно связаны. Так, мировой энергетический кризис 1970-х годов стал не только переломным моментом для развития ресурсной базы энергетики (произошло повышение доли газа и постепенное снижение доли нефти). В это время не только значительно обострилось международное положение, но и произошел поворот к развитию «зеленой экономики» и энергосберегающих технологий. Вместе с тем все эти перемены уже были подготовлены предыдущим развитием науки и технологий, в частности осознанием глобальной энергоэкологической проблемы (знаменитый доклад Римскому клубу «Пределы роста», политизация экологической деятельности и т.д.).

Исходя из насыщенности новостной повестки энергетической темой, можно предположить, что и текущий период политической нестабильности также взаимосвязан с обострением международных отношений в области энергетики и осознания проблем экологии. Он также может нести новые вызовы и перемены. В связи с этим весьма актуально понимание реальной остроты проблемы, а также перспектив оптимизации роли России в обеспечении глобальной энергетической безопасности.

Глобальная политика – это деятельность по осуществлению целей в отношении значительного большинства или всего человечества, планеты Земля в целом; она может быть направлена как на решение, так и на обострение глобальных проблем развития. Соответственно, глобальная энергетическая политика – это планетарных масштабов деятельность по осуществлению целей в области энергетики, направленная на максимизацию прибыли и / или оптимальное энергетическое обеспечение, а в некоторых случаях – на экономическую и даже политическую экспансию. В то же время с 1980-х годов известен термин «глобальная энергетическая безопасность», определяемая сегодня как «состояние защищенности международных отношений от кризисов,

вызванных односторонними действиями государств по обеспечению их национальной энергетической безопасности» [Пахомов 2016].

Вместе с тем безопасность для любой системы в целом – это состояние решенности (пусть и относительной) наиболее значимых для этой системы проблем. Глобальная энергоэкологическая проблема формирует новые условия для развития энергетики, зачастую малозависимые от действий отдельных государств в сфере собственной энергетической безопасности, при этом она является мощным вызовом для энергетической безопасности на глобальном уровне. С энергетической точки зрения международные отношения в данной сфере могут удовлетворять максимальный круг государств, но при этом совершенно не удовлетворять международное сообщество с точки зрения экологии.

Если для решения проблем как глобальной безопасности в целом, так и глобальной экономической безопасности, финансовой безопасности, а также безопасности климатической и экологической имеются соответствующие достаточно влиятельные международные институты, предотвращающие или по меньшей мере смягчающие кризисы, то в области энергетики таких институтов, достаточно влиятельных и охватывающих все сферы, не существует. Так, Международное энергетическое агентство (IEA), стремясь охватывать аналитическим инструментарием все отрасли энергетики, ориентировано на интересы потребителей энергоресурсов, что обуславливает определенную необъективность, состав участников далек от глобального консенсуса (30 стран-участниц, восемь ассоциированных членов). ОПЕК ограничена нефтяной отраслью, сфокусирована на интересах производителей, что обусловлено составом участников, который, однако, не обеспечивает глобального охвата стран производителей и экспортеров нефти. Сформированный в системе координат ОПЕК новый формат взаимодействия – ОПЕК+, который включает в себя ряд стран, не участвующих в картеле, в том числе Россию, подтверждает тезис о необходимости в текущих условиях создания глобальных институтов. Нет такого института и в газовой сфере: Форум стран – экспортеров газа (ФСЭГ) – участвуют Алжир, Боливия, Венесуэла, Египет, Иран, Катар, Ливия, Нигерия, ОАЭ, Россия, Тринидад и Тобаго, Экваториальная Гвинея, – хотя его называют «газовым ОПЕК», во-первых, не включает в себя таких лидеров отрасли, как Австралия, США, Индонезия и Малайзия, и, кроме того, у организации нет намерений и институциональной возможности регулировать объемы экспорта газа для решения проблемы низких цен. Международное агентство по возобновляемым источникам энергии (IRENA) при глобальном охвате (161 страна-участница, 22 государства – ассоциированные члены) не имеет никаких регуляторных функций и ориентировано на содействие в распространении релевантной информации по ВИЭ.

В этом контексте неудивительно, что в мире регулярно возникают, либо протекают в «хроническом» режиме, слабо регулируемые на глобальном уровне энергетические войны, стимулируя подчас реальные политические конфликты.

Минувшее десятилетие стало периодом обострения глобальной энерго-экологической проблемы. Одновременно с новым витком борьбы за рынки традиционных энергоносителей, увеличением объемов предложения (особенно это касается природного газа) данный период характеризуется бурным ростом всемирного признания не только глобального потепления, но и его антропогенного характера. В 2015 г. приняты Цели устойчивого развития ООН, шесть из 17 которых напрямую связаны с темами энергетики и экологии. Так, цель семь полагает обеспечить всех жителей Земли «доступом к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех» (что по существу и является показателем оптимального уровня глобальной энергетической безопасности). К 2030 г. предполагается увеличить доступ к «надежному, дешевому и современному» энергоснабжению, но при этом «значительно» повысить долю энергии из возобновляемых источников и удвоить энергоэффективность. Сделать это предполагается за счет активизации международного сотрудничества в сфере энергетики, при этом особое внимание должно быть уделено развитию инфраструктуры энергоснабжения в развивающихся странах [Резолюция 2015]. Вместе с тем вопросам экологии непосредственно посвящено пять целей: «11. Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов. 12. Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства. 13. Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями. 14. Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития. 15. Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия».

По данным Международной группы экспертов по изменению климата, главный антропогенный источник парниковых газов (25% от общего объема выбросов) – это сжигание угля, нефтепродуктов и природного газа для производства тепла и электроэнергии. На долю транспорта приходится 14% глобальных выбросов парниковых газов. 95% энергии, используемой в мировой транспортной системе, вырабатывается за счет сжигания ископаемого топлива. При этом авиацию и морской транспорт (суммарно более 4% выбросов) перевести на нейтральные для парникового эффекта источники энергии сложно. 25% от общего объема выбросов парниковых газов связано с сельским хозяйством и вырубкой лесов. И только 21% приходится на долю промышленности.

Вместе с тем, согласно докладу Всемирной метеорологической организации «Глобальный климат 2015–2019», глобальная средняя температура уже выросла на 1,1°C по сравнению с доиндустриальной эпохой и на 0,2°C по сравнению с 2011–2015 гг. [The Global Climate 2019]. Причем еще совсем недавно генерация энергии из солнца и ветра стоила достаточно дорого и окупалась медленно; неудивительно, что в 2015 г. ЕС рассчитывал увеличить долю ВИЭ к 2030 г. лишь до 27%. Дискуссионность вопроса об антропогенном характере потепления вызывает также то, что сама природа в огромном объеме генерирует парниковые газы. Так, примерно половина выбросов парниковых газов в России приходится на торфяники и болота. Однако так или иначе, еще Рамочная конвенция ООН по изменению климата 1992 г. и Киотский протокол 1997 г. фактически зафиксировали международный консенсус по этому поводу.

В середине 2010-х годов экономические трудности как в развитых, так и развивающихся странах вызвали определенное замедление развития международного климатического законодательства. В развитие конвенции об изменении климата принято Парижское соглашение, подписанное в 2016 г. Цель соглашения – обеспечение глобальных согласованных действий стран по снижению выбросов парниковых газов (прежде всего, CO₂) в такой мере, чтобы ограничить рост температуры величиной 1,5°C (в любом случае – ниже 2°C). Механизма глобального принуждения в рамках реализации соглашения не выработано. По состоянию на январь 2020 г., 136 стран одобрили Дохинскую поправку к Киотскому протоколу, содержащую реальные обязательства стран по сокращению выбросов (для ее принятия на глобальном уровне необходимо одобрение 144 стран). При этом доклад международного Глобального углеродного проекта на саммите ООН по климату в Мадриде показал, что выбросы CO₂ выросли в 2019 г. на 0,6%, что несколько меньше, чем в последние три года. Но уже к 2030 г. эта цифра должна быть сокращена [COP25 climate summit].

Моделирование климата показывает, что для XXI в. хотя бы 50%-ная вероятность увеличения температуры на 2°C находится на грани достижимого, а эмиссионный бюджет для 80% вероятности 1,5°C равен нулю. Более того, в исследовании, опубликованном в ноябре 2018 г., рассмотрена связь между декларируемыми сокращениями эмиссии отдельных стран и итоговым ростом температуры, который имел бы место, если бы, во-первых, такие сокращения эмиссии действительно состоялись и, во-вторых, стали бы образцом для всех стран. Показано, что текущая климатическая политика (взятая в качестве примера) Китая, России и Канады ведет к потеплению на 5°C к концу столетия. Немногом лучше выглядят США и Австралия (более 4°C). Для стран Евросоюза этот показатель составляет 3–3,5°C. В 2018 г. на климатической конференции в Катовице было заявлено, что для достижения цели Парижского соглашения необходимо удержать повышение средней глобальной

температуры в пределах $1,5^{\circ}\text{C}$, а также сократить выбросы парниковых газов на 47%. К середине XXI в. необходимо свести эти показатели к нулю, а также осуществить «декарбонизацию» ключевых отраслей экономики: энергетики, промышленности, строительства и транспорта [Горбачёв 2019]. В 2019 г. на конференции в Мадриде Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш отметил, что, несмотря на определенные позитивные моменты со стороны некоторых представителей крупного бизнеса и финансовых структур в направлении зеленой экономики, этих шагов недостаточно: «Сегодня требуются не постепенные шаги, а революционные преобразования». Он призвал все страны мира последовать примеру 65 стран, пообещавших в 2020 г. представить стратегии достижения нулевого баланса эмиссий в 2050 г. Но среди этих стран нет Китая, Индии, России, Японии, являющихся лидерами по уровню выбросов углекислого газа. США (второе место по выбросам), как известно, вовсе вышли из Парижского соглашения.

Грандиозные планы по глобальному переходу на ВИЭ выглядят еще более масштабными, если учесть, что не менее 40% потребляемых энергоресурсов представляет собой энергия горения угля (и эта доля вряд ли изменится в ближайшие годы). Угольная энергетика несет прямой вред здоровью людей и экосистемам. Последние исследования показывают, что на выбросы, связанные с ископаемым топливом, приходится около 65% избыточной смертности, при этом аэрозоли влияют на количество осадков, а их устранение из атмосферы может привести к увеличению количества осадков на 10–70% в густонаселенных регионах Индии, на 10–30% в Северном Китае и на 10–40% в Центральной Америке и некоторых районах Африки, содействуя тем самым водной и продовольственной безопасности [Lelieveld 2019].

Мировая наука о климате и энергетике в последние десятилетия также является значимым актором сферы энергетической политики. Большинство работ в международных научных изданиях разделяют гипотезу об антропогенном характере глобального потепления. При этом многие ученые, в том числе и в России, не разделяют эту точку зрения. (Например, эта идея не поддерживается в официальной позиции Российской академии наук по данному вопросу, совсем недавно по данному поводу высказывались в СМИ географ и гляциолог академик В.М. Котляков [Бондарь 2019] и геофизик А.М. Городницкий [Городницкий 2017].) Крупный американский метеоролог Уильям М. Грей (1929–2016) охарактеризовал концепцию, за которую А. Гор получил Нобелевскую премию, как «смехотворную» [Gray 2011].

Для получения общей картины отношения мировой науки к глобальному потеплению полезно обратиться к наукометрическим данным. На рисунке видно, как менялась публикационная активность ученых в данной сфере по годам с начала тысячелетия.

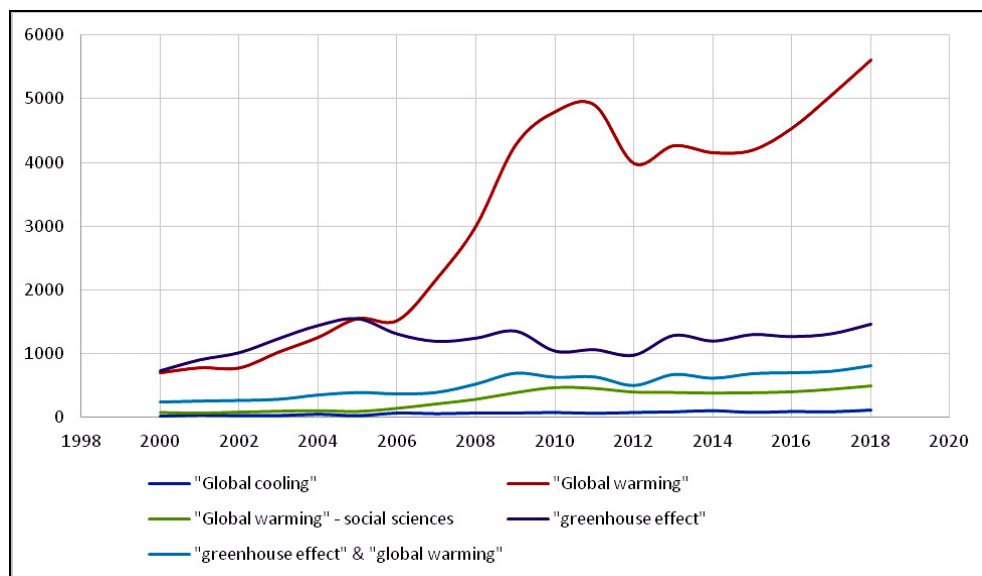

Рисунок – число работ в БД «Scopus», упоминающих в названии, ключевых словах и резюме термины «global warming» (глобальное потепление) – в целом и в сфере социальных наук, «global cooling» (глобальное похолодание), «greenhouse effect» – парниковый эффект (в том числе – одновременно с сочетанием «global warming»). По оси абсцисс – годы, по оси ординат – число статей (данные получены автором на 10.01.2020).

Как видно из рисунка, ежегодное число работ, касающихся глобального потепления, стремительно увеличивалось с 2007 г. (год выхода получившего две премии «Оскар» фильма А. Гора «Неудобная правда»: самому Альберту Гору в том же 2007 г. присуждена Нобелевская премия мира). Однако в 2010–2012 гг. обнаружилось некоторое снижение числа работ на эту тему, очевидно после того, как в 2009 г. «грянул» «Климатгейт» – скандал, связанный с обнародованием данных ученых Отделения климатических исследований университета Восточной Англии, одного из трех крупнейших консультантов Межправительственной группы экспертов перед очередной Конференцией ООН по изменению климата в Копенгагене, где должен был быть подписан новый документ, предлагавший совместные меры по ограничению выбросов и замедлению глобального потепления. Отрицатели антропогенной природы глобального потепления интерпретировали размещенные документы как свидетельство подтасовок данных учеными. В результате «Климатгейта» около 14% жителей США изменили точку зрения в вопросах климата на более скептическую [Добрынин 2019]. Правда, очередная публикация произошла за несколько дней до климатической конференции ООН 2011 г. в Дурбане (ЮАР). Однако к тому времени общественность охладела к данной теме,

а критикам удалось доказать, что «Климатгейт» искусственно раздут (симптоматично, что впоследствии в этом обвинили «русских хакеров»). Дурбанская конференция закончилась договором о продлении действия Киотского протокола еще на несколько лет. Вместе с тем рост числа научных работ на тему потепления в новом десятилетии все же значительно замедлился. Эти события в целом наглядно показали политизированность энергоэкологической проблемы, которая вполне может распространиться и на другие ресурсы, в том числе – продовольственные. Так или иначе с 2009 г. по настоящее время антропогенный характер глобального потепления был подтвержден 18 крупнейшими научными обществами одной из ведущих научных держав мира – США (включая Национальную академию наук) [Scientific Consensus].

На энергетическую политику оказывает колоссальное влияние и общественное мнение. С конца 1990-х годов американские респонденты, считающие себя сторонниками Демократической партии, все больше выражали беспокойство об изменении климата, в то время как условные республиканцы стали скептически относиться к этой проблеме [Dunlap 2008]. С начала 2010-х годов общественность в Соединенных Штатах, Великобритании, Австралии и Европе пересмотрели свое отношение к изменению климата [Capstick 2015]. В Соединенных Штатах был обнаружен [Smith, Leiserowitz 2012] растущий скептицизм в четырех волнах репрезентативных опросов общественного мнения (между 2002 и 2010 гг.). Однако опрос, проведенный в 2018 г. в Соединенных Штатах, показал, что в последние годы вновь возникает озабоченность в связи с данной проблематикой, независимо от политической принадлежности [Leiserowitz 2018]. Доля жителей, считающих, что изменение климата существует, выросла с 63% в 2015 г. до 73% в 2018 г. Аналогичным образом, вера в антропогенное изменение климата достигла рекордно высокого уровня в 2018 г. – 62%. Кросснациональное исследование [Tranter, Booth 2015] показало, что англоязычные страны в целом (Соединенные Штаты, Англия, Австралия и Новая Зеландия) более скептически настроены в отношении изменения климата по сравнению со странами Северной Европы (например, Швецией); при этом, однако, Финляндия и Норвегия также демонстрируют высокий климатический скептицизм. Более низкий уровень скептицизма, напротив, обнаруживается в Испании, Франции, Австрии и Германии [Tranter, Booth, 2015]. В опросе, проведенном в Германии в 2013 г., обнаружилось, что климатический скептицизм в целом очень низок (лишь 7% опрошенных разделяют его), немцы значительно менее скептически относятся и к антропогенному изменению климата, чем люди в англоязычном мире или в Норвегии [Tranter, Booth, 2015]. Более «свежие» результаты показали [Steenjens et al., 2017], что респонденты из Германии значительно более скептически (16% опрошенных) относятся к антропогенному изменению климата, чем респонденты из Норвегии (4%), Франции (6%) и Великобритании (12%).

Более 50% россиян полагают, что глобальное потепление негативно влияет на страну и только 25% ожидают от этого явления благоприятного эффекта, при этом почти 40% считают саму проблему глобального потепления надуманной, показал опрос ВЦИОМ [ВЦИОМ]. Большинство слышали о глобальном потеплении, почти 70% опрошенных считают, что этот процесс уже происходит, но только более половины считают, что человечество должно принимать меры к тому, чтобы остановить или замедлить потепление [Экология и проблема 2014]. В целом в последние годы все меньше людей и правительств на Земле, даже в самых консервативных странах, сомневаются в том, что глобальное потепление – реальность и имеет антропогенный характер.

Интересы роста экономики в условиях взаимосвязанного мира заставляют еще вчера остро конкурирующие полюсы силы договариваться о развитии торговли, что также является дополнительным признаком глобальной политической нестабильности. В рамках завершившего краткосрочную «торговую войну», подписанного в начале текущего года торгового соглашения (первой части) КНР и США договорились существенно увеличить импорт из США – до 200 млрд долл. до 2022 г. [Гурков 2020]. Закупки только энергоносителей из США должны вырасти по сравнению с 2017 г. на 52,4 млрд долл.: на 18,5 млрд в нынешнем году и на 33,9 млрд долл. в следующем. Доля России в 2017 г. равнялась 12,6%, Саудовской Аравии – 10,1, Анголы – 9,6, Австралии – 8%. При этом весь российский экспорт в КНР в 2018 г. составил 56 млрд долл. [Гурков 2020].

Президент России лично уделяет огромное внимание вопросам экологии. В апреле 2019 г. он заявил о согласии России на обязательность для нее Парижского соглашения по климату, принятого 12 декабря 2015 г. 21-й сессией Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Этот факт был закреплен постановлением Правительства 23 сентября 2019 г. В Концепции внешней политики Российской Федерации и в Доктрине энергетической безопасности России отмечается, что наша страна выступает не только за усилия по охране природы, но и в то же время – за стабильный и предсказуемый энергетический рынок. При этом говорится о необходимости противостояния внешним силам, необоснованно борющимся с ископаемой энергетикой.

Действительно, в последние годы Россию часто критиковали извне за недостаточное внимание к экологизации энергетики и сокращению выбросов парниковых газов. Согласно BP Statistical Review of World Energy 2019, Китай ответствен за 27,8% эмиссии углерода, США – за 15,2, Индия – 7,3, Россия – 4,6% (что значительно больше, чем доля России в мировой экономике). Правда, в 2015 г. были приведены данные об уменьшении выбросов от энергетического сектора в России за последние 20 лет на 37% [Лавров 2015].

При этом, например, Великобритания в 2019 г. стала первой развитой страной, принявшей план по борьбе с изменением климата в качестве закона и выделившей на борьбу с изменением климата дополнительно 11,6 млрд ф. ст. На климатическом саммите 2019 г. в Мадриде 77 стран обязались до середины века полностью остановить выбросы парниковых газов в атмосферу, еще 70 государств обещали расширить свои национальные планы уже к следующему году. Франция и Новая Зеландия объявили о запрете на разработку новых нефтяных и газовых месторождений на своих территориях. Представитель Франции заявил, что страна вскоре не будет вести торговлю со странами, которые не соблюдают Парижское соглашение. Германия будет добиваться «углеродного нейтралитета». 12 стран обещали внести средства в Зеленый климатический фонд. Индия обещала до 2022 г. увеличить производство энергии из возобновляемых источников до 175 ГВт, а в дальнейшем – и до 450 ГВт; представитель Индии также сообщил, что Международный альянс солнечной энергии насчитывает теперь 80 стран. Китай сократит ежегодные выбросы на 12 млрд т. Пакистан в ближайшие пять лет высадит 10 млрд деревьев. Европейский союз выделит четверть своего следующего бюджета на борьбу с изменением климата. 87 крупных частных компаний с совокупным капиталом в 2,3 трлн долл. взяли на себя обязательство сократить выбросы и ограничить ущерб, наносимый природе. Около 130 частных банков обещали придерживаться в своей работе положений Парижского соглашения по климату. В США, несмотря на скепсис президента в отношении к глобальному потеплению, стремительно снижается доля угля в электрогенерации. В Финляндии, Германии, Греции, Венгрии, Ирландии, Италии, Нидерландах, Португалии и Словакии также вскоре откажутся от угольной промышленности. Южная Корея объявила о закрытии четырех угольных электростанций, еще шесть станций будут закрыты к 2022 г. [Саммит по климату...].

В России в 2018 г. 63,7% от общего производства электроэнергии пришлось на долю ТЭС, 19,1% – на долю АЭС, 17,3% – на электростанции, использующие возобновляемые источники энергии (почти все это – гидроэлектростанции (ГЭС), ветряные электростанции (ВЭС) и солнечные электростанции (СЭС), дающие доли в общем производстве электроэнергии, соответственно – 0,02% и 0,07%. При этом Россия примерно в 250 раз уступает Великобритании по популярности электромобилей (по данным PriceWaterhouse Coopers), где к 2030–2035 гг. будет полностью запрещена продажа машин с бензиновыми и дизельными двигателями, а к 2050 г. – их функционирование. Избавление от машин с ДВС в ближайшие 10–30 лет планируют более десяти стран мира, включая Индию и Китай. В России таких планов пока нет.

Климатическая доктрина Российской Федерации была утверждена еще в 2009 г. распоряжением президента Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 861-рп. В документе говорится о значительной неопределенности

в оценках того, как именно будут протекать климатические изменения и какое они окажут влияние на экологические системы, экономическую и политическую деятельность, а также на социальные процессы в разных странах и регионах [Распоряжение 2009]. О проблеме глобального потепления упоминается всего один раз в том плане, что эта проблема может быть серьезной и ее необходимо исследовать. Вместе с тем в настоящее время признано, что потепление имеет место, и главными климатическими рисками для России являются увеличение количества лесных пожаров (их частота выросла на 30–50% за последние 30 лет), таяние вечной мерзлоты (несущая способность грунтов в зоне мерзлоты по сравнению с 1970-ми годами снизилась в среднем на 17%, а в отдельных регионах – до 45%), а также рост экономического ущерба от других проявлений потепления. Ущерб от климатических явлений на период до 2030 г. может составить 2–3% ВВП в год, а на отдельных территориях – 5–6% [Пятигорская 2020].

Ратифицировав в сентябре Парижское соглашение, Правительство утвердило Распоряжение от 25 декабря 2019 г. № 3183-р «Об утверждении национального плана мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года». В нем впервые на нормативном законодательном уровне констатируется потепление в России в среднем на 0,47°C за десять лет, что в 2,5 раза превышает темпы роста средней глобальной температуры воздуха (0,18°C за десять лет). Приводятся отрицательные последствия, как то: повышение риска для здоровья населения, рост повторяемости, интенсивности и продолжительности засух в одних регионах, экстремальных осадков, наводнений и опасного для сельского хозяйства переувлажнения почвы – в других; повышение пожароопасности в лесных массивах; деградация вечной мерзлоты в северных регионах с ущербом для строений и коммуникаций; нарушение экологического равновесия, в том числе вытеснение одних биологических видов другими; распространение инфекционных и паразитарных заболеваний; увеличение расхода электроэнергии на кондиционирование воздуха в теплый сезон. При этом выделяются и положительные последствия, в частности: сокращение расходов энергии в отопительный период; улучшение ледовой обстановки и, соответственно, условий транспортировки грузов в арктических морях, облегчение доступа к континентальному шельфу Российской Федерации в Северном Ледовитом океане; улучшение структуры и расширение зоны растениеводства, а также повышение эффективности животноводства (при выполнении ряда дополнительных условий и принятии определенных мер); повышение продуктивности бореальных лесов. В плане, однако, не говорится об антропогенном характере потепления, но при этом предполагается в ближайшие два года исследовать вопрос и подготовиться к адаптации к дальнейшему изменению климата.

Как энергетика, так и климат оказывают значительное влияние на политическую стабильность. Если резкое повышение цен на энергоносители (прежде всего, нефть) может оказывать дестабилизирующее влияние на страны-импортеры, то снижение цен на нефть оказывает дестабилизирующее влияние на политическую ситуацию в странах, зависимых от экспорта нефти [Коротаяев 2016]. Климатические изменения могут во многом обуславливать и политическую стабильность на региональном и глобальном уровнях [Kelley, 2015]. Так, дестабилизацию в Сирии связывают с «худшей в истории» трехлетней засухой в регионе, после которой более 1,5 млн разорившихся фермеров «ворвались в города», став «взрывным материалом» для и без того в высшей степени конфликтных взаимоотношений региона. Совет Безопасности ООН признал неблагоприятные последствия изменения климата и экологических изменений среди других факторов для стабильности в Западной Африке и Сахельском регионе, где в том числе в результате засухи, опустынивания, деградации земель и отсутствия продовольственной безопасности, подчеркивается необходимость адекватных оценок рисков и стратегий управления рисками со стороны правительств и Организации Объединенных Наций в отношении этих факторов [Резолюция 2015]. ООН считает, что международные институты безопасности и правительства несут «ответственность за подготовку» к климатическим изменениям, что должно включать создание соответствующих международных и связанных с ними национальных институтов для разработки и принятия механизмов быстрого реагирования и планирования последствий [Responsibility]. Энергоэкологическая проблема накладывается на обострение проблемы продовольственной безопасности и доступа к пресной воде. Из 20 стран, которые считаются самыми нестабильными государствами, 12 расположены в районах Ближнего Востока, Южной Азии и Африки, где, как ожидается, изменение климата приведет к повышенному уровню дефицита воды. Это включает пять стран – Эритрею, Кению, Сомали, Южный Судан и Судан [Werrell, Femia 2017].

В 2019 – начале 2020 г. произошло резкое превышение предложения газа над его спросом на мировых рынках, прежде всего на европейском [Коннов 2020], что сопровождалось новой фазой политизации борьбы за энергетические рынки (противостояние США проектам «Газпрома»). Одновременно нарастает интенсивность дискуссии по энергоэкологической проблематике в целом (взлет популярности эоактивизма, поддержанного общественным мнением, рядом политических сил, официальными органами ЕС и наукой). Можно предположить, что новое обострение данной проблемы может стать (или уже стало) маркером и /или триггером активной фазы глобального энергетического перехода на ВИЭ, с одной стороны, и новой фазы глобального обострения политической ситуации – с другой.

Таким образом, сейчас можно говорить о наступлении значимой стадии в решении глобальной энергоэкологической проблемы, о ее массовом осознании всем человечеством. В настоящее время можно назвать эту проблему не просто энергоэкологической, а проблемой ресурсоэнергоэкологической, требующей комплексных глобальных решений в области устойчивого развития. Для разрешения данной проблемы необходимы глобальные органы и институты обеспечения энергетической безопасности (всей, а не по отдельным сферам).

Роль России – как ресурсной базы мирового развития, ответственного экспортера и идущей в экологическом тренде мирового развития экономики мировой державы, входящей в состав Совета Безопасности ООН и играющей активную роль во всех мировых энергетических организациях – целесообразно резко усилить, придав ей статус инициатора формирования целостной системы глобальной энергетической безопасности.

Никогда прежде экономическое и политическое будущее человечества не зависело от точности научных прогнозов и развития технологий. С учетом значимости энергетики для экономического благополучия нашей страны, в интересах эффективного политического прогнозирования угроз безопасности России необходимо выстраивать в области энергетической безопасности комплексную стратегию, что потребует углубленного стратегического планирования, основанного на цифровом моделировании комплексных энергоэкологических процессов с максимальным учетом их взаимосвязи с возможными экономическими, социальными и политическими изменениями на национальном, региональном и глобальном уровнях. Именно в этом видится наиболее перспективный акцент при предстоящей цифровой трансформации российского топливно-энергетического комплекса и экологической деятельности.

Библиография

Бондарь В. Академик РАН: «Наступила эпоха похолодания, которая приведет к новому ледниковому периоду» // Бизнес-онлайн. 2019. 22 дек. URL: <https://m.business-gazeta.ru/article/451128> (дата обращения: 10.01.2020).

Горбанев В.А. Климатический саммит в Мадриде завершен: полный провал // МГИМО: Официальный сайт. 2019. 19 дек. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/klimaticheskii-sammit-v-madride-zavershen-polnyu-proval/> (дата обращения: 10.01.2020).

Городницкий А. Конец мифа о глобальном потеплении // Новые известия. 2017. 10 фев. URL: <https://newizv.ru/comment/aleksandr-gorodnitskiy/10-02-2017/251901-konec-mifa-o-global-nom-poteplenii> (дата обращения: 10.01.2020).

Гурков А. Америка станет вместо России главным поставщиком энергоресурсов в Китай // Deutsche Welle, 2020. 21 янв. URL: <https://www.dw.com/ru/америка-станет-вместо-россии-главным-поставщиком-энергоресурсов-в-китай/a-52086498> (дата обращения: 21.01.2020).

Данные опросов // ВЦИОМ: Официальный сайт. 2017. 19 июля. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116322> (дата обращения: 10.01.2020).

Добрынин С. Новое преступление русских хакеров? Кто устроил «Климатгейт» // Радио Свобода. 2019. 2 июля. URL: <https://www.svoboda.org/a/30033544.html> (дата обращения: 10.01.2020).

Коннов М. Голубой бум. Россия добывает все больше газа, но теряет миллиарды. В этом виноваты США и Австралия // Лента. ру, 2020. 23 янв. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/01/23/lng/> (дата обращения: 23.01.2020).

Коротаяев А.В., Билюга С.Э., Зинькина Ю.В. Цены на нефть как фактор социально-политической дестабилизации государств в современном мире: опыт количественного анализа // Политическая наука. 2016. № 4. С. 159–185.

Лавров: Россия лидирует в мире по снижению выбросов парниковых газов // РИА Новости. 2015. 27 сент. URL: <https://ria.ru/20150927/1285988505.html> (дата обращения: 10.01.2015).

Малков С.Ю., Билюга С.Э., Власова А.Ю. Энергоэкологические проблемы глобального развития: опыт количественного анализа // Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов. 2018. Т. 2. № 26. С. 72–88.

Пахомов Н.В. Политика России в обеспечении глобальной энергетической безопасности. Дис. на... канд. полит. наук. М., 2016. URL: https://mgimo.ru/science/diss/pakhomov_diss.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

Пятигорская А. В Счетной палате назвали главные климатические риски для России // Парламентская газета. 2020. 13 янв. URL: <https://www.pnp.ru/economics/v-schyotnoy-palate-nazvali-glavnye-klimaticheskie-riski-dlya-rossii.html> (дата обращения: 20.01.2020).

Распоряжение Президента Российской Федерации от 17.12.2009 г. № 861-рп «О Климатической доктрине Российской Федерации». Президент России: Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/6365> (дата обращения: 10.01.2020).

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года [без передачи в главные комитеты (A/70/L. 1)] 70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // United Nations. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

Саммит по климату: 77 стран обязались к 2050 году сократить выбросы парниковых газов до нуля // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/09/1363512> (дата обращения: 10.01.2020).

Экология и проблема глобального потепления // Фонд Общественное мнение. 2014. 11 сент. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/11710> (дата обращения: 10.01.2020).

Capstick S., Whitmarsh L., Poortinga W. International trends in public perceptions of climate change over the past quarter century // WIREs Climate Change 6 (1). 2015. P. 35–61.

COP25 climate summit: what happened during the first week? // The Guardian. 2019. 9 Dec. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2019/dec/09/cop25-climate-summit-what-happened-during-first-week> (дата обращения: 10.01.2020).

Dunlap R.E., McCright A. A widening gap: Republican and democratic views on climate change Environment: Science and Policy for Sustainable Development. 2008. No 50 (5). P. 26–35.

European Perceptions of Climate Change (EPCC): Topline findings of a survey conducted in four European countries in 2016. Project report submitted to the Joint Programme Initiative (JPI) // Climate. Cardiff: Cardiff University, 2017. URL: <http://orca.cf.ac.uk/id/eprint/98660> (дата обращения: 10.01.2020).

Gray B. On the Hijacking of the American Meteorological Society (AMS). June 2011. URL: https://meteo.lcd.lu/globalwarming/Gray/AMS_Hijacking_paper_Gray_2011.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

Kelley C., Mohtadi S., Cane M., Seager R., Kushnir Y. Climate change in the Fertile Crescent and implications of the recent Syrian drought // Proceedings of the National Academy of Sciences.

2015. No 112 (11). P. 3241–3246. URL: <https://doi.org/10.1073/pnas.1421533112> (дата обращения: 10.01.2020).

Leiserowitz A., Maibach E., Rosenthal S., Kotcher J., Ballew M., Goldberg M., Gustafson A. Climate change in the American mind. December 2018. URL: <https://climatecommunication.yale.edu/wp-content/uploads/2019/01/Climate-Change-American-Mind-December-2018.pdf> (дата обращения: 10.01.2020).

Lelieveld J., Klingmüller K., Pozzer A., Burnett R.T., Haines A., Ramanathan V. Effects of fossil fuel and total anthropogenic emission removal on public health and climate // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2019. No 116 (15) P. 7192–7197. URL: <https://doi.org/10.1073/pnas.1819989116> (дата обращения: 10.01.2020).

Responsibility to Prepare // The Center for Climate & Security. Exploring the security risks of climate change. URL: <https://climateandsecurity.org/responsibilitytoprepare/> (дата обращения: 10.01.2020).

Scientific Consensus: Earth's Climate is Warming // NASA: Global Climate Change. URL: <https://climate.nasa.gov/scientific-consensus/> (дата обращения: 10.01.2020).

Smith N., Leiserowitz A. The Rise of Global Warming Skepticism: Exploring Affective Image Associations in the United States Over Time // *Risk Analysis*. 2012. No 32 (6). P. 1021–1032.

Statement by the President of the Security Council // United Nations. 2018. 30 Jan. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/PRST/2018/3 (дата обращения: 10.01.2020).

The Global Climate in 2015–2019. World Meteorological Organization, 2019. URL: https://library.wmo.int/doc_num.php?explnum_id=9936 (дата обращения: 10.01.2020).

Tranter B., Booth K. Scepticism in a changing climate: A cross-national study. *Global Environmental Change*. 2015. No 33. P. 154–164.

Werrell C., Femia F. Epicenters of climate and security: The new geostrategic landscape of the anthropocene // The Center for Climate and Security. 2017. June. URL: https://climateandsecurity.files.wordpress.com/2017/06/epicenters-of-climate-and-security_the-new-geostrategic-landscape-of-the-anthropocene_2017_06_091.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

References

Bondar' V. Akademik RAN: «Nastupila e'poxa poxolodaniya, kotoraya privedet k novomu lednikovomu periodu» [Academician of the Russian Academy of Sciences: «The era of cooling has come, which will lead to a new ice age»]. *Business online*. 2019. 22 Dec. URL: <https://m.business-gazeta.ru/article/451128> (date of access: 10.01.2020). (In Russ.)

Capstick S., Whitmarsh L., Poortinga W. International trends in public perceptions of climate change over the past quarter century. *WIREs Climate Change* 6 (1). 2015. P. 35–61.

COP25 climate summit: what happened during the first week? *The Guardian*. 2019. 9 Dec. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2019/dec/09/cop25-climate-summit-what-happened-during-first-week> (date of access: 10.01.2020).

Danny'e oprosov [Survey data]. VTsIOM: Official Website. 2017. 19 July. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116322> (date of access: 10.01.2020). (In Russ.)

Dobry'nin S. Novoe prestuplenie russkix xakerov? Kto ustroil «Klimatgejt» [A New Crime of Russian Hackers? Who arranged «Climatgate»]. *Radio Liberty*. 2019. 2 July. URL: <https://www.svoboda.org/a/30033544.html> (date of access: 01.10.2020). (In Russ.)

Dunlap R.E., McCright A. A widening gap: Republican and democratic views on climate change *Environment: Science and Policy for Sustainable Development*. 2008. No 50 (5). P. 26–35.

E'kologiya i problema global'nogo potepeniya [Ecology and the problem of global warming]. Public Opinion Foundation. 2014. 11 Sept. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/11710> (date of access: 10.01.2020). (In Russ.)

European Perceptions of Climate Change (EPCC): Topline findings of a survey conducted in four European countries in 2016. Project report submitted to the Joint Programme Initiative (JPI). Climate. Cardiff: Cardiff University, 2017. URL: <http://orca.cf.ac.uk/id/eprint/98660> (date of access: 10.01.2020).

Gorbanev V.A. Klimaticheskij sammit v Madride zavershen: polny'j proval [Climate summit in Madrid is over: complete failure]. MGIMO: Official Website. 2019. 19 Dec. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/klimaticheskij-sammit-v-madride-zavershen-polnyy-proval/> (date of access: 10.01.2020). (In Russ.)

Gorodniczkij A. Konecz mifa o global'nom potepenii [The end of the global warming myth]. Novy'e izvestiya. 2017. 10 Feb. URL: <https://newizv.ru/comment/aleksandr-gorodnitskiy/10-02-2017/251901-konecz-mifa-o-globalnom-potepenii> (date of access: 10.01.2020). (In Russ.)

Gray B. On the Hijacking of the American Meteorological Society (AMS). June 2011. URL: https://meteo.lcd.lu/globalwarming/Gray/AMS_Hijacking_paper_Gray_2011.pdf (date of access: 10.01.2020).

Gurkov A. Amerika stanet vmesto Rossii glavny'm postavshhikom e'nergoresurov v Kitaj [America will become the main supplier of energy resources to China instead of Russia]. Deutsche Welle, 2020. 21 Jan. URL: <https://www.dw.com/ru/america-will-become-in-place-russia-the-main-provider-energy-resources-in-china/a-52086498> (date of access: 21.01.2020). (In Russ.)

Kelley C., Mohtadi S., Cane M., Seager R., Kushnir Y. Climate change in the Fertile Crescent and implications of the recent Syrian drought. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2015. No 112 (11). P. 3241–3246. URL: <https://doi.org/10.1073/pnas.1421533112> (date of access: 10.01.2020).

Konnov M. Goluboj bum. Rossiya doby'vaet vse bol'she gaza, no teryaet milliardy'. V e'tom vinovaty' SShA i Avstraliya [Blue boom. Russia extracts more and more gas, but loses billions. The USA and Australia are to blame for this]. Lenta.ru, 2020. 23 Jan. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/01/23/lng/> (date of access: 23.01.2020). (In Russ.)

Korotaev A.V., Bilyuga S.E., Zin'kina Yu.V. Ceny' na neft' kak faktor social'no-politicheskoy destabilizacii gosudarstv v sovremennom mire: opy't kolichestvennogo analiza [Oil prices as a factor in the socio-political destabilization of states in the modern world: the experience of quantitative analysis]. Political Science. 2016. No 4. P. 159–185. (In Russ.)

Lavrov: Rossiya lideruet v mire po snizheniyu vy'brosov parnikovyx gazov [Lavrov: Russia leads the world in reducing greenhouse gas emissions. RIA Novosti. 2015. 27 Sept. URL: <https://ria.ru/20150927/1285988505.html> (date of access: 10.01.2015). (In Russ.)

Leiserowitz A., Maibach E., Rosenthal S., Kotcher J., Ballew M., Goldberg M., Gustafson A. Climate change in the American mind. December 2018. URL: <https://climatecommunication.yale.edu/wp-content/uploads/2019/01/Climate-Change-American-Mind-December-2018.pdf> (date of access: 10.01.2020).

Lelieveld J., Klingmüller K., Pozzer A., Burnett R.T., Haines A., Ramanathan V. Effects of fossil fuel and total anthropogenic emission removal on public health and climate. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2019. No 116 (15). P. 7192–7197. URL: <https://doi.org/10.1073/pnas.1819989116> (date of access: 10.01.2020).

Malkov S.Yu., Bilyuga S.E., Vlasova A.Yu. E'nergoe'kologicheskie problemy' global'nogo razvitiya: opy't kolichestvennogo analiza [Energy-ecological problems of global development: the experience of quantitative analysis]. Age of globalization: modern research. glob. processes. 2018. Vol. 2. No 26. P. 72–88.

Paxomov N.V. Politika Rossii v obespechenii global'noj e'nergeticheskoy bezopasnosti [Russia's policy in ensuring global energy security]. Diss. na... kand. polit. nauk. Moscow, 2016. URL: https://mgimo.ru/science/diss/pakhomov_diss.pdf (date of access: 10.01.2020). (In Russ.)

Pyatigorskaya A. V Schyotnoj palate nazvali glavny'e klimaticheskie riski dlya Rossii [The main climatic risks for Russia were named in the Accounts Chamber]. Parlamentskaya gazeta, 2020. 13 Jan. URL: <https://www.pnp.ru/economics/v-schyotnoy-palate-nazvali-glavnye-klimaticheskie-riski-dlya-rossii.html> (date of access: 20.01.2020). (In Russ.)

Rasporyazhenie Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 17.12.2009 g. N 861-rp «O Klimaticheskoy doktrine Rossijskoj Federacii» [Order of the President of the Russian Federation of December 17, 2009 No 861-rp «On the Climate Doctrine of the Russian Federation»]. President of Russia: Official Website. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/6365> (date of access: 10.01.2020). (In Russ.)

Responsibility to Prepare. The Center for Climate & Security. Exploring the security risks of climate change. URL: <https://climateandsecurity.org/responsibilitytoprepare/> (date of access: 10.01.2020).

Rezolyuciya, prinyataya General'noj Assambleej 25 sentyabrya 2015 goda [bez peredachi v glavny'e komitety` (A/70/L. 1)] 70/1. Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnya v oblasti ustojchivogo razvitiya na period do 2030 goda [Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015 [without referral to the Main Committees (A/70/L. 1)] 70/1. Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development]. United Nations. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (date of access: 10.01.2020). (In Russ.)

Sammit po klimatu: 77 stran obyazalis` k 2050 godu sokratit` vy`brosy` parnikovyx gazov do nulya [Climate Summit: 77 Countries Committed to Reduce Greenhouse Gas Emissions to Zero by 2050]. UN News. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/09/1363512> (date of access: 10.01.2020). (In Russ.)

Scientific Consensus: Earth's Climate is Warming. NASA: Global Climate Change. URL: <https://climate.nasa.gov/scientific-consensus/> (date of access: 10.01.2020).

Smith N., Leiserowitz A. The Rise of Global Warming Skepticism: Exploring Affective Image Associations in the United States Over Time. Risk Analysis. 2012. No 32 (6). P. 1021–1032.

Statement by the President of the Security Council. United Nations. 2018. 30 Jan. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/PRST/2018/3 (date of access: 10.01.2020).

The Global Climate in 2015–2019. World Meteorological Organization, 2019. URL: https://library.wmo.int/doc_num.php?explnum_id=9936 (date of access: 10.01.2020).

Tranter B., Booth K. Scepticism in a changing climate: A cross-national study. Global Environmental Change. 2015. No 33. P. 154–164.

Werrell C., Femia F. Epicenters of climate and security: The new geostrategic landscape of the Anthropocene. The Center for Climate and Security. 2017. June. URL: https://climateandsecurity.files.wordpress.com/2017/06/epicenters-of-climate-and-security_the-new-geostrategic-landscape-of-the-anthropocene_2017_06_091.pdf (date of access: 10.01.2020).

А.А. Кузицына

США И КИТАЙ: КОГДА СОСТОИТСЯ «БИТВА ЗА АНКОРИДЖ»?

***Аннотация.** Отношения между США и КНР, двумя мощнейшими державами, в XXI в. в значительной степени формируют общую геополитическую картину мира и влияют на развитие всех других акторов международной жизни. Тем важнее исследовать наметившийся раскол между стратегическими партнерами, которые связаны друг с другом интенсивными экономическими, финансовыми, технологическими и гуманитарными отношениями. Основной мотив противостояния заключается в том, что США не готовы делить влияние с нарастающим своею экономику Китаем. В Стратегии национальной безопасности США Китай наряду с Россией назван основным противником. Одним из ярких проявлений схватки за переделы сфер влияния стала развернувшаяся торговая война 2018–2019 гг., получившая поистине глобальные масштабы. В статье исследуются причины того, что отношения США и Китая могут в долгосрочной перспективе грозить обострением вплоть до военных действий. Выявлен ряд неразрешимых в рамках существующих форматов международного общения противоречий, особенно обострившихся в период правления администрации Д. Трампа. При этом показано, как общее развитие ситуации может повлиять на то, что ни Пекин, ни Вашингтон не смогут избежать конфликта интересов без существенных потерь для своего статуса. В качестве иллюстрации того, что современный геополитический кризис был изначально заложен в конфигурацию отношений мировых гигантов, представлены прогнозы в произведениях массовой культуры США конца XX в., в которых сценаристы предполагали осуществление сценария «битвы за Анкоридж». В итоге делается вывод о том, что конфликт между США и Китаем имеет системный характер. Высказывается также прогноз о возможных временных и ситуативных рамках приближающейся эскалации глобального конфликта.*

***Ключевые слова:** Китай; США; торговая война; конфронтация.*

Кузицына Анна Альбертовна – аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва. E-mail: akuzitsyna@mail.ru

Kuzitsyna A.A. The USA and China: When Will the «Battle for Anchorage» Take Place?

***Abstract.** In the 21st century, the relationship between the United States and China, the two most influential world powers, largely shapes the general geopolitical situation in*

the world and affects the development of all other international actors. That is why it is important to highlight the emergent sharp cleavage between the two largest world economies, linked by intensive economic, financial, technological and humanitarian contacts. The main motive for the confrontation on the American side is that the United States is unwilling to share its sphere of influence with China, while Beijing is steadfastly increasing its economic might. The US national security strategy labels China and Russia as major adversaries. One of the most vivid manifestations of remapping the world and spheres of influence was the trade war between the USA and China in 2018–2019, which became a global phenomenon. The article examines why the US-China relations might escalate into an all-out war in the long term. Identified is a number of unresolved contradictions within the existing formats of international communication, which have been exacerbated during D. Trump tenure. Also, the article shows the overall evolution of the situation in which neither Beijing nor Washington could avoid a conflict of interests without losing their current status. This might be illustrated by numerous predictions in the US mass culture about a coming «battle of for Anchorage». By way of conclusion, the author argues that the conflict between the USA and China is of a deep systemic nature and offers a prognosis on how it might escalate in the coming years.

Keywords: China; the USA; trade war; confrontation.

Kuzitsyna Anna Albertovna – Post-Graduate Student,
Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow.
E-mail: akuzitsyna@mail.ru

Одной из особенностей информационного общества становится анонсирование мировых потрясений через произведения литературы, сценарии компьютерных игр, видеоблоги и другие проявления массовой культуры. Так, в 1997 г. компания «Интерплей Продакшен» (Interplay Productions) в сценарии постапокалиптической игры «Fallout» представила войну, которая, по идее авторов, разразится между Китаем и США в 2066 г. Поводом для «конца света», согласно фантастическому сценарию, послужил спор двух держав за обладание нефтяными и газовыми месторождениями на Аляске. В результате локальная «битва за Анкоридж» привела к обмену ядерными, химическими и биологическими ударами между США и КНР.

Для исследователя представляет интерес тренд, который привел сценаристов к такому пророческому видению будущего. Так, к моменту выхода «Fallout» в США наметился дефицит торговли с КНР, в 1996 г. составивший 20 млрд долл. США. В 2006 г. дефицит торговли с Китаем в Штатах достиг своего пика – 828 млрд долл. США. Под давлением США Китай с 2000 г. ежегодно повышал на 2–3% курс юаня по отношению к доллару, что способствовало некоторому снижению дефицита в торговле в ценовом выражении. Однако в 2017 г. дефицит составил 375 млрд долл., а в 2018 г. вырос до 419 млрд долл.

Основная причина дефицита торговли заключается в переносе производства США в КНР из-за стремления производителей удешевить продукцию в условиях жесткой конкуренции. Для Китая характерна низкая стоимость рабочей силы, удобная логистика, доступные ресурсы, почти полное отсутствие расходов на сохранение окружающей среды, высокая лояльность руководства страны к инвесторам, низкий курс юаня, частично привязанного к доллару. Что касается США, значительную долю ВВП (по разным оценкам, порядка 80%) составляет сфера услуг. Количество рабочих мест, занятых непосредственно в производстве товаров в США, за период с 1998 по 2010 г. сократилось на 34%, и есть все основания полагать, что большая часть этих мигрировавших рабочих мест из США переместилась в КНР. Американские компании должны резко сокращать производственные расходы или уходить с рынка, либо производители в США должны поддерживать такую администрацию Белого дома, которая будет устранять конкурентов нерыночными способами.

Поднебесная вынуждена поддерживать доллар, для чего Пекину приходится покупать казначейские обязательства Вашингтона. Китай является крупнейшим кредитором правительства США. На апрель 2019 г. долг США перед Китаем составил 1,1 трлн долл. Это 27% всего долга США иностранным кредиторам.

В Вашингтоне зависимость от Пекина вызывает тревогу. Если Китай начнет продавать казначейские обязательства США или хотя бы прекратит их покупать, Штаты могут впасть в рецессию. Однако Китаю невыгодна рецессия в США, которая приведет к уменьшению покупательной способности потребителей, тратящих свои деньги на китайские товары. Таким образом, кредитор (КНР) более заинтересован в экономической стабильности должника (США), чем должник в устойчивости и стабильности кредитовавшего его партнера. Вашингтон выдвигает новые претензии к Пекину, обвиняя его и в нечестной игре с юанем, и в краже интеллектуальной собственности, и в установлении ограничений, вводимых для американских компаний на китайском рынке [Трамп заявил 2018].

Во время предвыборной гонки 2016 г. будущий президент Дональд Трамп неоднократно критиковал политику Демократической партии, допустившей дисбаланс в торговле с Китаем. Трамп обещал в случае своего избрания «разобраться с Китаем», и теперь угрозы превращаются в действия.

Открытое противостояние двух ведущих экономик началось в 2017 г., а дальше лишь набирало обороты. В январе 2018 г. США установили 30% пошлины на ввозимые солнечные батареи. Также обложены пошлинами, ввозимые в основном из КНР, стиральные машины. В марте 2018 г. США завершили расследование кражи интеллектуальной собственности Китаем. Введены торговые пошлины 10–25% на ввозимые в Штаты сталь и алюминий. Китай ответил симметрично: введены 10–15% пошлины на 128 американских

наименований товаров. С марта по сентябрь 2018 г. каждая сторона обложила пошлинами более чем на 200 млрд долл. несколько тысяч наименований товаров. На каждое действие США китайские власти принимали зеркальные меры. Например, 23 августа 2018 г. США ввели 25%-ные пошлины на те же 16 млрд долл. КНР сделали то же самое: ввели те же 25%-ные пошлины на 16 млрд долл.

Любопытно, что на момент создания сценария игры «Фаллаут», в которой две державы воюют за месторождения на Аляске, Китай никак не был представлен в этом регионе. Однако спустя два десятилетия между КНР и США было достигнуто соглашение, по которому Вашингтон допустил Пекин к разработке газовых месторождений на Аляске за 46 млрд долл. списанных долгов [Трамп добился 2018]. Таким образом, в этой части предсказание уже сбылось, поскольку появилась еще одна площадка для возможных трений в будущем. Например, однажды в Вашингтоне могут вернуться к этому уже оплаченному Пекином соглашению и посчитать его недостаточно выгодным на фоне усложняющейся ситуации с углеводородами.

Разразившаяся торговая война не первая в отношениях двух стран, но впервые она приняла такой ожесточенный характер. Ярким всплеском конфликта стал арест в Канаде по запросу США финансового директора «Хуавей» (Huawei) Мэн Ванчжоу. Компания «Хуавей» является флагманом двух проектов Си Цзиньпина «Один пояс, один путь» и «Сделано в Китае 2025». Арест дочери основателя компании, являющейся ее топ-менеджером, всколыхнул китайское общество, поскольку здесь была затронута не только экономика, но и национальная гордость. Несмотря на готовность к переговорам, продемонстрированную китайской стороной, США намеренно нагнетали обстановку. В разгар полемики по поводу ареста от МИД Китая в сторону посла США прозвучало: «Действия США крайне омерзительны» [Американского посла... 2018]. В качестве асимметричной реакции на действия властей Канады китайцы задержали в Пекине двух канадцев по подозрению в действиях по подрыву национальной безопасности КНР. Также в Китае был задержан старший советник по Юго-Восточной Азии Майкл Ковриг [Сидорчик 2018].

Добавился еще один аспект противостояния гигантов, на этот раз валютный. Так, «Нью-Йорк Таймс» (The New York Times) писала: «Торговая война между Соединенными Штатами и Китаем вступила в более опасную фазу в понедельник, поскольку Пекин позволил себе ослабить курс своей валюты, китайские предприятия прекратили делать новые закупки американских сельскохозяйственных товаров, а казначейство президента Трампа официально признало Китай манипулятором валюты» [Swanson, Stevenson, Smialek, 2019].

От взаимных ударов стороны перешли к переговорам и к осени 2019 г. даже прошли первую фазу противостояния, т.е. заложили некие правила для урегулирования торговых споров. Китай, то ли выигрывая время перед основной битвой, к которой сейчас он оказался не готов, то ли желая достичь хотя бы почетных условий капитуляции, шел на уступки, постепенно сдавая защищаемые рубежи.

Соломинкой, которая сломала спину верблюда, оказалась трагедия с коронавирусом, ставшая новостью № 1. Блогосфера наполнена конспирологическими теориями о том, что коронавирус имеет не только искусственное происхождение, но и конкретное авторство, ибо слишком вовремя для США возник этот фактор, сломавший сопротивление Поднебесной. Обсуждаемый тезис о том, что вирус поражает в основном представителей азиатской расы, подводит к мысли о принципиальной возможности создания на базе современной науки так называемого «этнического оружия». Кстати, и в Штатах не стесняются обсуждать, что образовавшиеся из-за трагедии потери Китая выгодны для развития бизнес-проектов США.

Поражение КНР в торговой войне юридически оформлено в январе 2020 г. в виде «исторического соглашения», согласно которому Китай «принужден к миру». В нарушение принципов ВТО и вообще свободной торговли Поднебесная в порядке капитуляции должна закупить товаров, произведенных в США, на сумму около 200 млрд долл. за следующие два года. Кроме того, проигравшая сторона в одностороннем порядке и в интересах США должна провести реформы в ряде ключевых отраслей экономики.

Трамп объявил о своей победе в торговой войне. Однако системные противоречия между восходящей страной и страной, которая теряет свои позиции, никуда не делись [Межгосударственные отношения 2015]. Пекин обещал подумать об этом после того, как справится со вспышкой коронавируса. Интрига в том, даст ли Вашингтон Пекину время на восстановление позиций и обдумывание.

Растет напряжение в приграничных спорах Китая. Так, китайцы претендуют на 90% акватории Южно-Китайского моря, ссылаясь на так называемую «девятипунктирную линию». С помощью этих пунктиров Пекин (в частном порядке в 1948 г., на государственном уровне в 1953 г.) самостоятельно, ни с кем не согласовывая, очертил «зону своих национальных интересов» в Южно-Китайском море от континентального Китая и острова Хайнань до берегов Брунея и Малайзии. С 1974 г. Китай фактически захватил Парасельские острова. Затем Пекин обратил внимание на архипелаг Спратли. С 2012 г. Китай контролирует риф Скарборо в Южно-Китайском море. Кроме того, КНР укрепляет свои позиции, насыпая искусственные острова. Непосредственно это не затрагивает территориальные интересы Соединенных Штатов, но большая часть стран, с кем Китай вступает в конфликт в регионе, являются

союзниками США. Будут ли США защищать интересы Филиппин, Вьетнама, Малайзии или Брунея, неизвестно. Вопрос можно сформулировать иначе: посчитают ли в Вашингтоне выгодным для себя использовать этот фактор для сдерживания КНР? Приведем следующий пример. Так, фактический отказ США выступать на стороне своих союзников, каковыми для США длительное время на Ближнем Востоке являлись курды, в конфликте, когда другой союзник по НАТО – Турция, наступает, свидетельствует о том, что США в вопросах союзничества могут выступать настолько гибко, что и говорить о реальном союзничестве достаточно сложно. Однако регион, где проходит до 40% мирового морского трафика, не может оказаться вне интересов США. При этом Вашингтон ссылается на решения международного арбитража ООН, запрещающего Китаю экспансию в регионе. Тогда как Пекин отвечает, что не признает права третьих лиц решать судьбу национальных интересов страны. О том, что обстановка обостряется и возможны форс-мажорные ситуации с тяжелыми последствиями, пишет «Ньюсуик» (Newsweek). Так, реагируя на то, какими методами Штаты пытаются вытеснить КНР из региона, Чжан Цзюньшэ, сотрудник Военно-морского исследовательского института НОАК, заявил журналистам, что в случае столкновения судов или вспышки агрессии в результате провокации или ошибки, китайская сторона возлагает всю ответственность на США [Maza 2019].

Общий геополитический тренд XXI в. все больше сводится к конфликту между США и КНР. Соединенные Штаты расценивают свое глобальное лидерство как единственно возможный формат развития человечества. Иные точки зрения заранее объявляются ложными и вредными. Конечно, для достижения своих истинных целей еще используются наработанные в эпоху зыбкого равновесия Востока и Запада понятия: «свобода», «рынок», «права человека», «демократия».

Однако отбрасывая флер отвлекающих деклараций, необходимо выделить главное содержание реальной политики Вашингтона при любой администрации: Штатам нужно либо доминирование по типу «сюзерен – вассал», либо они объявляют страну «врагом свободного мира» и стараются ее всеми силами уничтожить. Однако Китай в XXI в. не согласен ни на первое, ни на второе. Чем сильнее Поднебесная, тем сложнее ей навязывать чужую волю.

Рассмотрим некоторые примеры напряженности, исходящей из Вашингтона.

1. Известно, что США обладают спорной договороспособностью. Это обусловлено присущей им позицией давления и принижения контрагента вместо равного диалога с ним. Выкручивание рук – это фирменный стиль, используя который заокеанские дипломаты общаются не только с соперниками на мировой арене, но и со своими ближайшими сателлитами. Штаты вышли из ряда долгосрочных соглашений (договор об ограничении РСМД,

«сделка по Ирану», договор об ограничении систем ПРО, международное соглашение по Тихоокеанскому партнерству и др.). Договор о НАФТА (USMCA) с Канадой и Мексикой подписан в 2018 г. в атмосфере давления и ультиматумов на условиях более широкой экспансии товаров США. Презентованная Трампом «Сделка века» 2020 г. по палестинской проблеме представляется сговором между США и Израилем, проводимым без участия самих палестинцев и вопреки их интересам. При этом даже при заключении более-менее приемлемых договоров любые контрагенты должны быть заранее готовы к тому, что каждая новая администрация способна от них отказаться. Отсюда вывод: с Белым Домом нет смысла о чем-то договариваться на длительный срок. Капитуляция Китая в торговой войне с США от января 2020 г. принята не на основе сотрудничества и взаимной выгоды, а под влиянием ультимативного требования.

2. Военное преимущество больше не является решающим фактором. Несмотря на колоссальные суммы, которые США тратят на вооружения и содержание имеющейся военной машины, подавляющего доминирования в политике они не имеют. Мощь, которую нельзя применить, не имеет смысла. Так, прямое применение военной силы по отношению к Китаю неизбежно ведет к мировой войне с применением оружия массового поражения. В войне, которая приведет цивилизацию к гибели, не будет победителей. Поскольку США пока не могут безнаказанно использовать крайние средства по отношению к Китаю, локальные битвы между двумя странами ведутся на других площадках: торговых, информационных, политических, технологических и т.д.

3. США предпочитают вести международные дела только в обстановке преимуществ со своей стороны и уступок со стороны контрагентов. И хотя экономическая мощь Китая еще не конвертировалась в политическое влияние, тем не менее диктовать условия Китаю все сложнее. Это видно и по общей атмосфере двусторонних контактов, и по общению в рамках международных институтов. Возможность одного из членов организации сопротивляться давлению гегемона влияет на общую атмосферу внутри международного института. Китай научился использовать правила международных организаций, и это не устраивает силы, ранее диктовавшие условия общения в рамках этих форматов. Немудрено, что организации, которые не удовлетворяют претензии США на превосходство, становятся им неинтересны (ВТО, ООН и т.д.) [Трамп заявил... 2018].

4. Курс на предоставление исключительных преимуществ только американским компаниям неизбежно ведет к экономической, а вслед за ней политической и военной конфронтациям.

5. В условиях информационного глобализма контроль над мировыми СМИ уже не гарантирует монополию на информацию и ее интерпретацию. США все труднее подавлять иную точку зрения на свои действия. В мире

растет число недовольных «однополярным» мировым порядком и тем, как Штаты ведут дела в мире. Так, уровень одобрения американской политики жителями других стран при администрации Трампа достиг исторического минимума [Трамп добился... 2018].

6. Монополия доллара не удовлетворяет национальным интересам других стран. На повестке дня ситуация, когда мировые игроки могут отказаться от доллара и перестанут поддерживать своими ресурсами выплату государственных долгов США. Утрата доминирующих позиций «вечнозеленой валюты» неизбежно скажется на экономике Штатов, и Вашингтон всеми силами готов препятствовать такому развитию событий. Однако если маленькую Ливию удалось отговорить от попытки отказаться от доллара и установить золотой динар в 2011 г., не факт, что подобный сценарий применим к наращивающему свою мощь Китаю. Пекин заинтересован в том, чтобы юань стал третьей резервной валютой мира (вслед за долларом и евро). Двигаясь по пути дедолларизации, Россия и Китай заключили в 2019 г. соглашение о переходе во взаиморасчетах на национальные валюты [Доллар исключен... 2019].

7. США теряют технологическое преимущество. Так, Россия опередила другие страны в создании гиперзвукового оружия, а Китай первым создал технологию 5 G.

8. США пытаются распространить действие своего законодательства на другие страны. Однако не все государства готовы подпадать под юрисдикцию американских судов. К числу стран, не готовых подчиняться решениям заокеанской Фемиды, относятся и Китай, и Россия. В связи с этим символично, что именно сейчас обсуждаются предложенные Президентом России В. Путиным поправки в наш Основной закон. В озвученном контексте представляет интерес предложение убрать из Конституции России п. 4 ст. 15, в котором говорится о включении в правовую систему неких «общепризнанных принципов и норм международного права» и даже о примате их над внутренним законодательством, поскольку при существующем контроле над глобальными СМИ формула «общепризнанные» может восприниматься как «признанные Штатами».

9. США в мировых вопросах, будь то экономика, политика или климат, часто занимают деструктивную позицию, которая ущемляет интересы других стран. Так, действуя по принципу «Америка превыше всего», Д. Трамп заявил о выходе США из Парижского соглашения по климату, тогда как именно США производят наибольшую массу выбросов парниковых газов в атмосферу планеты.

10. США уже не в состоянии заплатить или аннулировать свои долги Китаю – речь может идти о прямом конфликте. Возможно, именно эта сторона вопроса перевесит все другие причины, ведь, как известно, «война все спешет». Опасность развивающейся ситуации в том, что современная наука

способна подготовить новейшие формы нападения, будь то хакерская атака или заражение населения страны-противника вирусом. Человечество может и не осознать, что первый выстрел этой необъявленной войны уже прозвучал.

11. Убийство Касема Сулеймани 3 января 2020 г., осуществленное без какого-либо информационного прикрытия, показало, что США исповедуют в международных отношениях политику «государственного терроризма». Всему миру стало ясно, что Соединенные Штаты не будут придерживаться норм международного права и даже минимальных правил приличия.

Таким образом, перечисленных факторов уже достаточно, чтобы понять, что США не готовы смириться с падением своего влияния в мире. Поскольку рост экономической мощи и политического влияния Поднебесной угрожает национальным интересам США (во всяком случае, так понимают ситуацию в Вашингтоне), реальная конфронтация видится неизбежной. Подбор средств нападения и сдерживания происходит независимо от того, что произносится публично, о чем заявляют политики и пишут политологи. Сейчас где-то в тиши кабинетов происходит мучительный выбор «где и когда» состоится решающее сражение. Впереди будут и тактические отступления, и похлопывания по плечу, и совместные культурные программы. США будут заявлять о своей исторической миссии продвижения демократии и защиты свободы. В свою очередь, лидеры Китая подтвердят курс на мирное развитие экономики и сотрудничество со всеми желающими торговать. Однако приоритет национальных интересов над соображениями коллективного строительства мира, безопасного и комфортного для всех, довлеет над ситуацией и, по пессимистическим оценкам, уже не позволяет избежать грядущей битвы гигантов. Лозунги «Америка превыше всего» или «Китай превыше всего» ведут к войне. К миру могли бы привести лозунги «Человечество превыше Америки» и «Человечество превыше Китая». Но способны ли две сверхдержавы отказаться от эгоистичных путей развития в пользу общемирового спасения?

Было бы неправильным воспринимать это движение к войне только «достижением» политики США. Китай также идет навстречу сражению исходя из логики поступательного развития.

Рассмотрим некоторые встречные «пунктирные линии», из-за которых Китай также движется к реальному конфликту с США в XXI в.

1. Период, когда Китай мог развиваться, не затрагивая серьезно интересы США, завершен. Рынки поделены, всякое расширение одной стороны влечет проигрыш другой. Это показала и «первая фаза» торговой сделки. Движение вперед, когда одна сторона приобретает выгоды, а другая при этом хотя бы ничего не теряет, стало невозможным.

2. Значительно выросла военная мощь КНР. Нарастают компоненты ядерной триады. Согласно докладу Пентагона, в июне 2019 г. успешно испытана новейшая баллистическая ракета подводного базирования JL-3 (SLBM)

с радиусом действия до 9000 км. Китай обладает баллистическими ракетами средней дальности от 80 до 160 (в 2018 г. соответствующий сегмент оценивался от 16 до 30 ракет), включая ядерные ракеты DF-26 с радиусом действия 4000 км, которые были впервые введены в эксплуатацию в 2016 г. [Sanders-Zakre, Davenport 2019]. На параде Вооруженных сил КНР 1 октября 2019 г. Китай показал гиперзвуковые баллистические ракеты «Dongfeng-17», тем самым заявляя о своем лидерстве в этой отрасли. Строится современный флот. Китай уже создает авианосные группы, способные защищать морские коммуникации в регионе. За последние 20 лет расходы на оборону увеличились почти в 18 раз – с 10 млрд долл. до 177,6 млрд долл. В 2019 г. только Штаты превосходят КНР по размеру военных расходов. При этом следует учитывать, что реальные расходы могут быть значительно выше опубликованных, поскольку частично скрыты по гражданским статьям [Olsen 2019]. Шесть авианосцев, на каждом из которых размещено 20 истребителей-невидимок J-20, – таковы ближайшие планы на постройку флота в дополнение к уже имеющимся кораблям [Ахе 2019].

КНР наращивает силу не только в обычном оружии, но и находится среди лидеров в разработке и производстве новейших видов. Это позволяет Пекину более жестко и принципиально заявлять о собственных национальных интересах.

3. Китай осуществил технологический рывок. Зависимость от американских технологий падает. Китай проектирует собственный гражданский самолет. Опережает в технологии 5 G. В качестве платы за доступ к своему рынку КНР перенимает западные технологии и считает это вполне справедливым [Wei, Davis 2018].

4. Поднебесная вышла на передовые рубежи в ряде отраслей экономики, опережая США.

5. Пекин способен мобилизовать общество в случае эскалации конфликта с США. При этом консолидация внутри Поднебесной может сопровождаться и массовой поддержкой исторической родины со стороны китайской диаспоры в США.

6. Китай проводит глобальные инфраструктурные проекты вне подчинения и сферы контроля США.

7. Растет национальное самосознание китайцев, которые больше не готовы терпеть унижения со стороны «белых партнеров».

8. Огромный торговый трафик, тесный симбиоз в экономике привел к тому, что Пекин ощущает не только зависимость от США, но и собственное влияние на Штаты. В результате у китайцев имеются все основания требовать уважения к себе и своим национальным интересам.

9. Китай не согласен с диктатом США в международных судах и организациях и будет требовать изменения правил игры. Если же исправить ситуацию будет невозможно, Китай может начать создавать параллельные структуры.

10. Пекин винит США во вмешательстве во внутренние дела, военной накачке Тайваня, дестабилизации Гонконга и Синьцзяна. В отличие от мифической «руки Москвы» в выборах президента США Китай вполне способен реально включить имеющиеся у него рычаги в деструктивные действия ответного плана.

11. Китай готов взять под контроль судоходство в Южно-Китайском море и защищать свои морские коммуникации всей мощью своего ВМФ.

12. В связи с повышением благосостояния китайцев растет емкость внутреннего рынка, в результате зависимость от экспорта товаров в США будет снижаться. В результате возрастет свобода маневра в отношениях и возможность проведения более жесткой позиции по принципиальным вопросам.

Таким образом, Китай также движется к конфликту с США по объективным и субъективным причинам. Предыдущая китайская внешняя политика по «умиротворению агрессора» являлась лишь тактической уступкой и выигрыванием времени на модернизацию и подготовку к фазе реальной борьбы. Психологическая разница между идейными установками КНР и США в будущем конфликте представляется следующим образом: если Штаты будут бороться за мировое господство и свою главенствующую роль в мире, то КНР будут сражаться за собственное выживание перед лицом опасного и беспощадного противника.

Эксперты все чаще вспоминают «ловушку Фукидида»: *мощь Афин росла, и Спарта начала беспокоиться* [Farley 2019]. Что же беспокоит аналитиков в США? Если в 1980 г. ВВП КНР составлял 10% от ВВП США, измеряемого по паритету покупательной способности, 7% ВВП по текущему курсу доллара США и 6% его экспорта, то к 2014 г. эти цифры составляли 101% ВВП, 60% по курсу доллара США и 106% экспорта. Запасы Китая сегодня в 28 раз больше, чем у Америки. И все это произошло на глазах у одного поколения. Американские политологи и экономисты в панике, поскольку лидерство США оказалось под угрозой [Olsen 2019]. Претворение в жизнь судьбоносных планов модернизации страны, озвученных на XIX Всекитайском съезде компартии, представляет угрозу национальным интересам Соединенных Штатов, не готовых мириться с укреплением соперника.

В США считают, что если в общемировом масштабе они сильнее Китая, то в своем регионе, а под таковым подразумевается не только Южно-Китайское море, но и вся Юго-Восточная Азия, конкурировать с Поднебесной все сложнее [Wei, Davis 2018]. В поисках противовеса растущему Китаю в Индийском океане Штаты одно время пытались поставить на Индию, создавая с ней так называемый «стратегический диалог» [Межгосударственные отно-

шения... 2015]. Однако обострение отношений между Китаем и США поставило Индию перед выбором – дружить с обеими сторонами уже не получится [Косырев 2019].

Поскольку петля конфликта затягивается, имеет смысл хотя бы в общих чертах задуматься, когда именно вероятна кульминация в противостоянии.

Несмотря на резкую антикитайскую полемику Трампа, после капитуляции Пекина в торговой войне дальнейшее обострение конфликта в период до 2024 г. представляется маловероятным. Все-таки Дональд Трамп ни одной «горячей» войны еще не начал, и судя по его риторике и действиям, подчас хаотичным, он будет продолжать колебание вокруг оси торговых и таможенных войн. После Трампа существует вероятность того, что внутренние распри в США приведут к смене президента по «майданным технологиям», опробованным на Украине в 2014 г.

После «времени хаоса» предполагается приход «сильной руки», наводящей порядок. Именно в этот период возможно наиболее острое противостояние с КНР, поскольку концентрация жесткой власти в самих Штатах неизбежно приведет и к попыткам восстановления монополии на власть в мире. Произойдет это в 2066 г., как прописано в сценарии «Fallout», или раньше, предсказывать сложно – все зависит от того, насколько затянется «период хаоса» в «разъединенных» к тому времени Штатах. Не исключено, что обострение противоборства сверхдержав, с учетом того что обе страны обладают ядерным оружием, а значит – прямой обмен ударами не оставит победителей, будет протекать по сирийскому сценарию, когда военные базы могут быть атакованы беспилотниками, обе стороны будут догадываться, кто ими управляет, но официально будет считаться, что акцию проводят неизвестные боевики. Для нанесения сокрушительных ударов могут быть использованы хакерские атаки, новые губительные вирусы, климатические диверсии, еще не опробованные технологии двойного применения. Главное, что современное информационное общество позволяет атаковать анонимно и безнаказанно. Соблазн для правящих элит США сохранить статус-кво с помощью самых разнообразных средств, имеющих характер войны, но не приводящих к ядерным бомбардировкам, с продвижением новых научных разработок будет возрастать.

С другой стороны, Пекин намерен полностью модернизировать экономику до 2035 г., а к 2049 г. стать мировым лидером (что подтекстом звучит в решениях XIX съезда КПК под рубрикой «*стать государством с высоким развитием и уровнем доходов*»). Фактически вопрос, сформулированный в виде «успеет ли Китай модернизировать экономику?», в первоначальном варианте может звучать так: «*Успеет ли Китай модернизировать экономику до войны с США?*» [Успеет ли Китай... 2018].

Следовательно, чем позднее США перейдут от торговых и санкционных войн к войне локальной или полноценной, тем меньше у них шансов остановить Поднебесную. Как вариант, может быть использована марионеточная сила, которая будет атаковать КНР при поддержке США. Будет ли это движение называться «армия освобождения Тибета», «захвати Гонконг» или «свободу Синьцзяну», покажет время. Также не исключен встречный вариант, когда при ослаблении центральной власти в Вашингтоне Китай попытается вернуть находящийся под протекторатом США Тайвань. Так или иначе, системные причины, ведущие две страны к войне, сами по себе не исчезнут. В XXI в. прямой конфликт США и Китая обретает новые контуры.

Чтобы представить себе остроту проблемы, стоит отметить ряд фоновых факторов, также влияющих на скорость обострения конфликта.

1. В XXI в. усиливается конкуренция и борьба за ресурсы планеты. При этом ресурсами являются не только минерально-сырьевые (нефть, газ, лес и т.д.), но и транспортные коммуникации (Северный морской путь, «Морской шелковый путь XXI века»), доступ к информации, чистый воздух, экологически и генетически чистое продовольствие, пресная вода и др. Отсутствие справедливого регулирования в распределении ресурсов ведет к войне. Интересы США и Китая в этом процессе диаметрально противоположны.

2. Появились новые площадки для столкновения, где нет никаких правил и договоренностей, например Интернет. От урегулирования проблемы на международном уровне страны, и в первую очередь США, продолжают уклоняться. Китай также вынужден защищаться в этих виртуальных сражениях. Эскалация напряженности в Сети влияет на общую атмосферу международного общения.

3. Гонка вооружений в новейших областях бесконтрольна. Отсутствие гарантий безопасности заставляет ради сохранения суверенитета идти на беспрецедентные меры (например, Северная Корея вынуждена вооружаться, несмотря на падение уровня жизни населения). Новые технологии в области вооружений ведут к тому, что любой локальный конфликт может вести к глобальным последствиям.

4. Международное право не действует. В результате деструктивной политики США нарастает хаос в мировых делах. Организация Объединенных Наций в глубоком кризисе, поскольку страны-основательницы уже не способны поддерживать мировой порядок. И хотя Президент России В. Путин обратился к постоянным членам Совета Безопасности ООН с предложением организовать встречу для оздоровления международной обстановки, англосаксонские партнеры (США и Великобритания) не спешат позитивно откликнуться на этот призыв [Бовдунов, Комарова 2020]. Культ «силы» в международных отношениях, вызванный действиями США и других стран Запада, также ведет к войне.

5. Глобальные проблемы, стоящие перед человечеством, решать некому, поскольку национальный эгоизм ведущих стран мира ведет к общему упадку цивилизации.

Конфликт между США и Китаем имеет системный характер. По своему разрушительному потенциалу в стратегической перспективе он способен превзойти конфликт между США и Россией. Это противостояние обусловлено комплексом неразрешимых на современном этапе развития противоречий – экономических, политических, идеологических и даже субъективных, т.е. основанных на личном восприятии ситуации лидерами элит и руководимыми ими народами. Каждая из стран имеет собственные установки на оттягивание или приближение развязки. В результате нарастания напряженности между Китаем и США вероятность реализации одного из сценариев массированного конфликта, наподобие описанного создателями упомянутой игры «Fallout», продолжает увеличиваться. Экспертное сообщество все чаще задается вопросом не о том, будет ли война между Китаем и США, а о том, когда состоится неизбежная «битва за Анкоридж».

Библиография

Американского посла вызвали в МИД Китая // Война и мир. 2018. 09 янв. URL: <https://www.warandpeace.ru/ru/news/view/135809/> (дата обращения: 19.01.2020).

Бовдунов А., Комарова Е. «Прорывная инициатива»: как предложенный Путиным саммит постоянных членов СБ ООН может повлиять на ситуацию в мире // RT на русском. 2020. 25 янв. URL: <https://russian.rt.com/world/article/711355-putin-sovbez-oon-sammit-reakciya> (дата обращения: 11.02.2020).

Доллар исключен из расчетов между Россией и Китаем // EurAsiaDaily. 2019. 28 июня. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/06/28/dollar-isklyuchyon-iz-raschyotov-mezhdu-rossiye-i-kitaem> (дата обращения: 11.02.2020).

Косырев Д. Не быть съеденной гигантами: Индия хотела дружить с США и Китаем. Не вышло // РИА Новости. 2019. 16 июля. URL: <https://ria.ru/20190716/1556569337.html> (дата обращения: 19.01.2020).

Межгосударственные отношения США и Индии // РИА Новости. 2015. 25 янв. URL: <https://ria.ru/20150125/1043979115.html> (дата обращения: 19.01.2020).

Сидорчик А. Ответил за Huawei? Китай арестовал экс-дипломата Канады // Аргументы и факты. 2018. 12 дек. URL: https://aif.ru/politics/world/otvetil_za_huawei_kitay_arestoval_eks-diplomata_kanady (дата обращения: 19.01.2020).

Суслов Д. Почему победить Трампа в 2020-м будет непросто // Независимая. 2019. 29 июля. URL: https://yandex.ru/turbo/s/ng.ru/kartblansh/2019-07-29/3_7635_kartblansh.html (дата обращения: 19.01.2020).

Трампа добился рекордной ненависти к США // Взгляд. Рамблер / Новости. 2018. 19 янв. URL: <https://news.rambler.ru/world/38933109-tramp-dobilysya-rekordnoy-nenavisti-k-ssha/> (дата обращения: 10.02.2020).

Трампа заявил о возможном выходе США из ВТО // РИА Новости. 2018. 31 авг. URL: <https://ria.ru/20180831/1527553332.html> (дата обращения: 19.01.2020).

Успеет ли Китай модернизировать экономику? // ВЕСТИ. ru. 2018. 16 февр. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2988059&cid=6> (дата обращения: 19.01.2020).

Axe D. China Wants a 6 Carrier Navy with J-20 Stealth Fighters // The National Interest. 2019. 09 Okt. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/china-wants-6-carrier-navy-j-20-stealth-fighters-86746> (дата обращения: 19.01.2020).

Farley R. A 2030 War Between America and China Would Shake the World // The National Interest. 2019. 06 Sept. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/2030-war-between-america-and-china-would-shake-world-78771> (дата обращения: 19.01.2020).

Maza C.U.S. – China military conflict in south china sea would be Washington's fault, Chinese expert claims // Newsweek. 2019. 09 Jan. URL: <https://www.newsweek.com/us-china-military-conflict-south-sea-1285521> (дата обращения: 22.02.2020).

Olsen K. China's defense spending is growing more slowly. But that doesn't mean military tensions are easing // CNBS 2019. 05 May. URL: <https://www.cnbcs.com/2019/03/05/china-defense-budget-slowng-growth-in-2019-military-spending.html> (дата обращения: 19.01.2020).

Sanders-Zakre A., Davenport K. Pentagon Warns of Chinese Nuclear Strength // Arms Control Association July. 2019. July / August. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2019-07/news/pentagon-warns-chinese-nuclear-strength> (дата обращения: 22.01.2020).

Swanson A., Stevenson A., Smialek J. China's Currency Moves Escalate Trade War, Rattling Markets // The New York Times. 2019. 05 Aug. URL: <https://www.nytimes.com/2019/08/05/business/economy/us-china-yuan-renminbi-trump.html> (дата обращения: 19.01.2020).

Trump acquitted by Senate in impeachment trial // BBS News. 2020. 06 Feb. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-51394383> (дата обращения: 22.02.2020).

Wei L., Davis B. How China systematically pries technology from U.S. companies // The Wall Street Journal. 2018. 26 Sept. URL: <https://www.wsj.com/articles/how-china-systematically-pries-technology-from-u-s-companies-1537972066> (дата обращения: 22.01.2020).

References

Amerikanskogo posla vy'zvali v MID Kitaya [The American ambassador was summoned to the Ministry of Foreign Affairs of China]. War and Peace. 2018. Jan. 09. URL: <https://www.warand-peace.ru/ru/news/view/135809/> (date of access: 01.19.2020). (In Russ.)

Axe D. China Wants a 6 Carrier Navy with J-20 Stealth Fighters. The National Interest. 2019. 09 Okt. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/china-wants-6-carrier-navy-j-20-stealth-fighters-86746> (date of access: 19.01.2020).

Bovdunov A., Komarova E. «Prory`vnayainiciativa»: kak predlozhenny `jPutiny`m sammit postoyanny`x chlenov SB OON mozhet povliyat` na situaciyu v mire [«Breakthrough initiative»: how Putin's summit of permanent members of the UN Security Council proposed by Putin can affect the situation in the world]. RT in Russian 2020. Jan. 25. URL: <https://russian.rt.com/world/article/711355-putin-sovbez-oon-sammit-reakciya> (date of access: 02.11.2020). (In Russ.)

Dollar isklyuchyon iz raschyotov mezhdru Rossiej i Kitaem [The dollar is excluded from the calculations between Russia and China]. EurAsia Daily. 2019. June 28. URL: <https://eadaily.com/en/news/2019/06/28/dollar-isklyuchyon-iz-raschyotov-mezhdru-rossiey-i-kitaem> (date of access: 11.02.2020). (In Russ.)

Farley R. A 2030 War Between America and China Would Shake the World // The National Interest. 2019. 06 Sept. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/2030-war-between-america-and-china-would-shake-world-78771> (date of access: 19.01.2020).

Kosy`rev D. Ne by`t` s`edennoj gigantami: Indiya xotela družhit` s SSHa i Kitaem. Ne vy`shlo [Not to be eaten by giants: India wanted to be friends with the USA and China. It did not work out]. RIA Novosti. 2019. July 16. URL: <https://ria.ru/20190716/1556569337.html> (date of access: 01.19.2020). (In Russ.)

Maza C.U.S. – China military conflict in south china sea would be Washington's fault, Chinese expert claims // Newsweek. 2019. 09 JAN. URL: <https://www.newsweek.com/us-china-military-conflict-south-sea-1285521> (date of access: 22.02.2020).

Mezhgosudarstvenny'e otnosheniya SShA I Indii [Interstate relations of the USA and India]. RIA Novosti. 2015. Jan 25. URL: <https://ria.ru/20150125/1043979115.html> (date of access: 01.19.2020). (In Russ.)

Olsen K. China's defense spending is growing more slowly. But that doesn't mean military tensions are easing // CNBS 2019. 05 May. URL: <https://www.cnn.com/2019/03/05/china-defense-budget-slowing-growth-in-2019-military-spending.html> (date of access: 19.01.2020).

Sanders-Zakre A., Davenport K. Pentagon Warns of Chinese Nuclear Strength // Arms Control Association July. 2019. July / August. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2019-07/news/pentagon-warns-chinese-nuclear-strength> (date of access: 22.01.2020).

Sidorchik A. Otvetil za Huawei? Kitaj arestoval e'ks-diplomata Kanady' [Answered for Huawei? China arrested ex-diplomat of Canada]. Arguments and Facts. 2018. Dec 12. URL: https://aif.ru/politics/world/otvetil_za_huawei_kitaj_arestoval_eks-diplomata_kanady (date of access: 01.19.2020). (In Russ.)

Suslov D. Pochemu pobedit' Trampa v 2020-m budet neprosto [Suslov D. Why defeating Trump in 2020 will not be easy]. Independent. 2019. July 29. URL: https://yandex.ru/turbo/s/ng.ru/kartblansh/2019-07-29/3_7635_kartblansh.html (date of access: 01.19.2020). (In Russ.)

Swanson A., Stevenson A., Smialek J. China's Currency Moves Escalate Trade War, Rattling Markets // The New York Times. 2019. 05 Aug. URL: <https://www.nytimes.com/2019/08/05/business/economy/us-china-yuan-renminbi-trump.html> (date of access: 19.01.2020).

Trump dobilsya rekordno jnenavisti k SShA [Trump has achieved record hatred of the United States]. Business newspaper «Vzglyad». Rambler / News. 2018. Jan. 19. URL: <https://news.rambler.ru/world/38933109-trump-dobilsya-rekordnoy-nenavisti-k-ssha/> (date of access: 10.02.2020). (In Russ.)

Trump zayavil o vozmozhnom vy'xode SShA iz VTO [Trump announced the possible US withdrawal from the WTO]. RIA Novosti. 2018. Aug. 31. URL: <https://ria.ru/20180831/1527553332.html> (date of access: 01.19.2020). (In Russ.)

Trump acquitted by Senate in impeachment trial // BBS News. 2020. 06 Feb. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-51394383> (date of access: 22.02.2020).

Uspeet li Kitaj modernizirovat' e'konomiku? [Will China manage to modernize the economy?]. VESTI. ru. 2018. Feb. 16. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2988059&cid=6> (date of access: 01.19.2020). (In Russ.)

Wei L., Davis B. How China systematically pries technology from U.S. companies. The Wall Street Journal. 2018. 26 Sept. URL: <https://www.wsj.com/articles/how-china-systematically-pries-technology-from-u-s-companies-1537972066> (date of access: 22.01.2020).

Т.А. Даниелова

**ПОДХОДЫ АДМИНИСТРАЦИИ БАРАКА ОБАМЫ
К СОЗДАНИЮ АРХИТЕКТУРЫ ПРО В СТРАНАХ
ВЫШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ В 2009–2013 гг.**

***Аннотация.** В статье рассматривается роль военно-политического сотрудничества в выстраивании отношений между странами Вышеградской группы и США в период правления администрации президента Барака Обамы (2009–2013). Проанализирован механизм возникновения и реализации основополагающих решений США по отношению к странам Вышеградской группы в оборонной сфере с момента ее зарождения в 1991 г. Основное внимание направлено не только на двустороннее взаимодействие стран «четверки» с США и НАТО, но и на отношение Вышеградской группы как целостной региональной системы к участию в европейском сегменте ПРО. Одновременно автором предпринимается попытка оценить стратегическое положение России в регионе Центральной Европы в 2009–2013 гг. на фоне включения этого региона в систему евроатлантической безопасности и европейской интеграции. Основной вывод состоит в том, что ЕвроПРО стала камнем преткновения для налаживания эффективного сотрудничества внутри Вышеградской группы ввиду значительных расхождений интересов в этом вопросе между государствами-членами.*

Автором используются следующие научно-исследовательские методы: сравнительно-исторический – для рассмотрения вариативности подходов каждого члена Вышеградской группы к системе ПРО; проблемно-хронологический – для описания в динамике наиболее важных событий. Исследование построено на изучении документов НАТО, внутреннего законодательства США в оборонной сфере, программных документов Вышеградской группы, выступлений российских и западных политических деятелей, текстах СМИ.

***Ключевые слова:** Вышеградская группа; ЕвроПРО; фазированный адаптивный подход; Венгрия; Польша; Словакия; США; Чехия; Барак Обама; НАТО; Восточная Европа; Центральная Европа; военно-политическое сотрудничество.*

Даниелова Татьяна Александровна – аспирантка
кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики
Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ),
Россия, Москва. E-mail: t.danielova@mail.ru
Scopus Author ID: 0000-0001-8546-3386;
Web of Science Researcher ID: AAU-2937-2020

Danielova T.A. The B. Obama Administration's Approaches to Creating BMD Architecture in the Visegrad Group Countries (2009–2013)

Abstract. *The article discusses the military-political cooperation between the Visegrad Group countries and the United States during the Barack Obama presidency (2009–2013). Analyzing the implementation mechanisms of basic US decisions in the military sphere towards the Visegrad group countries (from the date of its establishment in 1991), the text focuses on the participation of this group in the European segment of the NATO missile defence. At the same time, the author attempts to assess Russia's strategic position in Central Europe as a region that constitutes part of the Euro-Atlantic security and European integration. The general conclusion of the article is that the European missile defence has become a stumbling block to effective co-operation between the members of the Visegrad group, owing to the vast differences in their respective positions in this area.*

The paper draws on NATO documents, US domestic military legislation, official documents of the Visegrad Group, speeches by Russian and Western politicians, and mass media texts.

Keywords: *Visegrad group; EPAA; phased adaptive approach; the Czech Republic; Hungary; Poland; Slovakia; USA; B. Obama; NATO; Eastern Europe; Central Europe; military-political cooperation.*

Danielova Tatiana Alexandrovna – Postgraduate Student
of the Department of Area Studies and Foreign Policy,
Russian State University for the Humanities (RSUH),
Russia, Moscow. E-mail: t.danielova@mail.ru
Scopus Author ID: 0000-0001-8546-3386;
Web of Science Researcher ID: AAU-2937-2020

Влияние США на политику стран Центральной и Юго-Восточной Европы сформировалось еще в период существования Ялтинско-Потсдамской системы, деятельности Совета экономической взаимопомощи (СЭВ – 1949–1991) и Организации Варшавского договора (ОВД – 1955–1991). Риски¹ распространения их на советскую зону влияния были определены стремлением Вашингтона к разладу в отношениях между СССР и его союзниками по Варшавскому договору, расколу Восточного блока, постепенному вытеснению правящих партий и содействию приходу к власти продемократических сил [Полынов 2011, с. 111]. Одним из катализаторов американской политики

1. В российских концептуальных документах, в том числе рассматривающих доктрины внешней политики и безопасности, принято различать понятия «угрозы», «вызовы» и «риски». Их иерархия определяется степенью опасности для государства, исходящей от того или иного источника напряженности, а также возможных последствий для национальных интересов. В этом терминологическом ряду наименьшим кризисным потенциалом характеризуются «риски», наибольшим – «угрозы» [Романенко, Трухачев 2014, с. 111–112].

давления в этом регионе стало заявление М.С. Горбачёва на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 7 декабря 1988 г. о сокращении Вооруженных сил СССР на 500 тыс. человек в одностороннем порядке, а также о намерении вывести к 1991 г. и расформировать шесть советских танковых дивизий в ГДР, Чехословакии и Венгрии [Выступление М.С. Горбачёва 1998].

В результате волны антикоммунистических революций, прокатившейся в 1989 г. в странах Центральной Европы, на европейском континенте четко обозначились существенные геополитические перемены. В Польше, Венгрии и Чехословакии трансформационный процесс протекал в виде «бархатных» революций, приблизивших к финалу период политико-идеологической разрозненности в Европе.

После образования в 1991 г. Вышеградской группы и самороспуска СЭВ и ОВД наметился поворот к «натоизации» военно-политического пространства Восточной и Центральной Европы. Отправной точкой процесса стала прошедшая сессия НАТО 6–7 июня 1991 г. в Копенгагене. В принятой Североатлантическим альянсом декларации о партнерстве с этими регионами говорилось о том, что участники НАТО готовы всеми доступными средствами поддерживать в них демократические реформы и прилагать усилия для создания конкурентоспособной, основанной на рыночных принципах экономики [Statement issued 1991]. Альянс принял также решение об интенсификации военного сотрудничества и привлечении военного состава стран Восточной и Центральной Европы к обсуждению с верховным командованием НАТО вопросов, представляющих взаимный интерес [Statement issued 1991]. В итоге 12 марта 1999 г. Польша, Венгрия, Чехия, а 24 марта 2004 г. и Словакия были приняты в НАТО.

Решение о создании национальной системы противоракетной обороны США (НПРО США) связывается с личностью президента-республиканца Дж. Буша-младшего и односторонним выходом США в 2001 г. из договора по ПРО 1972 г., а также прилагающегося к нему Протокола об ограничении систем противоракетной обороны 1974 г.² С приходом Дж. Буша-младшего

2. Согласно условиям Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО), странам-подписантам запрещалось развертывание компонентов ПРО морского, воздушного, космического и мобильно-наземного базирования на своей территории, а для разрешенных систем устанавливались качественные и количественные ограничения [Договор между СССР и США об ограничении систем ПРО 1972]. НПРО США (National Missile Defense / NMD) представляет собой комплекс сил стратегического назначения и средств, способных нивелировать ракетно-ядерный удар враждебного государства. Известно, что США вели разработки по созданию ПРО с конца 40-х годов. За прошедшее время в этой области были реализованы следующие проекты: «Сентинел / Sentinel» (с 1967 г.), «Сейфгард / Safeguard» (начало 70-х годов), программы СОИ (март 1983 г.) и Евро-СОИ, 1966–1999 гг. [Захаров, Зиневич, Мальцев 2009, с. 77–78].

обозначилась тенденция к развертыванию ПРО за рубежом. Задумывалось, что элементы ПРО должны были осуществлять защиту вооруженных сил и гражданского населения всех государств НАТО. До этого система носила внутригосударственный характер.

Действия США по выходу из договора по ПРО тотчас подверглись критике в международном сообществе. Свою обеспокоенность выразили правительства Китая, Индии, Белоруссии, Японии, а также Генеральный секретарь ООН К. Аннан, председатель Европарламента Н. Фонтэн и др. [Ядерная Россия сегодня 2001].

В рамках возведения европейского компонента НПРО предполагалось, что в Чехии в соответствии с чешско-американскими соглашениями, подписанными в 2008 г., разместится радиолокационная станция типа EMR в поселке Брдив в 90 км от Праги. В Польше исходя из планов Белого дома до 2012 г. в Поморском воеводстве в местечке Редзиково (в 130 км от Гданьска) предполагалось разместить десять противоракет и американский гарнизон, состоящий из 110 человек. Также США планировали оказать помощь в модернизации польских Вооруженных сил, в частности предоставить перебазированную из Германии батарею зенитно-ракетных комплексов «Пэтриот» РАС-3 [Hildreth 2008, p. 9].

С избранием на пост президента США Б. Обамы в 2009 г. было объявлено о корректировке американской политики в области ПРО, т.е. о ликвидации плана строительства «третьего позиционного района» и замене его фазированным адаптивным подходом к европейской ПРО (ЕвроПРО). Новый подход американская администрация воспринимала как часть стратегии сдерживания и наглядное подтверждение положений 5-й ст. устава НАТО, касающихся ее союзнических обязательств в Европе [Ballistic Missile 2010]. В декабре 2009 г. министры иностранных дел стран НАТО поддержали данный подход, заявив, что он способствует усилению роли Альянса в противоборонной сфере на европейском континенте [Ballistic Missile 2010].

С точки зрения обеспечения американской национальной безопасности в основополагающих источниках республиканской администрации Дж. Буша-младшего и демократической администрации Б. Обамы наблюдалась преемственность. В обоих случаях США делали ставку на вооруженные силы и одностороннее военное превосходство в деле сохранения нового геополитического порядка в мире. Однако стратегии национальной безопасности Дж. Буша-младшего и Б. Обамы (2006 г. и 2010 г. – соответственно) содержали различные подходы к роли союзников и партнеров в укреплении мирового лидерства США и достижения ими выгодного баланса сил. Так, если в документе Дж. Буша-младшего подчеркивалась возможность односторонних действий в интересах США [The National security strategy 2006], то в основе доктрины Б. Обамы лежала идея многостороннего решения глобальных

проблем при лидерстве США [The National security strategy 2010]. Основными союзниками и партнерами выступали страны – члены НАТО и ЕС. Ни регионы Центральной и Восточной Европы, ни Вышеградская группа как самостоятельный актор на европейском политическом поле не выделялись во внешнеполитических документах США в качестве отдельных субъектов международного курса.

В программных документах и официальных заявлениях Вышеградской группы, напротив, сотрудничеству с США и НАТО отводилось главенствующее место. Лидеры «четверки» пропагандировали укрепление евроатлантических связей, в том числе за счет тесной стратегической взаимодополняемости между НАТО и ЕС [The Bratislava Declaration 2011]. Вместе с тем проблематика размещения американской системы ПРО в странах Вышеградской группы из-за расхождения позиций их политического руководства практически не затрагивалась во встречах и контактах на различных уровнях. В некоторых документах «четверки» изредка встречалась формулировка о возможностях расширения сотрудничества в этой сфере в будущем [Joint Statement 2013].

* * *

Программа ЕвроПРО администрации Б. Обамы включала четыре этапа возведения военной инфраструктуры сроком до 2020 г., в рамках которых предполагалось развертывание следующих объектов:

- 1) к 2011–2014 гг. – размещение радиолокационных станций (РЛС) в Турции и 24 эсминцев в Средиземном море, строительство базы ПРО в Румынии (Девеселу);
- 2) к 2015–2016 гг. – развертывание ракет SM-3 BlockIB в Румынии;
- 3) к 2018 г. – размещение ракет SM-3 BlockIIA в Польше;
- 4) к 2020 г. – оснащение европейских баз НАТО ракетами SM-3 BlockIIB (данный этап был отменен США в марте 2013 г.).

Таким образом, размещение противоракет в Польше переносилось на 2018 г., а строительство радара в Чехии замораживалось. Однако американская администрация продолжала декларировать, что оба указанных выше центральноевропейских государства по-прежнему играют важную роль в реализации адаптивного подхода к ПРО [Ballistic Missile 2010]. В ноябре 2009 г. Чехии было предложено возвести вместо радара центр раннего предупреждения, состоящий из двух компьютерных терминалов [U.S. Deputy Secretary 2011]. Прага ответила отказом, поскольку в этом случае ее роль сводилась бы к транслированию полученной информации, что отрицательно сказывалось на принятии ею решений. Наконец, в апреле 2011 г. прозвучало

заявление Праги о закрытии военного полигона в Брды, где планировалось строительство радаров ПРО.

Перспективы реализации третьей фазы проекта и размещения противоракет в Польше были подтверждены в 2013 г. госсекретарем США Джоном Керри. 19 июля на заседании Конгресса он одобрил план развертывания наземной части системы, представленный директором Агентства по вопросам противоракетной обороны Джеймсом Сырингом, и заявил, что в государственном бюджете для этих целей уже изысканы средства. Кроме того, Мартин Демпси, председатель Комитета начальников штабов США, направился в Польшу с визитом, в ходе которого заверил польских партнеров в неизменности решения о развертывании ракет ПРО.

Таким образом, Чехия была отстранена от участия в противоракетных планах администрации Барака Обамы, который посчитал более разумным перенести радар в другое место, нежели затрачивать усилия на проект, который не имел шансов получить одобрение в чешском парламенте. Польские правящие элиты, напротив, были намерены отстоять ратификацию договора о размещении американских объектов. Такая позиция позволила Польше закрепиться в статусе наиболее верного и стабильного союзника США в Центральной и Восточной Европе, поэтому в рамках пересмотренной концепции ПРО она получала ракеты SM-3. Это выводило ее в Североатлантическом альянсе в число стран с повышенной военно-стратегической значимостью.

Вместе с тем противоракетные планы руководящих элит в странах Вышеградской группы шли вразрез с мнением общественности, реакция которой сопровождала каждый шаг американской стороны в деле размещения оборонной системы. В Чехии успешно развернули деятельность различные социальные комитеты и организации, выступавшие против американского радара. Самые известные из них – «Лига старост против радара», «Нет насилию!» и «Бадам – нет». Социологические опросы неизменно фиксировали мощные протестные настроения. Так, против размещения радара выступали 60–70% граждан [Hildreth 2008, p. 11]. При этом некоторые чешские политики считали такое положение дел следствием всего-навсего плохой информированности населения об оборонной программе США.

В 2007 г. парламент Чехии обсуждал вопрос проведения государственного референдума о размещении РЛС. Сторонниками всенародного голосования выступали Коммунистическая партия Чехии и Моравии (KSCM) и Чешская социал-демократическая партия (CSSD). Однако за принятие закона о референдуме высказались только 76 депутатов из необходимых 120 [Чешский парламент 2007].

В Польше предварительные переговоры о развертывании системы начались в 2007 г. под влиянием национал-консервативной партии «Право и справедливость» (PiS) Ярослава Качиньского, которую традиционно отличала

внешнеполитическая проамериканская и антироссийская ориентация. В те годы решающую роль в определении внешнеполитического курса Польши взяли на себя братья-близнецы консерваторы Лех и Ярослав Качиньские, считавшие, что в отношениях с Россией ставку необходимо делать на консолидированную политику с США [Бухарин 2014, с. 51]. С точки зрения PiS установка элементов системы ПРО в Польше имела двойное значение: повышение безопасности страны и укрепление стратегического партнерства с США [PiS Dbamy o Polsce 2007, s. 53]. PiS позиционировала Польшу как активного и ответственного члена НАТО, выступала за усиление ее влияния в Альянсе. PiS выступала также за участие польских солдат в стабилизационных и боевых миссиях НАТО, в том числе в Ираке и Афганистане и признавала это участие одним из важнейших элементов укрепления национальной внешней политики на международной арене [PiS Dbamy o Polsce 2007, s. 49].

Нельзя не отметить антироссийский акцент политики партии. В ее программных документах содержались установки на создание быстрых и надежных перспектив членства в евроатлантических структурах для Закавказья и некоторых восточноевропейских стран – Украины, Молдавии и Белоруссии [PiS Dbamy o Polsce 2007, s. 53].

Представители небольших партий (например, «Лиги польских семей», «Самообороны Республики Польша») скептически относились к этим идеям и настаивали на необходимости проведения референдума, для того чтобы проект мог заручиться общественной поддержкой. В основе их контраргументации лежали опасения, связанные с угрозой террористических атак на размещенную систему, а также возможными последствиями для контактов с соседними государствами [США усиливают натиск... 2007].

В Польше, как и в Чехии, планы по строительству ПРО не нашли одобрения у широких слоев населения. Согласно данным различных польских институтов по изучению общественного мнения, число граждан, выступавших против размещения американских военных объектов, превышало 50% [Wagrowska 2008]. Учитывая высокий процент несогласных, польское правительство не решилось инициировать общенациональный референдум.

Две другие страны Вышеградской группы, Словакия и Венгрия, заняли более осторожную позицию в вопросе расширения сотрудничества в сфере противоракетной обороны.

Словацкое правительство во главе с социал-демократом Робертом Фицо выражало беспокойство по поводу безопасности страны, поскольку в случае конфликта последствия противодействия ракетам могли иметь катастрофический характер, ведь их сбитые элементы оказались бы на территории Словакии и других европейских стран. Роберт Фицо критически отнесся как к заявлению заместителя председателя Комитета начальников штабов Вооруженных сил США Э. Джамбастиани о возможности размещения ПРО на собственной

территории, так и к идее строительства противоракетных баз в Чехии и Польше. Эту позицию он подтвердил во время визита в Москву в мае 2007 г. Тем не менее как член НАТО Словакия вынуждена была признать ПРО интегральной частью оборонной системы НАТО [Marušiak 2013, p. 51].

В Венгрии правительство поначалу пошло на поводу у американской администрации. Предварительно было даже выбрано место возведения радара – возле города Печ в районе горы Тубеш. Планы строительства РЛС вызвали волну протестов со стороны местного населения, в связи с чем в Пече был назначен референдум. Несмотря на агитацию, проведенную среди жителей города местными властями, референдум провалился. В нем приняли участие лишь 32% граждан, при этом не менее 94% от числа пришедших проголосовали против строительства радара [В Венгрии построят радар 2007]. С того времени Венгрия не вела открытых переговоров с США по вопросу размещения на своей территории объектов ПРО.

Напоследок хотелось бы добавить несколько слов о значении новой архитектуры ПРО США для России. Проект фазированного адаптивного подхода был связан с изменением стиля переговорной стратегии Б. Обамы и поворотом к перезагрузке российско-американских отношений, основанной на вовлечении России в противоракетные планы Белого дома. Стремление к обоюдному сотрудничеству в этом направлении подтвердил министр обороны США Р. Гейтс, который проявил особую заинтересованность в проекте строительства российской РЛС в Армавире. Также в 2009 г. Генеральный секретарь НАТО А. Расмуссен впервые упомянул о возможности строительства совместной противоракетной системы России и НАТО. В обзорном докладе по противоракетной обороне 2010 г. Вашингтон подчеркивал, что намерен сделать Россию участником новой структуры сдерживания, направленной против возникающих угроз международной безопасности со стороны небольшого количества государств, стремящихся завладеть запрещенными видами оружия. В процессе подключения к новой структуре российские радары могли бы предоставлять данные своих систем слежений [Ballistic Missile 2010].

Однако изменение тона российско-американских дискуссий по ПРО не оказало никакого влияния на практическую сторону взаимодействия и идеологическое восприятие нашей страны. Вашингтон по-прежнему отказывался предоставить юридические гарантии ненаправленности ПРО против российских сил ядерного сдерживания, а в стратегии национальной безопасности от 2010 г. шла речь о новых источниках опасности для американцев, к которым были отнесены нарождающиеся региональные державы в лице Китая и России.

Выводы

В целом тема размещения ПРО стала одной из самых чувствительных во взаимоотношениях государств Вышеградского объединения в 2009–2013 гг. Она продемонстрировала неспособность участников договориться по одному из ключевых вопросов сотрудничества и повлияла на ослабление внутри-организационных связей. Необходимо подчеркнуть, что перспективы подключения к ПРО никогда не были предметом дискуссий на уровне всего вышеградского формата, Польша и Чехия вели переговоры и с Дж. Бушем-младшим, и с Б. Обамой только на двусторонней основе. Роль Вышеградской группы как диалоговой площадки оставалась нейтральной, она никак не способствовала обострению или сглаживанию разногласий. Присоединение к американской оборонной системе стало для Польши и Чехии способом демонстрации приверженности НАТО и США. Вместе с тем правительства двух других стран-членов, Венгрии и Словакии, подходили к этому вопросу с большей долей сознательности, они видели в элементах ПРО прямую угрозу национальной и общеевропейской безопасности.

Несмотря на заявления американских политиков об изменении противоракетных планов США и готовности к сотрудничеству и диалогу с Россией в данной сфере, противооборонный дискурс в Европе продолжил существовать скорее как дестабилизирующий, а не смягчающий фактор. В России и ряде европейских государств большей частью доминировал реалистичный подход к появлению систем ПРО, с которыми связывались опасения очередного витка гонки вооружений, нарушения стратегического баланса и международных договоров. Трения между странами Вышеградской группы показали, что такая политика Б. Обамы продолжила процесс создания разграничительных линий в Европе, усилила ощущение дискомфорта у стран Центральной и Юго-Восточной Европы и поставила их вновь перед выбором между США и Евросоюзом.

Библиография

Бухарин Н.И. Россия – Польша: опыт двадцатилетних отношений: 90-е годы XX века – первое десятилетие XXI века. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 204 с.

В Венгрии построят радар системы противоракетной обороны НАТО // Lenta.ru. 2007. 9 марта. URL: <http://lenta.ru/news/2007/03/09/hungary/> (дата обращения: 05.05.2019).

Выступление М.С. Горбачёва, Генерального Секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР на 72-м заседании ГА ООН (7 декабря 1998 г.) // ООН. Официальный сайт. 1998. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=6&ved=2ahUKEwim1Yapu4biAhVF14sKHZW5DtcQFjAFegQIARAC&url=https%3A%2F%2Fundocs.org%2Fpdf%3Fsymbol%3Dru%2FA%2F43%2FPV.72&usg=AOvVaw2RrPLivJqyH8zKsOkHC M38> (дата обращения: 06.05.2019).

Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны (Москва, 26 мая 1972 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных

СССР с иностранными государствами. Выпуск XXVIII: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1972 года. М.: Международные отношения, 1974. 300 с.

Захаров В., Зиневич Н., Мальцев В. Элементы ПРО в Польше и Чехии – шаг Вашингтона по созданию глобальной системы ПРО // *Обозреватель*. 2009. № 2 (229). С. 76–83.

Полынов М.Ф. «Доктрина Горбачёва» и уход СССР из Восточной Европы // *Новейшая история России*. 2011. № 2. С. 107–121.

Романенко С.А., Трухачев В.В. Типология переформатирования этнополитического пространства в регионах Средней Европы в конце XX – начале XXI в. // *Европейские сравнительно-исторические исследования*. Вып. 4. Восток на Западе, Запад на Востоке. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 83–112.

США усиливают натиск // *Вести Ru*. 2007. 30 янв. URL: <https://amp.vesti.ru/doc.html?id=115034> (дата обращения: 11.03.2020).

Чешский парламент решил не проводить референдум по вопросу о ПРО // *NEWSru.com*. 2007. 26 окт. URL: <http://www.newsru.com/world/26oct2007/bezreferenduma.html> (дата обращения: 05.05.2019).

Ядерная Россия сегодня // ПИР-Центр. 2001. 19 декабря. URL: <http://pircenter.org/static/yadernyj-kontrol-19-dekabrya-2001> (дата обращения: 10.03.2020).

Ballistic Missile Defense Review Report (February 2010) // U.S. Department of Defense. 2010. URL: https://archive.defense.gov/bmdr/docs/BMDR%20as%20of%2026JAN10%200630_for%20web.pdf (дата обращения: 04.05.2019).

Hildreth S., Ek C. Long-range ballistic missile defense in Europe // CRS report for Congress. Congressional research service. 2008. 27 p.

Joint statement of the V4 ministers of defence (Brussels) // Visegrad Group. Official Website. 2013. 4 June. URL: <http://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements/joint-statement-of-the> (дата обращения: 08.03.2020).

Marušiak J. Slovakia's Eastern policy – from the Trojan horse of Russia to «Eastern multivectoralism» // *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs* 2013. Vol. XXII. N 1–2. P. 42–70.

PiS Dbamy o Polske. Dbamy o Polaków. Program 2007, Warsaw: PiS, 2007. 71 s. URL: <http://www.piotrbabinetz.pl/pdf/programpis2007.pdf> (дата обращения: 08.03.2020).

Statement issued by the North Atlantic Council meeting in ministerial session in Copenhagen 6–7 June 1991 // North Atlantic Treaty Organization (NATO). Official Website. URL: <http://nato.int/docu/comm/49-95/c910607D.htm> (дата обращения: 03.05.2019).

The Bratislava Declaration of the Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on the occasion of the 20th anniversary of the Visegrad Group // Visegrad Group. Official Website. 2011. 15 Febr. URL: <http://www.visegradgroup.eu/2011/the-bratislava> (дата обращения: 08.03.2020).

The National security strategy (March 2006) // The White House. Official Website. 2006. 16 March. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/intro.html> (дата обращения: 07.03.2020).

The National security strategy 2010 // National Security Strategy Archive. URL: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2010/2/> (дата обращения: 07.03.2020).

U.S. Deputy Secretary of Defense Met with Minister Vondra // *Army Review*. 2011. N 1. P. 1. URL: http://www.mocr.army.cz/assets/multimedia-a-knihovna/casopisy/czech-army/areview1_2011.pdf (дата обращения: 05.05.2019).

Wagrowska M. Das Raketenabwehr-Programm aus polnischer Sicht // *Diskussionspapier der Konrad Adenauer Stiftung*. 2007. Aug. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_11771-544-1-30.pdf (дата обращения: 05.05.2019).

References

- Ballistic Missile Defense Review Report (February 2010). U.S. Department of Defense. 2010. URL: https://archive.defense.gov/bmdr/docs/BMDR%20as%20of%2026JAN10%200630_for%20web.pdf (date of access: 04.05.2019).
- Buxarin N.I. Rossiya – Pol'sha: opy't dvadczatiletnix otnoshenij: 90-e gody` XX veka – pervoe desyatiletie XXI veka [Russia – Poland: the experience of twenty years of relations: the 90s of the XX century – the first decade of the XXI century]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. 204 p. (In Russ.)
- Cheshskij parlament reshil ne provodit' referendum po voprosu o PRO [The Czech parliament decided not to hold a referendum on missile defense]. NEWSru.com. 2007. 26 Oct. URL: <http://www.newsru.com/world/26oct2007/bezreferenduma.html> (date of access: 05.05.2019). (In Russ.)
- Dogovor mezhdru SSSR and SShA ob ogranichenii sistem protivoraketnoj oborony` (Moskva, 26 maya 1972 g.) [The agreement between the USSR and the USA on the limitation of missile defense systems (Moscow, May 26, 1972)]. Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Issue XXVIII: Current treaties, agreements and conventions that entered into force between January 1 and December 31, 1972. Moscow: International Relations, 1974. 300 p. (In Russ.)
- Hildreth S., Ek C. Long-range ballistic missile defense in Europe. CRS report for Congress. Congressional research service. 2008. 27 p.
- Joint statement of the V4 ministers of defence (Brussels). Visegrad Group. Official Website. 2013. 4 June. URL: <http://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements/joint-statement-of-the> (date of access: 08.03.2020).
- Marušiak J. Slovakia's Eastern policy – from the Trojan horse of Russia to «Eastern multivectoralism». International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs 2013. Vol. XXII. No 1–2. P. 42–70.
- PiS Dbamy o Polsce. Dbamy o Polaków. Program 2007, Warsaw: PiS, 2007. 71 s. URL: <http://www.piotrbabinetz.pl/pdf/programpis2007.pdf> (date of access: 08.03.2020).
- Poly'nov M.F. «Doktrina Gorbacheva» i uxod SSSR iz Vostochnoj Evropy` [«The Gorbachev Doctrine» and the USSR's departure from Eastern Europe]. Recent History of Russia. 2011. No 2. S. 107–121. (In Russ.)
- Romanenko S.A., Truxachev V.V. Tipologiya pereformatirovaniya e'tnopoliticheskogo prostranstva v regionax Srednej Evropy` v konce XX – nachale XXI v. [Typology of reformatting the ethnopolitical space in the regions of Central Europe in the late XX – early XXI centuries]. European comparative historical research. Vol. 4. East in the West, West in the East. Moscow: IVI RAS, 2014. S. 83–112. (In Russ.)
- SShA usilivayut natisk [United States reinforce the onslaught]. Vesti Ru. 2007. 30 Jan. URL: <https://amp.vesti.ru/doc.html?id=115034> (date of access: 11.03.2020). (In Russ.)
- Statement issued by the North Atlantic Council meeting in ministerial session in Copenhagen 6–7 June 1991. North Atlantic Treaty Organization (NATO). Official Website. URL: <http://nato.int/docu/comm/49-95/c910607D.htm> (date of access: 03.05.2019).
- The Bratislava Declaration of the Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on the occasion of the 20th anniversary of the Visegrad Group. Visegrad Group. Official Website. 2011. 15 Febr. URL: <http://www.visegradgroup.eu/2011/the-bratislava> (date of access: 08.03.2020).
- The National security strategy (March 2006). The White House. Official Website. 2006. 16 March. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/intro.html> (date of access: 07.03.2020).

The National security strategy 2010. National Security Strategy Archive. URL: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2010/2/> (date of access: 07.03.2020).

U.S. Deputy Secretary of Defense Met with Minister Vondra. Army Review. 2011. No 1. P. 1. URL: http://www.mocr.army.cz/assets/multimedia-a-knihovna/casopisy/czech-army/areview1_2011.pdf (date of access: 05.05.2019).

Vy'stuplenie M.S. Gorbacheva, General'nogo Sekretarya CzK KPSS, Predsedatelya Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR na 72-m zasedanii GA OON (7 dekabrya 1998 g.) [Statement by Mr M.S. Gorbachev, Secretary General of the Central Committee of the CPSU, Chairman of the Presidium of the Supreme Council of the USSR at the 72 nd meeting of the UN General Assembly (December 7, 1998)]. UN. Official Website. 1998. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=6&ved=2ahUKEwim1Yapu4biAhVFI4sKHZW5DtcQFjAFegQIARAC&url=https%3A%2F%2Fundocs.org%2Fpdf%3Fsymbol%3Dru%2FA%2F43%2FPV.72&usg=AOvVaw2RrPLivJqyH8zKsOkHCM38> (date of access: 06.05.2019). (In Russ.)

Wagrowska M. Das Raketenabwehr-Programm aus polnischer Sicht. Diskussionspapier der Konrad Adenauer Stiftung. 2007. Aug. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_11771-544-1-30.pdf (date of access: 05.05.2019).

Yadernaya Rossiya segodnya [Nuclear Russia today]. PIR Center. 2001. Dec. 19. URL: <http://pircenter.org/static/yadernyj-kontrol-19-dekabrya-2001> (date of access: 10.03.2020). (In Russ.)

Zaxarov V., Zinevich N., Mal'cev V. E'lementy` PRO v Pol'she i Chexii – shag Vashingtona po sozdaniyu global'noj sistemy` PRO [Elements of missile defense in Poland and the Czech Republic – Washington's step to create a global missile defense system]. Obozrevatel`. 2009. No 2 (229). P. 76–83. (In Russ.)

Л.В. Ланник

**МИССИЯ ГЕЛЬФЕРИХА В МОСКВЕ:
ЗАБЫТАЯ ФЛУКТУАЦИЯ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
ЛЕТОМ 1918 г.**

Аннотация. Первый этап советско-германских отношений представлял собой постоянное балансирование на грани разрыва. Считается, что ближе всего к возобновлению войны Советская Россия и Германия подошли после убийства Мирбаха. Куда меньше внимания уделяется еще одному опасному кризису, связанному с деятельностью второго германского посла в Москве. Хотя его пребывание в Советской России оказалось очень недолгим (девять дней), за это время была предпринята попытка спровоцировать разрыв советско-германских отношений и вооруженное свержение власти большевиков. Резкое ухудшение положения Советской России на фронтах в эти же дни делали переориентацию германской политики на Востоке еще более вероятной. Благодаря упорному противодействию германского ведомства иностранных дел, продолжению переговоров в Берлине и резкому кризису в кампании на Западном фронте кризис окончился «лишь» отъездом германского посольства из Москвы. Склонная к военному решению проблем на Востоке германская Ставка оказалась неспособна использовать очередной повод для расширения зоны оккупации и устранения накопившихся конфликтов. Подготовку и подписание важнейшего Добавочного договора от 27 августа 1928 г. сторонникам свержения большевиков также сорвать не удалось. Миссия Гельфериха едва не спровоцировала резкий поворот в истории Восточной Европы, а возможно – и в истории всего мира. Рассмотрение этих событий помогает поставить историю Гражданской войны в России и германской политики на Востоке в 1918 г. в контекст финала Великой войны и последующего поражения Центральных держав со всеми его последствиями.

Ключевые слова: советско-германские отношения 1918 г.; Брестская система; Добавочный договор; К. Гельферих; П. фон Хинтце; Э. Людендорф; А. Иоффе; Г. граф Кесслер.

Ланник Леонтий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории (ИВИ) РАН, Россия, Москва. E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Scopus Author ID: 57211606261

Lannik L.V. The Helfferich Mission in Moscow: A Forgotten Episode in Soviet-German Relations in Summer 1918

Abstract. *The first stage of Soviet-German relations was a constant balancing on the verge of break. Historically it is been thought that Soviet Russia and Germany had come closest to resuming the war after the Mirbach assassination. Much less attention has been paid to another dangerous crisis caused by the activities of the second German ambassador in Moscow. Although his mission in Soviet Russia was very short (9 days), during that time an attempt was made to provoke both a breakdown in Soviet-German relations and an armed coup against the Bolshevik government. The sharp deterioration of the Soviet Russia's position on the fronts of Civil War in those days made the reorientation of German policy in the East even more likely. Only due to the persistent opposition to Helfferich in the German Foreign office, continuations of negotiations in Berlin and the sharp crisis in the campaign on the Western front, this crisis ended «simply» with the departure of the German Embassy from Moscow. The German Headquarters, which tended to choose military ways to solution of any problems in the East, had proved to be unable to use another occasion for expanding its occupation zone and addressing accrued conflicts. Equally, they did not succeed in thwarting the preparation and signing of a most important Supplementary Treaty of August 27. The Helfferich-mission had nearly provoked a sharp turn in the history of the Eastern Europe and, perhaps, in the history of the whole world. Examination of these events helps to put the Civil war in Russia as well as the German politics in the East of 1918 in the context of final stages of WWI and the consequent defeat of the Central Powers with all its consequences.*

Keywords: *Soviet-German relations in 1918; the Brest system; Supplementary Treaty 1918; K. Helfferich; P. von Hintze; E. Ludendorff; A. Ioffe; H. Count Kessler.*

Lannik Leontiy Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Senior Researcher, Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences (IWH RAS), Russia, Moscow.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Scopus Author ID: 57211606261

Не так давно исполнилось полвека канонической версии истории советско-германских отношений на первом их этапе. Созданные по обе стороны железного занавеса масштабные работы по истории событий 1918 г. вывели исследование вопросов, связанных с финалом Великой войны на Восточном фронте, на новый уровень, хотя и не могли не отражать политическую конъюнктуру 1960 – начала 1970-х годов. Последнее вполне осознавалось исследователями и до, и после распада социалистического лагеря, но на качественно иной этап своего развития историческая литература об отношениях между Берлином и Москвой в 1918 г. до сих пор так и не вышла. обстоятельный обзор историографии по тематике, смежной с избранным в данной статье эпизодом в истории советско-германских отношений, потребовал бы отдельного

монографического исследования. Подобные попытки предпринимаются, хотя и не носят исчерпывающего характера [Полтораки 2018]. Однако и без подробного анализа внушительного списка трудов можно констатировать, что до сих пор в России, Германии, на Украине, в Великобритании, США и в других странах исследований по истории мирных переговоров в Бресте в декабре 1917 – марте 1918 г. значительно больше, нежели работ об имплементации серии соглашений, достигнутых за этот период и в последующие месяцы по мере развития обстановки на Восточном фронте Великой войны. Ранее по политическим мотивам, а ныне благодаря преобладанию до сих пор в качестве «единственно верного» мнения о Бресте лишь как о «передышке», по-прежнему не предпринимается рассмотрение советско-германских отношений в 1918 г. в системном ключе. Основное содержание их по-прежнему не расценивается как сложный процесс имплементации Брестских договоров и оформления на их основе специфической системы международных отношений (для начала) в Восточной Европе [Ланник 2020, с. 33–70].

Хорошо известно, что российско-германские отношения и после подписания и ратификации Брестского мира, и даже после остановки основной фазы германского наступления на Востоке к середине мая 1918 г. носили характер перманентного кризиса. Едва ли не главной и привлекающей огромное внимание флуктуацией в крайне насыщенной истории недолгого периода официальных дипломатических контактов между Германией и Советской Россией полагают водоворот событий вокруг убийства графа Мирбаха 6 июля и серии лево- и правозсеровских мятежей в различных городах России. Для того чтобы считать именно эти (с 6 по 15 июля) дни кульминацией кризиса и моментом, когда вероятность возобновления войны между Советской Россией и Германией была максимальной, казалось бы, есть все основания. Однако изучение ряда до сих пор не введенных в отечественный научный оборот германских источников и переоценка прежних концепций по истории советско-германских отношений заставляет выделить и еще ряд крайне опасных кризисов, точек бифуркаций, когда история Восточного германского фронта в кампании 1918 г. Великой войны, а также ход всех вооруженных конфликтов на развалинах Российской империи мог радикальным образом измениться. Попыткой (едва ли не любыми средствами) спровоцировать военный сценарий развития событий стала миссия второго германского посла в Москве Карла Гельфериха, продолжавшаяся всего чуть более девяти суток, с 28 июля по 6 августа 1918 г. Общий фон событий, происходивших в эти дни в Спа, Берлине, Ковно, Киеве, Москве и ряде других городов до сих пор не рассматривался в целом, в том числе благодаря традиционному и некорректному разделению исторической науки на исследования о «нашей» и о «не нашей» истории.

Степень разработанности темы данного этапа советско-германских отношений как в российской, так и в зарубежной историографии оставляет желать лучшего, особенно при сравнении с положением в исследовании кризиса вокруг левоэсеровского мятежа и убийства предшественника Гельфериха на посту посла в Москве графа Мирбаха. При этом новые источники, связанные с данными событиями и вообще с советско-германскими отношениями в 1918 г., продолжают публиковать (как в Германии, так и в России) до сих пор. Например, лишь недавно продолжилась публикация донесений А.А. Иоффе из Берлина в Москву, начатая еще в 1990-х годах [Ватлин 2018; Wulff 1995; Wulff 1995 a; Wulff 1996]. Недостаточно введена в научный оборот сравнительно новая полная версия дневников Гарри графа Кесслера, несмотря на его огромную роль в российско-германских переговорах в июле-августе 1918 г. [Kessler 2006]. Вековые юбилеи несколько оживили этот процесс, однако не привели к корреляции между несколькими историографическими направлениями. Германский фактор в ходе кампании 1918 г. в Гражданской войне в России по-прежнему явно недостаточно вписан в общий контекст кульминации Великой войны, хотя без этого логику действий германской стороны понять невозможно. Общий уровень внимания к избранному эпизоду российско-германских отношений характеризует хотя бы тот факт, что до сих пор нет ни одной русскоязычной биографии столь крупного германского государственного деятеля как Карл Гельферих, как нет и переводных специальных работ о нем. Во многом это вызвано тем, что и в современной германской историографии специальной работы об этом деятеле, игравшем важнейшую роль в германской истории в течение как минимум 1913–1923 гг., пока что нет. Это тем более бросается в глаза на фоне недавнего переиздания ряда его научных трудов по экономике и финансам, а также некогда частично переведенных на русский язык мемуаров. Попытки создания биографии были предприняты еще в 1930-е годы, когда ряд сведений был недоступен или по меньшей мере вряд ли мог быть предан огласке [Scheffbuch 1934; Raumer 1938 a; Wahrmund 1938]. Образы германских дипломатов, в том числе Гельфериха, представлены одним из германских публицистов [Joost 1967], а новейшей из его биографий можно считать книгу, вышедшую без малого полвека назад [Williamson 1971].

Убийство Мирбаха и последующая крайне напряженная атмосфера в российско-германских отношениях описаны в ряде источников и литературы, поэтому в данном случае достаточно констатировать, что к 20-м числам июля острая фаза кризиса миновала, а убеждение многих и сторонников, и противников большевиков, что вскоре последует масштабная карательная акция со стороны Германии, оказалось несостоятельным. Разгром эсеровских восстаний еще раз продемонстрировал прочность большевистского режима, в чем так сомневался накануне своей гибели первый германский посол в Москве.

Дальнейшие российско-германские отношения зависели от личности и манеры действий нового германского эмиссара, поэтому следует остановиться на обстоятельствах его назначения.

Фактор кадровых решений в данном случае крайне характерен для оценки манеры ведения германской политики на Востоке в 1918 г. в целом. Отбор кандидата проходил в обстановке сложнейшего внутривнутриполитического кризиса в самой Германии, на фоне нарастающего кризиса в германских наступлениях на Западном фронте и при непредсказуемом развитии ситуации в большевистской России, а также крупных (хотя и меньших, нежели это было возможно) последствий, вызванных резонансом от убийства Мирбаха. Назначение нового посла в Москву проходило с такой скоростью и по таким соображениям, которые не имели никаких шансов на соответствие темпу событий и многогранности отношений между Москвой и Берлином. Ближайший советник покойного Мирбаха К. Рицлер, а также майоры Ботмер, Хеннинг и Шуберт бомбардировали Берлин, Ковно и Спа (там с 7 марта 1918 г. находилась германская Ставка) просьбами о вывозе миссии из большевистской столицы, а затем о срочном вводе войск для ее охраны. Но германская Ставка (ОХЛ)¹ и внешнеполитическое ведомство (АА)² и правительство в целом были поглощены очередным правительственным кризисом и интригами. Сильный скандал, вызванный выступлением в рейхстаге статс-секретаря по иностранным делам Р. фон Кюльманна 24 июня 1918 г., и последующая эпопея с его отставкой под давлением ОХЛ целых две недели (до 9 июля) [Kühlmann 1948, S. 570–580] занимали германские элиты и общественность куда больше, нежели отношения с Советской Россией. Даже сенсационное убийство Мирбаха и сдержанная реакция на это официального Берлина оказались не столь важны для общего хода событий в верхушке Германии. После непростых совещаний и опасений из-за недовольства леволиберального большинства в рейхстаге последовало назначение нового главы Министерства иностранных дел – вице-адмирала П. фон Хинтце, которого поначалу считали марионеткой Людендорфа, хотя бы потому, что первый был кадровым, хотя и бывшим, военным. До этого Хинтце был посланником в Христиании, а управление ведомством смог полностью принять спустя две недели после назначения, т.е. к 21–22 июля. Длительные консультации вокруг кандидатуры нового посла в Москву к этому моменту уже завершались.

По их итогам представителем Германии в Советской России был назначен К. Гельферих, в недавнем прошлом вице-канцлер, один из ведущих финансистов Германии и важнейший консультант в разработке экономических

1. ОХЛ (от нем.: *Oberste Heeresleitung*) – верховное главнокомандование сухопутных войск.

2. АА (от нем.: *Auswärtiges Amt*) – Министерство иностранных дел Германии.

условий мирных договоров на Востоке, особенно Бухарестского (от 7 мая 1918 г.). Новый посол сделал блестящую карьеру и, получив назначение в Москве как раз в день своего 46-летия (22 июля), мог полагать, что ему предстоит выполнить сложное, интересное, но временное задание, ведь его ждут более масштабные дела в подошедшей вплотную к победе в Великой войне Германской империи. Это был своего рода «политический тяжеловес», да еще и с крепкими связями с германскими магнатами (что, конечно, придавало ему особый вес в глазах большевиков), но не обладавший ни должной информацией о ситуации в Советской России, ни готовностью к ведению принципиально новой дипломатии. Более того, как и многие германские военные и политики, Гельферих после Бреста полагал, что Кюльман грубо ошибался в своей тактике переговоров, ведь с большевиками попросту необходимы более твердые и вполне традиционные линия и этика. Выбор в Берлине именно такого влиятельного кандидата вызвал разочарование у уже настроившихся на, по меньшей мере, частичный разрыв с Советами членов германской миссии в Москве. Честолюбие Гельфериха, его большое влияние на престарелого рейхсканцлера и слабовольного кайзера оказались важнее и умения, и желания вести дела с большевиками, которыми амбициозный финансист совершенно не обладал. Более того, как раз потому, что Гельферих был представителем именно экономических, а не военных или дипломатических кругов, он проявлял столь явную убежденность в бесперспективности сотрудничества с большевиками, даже временного. Сказывались, вероятно, и психологические расчеты: Красин предполагал, что Гельферих, с его неуступчивостью и колючим характером, вполне сможет справиться с «истериком» Чичериным. Гельферих перед отъездом (25 июля 1918 г.) еще раз убедился в том, что лишних дивизий у Людендорфа для масштабной военной операции на Востоке нет, а потому придется лавировать между партиями, ведь все они (включая большевиков) очень слабы [Kessler 2006, S. 476, 483]. Необходимых экспертов для сложных маневров в Москве он с собой не взял. Хотя различий в позициях между Гельферихом и сыгравшим видную роль в переговорах с Иоффе чиновником германского дипломатического ведомства графом Кесслером пока не обнаружилось, последний вместе с новым послом в Москву так и не уехал. Это отразилось на координации действий и германской, и советской дипломатий на финальной стадии подготовки Добавочного договора, очень сложной вплоть до последних часов перед его подписанием 27 августа 1918 г. [Baumgart 1966, S. 258–303].

Следует отметить, что для поздних консервативных монархий было характерно в момент острого кризиса назначать на важнейшие посты не специалистов по решению проблемы, а людей, пользующихся наибольшей симпатией императора. Куда более адекватным вариантом было бы назначение послом германского консула в Москве Хаушильда (который стал германским

поверенным в делах уже после отъезда Гельфериха), почти месяц решавшего важнейшие вопросы: о возможности ввода германских солдат в Москву «для охраны», о выводе военных миссий Антанты из столицы Советской России, о возможном переносе посольства на оккупированную Центральными державами территорию и т.д. Гельферих впоследствии утверждал, что обо всем этом комплексе проблем узнал лишь за несколько дней до отъезда в Москву [Helfferich 1919, S. 459]. Даже если он так пытался снять с себя ответственность за последующий полный провал его миссии, то подобное неведение еще больше говорит не в его пользу: предложить свою кандидатуру рейхсканцлеру он сумел очень быстро, а вот немедленно начать вникать в дела и получать должную информацию не смог.

Нет сомнения, что с куда меньшим раздражением было бы встречено назначение послом в Москву П. фон Хинтце: с этим германские дипломаты старой школы смирились бы куда легче, нежели с воспринятым как пощечина назначением «чужака» главой всего внешнеполитического ведомства. Сам Хинтце был несравненно более Гельфериха готов к стабилизации отношений с большевиками. Без особенного недовольства могли бы принять и назначение послом на весьма опасный и сложный пост в Москве и Курта Рицлера, хотя это и не отвечало бы выслуге лет последнего (он был моложе Гельфериха на десять лет, ему в 1918 г. было всего 36). Рицлер был безусловно влиятельным и опытным дипломатом, годами курировавшим в том числе и политику в отношении России. Опыт общения с большевистскими эмиссарами он получил еще в ходе своей миссии в Стокгольме на рубеже 1917 и 1918 гг. Он как никто близко пережил убийство Мирбаха и был более чем осведомлен о ситуации в России, пусть и не слишком верно ее оценивая. Можно лишь пожалеть, что дневники и наследие Рицлера были весьма серьезно цензурированы в рамках конфликта вокруг исторической памяти о Великой войне в ФРГ в 1950–1970-х годах. Возможно они были даже частично уничтожены, чтобы снять ответственность с Германии и с ряда ее политических деятелей за события Великой войны, а возможно и за контакты с большевистской Россией. Дискуссия о намеренном искажении наследия Рицлера далеко не окончена, но то, что в нем есть немалые лакуны, – очевидно [Schulte 1985, S. 58–85].

Важнейшее значение для последующей истории «миссии Гельфериха» имеет то, что у нового состава германской миссии в Москве при отъезде не было текста парафированного нового (будущего добавочного) договора с большевиками. Обещания А.А. Иоффе и Л.Б. Красина в беседах с кружком Штреземана – Кесслера не имели решающего значения, ведь реально со стороны АА подготовкой сделки занимался дотошный юрист доктор Криге. Впрочем, нет ни одной его биографии, документы из его фонда в Политическом архиве никогда не публиковались. В дипломатических кругах всегда существовала рознь между своего рода «дипломатами крови» и «дипломатами

мантии», т.е. между обвиняемыми в некомпетентности аристократами и обвиняемыми в косности юристами. Это отражалось на взаимном доверии и на общей координации работы на Вильгельмштрассе. 20 июля 1918 г. Криге ознакомил Кесслера с деталями переговоров с Иоффе, где уже понадобилось заключить не менее шести сделок по разным вопросам, в том числе по тем проблемам, о которых ранее считавшие только себя ведущими фигурами в подготовке договора Г. Штреземан, Литвин и Кесслер пока лишь слабо подозревали. Это были реальные и масштабные (100 тыс. т в месяц) поставки угля, а также соглашения по бакинской нефти, использованию судов Черноморского флота под германским флагом в Средиземном море, валютные вопросы и т.д. Хотя примерный текст соглашения был представлен 21 июля, о поддержке его ОХЛ (по крайней мере, быстром) не могло быть и речи. Один из лидеров парламента Штреземан угрожал скандалом в рейхстаге, не верил, что Хинтце сможет в чем-либо убедить Людендорфа. Глава ОХЛ всегда с недоверием относился к любым договоренностям на Востоке, достигнутым дипломатами без его личного контроля. Хотя заявлялось, что нельзя откладывать подписание договора «ни на день», что этот договор в отличие от Бреста надо будет соблюдать, довести дело до конца волевым решением было некому. Кайзер под различными предлогами откладывал встречу с Хинтце [Kessler 2006, S. 465–471]. Гельферих не стал перегружать себя информацией и отбыл к новому месту службы, не имея даже базовых сведений о текущем состоянии российско-германских переговоров о судьбах всей Восточной Европы.

Еще до его приезда в подвале здания посольства разместились 72 солдата, установили пять пулеметов, весь дипломатический персонал не расставался с оружием и старался не покидать резиденцию. Комендантом и командиром только что прибывших из Берлина 300 человек охраны (т.е. почти полбатальона) был назначен капитан фон Цихлински. Слухи о новых покушениях и о том, что Гельферих может и не доехать до Москвы, если внезапно не изменить порядок его проезда, ходили непрерывно (см. дневники находившегося в посольстве германского журналиста А. Паке: [Von Brest-Litovsk 1971, S. 84]). Беспрецедентные меры безопасности на подъезде к столице убедили Гельфериха в том, что большевики не в состоянии обеспечить его безопасность даже под охраной и в центре города [Helfferich 1919, S. 462–463]. Объяснять необходимость подобной предосторожности был направлен К. Радек, что – с учетом особенностей его репутации и характера – вряд ли могло способствовать налаживанию отношений [Gutjahr 2012, S. 286]. Именно Радек, пользовавшийся – к возмущению Иоффе [Wulff 1996, S. 273] – самой эксклюзивной информацией из Берлина, регулярно выступал с откровенно радикальными статьями, носившими в конечном счете вполне прогерманский

характер. Подтверждением тому служат дневники А. Паке, много общавшегося с Радеком [Von Brest-Litovsk 1971, S. 83 и далее].

Прибытие в Москву 28 июля 1918 г. нового германского посла не укрепило надежд на «потепление» с обеих сторон. Гельферих застал отчаянные призывы большевистского правительства к защите «социалистического Отечества» из-за явно тяжелого положения на Восточном фронте, что производило впечатление безнадежной для Совнаркома ситуации. Большевики согласились на размещение 300 человек охраны для германского посольства, вооружение их гранатами и ручными пулеметами; не исключалась также возможность дальнейшего усиления охраны германского посольства элитными частями РККА. Все эти меры только подкрепляли впечатление слабости режима, хотя недавно он умудрился выстоять в тяжелейшем кризисе. После уличной стрельбы 31 июля (причины которой до конца так и не были выяснены) большевики согласились передать под контроль германской миссии целый квартал. Тем не менее Гельферих все пребывание в Москве фактически провел под домашним арестом [Ботмер 2010, S. 218–220].

Германский посол в Москве довольно быстро пришел к парадоксальному – по сравнению с расчетами многих своих коллег и военных специалистов – выводу о том, что только «свержение большевистского владычества и в Великороссии дало бы нам возможность рассчитывать на более спокойную обстановку на Востоке и на высвобождение большей части размещенных там дивизий» [Helfferich 1919, S. 477]. В этом мнении его сразу же поддержал (а возможно, и являлся инициатором всего последующего курса) К. Рицлер, в течение трех предшествующих недель представлявший Германию в РСФСР. Будучи уверен, что политический вес Гельфериха поможет добиться должного поворота в политике на Востоке, секретарь посольства не жалел усилий для подготовки выезда из Москвы, а потом и полного разрыва с Советами [Riezler 1972, S. 470–471]. Тем временем и в армейских, и в дипломатических кругах, и в АА исходили из строго обратной логики, где альтернативой большевикам было немедленное образование нового Восточного фронта.

Убедив себя в собственной правоте, весьма энергичный посол приступил – как ему казалось, при полной поддержке всех германских представителей в Москве – к подготовке будущего разрыва дипломатических отношений. Гельферих запросил у Берлина (причем у канцлера и ОХЛ, но не у Хинтце) разрешения на тайные переговоры с латышскими стрелками и представителями антибольшевистских сил (см. текст его телеграммы от 1 августа и опровержения Хинтце от 2 августа: [Paul von Hintze 1998, S. 461–463]. Ряд иных неопубликованных документов по теме сохранился в фонде Хинтце: [ВА-МА. N 536/66, 627 f]), а в ответ на указание о необходимости способствовать подписанию Добавочного договора назвал его – как и Брестский мир – «макулатурой». Его убеждал в том, что все эти переговоры – «финт» большевиков

ради продления передышки, и А. Паке, в беседе 2 августа [Von Brest-Litovsk 1971, S. 91]. Он решил безотлагательно провести перевод германского посольства в Петроград, что не могло не вызвать самого острого кризиса недоверия еще до официального разрыва. Шокировавшее германские элиты убийство генерал-фельдмаршала фон Эйхгорна в Киеве (30 июля) было вовсе не расследовано, так что версия о «большевистском следе» в нем стала дополнительным аргументом для Гельфериха, работавшего на свержение Советов [Боевой восемнадцатый год 2019, с. 247–290; Ланник 2020, с. 338–340].

Хинтце, тем временем укрепивший свои позиции в АА и добившийся согласия на свое видение Ostpolitik в ОХЛ, теперь понял сколь тяжелую ошибку он совершил, согласившись в момент своего назначения – во избежание излишних споров – отправить Гельфериха в Москву. Рассуждения посла о готовности к немедленному военному вмешательству глава АА парировал указанием в адрес ОХЛ на то, что военная операция действительно может понадобиться, но не для свержения большевиков, а *на случай* оно и в связи с весьма вероятно враждебным отношением к Германии любого нового правительства России. Происходило это на фоне сделанного Чичериным 1 августа предложения о совместных германо-российских военных акциях против Мурманска и против Алексева (а значит, с неизбежностью и против Краснова), на которые Хинтце реагировал уклончиво. Он был готов сделать вид, что поддерживает идею германо-большевистского альянса, но в реальности собирался предоставить большевикам и их противникам и далее ослаблять друг друга, не тратя германские силы ради любой из сторон. Тем временем Людендорф подробно ответил 4 августа на запросы Хинтце о деталях возможных совместных германо-большевистских военных акций на севере России и на Дону.

Резкое оживление активности ОХЛ в восточных вопросах было вызвано тем, что к началу августа даже в Спа признали, что наступление на Западе захлебнулось (по меньшей мере пока), а потому придавали большое значение оформлению гегемонии на Востоке в расчете на долгие годы будущего противостояния с Антантой. А в Москве были недовольны затяжными переговорами в Берлине, ведь там казалось, что времени не оставалось, чехословаки уже подступали к Казани. Пока в августе определялась судьба всего мира, неискренняя игра стала для обоих главных акторов Брестской системы самым удобным прикрытием истинных намерений и средством тянуть время. Но для Иоффе и других большевистских эмиссаров в Берлине (Сокольников, Ларин) разговоры о военном сотрудничестве отнюдь не были туманными проектами на будущее, они увязывали подобные обещания германской стороны как минимум с выводом войск интервентов из полосы магистрали Ростов – Москва, чего требовали с 25 июля 1918 г., а также с последующим частичным занятием Донбасса войсками РККА [Wulff 1996, S. 296]. Это было возможно

лишь после ожесточенных боев с казаками, а также при обеспечении германским командованием нейтралитета Украинской державы. Учитывалось, что как раз накануне Киев и Новочеркасск договорились едва ли не о союзе, последнее было крайне маловероятно, что учитывали и при рассмотрении этого вопроса в штабе группы армий «Киев» и в штабе оккупировавшего часть Донской области корпуса генерала Кнёрцера [Kriegstagebücher, bl. 66 a–68 a]. Таким образом, германское дипломатическое ведомство достаточно быстро поставило крест на подобных надеждах НКИДа, предоставив другие, куда менее важные, уступки в обмен на принимаемые на себя большевиками обязательства. Хинтце, упорно дезинформируя советского полпреда насчет планов в отношении Добровольческой армии, даже язвительно заявил Иоффе, что всего через три дня после возможного вывода германских войск из Ростова большевики сами же попросят ввести их туда обратно, чтобы помочь справиться с Алексеевым [Wulff 1996, S. 302]. Встревоженный непонятной ему «новой линией» НКИДа Иоффе вполне логично заверял Москву, что любые обращения к немцам о помощи автоматически снижают возможность каких бы то ни было их уступок во второй редакции Бреста. В ответ Ленин заявил, что предложения Иоффе не допускать разрыва с Антантой попросту «смешны». Ответ на меморандум от 28 июля последовал 3 августа [Wulff 1996, S. 303].

Казавшиеся тогда финальными переговоры (с учетом предложений ОХЛ и сговорчивости Красина и Иоффе) по деталям Добавочного договора проходили под представлением, что большевистский режим недоговороспособен, а его свержение неизбежно, поэтому важно лишь, будет ли Германия принимать в этом участие и в какой степени. В способность антибольшевистской разношерстной оппозиции собственными силами свергнуть большевиков Хинтце справедливо не верил и полагал, что активно поддерживавшего идею антибольшевистского мятежа Гельфериха нужно было – во избежание нового и вряд ли поправимого кризиса Бреста-2 – срочно обезвредить. В течение первых дней августа статс-секретарь изрядно поволновался, опасаясь, что решение атаковать большевиков Людендорфом уже принято, что подготовка к наступлению прошла стадию невозврата, а потому АА в любой момент может быть поставлено перед фактом. В этом случае оставалось бы лишь подсластить пилюлю, подготовив нужные прокламации для двинувшихся на Москву германских войск (см. его указания и телеграммы 2–7 августа: [Paul von Hintze 1998, S. 466–473]).

Отчаянные закулисные интриги в Берлине и Спа были неизвестны персоналу германского посольства в Москве, а поэтому там с возмущением полагали, что затяжки в решении о выезде миссии из города вызваны лишь бюрократизмом и нежеланием АА взять на себя ответственность [Ботмер 2010, с. 218–219]. Возможно, и сам Гельферих специально готовил своих

сотрудников к такому повороту событий, хотя и подозревал о совершенно ином фоне событий и о противодействии ему Хинтце. Посол, секретарь и военный атташе были изрядно озлоблены и недоумевали, если инструкции с Вильгельмштрассе долго не поступали, сами же они отправляли информацию в Берлин регулярно. И вдруг уже 5 августа (через восемь дней после прибытия Гельфериха в Москву!) из Берлина было получено указание как можно скорее «прибыть для доклада». Чтобы полностью дезавуировать требования и репутацию нового германского представителя в Москве, уже тогда стали распространять версию, что упорное стремление Гельфериха о переезде германской миссии в другой город вызвано лишь его тревогой за собственную безопасность. А сам он впоследствии с возмущением писал об открытых угрозах со стороны левых эсеров и полное равнодушие к убийству Эйхгорна Чичерина [Helfferich 1919, S. 481–483]. Объяснять только страхом мотивы отъезда посла («бегство Гельфериха после всего 10 дней пребывания у большевиков») – достаточно примитивно, хотя исключить совсем подобного варианта событий нельзя. Есть версии и еще более смелые: в книге Йооста глава о Гельферихе называется «Ленину нужны дивизии Людендорфа» [Joost 1967, S. 65–98].

6 августа 1918 г. Гельферих, вопреки указаниям Хинтце, зато умело используя темперамент кайзера, добился согласия на перенос германского посольства из Москвы в Петроград, чем впоследствии гордился, как главным результатом своих антибольшевистских усилий (Одна из первых попыток анализа его мемуаров, причем в характерных для конца 1930-х годов тонах. См.: [Raumer 1938, S. 392–399].) Распоряжение об отъезде он отдал строго накануне своего отбытия в Берлин, фактически самовольно. Это не означало немедленного разрыва, однако, очевидно, являлось важной подготовительной к тому мерой. Развитие прямых и официальных германо-большевистских контактов продлилось около четырех месяцев, начиналась стадия свертывания. Людендорф ожидал только «еще одного покушения», чтобы начать вторжение в Россию. Совнарком, имея в виду возможную победу линии на разрыв отношений среди германского военно-политического руководства, постоянно откладывал церемонию вручения верительных грамот, одновременно готовясь к худшему. Вечером 6 августа германский посол выехал из Москвы, перед отъездом еще раз обсудив свою позицию с Рицлером и эмиссаром ОХЛ в Москве майором Шубертом. Оставшиеся в Москве германские представители обсуждали скорый удар войск кайзера от Полоцка на Вологду [Von Brest-Litovsk 1971, S. 94]. Уже на следующий день, 7 августа, Гельферих был надолго задержан, не доехав даже до Смоленска. Потом выяснилось, что в Орше взбунтовались войска Завесы (около 1500 человек), не желавшие отправляться на большевистский Восточный фронт. Этот мятеж и стал причиной задержки, чреватой новым скандалом. Однако инцидент сгладил тот

же Радек, которому было поручено сохранять связь с германской миссией – куда бы они ни отправилась – и не допустить разрыва дипломатических отношений. Радек почему-то решил, что германское посольство теперь отправится в Петроград, а потому был шокирован известиями о выезде дипломатов Центральных держав в Псков, оккупированный германскими войсками [Gutjahr 2012, S. 286–287]. В таком повороте он обвинял (и напрасно) только Рицлера и Гельфериха, тут же вознамерившись вновь лично наладить российско-германские отношения и уже в Берлине, куда он готов был выехать «даже инкогнито и хоть завтра». Готовясь к дискуссиям, Радек потрясал телеграммой от Иоффе и сообщал о начавшейся концентрации германских войск на демаркационной линии.

Едва избавившись от очень неудобного и полуофициального пребывания миссий Антанты за пределами столицы, большевики теперь были накануне такого же двусмысленного положения с представительствами Центральных держав. В Москве осталось генеральное консульство Германии с более скромной – всего 125 человек из бывших военнопленных – охраной, консула в Петрограде охраняли и вовсе менее 30 человек [Von Brest-Litovsk 1971, S. 95]. Отъезд основных представителей Четверного союза, причем сразу после явного разрыва Советской России с Антантой, был воспринят в Совнарком и ВЦИК очень болезненно. Крайне удивлен и озлоблен неожиданной для него акцией германской дипломатии был, считавший себя экспертом во всех германских вопросах, Радек [Von Brest-Litovsk 1971, S. 95–100]. Ходили слухи о кадровых перестановках в НКВД, так что потерпевший неудачу Чичерин отправился бы в Вену, в Карахан и в Константинополь. 12 августа в Берлин отправил соответствующую информацию генеральный консул Хаушильд [Von Brest-Litovsk 1971, S. 103]. Очередного – и крайне опасного для финальной стадии согласования Добавочного договора – поворота удалось избежать, ведь Ленин был намерен дожидаться дополнительной информации из Германии. А в Берлине Иоффе был по-прежнему крайне встревожен действиями Радека, утверждавшего в «Известиях», что от кризиса в советско-германских отношениях выигрывает только Антанта. Совершенно не нужны были лишние флуктуации и все более прочно контролирующему свое ведомство главе АА.

Пока Гельферих был в дороге, Хинтце лихорадочно готовился к неожиданностям, подробно разъясняя Людендорфу невыгодность военных акций против большевиков с учетом условий вышедшего на стадию парафирования Добавочного договора. Он представлял подписание новой сделки Иоффе уже свершившимся фактом, с чем в ОХЛ спорить не стали [Paul von Hintze 1998, S. 478–482]. Расчеты на подписание договора в ближайшие дни вызвали оправданный скепсис видных чиновников АА. Свидетельства тому можно найти в мемуарах Рудольфа Надольного. К сожалению, эти мемуары не

слишком подробны, а недавняя публикация документов из его наследия посвящена в основном иным этапам его биографии [Nadolny 1955; Botschafter 2017]. Твердо решивший сделать ставку на большевиков статс-секретарь срочно слег в постель, чтобы выиграть время и уклониться от излишних дискуссий. В том числе поэтому после 6 августа прямых указаний из Берлина в Москву, а тем более персоналу посольства во главе с Рицлером, находившемуся в дороге, не поступало. В АА ходили слухи, что Гельферих действует по соглашению с ненавидящими большевиков промышленными магнатами, а Людендорфа попросту настраивают против Москвы какие-то офицеры ОХЛ, например генерал П. фон Бартенверфер. Одновременно Штреземан всячески пытался сорвать любые военные акции против большевиков. В роковой – как потом оказалось – день 8 августа он обратился к влиятельному в ОХЛ полковнику М. Бауэру (с просьбой передать Людендорфу) с разъяснениями насчет важности компромисса с Советской Россией, тем более на уже согласованных и выгодных условиях будущего Добавочного договора (текст письма см.: [Gatzke 1955, S. 92–94]). Аргументом в пользу того, что большевики готовы стать надежными союзниками Германии, было и то, что после переворота и десанта в Архангельске, в Москве 5–6 августа прошли аресты консульских стран Антанты. Крайняя обеспокоенность Министерства иностранных дел Германии расширением масштабов интервенции стран Антанты сразу в нескольких регионах (включая Дальний Восток и Баку) также сыграла на руку противникам антибольшевистских акций. Зато крайне не вовремя приходили известия о потере большевиками Казани (7 августа), о массовых арестах офицеров при их регистрации, затем о захвате белыми золотого запаса. Казалось, что Гельферих в своих увещеваниях – свергнуть большевиков под германскую диктовку, пока это не случилось под антигерманскими лозунгами – был совершенно прав. В этом был убежден глава пропагандистского ведомства в ОХЛ полковник Хефтен, собиравшийся 9 августа сделать доклад Людендорфу о необходимости срочно предпринимать антибольшевистскую операцию.

Можно лишь гадать, какой эффект произвели бы в Спа настойчивые сообщения от посла в Москве, дожидись он (под любыми предлогами) этих роковых для большевиков известий, т.е. задержавшись еще на два-три дня. Впрочем, так как «черный день германской армии» под Амьеном наступил уже на следующий день после взятия Казани (т.е. 8 августа), а дни и до этого, начиная с 18 июля 1918 г., были для Германии на Западе тоже отнюдь не «белыми», даже такой вариант мог и не привести к радикальным решениям. Предсказать, какие именно распоряжения отдал бы Людендорф, узнай он прямо от Гельфериха о «походе чехословаков на Москву», и смог бы он преодолеть сопротивление временно лишившегося контраргументов Хинтце, крайне сложно. Можно констатировать, что между 6 августа и 6 сентября

большевики оказались в наиболее тяжелом военном положении за всю кампанию 1918 г., причем почти на всех фронтах сразу. Однако по сравнению с событиями 6–8 июля они достаточно прочно контролировали ядро подвластной им территории. По опыту быстрого и успешного разгрома левозеро-ского мятежа уже доводилось убедиться в том, что Совнарком может выйти даже из казавшейся безнадежной ситуации. В известной степени именно этими соображениями руководствовались дипломаты, продолжая переговоры с неоднократно уже «похороненным» советским правительством, настаивая на сделках его с Финляндией и Украиной [Ланник 2020, с. 160–165, 311–316]. Таким образом, Хинтце по-прежнему имел в виду по меньшей мере среднесрочное сотрудничество в рамках Брестской системы.

Пользуясь тем, что Гельферих, проезжая через территорию Обер Оста³, был бессилен ему помешать, Хинтце назначил местом пребывания германской миссии Псков (хотя глава Обер Оста генерал М. Гофман, стремясь к полноте власти на Востоке предлагал Ковно). Посол в Москве (или теперь в Пскове?) узнал об этом, уже прибыв в Берлин утром 10 августа [Helfferich 1919, S. 488–490]. Так как якобы железнодорожное сообщение между Петроградом и Псковом установить было невозможно, а оборудованного фильтрационного пункта на этом участке демаркационной линии не было, то нужно было непременно ехать из Москвы через Гельсингфорс. Это стало одной из наглядных иллюстраций дошедшего до абсурда паралича прежней имперской инфраструктуры и нормального оборота людей и товаров. Уже днем 9 августа германские дипломаты и атташе после 36 часов пути прибыли в Петроград, где пробыли лишь сутки, выехав далее в Финляндию, а оттуда морем в Ревель (прибыли 12 августа), а уже оттуда в Псков, где Рицлер задержался очень недолго. Тем временем удивленному Гельфериху уже в Берлине было сообщено о парафировании Добавочного договора, сильно ускоренного новостью об отъезде германского посольства из Москвы, а также о неожиданном переезде его миссии.

Новая волна опасений разрыва заставила главных творцов Добавочного договора в Берлине с большевистской стороны – Иоффе и Красина – временно прекратить конфликт, что было с удовлетворением отмечено их контр-агентами по переговорам (Кесслером, Штреземаном, Криге). Таким образом, действия Гельфериха возымели в Министерстве иностранных дел эффект, даже обратный желаемому Германия смогла уклониться от целого ряда допускаемых ранее уступок (в том числе относительно вывода германских войск

3. *Обер Ост* (от нем. *Oberbefehlshaber der gesamten deutschen Streitkräfte im Osten*) – территория, находившаяся в подчинении Верховного командования всеми германскими Вооруженными силами на Восточном фронте в период Первой мировой войны.

с Дона) [Kessler 2006, S. 502], заметно сместив баланс сделки в свою пользу. Завершение торгов вокруг Бреста-2 означало конец периода «междущарствования» в германской дипломатии на Востоке. Хинтце откровенно продемонстрировал, что дипломатическая миссия Гельфериха окончена, успев за время его затянувшегося путешествия парировать большую часть последствий антибольшевистской активности посла в Москве. Впрочем гарантий того, что не последует резкая реакция большевиков, он не имел. Но на этом вызванные Гельферихом колебания не окончились. Пока он боролся за свой пост в течение еще трех недель, т.е. в 2 раза дольше, чем пробыл на должности, последствия его поспешных действий продолжали сказываться в полной мере.

Выезд германского посла «по вызову, для личного доклада», равносильный «отзыву для консультаций», был чрезвычайно тревожным для Совнаркома признаком, однако искушению немедленно бежать из Москвы там не поддались. Определенную роль в этом сыграло и убеждение в успехах строительства Красной армии, хотя очередное обострение на Западе оказалось абсолютно несвоевременным. В связи с поражениями красных на Восточном фронте в конце июля – начале августа 1918 г. Западная завеса, достигшая значительной численности и боеспособности войск, и в меньшей степени Северная стали источником резервов и местом обучения пополнений, формирования новых полков и дивизий. В июле–сентябре 1918 г. оттуда были отправлены на Волгу (иногда на другие участки) три дивизии и ряд других частей (всего не менее 12,5 тыс. бойцов и 39 орудий с Западного участка и около 6 тыс. – с Северного). Этому весьма содействовало прямое заявление от 22 июля статс-секретаря Хинтце, сделанное Иоффе, что как и ранее (23 июня и 8 июля) германское правительство подтверждает: большевики могут спокойно перебрасывать свои войска из-под Петрограда против чехословаков [Paul von Hintze 1998, S. 446]. 11 августа в Западную завесу поступил приказ «снять с фронта все боеспособное и оставить лишь кордон для пограничной службы» [Егорьев 1928, с. 244].

Повторение германской «железнодорожной прогулки» против Советской России, как это случилось в феврале-марте 1918 г., в августе было крайне маловероятно. В ОХЛ и даже в штабе Обер Оста это понимали далеко не все, сильно переоценивая боеспособность оставшегося на Восточном фронте контингента. Тяжелейшие проблемы РККА и РВС как на фронтах, так и в тылу летом-осенью 1918 г. не отменяли тенденции к постепенному выравниванию сил на демаркационной линии с германской армией, хотя основные силы красных находились на восточном и южном направлениях. Несмотря на огромное число уклонившихся от службы и дезертировавших из частей, военный потенциал РККА постепенно рос, причем теперь главной проблемой была уже не дисциплина, восстанавливаемая любыми средствами, а ухудшающееся из-за численного роста снабжение.

8–9 августа 1918 г. из Москвы было отдано распоряжение о постановке новых минных заграждений на Балтике с попутным выяснением, насколько это возможно [Переписка о постановке, л. 17–22]. Установка мин (всего было поставлено менее 1500) привела к гибели на собственном минном поле в ночь на 10 августа советского парохода «Колывань» со всем экипажем, что сразу же ликвидировало возможность скрытно провести подготовку к обороне. Напряжение в Москве и Петрограде относительно скорого возобновления войны с Германией 10–14 августа достигло предела, чреватого неуправляемой эскалацией конфликта. Германский консул получил информацию о рытье окопов под Лугой, выдвигании запасных частей к демаркационной линии, а также о подготовке масштабных взрывов в бывшей столице. Германское командование в свою очередь уже стягивало в Прибалтике и Белоруссии к железным дорогам кавалерийские части (17-й и 18-й драгунские полки и др.). Готовились к попытке быстрого захвата столиц Советской России, чтобы это не успели сделать (про)антантовские части, подступающие – как казалось, неудержимо – с севера и востока. В штабе имелось в виду и формирование защитных соединений в 2–2,5 германских полка всех трех родов войск на будущем новом Восточном фронте против Антанты на территориях Русского Севера и Центральной России. Лишь к 17 августа слухи о уже начавшемся крушении большевистской власти стали рассеиваться.

Факт возобновления минной войны на Балтике тут же вызвал протест германского консульства в Москве [Телеграмма наркома, л. 5], к нему сразу присоединились и представители Финляндии, артиллерия которой обстреляла советских минеров 14 августа. После этого было принято решение пока что по дипломатическим каналам уведомить об опасности для судоходства соответствующей акватории в Финском заливе, а в ночь на 15 августа, когда паника в Москве стала стихать, Ленин приказал постановку мин прекратить [Переписка о постановке, л. 10]. Приостановили подготовку взрывов на базе в Кронштадте, а также уничтожение Балтфлота. Понадобилось некоторое время для того, чтобы отправленный со срочной миссией в Берлин Радек в Орше встретился с Иоффе, везшим проект согласованного Добавочного договора, и вернулся с этой бумагой (13 августа) в Москву, предоставив тем самым доказательства нежелания Германии отказываться от сотрудничества с большевиками. Чтобы не вызывать лишних слухов о симметричном отзыве советского представительства из Берлина, Иоффе по прямому приказу Ленина срочно вернулся в германскую столицу, поддерживая видимость сохранения более прочных чем когда-либо германо-советских отношений. Ликующую от нового доказательства германского курса на сосуществование с большевиками статью (автором ее был все тот же К. Радек) сразу же напечатали «Известия» [Gutjahr 2012, S. 288–289]. 14 августа Иоффе еще раз подтвердил своим партнерам в Берлине, что настроение в Москве «хорошее», так что угрозы

подписанию договора нет [Kessler 2006, S. 509]. Он вновь заверил в этом германских партнеров, едва вернувшись в ночь с 15 на 16 августа в Берлин. Теперь участники прежних переговоров с нетерпением ожидали согласования совместных советско-германских военных операций, веря даже в то, что большевики согласятся на ввод германских войск в Петроград (ради операции «Шлюсштайн») [Ланник 2020, с. 152–157; Чистиков 1994], пресекая при этом недоброжелательные выпады прессы. Так, полагал, например, германский коммерческий советник, занимавшийся проблемами товарооборота с Востоком, активный член кружка Кесслера – Штреземана Литвин. От своего скепсиса в адрес большевиков ненадолго избавился даже Рудольф Надольный [Kessler 2006, S. 506–507].

Огромную роль в преодолении очередного витка кризиса в советско-германских отношениях безусловно сыграла синхронность процессов на различных театрах военных действий. Хотя «черный день германской армии» последовал 8 августа, выяснение и осознание случившегося заняло не только у военных, но и у дипломатов немало времени. Более того, к этому моменту германские элиты в СПА были поглощены совершенно иной интригой. Находившиеся еще с конца июня в крайне нервном состоянии офицеры ставки полагали необходимым новый уровень милитаризации управления. Они стали все чаще обсуждать проект назначения рейхсканцлером какого-нибудь генерала, чтобы добиться, наконец, должного единения тыла и фронта, правительства и Ставки. Обсуждались различные кандидатуры; самой вероятной из них стал генерал-губернатор Бельгии фон Фалькенхаузен, который был моложе престарелого рейхсканцлера Гертлинга (75 лет) всего на год. Лишь в последний момент (3–4 августа) удалось сорвать планируемую придворной камарильей беседу с кайзером [Militär 1970, S. 464–465]. Можно лишь гадать, сколь острую тревогу вызвало бы и у союзников Германии, и в Москве еще одно и на этот раз куда более (чем в случае с Хинтце) убедительное доказательство существования в Германии неприкрытой военной диктатуры. Повидимому, кайзер приложил всю свою волю к тому, чтобы не дать себя спровоцировать на такое назначение. Последовавшие вскоре роковые события на Западном фронте отложили подобные проекты по меньшей мере на несколько недель.

Вызванная усилиями Гельфериха резкая флуктуация в советско-германских отношениях после его прибытия в Берлин и отъезда Рицлера из Москвы быстро пошла на спад. Посол в Москве на встрече с Хинтце 11 августа убедился, что статс-секретарь по иностранным делам успел его переиграть. Во время доклада главы дипломатического ведомства в правительстве как раз по делам России к линии фрондирующего посла в Москве не прислушались. Вице-канцлер Пайер, предварительно «обработанный» сторонниками сотрудничества с большевиками, тоже попросту не поверил оценкам человека,

который в Москве «все 10 дней не выходил из комнаты и никого толком не видел» [Kessler 2006, S. 508]. Германской прессе было дано указание не раздувать конфликт с Советской Россией и не преувеличивать трудности большевиков, ведущих бои против Антанты. Гельферих еще слишком надеялся на свои связи: 15 августа он пытался переубедить поглощенного трагедией германских войск на Западе Людендорфа, хотя отношения ранее у них были далеко не идиллические. В связи с отставкой в июле 1917 г. рейхсканцлера Бетман-Гольвега Гельферих (если верить К. Рицлеру) охарактеризовал Людендорфа так: «С военной точки зрения гений, с политической – дитя, по характеру – каналья» [Riezler 1972, S. 444]. Но главе ОХЛ к тому моменту на фоне поражений на Западе было более чем достаточно получения от большевиков по Добавочному договору Эстляндии и Лифляндии. Бывший посол тщетно отправлял специальный меморандум рейхсканцлеру для передачи его кайзеру лично. И неудивительно: письмо Гельфериха было передано Гертлингу уже с критическими пометками рукой Хинтце, он выслал его Хинтце заранее, не подозревая, что тот использует его против автора послания [Baumgart 1966, S. 394–400]. Уставший от интриг престарелый Гертлинг вернулся из Ставки в Берлин 29 августа, а 30 августа принял прошение Гельфериха об отставке, сопровождавшееся последней попыткой убедить канцлера в своей правоте ([Helfferich 1919, S. 490–491]. Текст прошения рейхсканцлеру см.: [Raumer 1938, S. 397–399]). Хинтце 31 августа на всякий случай еще раз разъяснил Гертлингу свою позицию, в контексте только что взятых на себя Германией по Добавочному договору обязательств, подчеркнув невозможность взаимодействия с генералом Алексеевым против Советов. Приходившие из Советской России известия о покушении на Ленина и его возможной смерти (а потом о начале красного террора) вновь качнули чашу весов в пользу разрыва с Советской Россией. Последние усилия Гельфериха были парированы комментарием главы Министерства иностранных дел о том, что бывший посол в Москве судит об обстановке лишь как финансист [Paul von Hintze 1998, S. 547–549]. Кайзеру о принципиальной дискуссии между Хинтце и Гельферихом и вовсе стало известно только 20 сентября, причем он заявил о согласии со статс-секретарем.

Не менее интересна судьба и сторонников Гельфериха, не сумевших продолжить его курс по месту службы. Рицлер направился в Ревель, будучи уверен, что Обер Ост уже на пике военных приготовлений. Параллельно он вел переговоры с дипломатами в Берлине и согласовывал транспортировку посольства со штабом стоявшей в Прибалтике 8-й германской армии. Прибыв 12–13 августа в столицу Эстляндии, Рицлер смог несколько прийти в себя после пережитого стресса в Москве и тут же отправился в отпуск очевидно приходить в себя в связи с нервным потрясением. Оправиться Рицлер не мог еще долго (см., например: [Riezler 1972, S. 486–488]). Добиться конкретной

информации о подробностях уже парафированного Добавочного договора временный глава германской миссии так и не смог [Riezler 1972, S. 467]. Донести свою точку зрения на пережитое в Берлине Рицлер получил шанс в конце сентября, однако к тому времени обстановка сделала любые дискуссии о событиях на пике уже миновавшего германского могущества неактуальными. Военные атташе бывшего посольства, теперь превратившегося в достаточно абстрактную миссию при Советской России (и даже – за пределами ее территории), уже 14 августа получили разрешение выехать в Берлин (Ботмер и Хеннинг), а также в ставку (Шуберт) для доклада Людендорфу. Они были вполне солидарны с позицией Гельфериха и недоумевали относительно нового поворота в кадровой политике. Ботмер даже в 1921 г., проследив за всеми публикациями на тему германского посольства в Москве, солидаризовался с версией Гельфериха [Ботмер 2010, с. 232–235]. С отъездом из России специальных военных эмиссаров важнейший и особый информационный канал воздействия на решения верхов армейских и дипломатических ведомств в рамках восточной политики был перекрыт.

Весьма характерно, что германское политическое руководство было столь потрясено начавшейся агонией германских военных усилий на Западе, что позволило себе отложить вопрос о новом после в Москве на несколько недель (отставка Гельфериха была санкционирована лишь 22 сентября). Хинтце же это было только выгодно: теперь он мог быть спокоен – ведь открыто действовать наперекор его линии, да еще за пределами досягаемости и в хаотической обстановке советской Москвы – теперь было некому. Бывший посол, из-за своего неясного статуса, вынужден был сдерживаться в критике политики на Востоке. Если бы обстановка резко изменилась, то у Хинтце благодаря этой затяжке оставалась возможность вернуть Гельфериха в германскую миссию свержения большевиков, сделав вид, что он никогда и не отрицал необходимости, а лишь выжидал подходящего случая. Этот момент так и не настал, а разрыв отношений с Советской Россией в октябре – начале ноября 1918 г. готовили не только без Гельфериха, но уже и без Хинтце, лишившегося своего поста при формировании последнего кайзеровского правительства Макса Баденского.

Последствия «военной тревоги» вокруг миссии Гельфериха сказывались еще долго, а вызванная различными сведениями о предстоящих военных действиях подготовка обеих сторон к разрыву продолжалась еще не менее месяца. Германские инстанции никак не могли скоординировать свои действия, так как не были уверены в том, какой выбор был сделан – в пользу сохранения или разрыва отношений с большевиками. Советская сторона не исключала как минимум нового вооруженного шантажа и ограниченных действий по расширению зоны оккупации, причем без возможности предотвратить это за счет переговоров. Впрочем, ощущения беспомощности в Совнаркоме уже не

было. Большевики почти сразу после преодоления паники из-за отъезда Гельфериха решительно возмутились попытками османских войск захватить Баку. Некоторое время даже утверждалось, что из-за новой волны взаимного недоверия в последний момент будет сорвано подписание Добавочного договора. Конечно, это был лишь очередной блеф Иоффе, слишком серьезно воспринятый его германскими контрагентами (см., например, письмо Литвина Штреземану от 23 августа: [Gatzke 1955, S. 97]). Начался новый этап советско-германских отношений, характеризующийся иным соотношением сил.

Крайне напряженный темп событий во всем мире и в сфере советско-германских отношений, в частности, делает крайне сложным даже простое изложение событий конца июля – начала августа 1918 г., однако все признаки флуктуации налицо. Высокий уровень дезинформации, эмоциональность в принятии решений, параллельная реализация сразу нескольких, порой противоположных курсов всеми сторонами конфликта, огромная роль субъективных факторов – все это грозило формированием совершенно иной, нежели произошло в действительности, ситуации в ходе Великой войны, в контексте Гражданской войны в России и вообще в истории Восточной Европы первой четверти XX в. Перебирать альтернативы, логически вытекающие из действий К. Гельфериха и общих тенденций в роковые десять дней лета 1918 г. (например, отказ от переброски германских войск на Запад с Востока), здесь вряд ли уместно, однако без учета инвариантности свершившегося хода событий целостный анализ истории международных отношений попросту невозможен.

Библиография

- Боевой восемнадцатый год. Сб. док-тов и воспоминаний / Под ред. Я.В. Леонтьева. М.: Русская книга, 2019. 590 с.
- Ботмер К. фон. С графом Мирбахом в Москве / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. М.: Книжный клуб «Книгобек», 2010. 395 с.
- Ватлин А.Ю. Последние дни Германской империи в донесениях советского полпреда Адольфа Иоффе (октябрь 1918 г.) // Российская история. 2018. № 5. С. 89–104.
- Егорьев В. Из жизни Западной завесы // Гражданская война 1918–1921 / Под ред. А.С. Бубнова: в 3 т. М.: Военный вестник, 1928. Т. 1. С. 231–245.
- Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб.: Евразия, 2020. 528 с.
- Переписка о постановке минных заграждений на подступах к Петрограду с моря и протестах Германии и Финляндии. Копии телеграмм В.И. Ленина о постановке минного заграждения, 9 и 14 авг. 1918 г. // РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 131. Морской генеральный штаб. 27 л.
- Полторак С.Н. Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире. СПб.: Остров, 2018. 291 с.
- Телеграмма наркома по морским делам с распоряжением председателя СНК о необходимости постановки минных заграждений в Балтийском море и переписка с германским прави-

тельством по вопросу о русских заграждениях в Балтийском море и необходимости установления мин // РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 132. Морской генеральный штаб. 14 л.

Чистиков А.Н. Советско-германские отношения летом 1918 г. в исследованиях В. Баумгарта и Х. Хервига (к истории операции «Шлюсштайн») // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII–XIX веков в зарубежной историографии. СПб.: МФ «РТ и Фор», 1994. С. 132–151.

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München: Oldenburg, 1966 (Mainz, 2010). 462 S.

Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandverstehher? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917–1953 / Hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2017. 449 S.

Gatzke H.W. Dokumentation zu den deutsch-russischen Beziehungen im Sommer 1918 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1955. N 1. S. 67–98.

Gutjahr W.-D. Revolution muss sein: Karl Radek – die Biographie. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2012. 948 S.

Helfferrich K. Der Weltkrieg: 3 Bde. B.: Ullstein, 1919. Bd. 3. 657 S.

Joost W. Botschafter bei den roten Zaren. Die deutschen Missionschefs in Moskau 1918 bis 1941. Wien: Molden, 1967. 336 S.

Kessler H. Graf. Das Tagebuch 1880–1937: 9 Bde. Stuttgart: Cotta, 2006. Bd. 6. 962 S.

Kriegstagebücher Höherer Stäbe und Verwaltungsbehörden. Hauptstaatsarchiv Stuttgart. M 410. Bd. 792.

Kühlmann R., v. Erinnerungen. Heidelberg: Schneider, 1948. 590 S.

Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / Hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1972. 766 S.

Militär und Innenpolitik im Weltkrieg 1914–1918 / Bearb. von W. Deist: 2 Bde. Bd. 2. Dokumente. Düsseldorf: Droste, 1970. 1530 S.

Nadolny R. Mein Beitrag. Wiesbaden: Limes, 1955. 188 S.

Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / Eingl. und hrsg. von J. Hürter. München: Boldt im Oldenburg, 1998. 754 S.

Raumer K., v. Das Ende Helfferrichs Moskauer Mission // Gesamtdeutsche Vergangenheit. München: Bruckmann, 1938. S. 392–399.

Raumer K., v. Karl Helfferrich // Deutscher Westen – Deutsches Reich. Saarpfälzische Lebensbilder. Bd. 1. Kaiserslautern: Verlag der Pfälzischen Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, 1938 a. S. 185–220.

Scheffbuch A. Karl Helfferrich – ein Kämpfer für Deutschlands Größe. Stuttgart: Belser, 1934. 103 S.

Schulte B.F. Die Verfälschung der Riezler Tagebücher: ein Beitrag zur Wissenschaftsgeschichte der 50-er und 60-er Jahre. Frankfurt a. / M.: Lang, 1985. 244 S.

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / Hrsg. von W. Baumgart. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. 750 S.

Wahrmund K. Dr. Karl Helfferrich als Gelehrter, Wirtschaftspolitiker und Staatsmann: ein Beitrag zur Geschichte des Unterganges des bismarckschen Reiches. Leipzig: Hellingsche Verl.-Anstalt, 1938. 169 S.

Williamson J.G. Karl Helfferrich, 1872–1924: economist, financier, politician. Princeton: Princeton Univ. Press, 1971. 457 p.

Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Unveröffentlichte Dokumente // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Teil 1. 1995. N 1. S. 209–247.

Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Unveröffentlichte Dokumente // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Teil 2. 1995 a. N 2. S. 223–266.

Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Unveröffentlichte Dokumente // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Teil 3. 1996. N 2. S. 267–304.

References

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München: Oldenburg, 1966 (Mainz, 2010). 462 S.

Boevoj vosemnadcatyj god. Sb. dok-tov i vospominanij [Fighting eighteenth year / Sat. documents and memoirs] / Pod red. Ya.V. Leont'eva. M.: Russkaya kniga, 2019. 395 p. (In Russ.)

Botmer K. fon. S grafom Mirbahom v Moskve [K. Botmer von. With Count Mirbach in Moscow] / Pod red. Yu.G. Fel'shtinskogo. M.: Knizhnyj klub «Knigovek», 2010. 395 p. (In Russ.)

Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandversther? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917–1953 / Hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2017. 449 S.

Chistikov A.N. Sovetsko-germanskije otnosheniya letom 1918 g. v issledovaniyakh V. Baumgarta i Kh. Kherviga (k istorii operatsii «Shlyusshtayn») [Chistikov A.N. Soviet-German relations in the summer of 1918 in the studies of W. Baumgart and H. Herwig (on the history of the operation «Schlusstein»)] // Gosudarstvennyye instituty i obshchestvennyye otnosheniya v Rossii XVIII–XIX vekov v zarubezhnoy istoriografii. SPb., 1994. P. 132–151. (In Russ.)

Egor'ev V. Iz zhizni Zapadnoj zavesy [Egoriev V. From the life of the Western Veil] // Grazhdanskaya vojna 1918–1921 / Pod red. A.S. Bubnova: v 3 t. M.: Voennyj vestnik, 1928. T. 1. P. 231–245. (In Russ.)

Gatzke H.W. Dokumentation zu den deutsch-russischen Beziehungen im Sommer 1918 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1955. N 1. S. 67–98.

Gutjahr W.-D. Revolution muss sein: Karl Radek – die Biographie. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2012. 948 S.

Kriegstagebücher Höherer Stäbe und Verwaltungsbehörden. Hauptstaatsarchiv Stuttgart. M 410. Bd. 792.

Helfferich K. Der Weltkrieg: 3 Bde. B.: Ullstein, 1919. Bd. 3. 657 S.

Joost W. Botschafter bei den roten Zaren. Die deutschen Missionschefs in Moskau 1918 bis 1941. Wien: Molden, 1967. 336 p.

Kessler H. Graf. Das Tagebuch 1880–1937: 9 Bde. Stuttgart: Cotta, 2006. Bd. 6. 962 S.

Kühlmann R. v. Erinnerungen. Heidelberg: Schneider, 1948. 590 S.

Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1972. 766 S.

Lannik L.V. Posle Rossijskoj imperii. Germanskaya okkupaciya 1918 g. [Lannik L.V. After the Russian Empire. German occupation of 1918 St. Petersburg]. SPb.: Evraziya, 2020. 528 p. (In Russ.)

Militär und Innenpolitik im Weltkrieg 1914–1918 / bearb. von W. Deist: 2 Bde. Bd. 2. Dokumente. Düsseldorf: Droste, 1970. 1530 S.

Nadolny R. Mein Beitrag. Wiesbaden: Limes, 1955. 188 S.

Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / ingl. und hrsg. von J. Hürter. München: Boldt im Oldenbourg, 1998. 754 S.

Perepiska o postanovke minnyh zagrazhdenij na podstupah k Petrogradu s morya i protestah Germanii i Finlyandii. Kopii telegramm V.I. Lenina o postanovke minnogo zagrazhdeniya, 9 i 14 avg. 1918 g. [Correspondence on the setting of minefields on the approaches to Petrograd from the sea and the protests of Germany and Finland. Copies of Lenin's telegrams about setting up a minefield, 9 and 14 Aug. 1918] // RGA VMF. F. R-342. Op. 1. D. 131. Morskoj general'nyj shtab. 27 l. (In Russ.)

Poltorak S.N. Brest-Litovsk. 100 let istorii peregovorov o mire. [Poltorak S.N. Brest-Litovsk. 100 years of history of peace negotiations]. SPb.: Ostrov, 2018. 291 p. (In Russ.)

Raumer K., v. Das Ende Helfferichs Moskauer Mission // Gesamtdeutsche Vergangenheit. München: Bruckmann, 1938. S. 392–399.

Raumer K., v. Karl Helfferich... Deutscher Westen – Deutsches Reich. Saarpfälzische Lebensbilder. Bd. 1. Kaiserslautern: Verlag der Pfälzischen Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, 1938. S. 185–220.

Scheffbuch A. Karl Helfferich – ein Kämpfer für Deutschlands Größe. Stuttgart: Belser, 1934. 103 S.

Schulte B.F. Die Verfälschung der Riezler Tagebücher: ein Beitrag zur Wissenschaftsgeschichte der 50-er und 60-er Jahre. Frankfurt a. / M u.a.: Lang, 1985. 244 S.

Telegramma narkoma po morskim delam s rasporyazheniem predsedatelya SNK o neobhodimosti postanovki minnyh zagrazhdenij v Baltijskom more i perepiska s germanskim pravitel'stvom po voprosu o russkikh zagrazhdeniyah v Baltijskom more i neobhodimosti ustanovleniya min. [Telegram of the People's Commissar for Maritime Affairs with an order from the Chairman of the Council of People's Commissars on the need to lay minefields in the Baltic Sea and correspondence with the German government on the issue of Russian obstacles in the Baltic Sea and the need to establish mines]. RGA VMF. F. R-342. Op. 1. D. 131. Morskoj general'nyj shtab. 14 l. (In Russ.)

Vatlin A.Yu. Poslednie dni Germanskoj imperii v doneseniyah... [Vatlin A.Yu. The last days of the German Empire in the reports of the Soviet plenipotentiary Adolf Ioffe (October 1918)]. Rossijskaya istoriya. 2018. N 5. P. 89–104. (In Russ.)

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. 750 S.

Wahrmund K. Dr. Karl Helfferich als Gelehrter, Wirtschaftspolitiker und Staatsmann: ein Beitrag zur Geschichte des Unterganges des bismarckschen Reiches. Leipzig: Hellingsche Verl.-Anstalt, 1938. 169 S.

Williamson J.G. Karl Helfferich, 1872–1924: economist, financier, politician. Princeton: Princeton Univ. Press, 1971. 457 p.

Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Unveröffentlichte Dokumente // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Teil 1. 1995. N 1. S. 209–247; Teil 2. 1995. N 2. S. 223–266; Teil 3. 1996. N 2. S. 267–304.

Е.С. Жданова

**ПОМОЩЬ СВЯТОГО ПРЕСТОЛА ГРАЖДАНМ СССР,
ОКАЗАВШИМСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ, В 1941–1947 гг.
(по материалам Апостольского архива Ватикана)***

Аннотация. Статья посвящена практически не изученной в отечественной историографии проблеме помощи Святого Престола советскому населению в годы Второй мировой войны. К сожалению, из-за идеологического диктата в годы советской власти, а затем в связи с ограниченной источниковой базой вопрос помощи советскому народу со стороны Ватикана до сих пор не был рассмотрен в полной мере и лишь отрывочно представлен в работах разных исследователей. В марте 2020 г. Ватикан открыл свои архивы 1939–1958 гг., тем самым предоставив историкам возможность основательно изучить понтификат Пия XII. Данная статья, безусловно, не сможет отразить в полной мере такую сложную и многогранную проблему, однако на основе новых документов архива Государственного секретариата Ватикана рассмотрим, какие инициативы высказывались Святым Престолом в период с 1941 по 1947 г. для поддержки советского населения, оказавшегося за пределами СССР, и что в конечном счете было реализовано на практике. Работа даст исследователям возможность ознакомиться с теми конкретными фактами помощи, свидетельства о которых сохранились в Апостольском архиве Ватикана. В ходе исследования было установлено, что Святой Престол активно интересовался судьбой советских граждан, а также оказывал им помощь религиозными предметами и денежными суммами.

Ключевые слова: Ватикан; Святой Престол; Пий XII; Вторая мировая война; Апостольский архив Ватикана; советские граждане; благотворительность.

Жданова Екатерина Сергеевна – аспирант
МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт Всеобщей истории РАН,
младший научный сотрудник, Россия, Москва.
E-mail: Nacht1993@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Entangled Histories: Россия и Ватикан, 1917–1958 гг.» № 19-18-00482.

Zhdanova E.S. Assistance of the Holy See to the Citizens of the USSR Who Were Abroad in 1941–1947 (Based on the Materials of the Vatican Apostolic Archives)

Abstract. *The article looks at the assistance from the Holy See to the Soviet population during the Second world war – the problem which has not been studied in Russian historiography. Regretfully, due to the ideological dictate of the Soviet regime and, later, to the limited source base, the issue of assistance to the Soviet people from the Vatican has not yet been fully studied and is only sketchily presented in the works of various researchers. In March 2020, the Vatican opened its archives for the period of 1939–1958, thus giving historians the opportunity to thoroughly study the pontificate of Pius XII. This article, of course, will not be able to fully examine such complex and multifaceted problem, but, basing on new documents from the archives of the Secretariat of State, we consider what initiatives were taken by the Holy See in the period from 1941 to 1947 to support the Soviet people outside the USSR, and what was eventually implemented in practice. The work gives scholars the opportunity to get acquainted with the concrete facts of assistance, the evidence of which is preserved in the Vatican Apostolic Archives. The study finds that the Holy See was actively interested in the fate of Soviet citizens and provided them with church items and money.*

Keywords: *Vatican; Holy See; Pius XII; World War II; Vatican Apostolic Archives; soviet citizens; charity.*

**Zhdanova Ekaterina Sergeevna – PhD Student,
Lomonosov Moscow State University; Junior Researcher,
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow. E-mail: Nacht1993@mail.ru**

Роль Ватикана в событиях Второй мировой войны и в послевоенные годы сегодня является одной из самых обсуждаемых тем в профессиональных кругах и среди любителей. Одним из важнейших вопросов остается проблема благотворительной деятельности понтифика и его реальной поддержки жертвам войны. Однако в современной историографии основное внимание историки уделяют еврейскому вопросу¹. Что же касается вопросов помощи советским

1. В историографии сложилось несколько направлений, которые по-разному оценивают благотворительную деятельность Святого Престола в годы Второй мировой войны. Так, например, исследователь Джон Корнуэлл не согласен с тезисом о том, что Святой Престол оказывал поддержку евреям, пострадавшим в годы войны: не обвиняя напрямую папу в антисемитизме, в то же самое время исследователь отмечает негативное отношение к евреям, которое присутствовало в курии. См. об этом подробнее: [Cornwell 1999]. В свою очередь, Сюзан Дзукотти утверждает, что Ватикан, хотя и имел возможность помочь евреям, не смог сделать это в полной мере, а отдельные мероприятия по оказанию помощи являются не реализацией централизованного плана Святого Престола, а частными инициативами священнослужителей,

гражданам, то здесь остаются белые пятна. И если историки могут воссоздать картину благотворительной деятельности до Второй мировой войны², то с военным временем все обстоит хуже. В большей степени на слабую изученность проблемы повлиял ограниченный доступ к источниковой базе. Опубликованные в 1965–1981 гг. «*Actes et documents du Saint-Siège relatifs à la période de la Seconde Guerre Mondiale*» были попыткой предоставить исследователям материал для изучения времени понтификата Пия XII, который с 1960-х годов подвергался критике за свое молчание в годы войны. Помимо дипломатической переписки и освещения вопросов, касающихся международных отношений, составители посвятили четыре тома жертвам войны, собрав в книгах документы, свидетельствующие о еще одном направлении деятельности Святого Престола – о помощи и поддержке гражданам, оказавшимся в трудной ситуации. Однако опубликованные источники не освещали в полной мере все вопросы, и некоторые аспекты деятельности Святого Престола оставались неясными. В связи с открытием Апостольского архива Ватикана (AAV) периода 1939–1958 гг. стал доступен «*L'Archivio della Commissione Soccorsi*», часть источников которого уже ранее вошла в «*Actes et documents du Saint-Siège relatifs à la période de la Seconde Guerre Mondiale*». Этот архив дает возможность исследователям более подробно изучить проблему жертв войны и мероприятия, которые предпринимал Святой Престол по этому вопросу.

В данной работе мы остановимся на возможностях архива, которые помогут историкам осветить деятельность Святого Престола в оказании помощи беженцам и эмигрантам, покинувшим родину до начала войны, а также пленным советским гражданам, перемещенным лицам и беженцам, оказавшимся в Европе или на оккупированных территориях в ходе конфликта. В основе исследования лежит изучение *busta 225* и *busta 226*, которые связаны с деятельностью Папской комиссии помощи (*Commissione Socorsi*), а также

см. об этом подробнее: [Zuccotti 2000]. В то же самое время другая группа историков (с особенно резкой критикой первого направления выступает Р. Ричлак) делает акцент на том, что исследователям стоит останавливаться не на вопросе «чего не сделал Ватикан для спасения людей?», а на вопросах «а что Ватикан сделал и почему?», таким образом акцентируя свое внимание на факте значительной помощи еврейскому населению. Еврейский исследователь Лапайд отмечал, что «Католическая церковь в годы войны спасла больше еврейских жизней, чем все другие церкви, религиозные институты и организации помощи вместе взятые», см. об этом подробнее: [Lapide 1967; Miccoli 2000; Marchione 2000; Rychlak 2005].

2. На сегодня исследователи установили, что Святой Престол оказывал поддержку советским гражданам как тем, кто проживал на территории СССР, так и тем, кто оказался за его пределами, см. об этом: [Лиценбергер 2001; Винтер 1977; Россия и Ватикан 2014; Беккер 2007; Петракки 2002].

с ее непосредственной реакцией на те запросы, которые она получала. В исследовании мы рассмотрим, какие инициативы исходили от Святого Престола и были ли они реализованы, а также о чем просили папу обычные люди. Исследование вводит в научный оборот ранее не опубликованные источники, а также содержит описание месторасположения документов в архиве. Это важно для специалистов, изучающих обозначенную тему, так как Апостольский архив не предоставляет возможность получить эту информацию удаленно. Хронологические рамки исследования ограничены 1941–1947 гг., что, с одной стороны, связано с началом войны СССР и Германии, а с другой – с закрытием приюта русских беженцев в Риме на Виа Тассо и началом массового вывоза советских граждан из Италии в разные страны мира.

Отобранные нами источники можно разделить на две условные группы.

1. Личные инициативы Святого Престола по вопросам помощи пленным советским гражданам; стоит отметить, что во всех документах, связанных с военнопленными, советских граждан называют «русскими», и именно поэтому в данной части исследования мы будем употреблять это определение.

2. Просьбы, поступавшие в курию; данная группа источников охватывает только послевоенный период с 1945 по 1947 г.

1. Личные инициативы Святого Престола

Что касается первой группы, то часть именно этих источников уже была опубликована ранее, однако в подробностях воссоздать картину того, какие реальные действия были с их помощью предприняты курией, не удалось. Сам по себе вопрос помощи военнопленным вставал перед римскими понтификами еще в годы Первой мировой войны. Позднее, в 20–30-е годы XX в. Святой Престол уделял большое внимание мирным инициативам и конференциям, посвященным пострадавшим от конфликтов – представители Ватикана присутствовали на конгрессе Красного Креста в Токио в 1934 г., а затем в Лондоне в 1938 г. [Blet 1999, p. 186]. С началом Второй мировой войны проблема вновь стала актуальной, и Пий XII регулярно высказывался по этому поводу и просил правительства воюющих стран как можно скорее разрешить вопрос, призывая молиться за тех, кто мечтал увидеть свои дома и кто находился в плену и ждал своего освобождения [Pius XII]. Ватикан обладал обширными связями в плане оказания благотворительной помощи: помимо непосредственных возможностей различных нунциев, Святой Престол контактировал с Красным Крестом, Делегацией помощи еврейским эмигрантам (DELASEM), швейцарской католической миссией, Делом св. Рафаэля, Американским комитетом Друзей на службе обществу. В ноябре 1941 г. при Святом Престоле

была создана Папская комиссия помощи³ под председательством кардинала Джованни Баттиста Монтини, выступавшая посредником в деле обмена пленными, доставки медикаментов и оказывавшая прочую вспомогательную деятельность и покровительство [Blet, Graham 1972, p. 6].

Однако уже в 1941 г. возникли трудности с оказанием реальной помощи пострадавшим: было закрыто Дело св. Рафаэля, часть организаций встречала сопротивление со стороны властей, возникали проблемы с выдачей виз, что тормозило процесс получения данных о жертвах и оказания им помощи. Дальше ситуация только усложнялась: в феврале 1943 г. Красный Крест заявил, что всякие публичные выступления папы не несут никакого смысла (а возможно, наоборот, могут навредить), а помощь следует оказывать тем, кто уже спасен и нуждается в поддержке [Blet 1999, p. 215]. Хотя выступление было связано в первую очередь с еврейской проблемой, в целом в первые годы войны прослеживается тенденция на сокращение числа каналов помощи, что ограничивало возможности Святого Престола в деле благотворительности. В таких условиях в августе 1942 г. Святой Престол отправил запрос нунциям в Будапеште и Бухаресте с целью ознакомиться со списком пленнх русских, пребывающих в лагерях Венгрии и Румынии [Notes 1974, p. 648]. Нунцию в Румынии Андреа Кассуло удалось установить, что в лагерях, помимо верующего католического, православного и мусульманского контингента, находилось большое количество военнопленных, разделявших большевистские идеи [Russi – Militari – Romania 1941, f. 11]. Кроме того, представитель Святого Престола смог получить аудиенцию у премьер-министра Й. Антонеску, где последний дал согласие на его посещение лагерей с пленными [Notes 1974, p. 648]. Нунций в Венгрии, которым был Анджело Ротта, в свою очередь не смог получить подробную информацию, поэтому его сведения ограничились сообщением о четырех русских, находившихся в больницах [Russi – Militari – Ungheria 1941, f. 9].

В июне-июле 1942 г. Андреа Кассуло удалось побывать в румынском лагере, где нунций собрал сведения о содержащихся там военнопленных, а представители католической миссии раздали небольшие отпечатанные иконки Богородицы. О своем визите Кассуло предоставил богатый фотоотчет [Russi – Militari – Romania 1942. Visita del Nuncio, f. 1–37], а также сообщил сведения о религиозной принадлежности заключенных: 2105 человек были православными, 509 – мусульманами, 1323 – атеистами и 31 – католиками [Russi – Militari – Romania 1942. Visita ai prigioneri, f. 28]. В дальнейшем нунций посетил лагерь еще 2 раза: в конце апреля 1943 г. и с 28 октября по 4 ноября 1943 г. [Le nonce 1975, p. 560]. Во время этих посещений представи-

3. Далее по тексту «Комиссия».

телю Святого Престола удалось побеседовать с пленными, поговорить с ними о вере и, как отмечал нунций, со стороны русских он не встретил агрессии или неуважения. В ходе одного из визитов миссия подготовила пасхальные открытки с молитвами [Russi – Militari – Romania 1943, f. 4].

Вопрос поддержки военнопленных чрезвычайно беспокоил Ватикан и в 1939 г. с началом Второй мировой войны им было создано информационное бюро с целью розыска пленных и оказания им помощи [Юдин 2002, с. 1760] во главе с Александром Евреиновым [Колупаев 2015]. В 1941 г. Святой Престол обратился к Германии с предложением создать похожую информационную службу для немецких и итальянских заключенных в России. Служба должна была, помимо прочего, вести подсчет численности русских пленных в Германии и Италии. Позднее, летом 1942 г., последовало еще одно обращение с предложением о создании информационной службы уже для пленных всех национальностей в Германии [Notes 1974, p. 655]. Инициатива, по всей видимости, не нашла поддержки в силу позиции как самой Германии, так и СССР. Несмотря на то что еще до войны Советский Союз присоединился к одной из трех конвенций, принятых в Женеве в 1929 г. [Стартиевский 2014, с. 79], а Германия сделала это еще раньше, обе страны не соблюдали договоренности. Уже в июле 1941 г. нарком иностранных дел В.М. Молотов подготовил ноту с осуждением преступлений германских властей в отношении советских пленных. Обмен пленными не состоялся, так как обе страны в дальнейшем продолжали нарушать положения Женевской конвенции. Помимо этого Германия отказалась предоставлять списки пленных Ватикану [Blet 1999, p. 186].

Что касается Италии, то ее власти, хотя сначала и высказывались о том, что в скором времени к ним должно поступить примерно 5 тыс. русских [Notes 1974, p. 654], в дальнейшем заявили, что не могут передать точные сведения, так как пленные находились в руках германского командования [Russi – Militari – Italia 1941, f. 6]. Итальянское правительство оценило инициативы Святого Престола и поблагодарило его за благие намерения [Le cardinal 1974, p. 549], а в мае 1942 г. нунций в Италии Франческо Боргоньини Дука сообщил, что на итальянской земле русских пленных все еще не было [Le cardinal 1974, p. 548]. К концу 1942 г., когда германские лагеря оказались переполненными, а русские военнопленные стали этапироваться на север Италии, Святой Престол все-таки получил списки, а также и уведомление в том, что условия содержания можно считать удовлетворительными [Russi – Militari – Italia 1943, f. 3].

Также в 1942 г. сведения о русских военнопленных поступили из Финляндии. По первоначальным сведениям, на ее территории к этому моменту уже скончались 20 тыс. человек. Но позднее, 4 января 1943 г., из Швейцарии была получена новая информация: в Финляндии в плену находились 56 тыс.

человек, из них скончались 12 тыс. Святому Престолу сообщили, что их смерть была связана не с условиями содержания, а с полученными в ходе военных действий ранениями (хотя и отмечалась скудость питания в связи с бедностью в стране) [Russi – Militari – Finlandia 1943, f. 8]. Апостольский викариат Финляндии подтвердил эту информацию [Russi – Militari – Finlandia 1943, f. 10].

Кроме этого, в документах находится решение Комиссии отправлять на оккупированные русские земли через военных капелланов итальянских армий иконки, отпечатанные молитвы, медальоны и прочие культовые предметы, которые должны были укреплять веру населения и приобщать к ней советских граждан [Russi – Civili – Russi 1942. C. invio di medaglie, f. 1–7]. Именно для того, чтобы они глубже прониклись христианскими заветами, на русский язык была переведена энциклика Льва XIII *Rerum Novarum* [Russi – Civili – Russia 1942. Traduzione in russo, f. 1–9], посвященная проблеме взаимоотношений между государством, рабочими, капиталом и церковью. Стоит отметить, что еще летом 1941 г. в соответствии с директивами фюрера был подготовлен Оперативный приказ № 10 Главного управления имперской безопасности, в соответствии с которым предписывалось высылать католических и униатских священников, прибывших на оккупированные территории СССР⁴. В декабре 1941 г. рейхсляйтер, начальник Партийной канцелярии НСДАП Мартин Борман составил меморандум, где кратко характеризовалась сущность отношений национал-социализма к христианству: «Национал-социалистские и христианские идеи несовместимы... Все влияния, которые могут ослабить или нанести ущерб народному руководству, которое осуществляется фюрером при помощи НСДАП, должны быть устранены: народ должен быть все более и более отделен от церкви и ее рупора – пасторов» [Нюрнбергский процесс 1999, с. 343]. Возможно, что такая жесткая позиция властей Германии предопределила неудачу в развертывании широкой миссионерской деятельности католической церкви на территориях, где разворачивался военный конфликт.

Таким образом, первая группа источников свидетельствует о заинтересованности Ватикана в судьбах советских граждан, которые в годы войны оказались в плену, и некоторых инициативах, исходивших со стороны Святого Престола.

4. 24 ноября 1942 г. Восточным министерством был подготовлен проект «Указаний военным организациям об отношении к конфессиональным вопросам», в котором отмечалась заинтересованность Ватикана в распространении своего влияния на территориях СССР. В связи с этим проект обязывал пресекать такие миссионерские попытки, см. подробнее: [Шкаровский 2003].

2. Просьбы, поступавшие в курию

С окончанием конфликта международная обстановка изменилась: росло недоверие между бывшими союзниками, формировались противостоявшие друг другу военно-политические блоки. На этом фоне одним из актуальных вопросов оставалась проблема репатриации. Еще в ходе Ялтинской конференции в феврале 1945 г. союзники пришли к соглашению об организации возвращения граждан СССР обратно на Родину [Кулагина 2012, с. 760]. Однако уже с Потсдамской конференции стали заметны разногласия в вопросе определения круга лиц, подлежащих обязательному возвращению в СССР: проблема заключалась в том, что Великобритания и США отказывались принимать требования Советского Союза, смысл которых заключался в том, чтобы репатриировать перемещенных лиц из западной части страны, вошедшей в состав СССР после 1 сентября 1939 г. [Земсков 2013, с. 106], вне зависимости от их желания. Кроме того, также пыталась избежать возвращения на родину и часть населения, перемещенного с территорий, входивших в состав СССР до начала Второй мировой войны. Репатриация устраивала далеко не всех, кто оказался за пределами Советского Союза: для многих вернуться в СССР означало пройти сложные этапы фильтрационных лагерей, возможность потерять репутацию в обществе или того хуже – оказаться предателем Родины и закончить свою жизнь в ГУЛАГе.

Вторая группа источников данного исследования, относящаяся к послевоенному времени, свидетельствует о том, что, помимо интереса Святого Престола к русским военнопленным, поддержку от него могли ожидать и те, кто лично взывал к папе или писал в курию из эмигрантов или перемещенных лиц. В архиве находится обращение от 12 июня 1945 г. князя Сергея Георгиевича Романовского, правнука императора Николая I, который возглавлял Русскую общину в Риме и был управляющим Гоголевской библиотеки. В своем письме к понтифику князь просил Святой Престол помочь общине деньгами и вещами [Russi – Civili – Italia 1945, f. 18]. Комиссия не только поддержала эту просьбу, но и оказывала поддержку путем передачи книг и выдачи средств на проведение медицинских операций. Помимо этого С.Г. Романовский сообщал, что в Риме собралось большое количество беженцев, не желавших возвращаться в СССР – общину волновал вопрос возможной передачи советских граждан итальянским правительством в руки властей Советского Союза. Таким образом, перед Святым Престолом встал еще один вопрос – могут ли советские граждане избежать репатриации и остаться в тех местах, где они смогли осесть в годы войны? Летом 1945 г., ссылаясь на заявления министра Великобритании, Святой Престол был уверен, что никто из русских не будет передан в руки Советов против их воли [Russi – Civili – Italia 1945, f. 18].

Архив сохранил интересные обращения украинцев, оказавшихся за пределами СССР. От 19 января 1941 г. сохранилась просьба о финансовой

помощи от ассоциации украинских студентов, находившихся в Вене. Без указания на происхождение своей организации, они сообщали, что в СССР их коллеги живут как рабы и страдают от религиозных и национальных притеснений [Aiuti agli studenti ucraini 1941, f. 3–5]. Следующее обращение было от группы украинцев, направлявшихся из Словакии на работы в Германию. Авторы письма (колония украинцев, как указано в тексте) сообщали 18 мая 1942 г. об ужасных условиях, в которых они находились и просили Святой Престол помочь им финансово на станциях, где останавливался поезд. Комиссия связалась с нунцием в Словакии и через него выделила в качестве помощи 152 долл. [Russi – Civili – Slovacchia 1942, f. 4–5].

Были и личные обращения к папе, которые, судя по документам, так и не нашли ответа. К сожалению, по источникам сложно установить их географическое происхождение и социальное положение их авторов. Некоторые из них, абсолютно наивные, имели своей целью улучшение уровня жизни. Так, например, 26 августа 1946 г. двое русских просили папу дать им какую-нибудь работу, чтобы остаться в Италии [Russi – Civili – Italia 1946, f. 2]. Сохранилось письмо на русском языке, в котором его автор, будучи шофером, так пытался доказать свою личную нужность понтифику, что написал: «Папа,.. дайте за мною вашу машину», обещая Пию XII быть его личным водителем. Стремясь обрести покровительство Святого Престола и не желая возвращаться в Советский Союз, люди просили понтифика дать им любую работу. В архиве хранится и другое обращение с просьбой оставить его составителя в Риме: автор аргументировал это тем, что он «никого не обижал, и никого не обокрал, и никого не отругал».

Сохранились и такие обращения, которые появились в связи с возникшей угрозой насильственной репатриации. В соответствии с уже упомянутыми Ялтинскими соглашениями союзники также были обязаны вернуть на родину в СССР военных преступников и коллаборационистов. В районе Риччоне на восточном побережье Италии в ведении английской администрации находился лагерь с военнопленными, где содержались не только бывшие «власовцы», но и множество подростков, вывезенных гитлеровцами из СССР [Земсков 1991, с. 10]. Святой Престол был озабочен их судьбой, так как для Комиссии, в первую очередь, это был вопрос по спасению человеческих жизней⁵. Поэтому Комиссия зачастую осведомлялась о планах союзников по выдаче

5. Военная коллегия Верховного Суда РФ 1.11.2001 г. отказалась реабилитировать Власова и участников Русской освободительной армии, тем самым подтвердив, что они являются военными преступниками. В работе мы ни в коем случае не считаем интерес Святого Престола к власовцам благотворительностью, однако, включаем этот эпизод, так как в лагере помимо военных преступников находились советские дети, чья судьба беспокоила членов Комиссии.

пленных граждан СССР. 21 мая 1947 г. было получено письмо о решении британских властей передать военнопленных лагеря Риччоне в руки советской власти [Russi – Civili – Italia 1947, f. 35]. В делах нет документов, которые бы освещали реакцию Святого Престола на это событие, только газета «L'ora d'Italia» от 22.05.1947, где заглавными буквами было обозначено, что бывшие пленные едут в Сибирь в plombированных вагонах [Russi – Civili – Italia 1947, f. 42].

Как мы видим, Святой Престол активно интересовался судьбой русского населения, и хотя религиозная принадлежность не была определяющим фактором при решении об оказании помощи тем или иным людям, этот вопрос был объектом внимания курии⁶. Причинами такого интереса, помимо желания оказать помощь в целом, стали те препятствия в распространении католической веры в СССР, которые создавала идеологическая пропаганда советской власти. Святой Престол не терял надежды на возрождение католичества среди русских, которые с интересом относились к католическим проповедям и проявляли равнодушие к православию. Осевшие в Риме в годы войны беженцы в числе 50 человек были размещены в бывшей штаб-квартире Гестапо на Виа Тассо 155. В 1946 г. к ним присоединились бежавшие православные священники. Туда для окормления паствы приходили члены Руссикума. Среди них были священники Сергей Оболенский, Георгий Брянчанинов, Стефан Виргулин, в результате общения с ними к католичеству присоединились около 30 человек [Голованов 2015, с. 105]. Однако уже после войны в письме к представителю Великобритании при Святом Престоле от 28 мая 1947 г. было с горечью сообщено о решении правительства закрыть это прибежище русских, что, с одной стороны, порождало вопросы об их будущем [Russi – Civili – Italia 1947, f. 31], а с другой – не давало возможности католической церкви реализовать свои миссионерские замыслы.

Таким образом, что касается первой выделенной нами группы источников, то, проанализировав их, можно сказать, что Святой Престол был обеспокоен судьбой русского населения и пытался выяснить судьбу советских военнопленных, однако их религиозная принадлежность не влияла на решения представителей католической церкви о посещении лагерей. По второй группе источников можно сделать вывод о том, что коллективные обращения зачастую находили ответ со стороны Святого Престола, и он пытался помочь ока-

6. Сравнивая результаты нашего исследования и выводы К. Доммарко [Доммарко 2019], мы наблюдаем определенную преемственность курса Святого Престола по вопросам благотворительности и, как и исследователь, приходим к выводу о том, что важным для Святого Престола было «оказание помощи нуждающимся без учета политических и религиозных убеждений». Тем не менее стоит добавить, что оба фактора в определенной степени интересовали Святой Престол.

завшимся в сложной ситуации не только отправкой культовых предметов, но и финансово. Что же касается личных обращений, то на основании исследуемых дел трудно сказать о какой-то масштабной помощи их авторам. «L'Archivio della Commissione Soccorsi» за период с 1941 по 1947 г. свидетельствует об интересе Святого Престола к советским гражданам, оказавшимся за границей, а также дает возможность более детально изучить вопросы папской благотворительности по отношению к советским военнопленным, перемещенным лицам и беженцам.

Библиография

Беккер В. Советская религиозная политика и помощь Ватикана голодающим России: германская внешняя политика между Москвой и Римом, 1920–1929 годы // Россия и Ватикан. Вып. 2. М., 2007.

Винтер Э. Политика Ватикана в отношении СССР. 1917–1968. М.: Прогресс, 1977. 250 с.

Голованов С.В. Русское католическое дело: Римско-католическая церковь и русская эмиграция в 1917–1991 годы. Омск: Амфора, 2015. 464 с.

Доммарко К. *Modus operandi* Святого Престола при рассмотрении некоторых запросов о помощи, направленных в Ватикан в 1920–1930-е гг.: на основе новых архивных документов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 11 (85) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840008073-9-1/> (дата обращения: 10.06.2020).

Земсков В.Н. «Возвращенцы» и «невозвращенцы» (о судьбе советских перемещенных лиц в 1944–1956 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 1. С. 103–113.

Земсков В.Н. Рождение «Второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 3–24.

Колупаев В.Е. Александр Николаевич Евреинов как ватиканский дипломат и деятель Русского Зарубежья // *Studia Humanitatis*. 2015. N 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-nikolaevich-evreinov-kak-vatikanskiy-diplomat-i-deyatel-russkogo-zarubezhya/viewer> (дата обращения: 10.06.2020).

Кулагина В.Ю. Создание и основные направления деятельности органов репатриации в СССР в годы Второй мировой войны // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 759–763.

Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. 384 с.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов: в 8 т. М.: Юридическая литература, 1999. Т. 8. 792 с.

Петракки Дж. Папская миссия помощи России. 1921–1923 гг. // Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX в. СПб.: Алетейя, 2002. С. 185–259.

Россия и Ватикан. М.: Ленанд, 2014. Вып. 3. Русская эмиграция в Европе и Католическая церковь в межвоенный период. 312 с.

Стартиевский Д.В. Советские военнопленные Второй мировой и гуманитарное право. Могла ли Москва спасти своих граждан? // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2014. № 1 (15). С. 79–90.

Шкаровский М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов. М.: Изд-во Крутиц. Патриаршего Подворья: Об-во любителей церков. истории, 2003. 366 с.

Юдин А.В. Евреинов // Католическая энциклопедия. М.: Издательство францисканцев, 2002. Т. 1. С. 1760.

Aiuti agli studenti ucraini. 1941 // Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 5. Ff. 1–14.

Blet P. Pio XII e la Seconda Guerra Mondiale negli Archivi Vaticani. Milano, 1999. 392 p.

Blet P., Graham A., Martini A., Schneider B. Actes et documents du Saint-Siège relatifs à la période de la Seconde Guerre Mondiale. V. 6. Citta del Vaticano: Tipografia poliglotta Vaticana, 1972. 558 p.

Cornwell J. Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII. N.Y., 1999.

Lapide P. The Last Three Popes and Jews. London, 1967.

Le cardinal Maglione au nonce en Italie Borgongini Duca 13.05.1942 // Actes et documents du Saint-Siège relatifs à la période de la Seconde Guerre Mondiale. V. 8. Citta del Vaticano: Tipografia poliglotta Vaticana, 1974. P. 548–549.

Le nonce à Bucarest Cassulo au cardinal Maglione 16.11.1943 // Actes et documents du Saint-Siège relatifs à la période de la Seconde Guerre Mondiale. V. 9. Citta del Vaticano: Tipografia poliglotta Vaticana, 1975. P. 560–564.

Marchione M. Pope Pius XII: Architect for Peace. New Jersey, 2000.

Miccoli G. I dilemmi e i silenzi di Pio XII. Vaticano, Seconda guerra mondiale e Shoah. Milano, 2000.

Notes de la Secrétairerie d'Etat 19.09.1942 // Actes et documents du Saint-Siège relatifs à la période de la Seconde Guerre Mondiale. V. 8. Citta del Vaticano: Tipografia poliglotta Vaticana, 1974. P. 647–655.

Pius XII. Communium interpretes dolorum // Encyclicals of Pius XII. URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xii/en/encyclicals/documents/hf_p-xii_enc_15041945_communium-interpretes-dolorum.html (дата обращения: 10.06.2020).

Russi – Civili – Italia. 1945 // Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 226, fasc. 42. Ff. 1–19.

Russi – Civili – Italia. 1946 // Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 226, fasc. 54. Ff. 1–3.

Russi – Civili – Italia. 1947 // Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 226, fasc. 59. Ff. 1–52.

Russi – Civili – Russia. 1942. C. invio di medaglie ed oggetti di pietà in Russia a mezzo dei cappellani militari italiani // Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 13. Ff. 1–7.

Russi – Civili – Russia. 1942. Traduzione in russo delle due Encicliche «Rerum novarum» e «Quadragesimo Anno» // Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 7. Ff. 1–9.

Russi – Civili – Slovacchia. 1942. 5000 corone per la Colonia Ucraina in Bratislava // Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 9. 1942. Ff. 1–8.

Russi – Militari – Finlandia. 1943 // Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 17. Ff. 1–11.

Russi – Militari – Italia. 1941. Tentativi per la creazione di un Ufficio d'Informazioni per I prigionieri italo-russi // Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 4. Ff. 1–9.

- Russi – Militari – Romania. 1941. Si chiedono notizie di Nunzio di Romania // Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 2. Ff. 1–19.
- Russi – Militari – Ungheria. 1941. Si chiedono notizie di Nunzio di Ungheria // Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, pos. 1. Ff. 1–12.
- Russi – Militari – Romania. 1942. Visita ai prigionieri russi in Romania e distribuzione di immagini // Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 6. Ff. 1–31.
- Russi – Militari – Romania. 1942. Visita del Nuncio Apostolico ai prigionieri di guerra // Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 10. Ff. 1–37.
- Russi – Militari – Italia. 1943. C. venuta di prigionieri sovietici in Italia // Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 20. Ff. 1–7.
- Russi – Militari – Romania. 1943 // Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 18. Ff. 1–29.
- Zuccotti S. *Under His Very Windows: The Vatican and the Holocaust in Italy*. Yale University Press, 2000.

References

- Aiuti agli studenti ucraini. 1941. Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 5. Ff. 1–14.
- Becker V. Sovetskaja religioznaja politika i pomoshh' Vatikana golodajushhim Rossii: german-skaja vneshnjaja politika mezhdru Moskvoy i Rimom, 1920–1929 gody [Soviet religious policy and Vatican assistance to starving Russia: German foreign policy between Moscow and Rome, 1920–1929]. *Russia and the Vatican*. Iss. 2. Moscow, 2007. (In Russ.)
- Blet P. Pio XII e la Seconda Guerra Mondiale negli Archivi Vaticani. Milano, 1999. 392 p.
- Blet P., Graham A., Martini A., Schneider B. *Actes et documents du Saint-Siège relatifs à la période de la Seconde Guerre Mondiale*. V. 6. Citta del Vaticano: Tipografia poliglotta Vaticana, 1972. 558 p.
- Cornwell J. *Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII*. N.Y., 1999.
- Dommarko K. Modus operandi Svjatogo Prestola pri rassmotrenii nekotoryh zaprosov o pomoshhi, napravlennyh v Vatikan v 1920–1930-e gg.: na osnove novyh arhivnyh dokumentov [Modus operandi of the Holy See when considering some requests for assistance sent to the Vatican in the 1920–1930s: based on new archival documents]. *Electronic scientific and educational journal «History»*. 2019. Vol. 10. Iss. 11 (85). URL: <https://history.jes.su/s207987840008073-9-1/> (date of access: 10.06.2020). (In Russ.)
- Golovanov S.V. Russkoe katolicheskoe delo: Rimsko-katolicheskaja cerkov' i russkaja jemi-gracija v 1917–1991 gody [Russian Catholic cause: the Roman Catholic Church and Russian emigration in 1917–1991]. Omsk: Amfora, 2015. 464 p. (In Russ.)
- Judin A.V. Evreinov. Katolicheskaja jenciklopedija [Catholic encyclopedia]. Moscow: Franciscan Publishing House, 2002. Vol. 1. P. 1760. (In Russ.)
- Kolupaev V.E. Aleksandr Nikolaevich Evreinov kak vatikanskij diplomat i dejatel' Russkogo Zarubezh'ja [Alexander Nikolaevich Evreinov as a Vatican diplomat and leader of the Russian Diaspora]. *Studia Humanitatis*. 2015. No 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-nikolaevich-evreinov-kak-vatikanskij-diplomat-i-deyatel-russkogo-zarubezhya/viewer> (date of access: 10.06.2020). (In Russ.)
- Kulagina V.Ju. Sozdanie i osnovnye napravlenija dejatel'nosti organov repatriacii v SSSR v gody Vtoroj mirovoj vojny [Creation and main directions of activity of repatriation bodies in the USSR during the Second World War]. *Izvestia Belinsky PGPU*. 2012. No 27. P. 759–763. (In Russ.)
- Lapide P. *The Last Three Popes and Jews*. London, 1967.

Le cardinal Maglione au nonce en Italie Borgongini Duca 13.05.1942 // Actes et documents du Saint-Siège relatifs à la période de la Seconde Guerre Mondiale. V. 8. Citta del Vaticano: Tipografia poliglotta Vaticana, 1974. P. 548–549.

Le nonce à Bucarest Cassulo au cardinal Maglione 16.11.1943 // Actes et documents du Saint-Siège relatifs à la période de la Seconde Guerre Mondiale. V. 9. Citta del Vaticano: Tipografia poliglotta Vaticana, 1975. P. 560–564.

Licenberger O.A. Rimsko-katolicheskaja cerkov' v Rossii: istorija i pravovoe polozenie [The Roman Catholic Church in Russia: History and Legal Status]. Saratov: Volga Region Academy of Public Administration, 2001. 384 p. (In Russ.)

Marchione M. Pope Pius XII: Architect for Peace. New Jersey, 2000.

Miccoli G. I dilemmi e i silenzi di Pio XII. Vaticano, Seconda guerra mondiale e Shoah. Milano, 2000.

Njurnbergskij process. Sbornik materialov: v 8 t. [Nuremberg Trial. Collection of materials in 8 volumes]. Moscow: Law Literature, 1999. 792 p. (In Russ.)

Notes de la Secrétairerie d'Etat 19.09.1942. Actes et documents du Saint-Siège relatifs à la période de la Seconde Guerre Mondiale. V. 8. Citta del Vaticano: Tipografia poliglotta Vaticana, 1974. P. 647–655.

Petrakki Dzh. Papskaja missija pomoshhi Rossii. 1921–1923 gg. [Pontifical Mission of Aid to Russia. 1921–1923]. Rossija i Vatikan v konce XIX – pervoj treti XX v. [Russia and the Vatican at the end of the 19th – first third of the 20th centuries]. Saint Petersburg: Aletejja, 2002. P. 185–259. (In Russ.)

Pius XII. Communium interpretes dolorum // Encyclicals of Pius XII. URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xii/en/encyclicals/documents/hf_p-xii_enc_15041945_communium-interpretes-dolorum.html (date of access: 10.06.2020).

Rossija i Vatikan [Russia and Vatican]. Moscow: Lenand, 2014. Iss. 3. Russkaja jemigracija v Evrope i Katolicheskaja cerkov' v mezhoennyj period [Russian emigration in Europe and the Catholic Church in the interwar period]. 312 p. (In Russ.)

Russi – Civili – Italia. 1945. Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 226, fasc. 42. f. 1–19.

Russi – Civili – Italia. 1946. Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 226, fasc. 54. f. 1–3.

Russi – Civili – Italia. 1947. Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 226, fasc. 59. f. 1–52.

Russi – Civili – Russia. 1942. C. invio di medaglie ed oggetti di pietà in Russia a mezzo dei cappellani militari italiani. Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 13. Ff. 1–7.

Russi – Civili – Russia. 1942. Traduzione in russo delle due Encicliche «Rerum novarum» e «Quadragesimo Anno». Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 7. Ff. 1–9.

Russi – Civili – Slovacchia. 1942. 5000 corone per la Colonia Ucraina in Bratislava // AAV. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 9. 1942. Ff. 1–8.

Russi – Militari – Italia. 1941. Tentativi per la creazione di un Ufficio d'Informazioni per i prigionieri italo-russi. Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 4. Ff. 1–9.

Russi – Militari – Finlandia. 1943. Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 17. f. 1–11.

Russi – Militari – Italia. 1943. C. venuta di prigionieri sovietici in Italia. Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 20. Ff. 1–7.

Russi – Militari – Romania. 1941. Si chiedono notizie di Nunzio di Romania. Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 2. Ff. 1–19.

Russi – Militari – Romania. 1942. Visita ai prigionieri russi in Romania e distribuzione di immagini. Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 6. Ff. 1–31.

Russi – Militari – Romania. 1942. Visita del Nuncio Apostolico ai prigionieri di Guerra. Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 10. Ff. 1–37.

Russi – Militari – Romania. 1943. Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, fasc. 18. Ff. 1–29.

Russi – Militari – Ungheria. 1941. Si chiedono notizie di Nunzio di Ungheria. Archivio Apostolico Vaticano. Commissione Soccorsi. Busta 225, pos. 1. Ff. 1–12.

Shkarovskij M.V. Politika Tret'ego rejha po otnosheniju k Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v svete arhivnyh materialov 1935–1945 godov [The policy of the Third Reich towards the Russian Orthodox Church in the light of archival materials from 1935–1945]. Moscow: Publishing house Krutits. Patriarchal Compound: Society of Lovers of Church History, 2003. 366 p. (In Russ.)

Startievskij D.V. Sovetskie voennoplennye Vtoroj mirovoj i gumanitarnoe pravo. Mogla li Moskva spasti svoih grazhdan? [Soviet prisoners of war of World War II and humanitarian law. Could Moscow have saved its citizens?]. Journal of Russian and East European Studies. 2014. No 1 (15). P. 79–90. (In Russ.)

Vinter Je. Politika Vatikana v otnoshenii SSSR. 1917–1968 [Vatican policy towards the USSR. 1917–1968]. Moscow: Progress, 1977. 250 p. (In Russ.)

Zemskov V.N. «Vozvrashhency» i «nevozvrashhency» (o sud'be sovetskih peremeshhennyh lic v 1944–1956 gg.) [«Returnees» and «defectors» (about the fate of Soviet displaced persons in 1944–1956)]. Bulletin of the Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences. 2013. Vol. 15. No 1. P. 103–113. (In Russ.)

Zemskov V.N. Rozhdenie «Vtoroj jemigracii» (1944–1952) [The birth of the «Second emigration» (1944–1952)]. Sociological research. 1991. No 4. P. 3–24. (In Russ.)

Zuccotti S. Under His Very Windows: The Vatican and the Holocaust in Italy. Yale University Press, 2000.

Е.М. Файнштейн

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕТЕВОГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ COVID-19

***Аннотация.** Статья направлена на изучение процесса увеличения конкурентоспособности сетевого бизнеса в период ограничений, связанных с пандемией Covid-19. Обстоятельства вынуждают сетевые компании экспериментировать со своими бизнес-моделями, при этом цифровые технологии выступают основой, на которой они по-новому строят свою работу.*

Статья основана на результатах эмпирического исследования взаимосвязи между элементами ценностного предложения сетевых ресторанов г. Санкт-Петербурга и ключевыми запросами потребителей. Для выявления основных критериев выбора, влияющих на формирование ценностного предложения, который делают потенциальные потребители, был проведен семантический анализ данных, а также кластеризация семантического ядра, многомерный дисперсионный анализ MANOVA и дисперсионный анализ ANOVA.

Результаты показывают, что использование цифровых технологий и электронной коммерции, таких как онлайн-витрины, сайты и платформы открытого доступа, в условиях Covid-19 главным образом обусловлено стратегическими и инновационными внутренними мотивами сетевого бизнеса. Ценностное предложение, управляемое социальными трендами и оценкой больших данных по потребительскому спросу, оказывает положительное влияние на эффективность бизнеса. Такой подход позволяет стандартизировать систему принятия решений о возможности выявления инновационного потенциала перехода компании на качественно новый уровень системы оказания услуг онлайн и использования производственных ресурсов.

Исследование позволило выделить ключевые критерии ценностного предложения, по которому потребители делают свой выбор. Такой подход позволит стандартизировать систему принятия решений о возможности выявления инновационного потенциала перехода компании на качественно новый уровень обслуживания и использования производственных ресурсов.

Практические результаты исследования могут быть использованы менеджерами и руководителями высшего звена, чтобы лучше понять, как потребители взаимодействуют с компанией в цифровом пространстве, что влияет на компоненты ценностного предложения бизнес-модели и как ее внедрение может повлиять на производительность сетевого бизнеса.

Ключевые слова: ценностное предложение; ресторанный рынок; динамический контент-анализ; цифровые технологии; Covid-19.

Файнштейн Елизавета Михайловна – аспирант кафедры менеджмента
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: efainshtein@hse.ru
Web of Science Researcher ID: AAL-3831–2020

Fainshtein E.M. The Digital Transformation of Business Under Conditions of Covid-19

Abstract. The article explores how digital technologies, under restrictions caused by the spread of Covid-19, provide the foundation for boosting the competitiveness of the network businesses, how the present circumstances force the network companies to reconsider their value proposition and experiment with their business models, thus strengthening the companies' competitiveness.

The text draws on the empirical study of the relationship between the value proposition of chain restaurants and consumer demands in St. Petersburg. In order to identify the main selection criteria that potential consumers make, carried out was a semantic analysis of the findings as well as the semantic core clustering, multivariate analysis of variance MANOVA and analysis of variance ANOVA, which affect the value proposition formation. The results have shown that the use of digital technologies and e-commerce as electronic storefronts, sites and open access platforms, under conditions of Covid-19, mainly reflects the strategic and innovative motives of the network businesses. Value propositions, driven by social trends and big data assessment of consumer demand, has a positive effect on business performance. This approach allows standardizing the system of decision-making on identifying the company's capacities to progress to a qualitatively higher level of online services system.

The findings of the study might be of interest to managers and CEOs of companies, enabling them to better understand how consumers interact with the company in the digital space, which, in turn, impacts the components of the value proposition of the company and the ways it can forge the productivity of its business.

Keywords: value proposition; restaurant market; dynamic content analysis; digital technology; Covid-19.

Fainshtein Elizaveta Mikhailovna – PhD Student
at the Department of Management at the Higher School of Economics,
the National Research University (HSE), Russia, Saint Petersburg.
E-mail: efainshtein@hse.ru
Web of Science Researcher ID: AAL-3831–2020

Введение

Вспышка коронавирусной инфекции 2019 (Covid-19) была признана критической ситуацией в области общественного здравоохранения во всем мире [Paules, Marston 2020, Singhal 2020, Wang, Horby 2020]. Сегодня динамику и траекторию развития вспышки вируса невозможно предсказать, эффективные ответные меры требуют оперативных действий с точки зрения классических стратегий общественного здравоохранения [Paules, Marston 2020, с. 707]. Чтобы продолжить работу в условиях пандемии, компаниям нужна стратегия управления своей бизнес-моделью для обеспечения оптимального обслуживания клиентов. Общество изменилось в считанные дни, как и потребности людей.

В настоящий момент внимание к адаптационным инновациям бизнес-моделирования растет как в предпринимательской практике, так и в научных исследованиях [Foss, Saebi 2018; Geissdoerfer, Vladimirova 2018; Snihur, Wiklund 2019]. В данной статье концепция формирования ценностного предложения определяется как стратегический инструмент для создания и получения ценности как для потребителей, так и для сетевых предприятий. Другими словами, речь идет о том, как сетевые фирмы осуществляют деятельность на стратегическом и операционном уровнях для вывода и реализации продукции на рынок в период кризиса Covid-19. Сейчас в компаниях происходит глобальная реструктуризация, фирмы используют технологические платформы и цифровые технологии продвижения для создания и получения ценности как для сетевой организации, так и для клиента [Rachinger, Rauter 2019; Mirzaalian, Halpenny 2019]. Переход на использование инструментов электронной коммерции как основу сбыта продукции, который является новым для большинства фирм и приводит к заметным изменениям в практике маркетинга взаимодействия по отношению к клиентам и партнерам, определяется изменениями в управленческой стратегии компании. В центре исследования находится возможность для сетевых компаний ресторанного бизнеса проанализировать ценностное предложение в результате цифровой трансформации, особенно в отношении способов и форматов онлайн-торговли с учетом больших данных, при отслеживании предпочтений потенциальных клиентов. Элементы ценностного предложения определяются как реакция, связанная с изменениями запросов потребителей.

Считается, что развитие передовых технологий посредством электронной коммерции играет ключевую роль в современном продвижении сервисов и оказании услуг в большинстве компаний, а следовательно, и в стратегии компании [Boyer, Hult 2006; Chang, Wang 2011; Suhartanto, Helmi 2019]. Однако то, что движет инновациями ценностного предложения, основанными на цифровых технологиях, и то, как они влияют на производительность, еще

исследовано не в полной мере. Поэтому в данной статье основным вопросом является то, каким образом можно проследить тенденции спроса потенциальных покупателей для компаний и использовать эту информацию для своевременного изменения ценностного предложения в рамках стратегического преимущества сетевого предприятия на рынке оказания услуг.

Влияние потребительских потребностей на формирование ценностного предложения сетевых компаний на рынке предоставления услуг исследовано недостаточно. Данная статья фокусируется на анализе взаимосвязи между элементами ценностного предложения сетевых ресторанов г. Санкт-Петербурга и ключевыми запросами потребителей, где потребительские запросы определяются как способ, которым общество влияет на критерии ценностного предложения, важные для осуществления стратегического перехода посредством цифровой трансформации.

Целью исследования является выявление ключевых факторов ценностного предложения сетевых компаний ресторанного бизнеса, трансформировавших свой бизнес в цифровую среду, с учетом анализа поисковых запросов потенциальных клиентов. В статье представлен дизайн метода определения наиболее значимых факторов, влияющих на выбор потребителей, который заполняет пробел в литературе по стратегическому маркетингу, указывая на установление зависимости ценностного предложения и потребительского спроса, группируя факторы, влияющих на стратегические решения по их значимости. Данная статья является одним из первых исследований, посвященных анализу влияния цифровизации, в частности влияния использования цифровых технологий и анализа больших данных на ведение бизнеса в условиях ограничений из-за Covid-19.

Большое внимание уделено семантическому анализу данных, а также кластеризации семантического ядра с целью выявления основных критериев выбора, влияющих на формирование ценностного предложения, который делают потенциальные потребители. С точки зрения информационных технологий и информационных систем такие инновации, как перевод основной деятельности на использование цифровых технологий и электронной коммерции, электронных витрин, сайтов, платформ открытого доступа и аналитика больших данных, являются важными темами изучения в условиях Covid-19. Электронная коммерция может предложить дополнительный информационный канал для общения с клиентами, но она также может быть разработана как самостоятельная услуга, что активно используется в компаниях-агрегаторах (Яндекс.Еда, Delivery.Club и др.). Точно так же большие данные могут повлиять на показатели бренда компании в отношении не только маркетинга, но и бизнес-процессов.

Краткий обзор литературы: Теория и эмпирические данные

Из-за постоянно растущей конкуренции, изменения ценовой политики, разработки уникальных продуктов и выстраивания системы лояльности по отношению к клиентам сетевые компании должны постоянно изучать создаваемое ценностное предложение, чтобы сохранить конкурентное преимущество [Amit, Zott 2010; Bocken, Short 2014; Porter, Kramer 2019]. Формирование оптимального ценностного предложения может помочь компании определить области своего бизнеса, являющиеся неэффективными, а затем внедрить стратегии, которые позволят оптимизировать продукцию и сервис для максимальной оптимизации бизнес-процессов и прибыльности. Главной целью ценностного предложения является обеспечение максимальной отдачи при наименьших затратах для создания конкурентного преимущества посредством привлечения клиентов и увеличения продаж.

В данной статье инновационное ценностное предложение определяется как набор ключевых факторов, имеющих приоритетное значение с точки зрения потребителя на текущий момент, которые необходимо внедрить в бизнес-модель для создания конкурентного преимущества. По результатам теоретического анализа стало возможным провести исследование основных бизнес-моделей компаний, использующих цифровые технологии, как ключевого инструмента, для осуществления предпринимательской деятельности. В этом отношении выделяются три основные области.

1. Использование Интернета, мобильной связи и информационных технологий в инфраструктуре как главного инструмента для взаимодействия с потребителями для продвижения товаров в онлайн-формате [Chang, Wang 2011; Moreno, Tejada 2019].

2. Решение системных вопросов взаимодействия отделов компании, связанных с эффективностью внутренней работы фирмы и созданием ценности за счет оперативного и качественного обслуживания бизнес-процессов [Teece 2019; Cavusoglu 2019].

3. Управление инновациями и технологиями для анализа и прогнозирования стратегических действий компании [Chesbrough 2010; Teece 2019].

Формирование ценностного предложения касается не только вопросов оптимизации внутренних процессов и внедрения новых технологий в организации. Его инновации должны влиять на основную бизнес-логику компании и быть заметными для конечных пользователей продукции. Существующие количественные исследования в области стратегического и инновационного менеджмента [Massa, Tucci 2017; Ritter, Lettl 2018], бизнес-моделирования [Porter, Kramer 2019; Teece 2019] и инновационных цифровых технологий [Serova, Bagiev 2012; Wirtz, Daiser, 2017; Chkoniya, Mateus 2019] показывают,

что ключевыми блоками бизнес-моделирования являются формирование ценностного предложения, взаимодействие с поставщиками и партнерами и анализ потенциальных рисков.

Стоит согласиться с авторами, исследовавшим данный вопрос, что, реагируя на меры по борьбе со стремительным распространением вируса Covid-19, стратегия требует критической трансформации существующего ценностного предложения. Для сетевого бизнеса главная проблема заключается в том, что основные характеристики и компоненты формирования ценностного предложения часто определяются неоднозначно, в зависимости от конкретной используемой онтологии [Osterwalder, Pigneur 2002; Arora, Singer 2006; Amit, Zott 2012; Saebi, Lien 2017; Sigala 2019]. Есть и исследования, предлагающие произвольный список компонентов. Этот список можно разделить на две категории. В первую войдет аналитическая работа с информацией (знаниями) и необработанными первичными данными, представляющими собой главным образом «набор фактов» без какого-либо дополнительного значения для дальнейшей интерпретации. Во вторую же – аналитика продуктов или услуг, не связанных с данными, которые учитывают компании, предоставляющие не виртуальное предложение для потенциальных клиентов в офлайн-среде [Hartmann, Zaki 2016, с. 1388]. Компоненты никак не конкретизируются и отдаленно связаны с понятиями ценностного предложения, в отличие от определения целевой аудитории и ключевых партнеров, которые используются в классической концепции бизнес-моделирования [Osterwalder, Pigneur 2002, с. 3]. Другие компоненты, такие как сервис, технология производства и сбыта продукции, организация бизнес-процессов, финансов, а также оценка неопределенности, связанная с потенциальными рисками, используются в модели STOF (сервис, технология, организация и финансы) [Schwarz, Legner 2020], в то время как компоненты, такие как интерфейс или сервисная платформа, были предложены моделью VISOR (ценностное предложение, интерфейс, сервисная платформа, организационная модель и доход) [Tesch 2019]. В работе Йоханнеса Шварца и Кристины Легнер обсуждается, как онтологии бизнес-моделирования могут функционировать в качестве пограничных объектов в преодолении границ знаний между сообществами практики [Schwarz, Legner 2020, с. 15]. Этим сообществом практики являются, например, совет по принятию решений, эксперты в области бизнес-моделирования, в том числе ученые, владельцы бизнеса и другие заинтересованные стороны, активно участвующие в разработке и внедрении ценностного предложения. Совместное использование общего синтаксиса, а также общее понимание на семантическом уровне являются ключевыми для принятия оптимального управленческого решения. Разногласия по поводу того, какие компоненты являются приоритетными для создания конкурентного преимущества, отражаются также на определении того, что влечет за собой само

ценностное предложение. Таким образом, в определении основных стратегически значимых элементов в эмпирических работах нет единого мнения.

В статье взят за основу подход, сформулированный в ряде работ [Osterwalder, Pigneur 2002; Arora, Singer 2006]. Эти исследования определяют формирование бизнес-модели как результат перестройки компонентов ценностного предложения с учетом анализа влияния потребительского спроса. В современных условиях экономического кризиса текущая бизнес-модель сетевого бизнеса построена на утверждении, что потребители больше не могут быть удовлетворены приобретением продукции как таковой и основу спроса составляет получение необходимых услуг и товаров за счет сопутствующего сервиса в опыте использования продукции компании. Чтобы выделиться среди других игроков на ресторанном рынке, в условиях высокой конкуренции, а также иметь высокую посещаемость, предприятия индустрии ресторанного сервиса должны предлагать как качественные блюда, так и инновационную оперативную подачу, чтобы удовлетворить потребителей. Кроме того, поскольку потребители, как правило, формируют свои впечатления о ресторане, основываясь на своих представлениях об оказанном им сервисе, важность образа, представляемого маркетингом взаимодействия, не может быть переоценена. Качество и своевременность обслуживания является неотъемлемым аспектом сервисной среды, который может оказать огромное влияние на потребителей [Eckardt, Skaggs 2018]. Существующие исследования показали, что сопутствующий сервис и стратегия бренда в значительной степени связаны с поведением потребителей, что влияет на формирование компонентов ценностного предложения [Cho, Bonn 2019; Moreno, Tejada 2019].

Для компаний использование цифровых технологий и электронной коммерции, сайтов и платформ открытого доступа в условиях Covid-19 предоставляет возможность сформировать уникальное ценностное предложение, гарантирующее стабильность проведения операций и возможность не прерывать свою предпринимательскую деятельность на период ограничительных мер, в отличие от работы в коммерческих помещениях, которая была приостановлена. Для онлайн-заказов нет необходимости прямого контакта с потребителем и привязки ко времени работы заведения. Онлайн-продажи позволяют проводить сделки на B2 C рынке между людьми на платформе электронной коммерции. Тем не менее данная область реструктуризации ценностного предложения в период пандемии мало освещена в научных исследованиях в рассуждении их использования как управленческого инструмента при построении бизнес-модели компании, в частности создания ею ценностного предложения [Foss, Saebi 2018]. Широкое использование цифровых технологий дало возможность проанализировать потребительские запросы, результаты

анализа могут быть использованы для выявления актуальных особенностей цифровой трансформации ведения бизнеса в условиях Covid-19.

Исследование предлагает следующие гипотезы:

H1. Качественные характеристики продукции могут оказывать влияние на повышение спроса на доставку через цифровые ресурсы.

H2. Качественные характеристики сервиса могут оказывать влияние на повышение спроса на доставку через цифровые ресурсы.

H3. Возможность заказа через компании-агрегаторы (передача сервиса по исполнению части заказов на аутсорсинг) может оказывать влияние на повышение спроса на доставку через цифровые ресурсы.

H4. Ставка для показа вверху поисковой страницы влияет на повышение спроса на доставку через цифровые ресурсы.

Описание данных и методологии

Методология исследования основана на анализе семантического ядра, классификации полученных данных, тематическом исследовании ресторанной отрасли в условиях Covid-19 (путем исследования онлайн-формата запросов заказов и спроса на сервис доставки), сборе статистических данных, и проведении многомерного дисперсионного анализа MANOVA (Multivariate Analysis of Variance), дисперсионного анализа ANOVA (Analysis of Variance).

Широкое использование цифровых ресурсов, особенно сайтов по заказу продукции, привело к созданию больших данных, которые могут быть проанализированы для получения актуальной информации по формированию ценностного предложения. Для того чтобы выделить основные критерии продукции ресторанной индустрии, которая пользуется наивысшим спросом среди потенциальных потребителей, был проведен семантический анализ поисковых запросов через аналитический инструмент открытого доступа Google Keyword Planner.

Google Keyword Planner позволяет провести семантический анализ и собрать данные по ключевым словам, чтобы выделить наиболее часто запрашиваемые виды сервиса потенциальными клиентами в поисковой системе и сформировать критерии, которые необходимо включить компаниям в свое ценностное предложение, чтобы получать больше заказов и соответственно увеличивать конкурентное преимущество по сравнению с другими игроками на рынке, а также сконцентрироваться на популярных свойствах продукции и / или услуги и сократить издержки на менее востребованных функциях предоставляемого сервиса.

После сбора информации полученные ключевые слова были классифицированы и выделены основные критерии того, что чаще всего ищут пользователи при онлайн-покупках ресторанной продукции. Данные были собраны

с момента официального признания вируса Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Коронавирус был обнаружен и признан ВОЗ в декабре 2019 г. и получил свое название Covid-19 [McAleer 2020]. В связи с этой информацией данные для исследования были взяты за декабрь 2019 – апрель 2020 г.

Целевая выборка исследования включала 1000 результатов поиска ключевых слов среди популярных запросов с использованием статистики указанной аналитической базы данных Google KeyWord Planner (табл. 1). Это дало возможность проанализировать взаимосвязь между ценностными предложениями сетевых ресторанов г. Санкт-Петербурга и ключевыми запросами потребителей и провести классификацию критериев. В ходе исследования были сформированы ключевые слова семантического ядра и варианты оптимизации, основанные на синонимах «доставка ресторан», «ресторан еда на вынос доставка» и «сеть ресторанов с доставкой». Поисковая система Google находит похожие комбинации фраз по ключевым словам, а также оптимизированные варианты, когда поиск производится по похожим ключевым словам, полученным из запросов по смежной теме.

В качестве целевого местоположения был выбран г. Санкт-Петербург, где, согласно официальным данным Google, охват составляет 6 530 000 зарегистрированных пользователей. Анализ основывается на ключевых словах в запросах на русском языке в поисковой системе Google. Выборка составила 1000 ключевых слов среди результатов запроса.

Показатель уровня конкуренции (высокий, средний, низкий), предоставленный Google KeyWord Planner, отражает отношение числа компаний-рекламодателей, использующих подобный набор ключевых слов, к их общему количеству в поисковой системе Google (табл. 1). Таким образом, для компаний, действующих на сетевом ресторанном рынке, появляется возможность оценить, насколько конкурентоспособно место размещения объявлений по ключевому слову при определенных настройках геотаргетинга и таргетинга в поисковой сети, а следовательно, и целесообразность включения того или иного критерия в ценностное предложение продукции.

Показатель среднего числа запросов по определенному ключевому слову и близким к нему вариантам (при заданных настройках поисковой сети и в выбранном диапазоне дат), предоставленный Google KeyWord Planner, использовался для оценки эффективности ключевых слов в течение всего временного периода проведения исследования.

Таблица 1

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО КЛЮЧЕВЫМ СЛОВАМ,
01.12.2019–30.04.2020**

Среднее количество запросов, тыс. ед.	Уровень конкуренции ключевых слов, ед.			Сумма
	Высокий	Средний	Низкий	
10–100	120	313	499	932
100–1000	4	16	39	59
1000–10 000	2	2	3	7
10 000–100 000	0	0	2	2
Сумма	126	331	543	1000

После обработки полученных данных, ключевые слова были разбиты на пять основных критериев наиболее популярных запросов, которые могут повлиять на привлекательность ценностного предложения (табл. 2). Из представленных критериев время доставки (быстрота, время) и программа лояльности (акции, бонусы, скидки) относятся к качественным характеристикам сервиса (гипотеза Н2), качество термообработки блюд (теплая, горячая еда) и ассортимент меню доставки (перечень блюд) относятся к качественным характеристикам самой продукции (гипотеза Н1), а возможность заказа через агрегаторы (Яндекс.Еда, Деливери Клуб, Foodtaxi) относится к гипотезе Н3.

Таблица 2

**КЛАССИФИКАЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ ЗАПРОСОВ РЕСТОРАННОЙ ОТРАСЛИ
г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА, 01.12.2019–30.04.2020**

Период, дата		Кол-во запросов по доставке, тыс. ед.					Σ
Начало	Конец	Время ¹	Обработка ²	Меню ³	Акции ⁴	Агрегаторы ⁵	
01.12.2019	31.12.2019	46	49	43	48	35	221
01.01.2020	31.01.2020	34	32	38	18	23	145
01.02.2020	29.02.2020	33	35	20	25	31	144
01.03.2020	31.03.2020	58	27	23	31	33	172
01.04.2020	30.04.2020	94	54	41	72	57	318
Сумма		265	197	165	194	179	1000

Примечание:

¹ Время доставки (быстрота, время), кол-во запросов по доставке, тыс. ед.;

² Качество термообработки блюд (теплая, горячая еда), кол-во запросов по доставке, тыс. ед.;

³ Ассортимент меню доставки (перечень блюд), кол-во запросов по доставке, тыс. ед.;

⁴ Программа лояльности (акции, бонусы, скидки), кол-во запросов по доставке, тыс. ед.;

⁵ Возможность заказа через агрегаторы (Яндекс.Еда, Деливери Клуб, Foodtaxi), кол-во запросов по доставке, тыс. ед.

Все данные классифицированных пяти категорий анализируются с использованием программного пакета SPSS 22.0. для проверки влияния индекса

конкуренции, ставки для показа сверху поисковой страницы (среднее значение) на уровень конкуренции (высокий, средний, низкий), для того чтобы оценить в каждой из категорий (время доставки, качество термообработки блюд, ассортимент меню доставки, программы лояльности возможность заказа через агрегаторы) взаимосвязь и влияние на ценностное предложение ресторанного бизнеса. Получив результаты такого анализа, компании могут включить недостающие критерии в свою бизнес-модель и усовершенствовать продукцию, а также сократить издержки.

Для проведения исследования используется многомерный дисперсионный анализ MANOVA (Multivariate Analysis of Variance) (табл. 3), позволяющий рассмотреть одновременно несколько зависимых переменных. MANOVA используется для обнаружения основных эффектов и эффектов взаимодействия категориальных переменных в отношении множества зависимых интервальных переменных. В отличие от ANOVA (Analysis of Variance), этот вид анализа может одновременно анализировать больше, чем одну зависимую переменную.

Показатель индекса конкуренции используется для оценки конкурентоспособности места размещения объявлений по ключевому слову при определенных настройках геотаргетинга и таргетинга в поисковой Сети среди установленных пяти значимых критериев по функции доставки ресторана посредством использования электронной коммерции. Показатель уровня конкуренции, предоставленный Google KeyWord Planner, имеет значения от 0 до 100 и определяется как отношение количества рекламных мест, на которых были показаны объявления, к общему количеству доступных рекламных мест.

Ставка показа сверху поисковой страницы (среднее значение) для ключевого слова, предоставленная Google KeyWord Planner, показывает среднюю стоимость показа объявления в верхней части поисковой страницы, которые платят рекламодатели (рестораны) с аналогичными настройками местоположения и поисковой Сети.

Таблица 3

**АНАЛИЗ MANOVA: ПРОВЕРКА ВЛИЯНИЯ ИНДЕКСА КОНКУРЕНЦИИ
И СТАВКИ ДЛЯ ПОКАЗА ВВЕРХУ ПОИСКОВОЙ СТРАНИЦЫ НА УРОВЕНЬ
КОНКУРЕНЦИИ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ ЗАПРОСОВ**

Многомерные результаты				
Критерий	Df	Wilks's λ	F	Sig.
Время	265	0,961	2,649*	0,033
Обработка	197	0,933	3,411*	0,009
Меню	165	0,923	3,281*	0,012
Акции	194	0,969	1,512*	0,198
Агрегаторы	179	0,868	6,428*	0,001
* $p < 0,05$				

Примечание: при анализе используются следующие значения: Df – количество степеней свободы; Wilks's λ – лямбда Уилкса; F – значение F-критерия; Sig. – значимость.

Анализ MANOVA (табл. 3) показывает, что в случае времени доставки, качества термообработки блюд, ассортимента меню доставки, индекс конкуренции и ставка для показа сверху поисковой страницы влияли на уровень конкуренции. Таким образом, время доставки влияет на ценностное предложение ($F = 2,649$, $p < 0,05$); качество термообработки блюд влияет на ценностное предложение ($F = 3,411$, $p < 0,05$); ассортимент меню доставки ($F = 3,281$, $p < 0,05$) влияет на ценностное предложение. Возможность заказа через агрегаторы ($F = 6,428$, $p < 0,05$) и программы лояльности ($F = 1,512$, $p < 0,05$) также имеют влияние на ценностное предложение. Это подтверждает гипотезы Н1–Н3.

В дисперсионном анализе ANOVA (табл. 4) независимые переменные анализируются по отношению к ставке для показа сверху поисковой страницы и уровню конкуренции. Как показано в таблице 4, существуют значительные различия между стоимостью рекламного места, а также между разными уровнями конкуренции.

Таблица 4

**ОДНОМЕРНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ANOVA: ПРОВЕРКА ВЛИЯНИЯ СТАВКИ
ДЛЯ ПОКАЗА ВВЕРХУ ПОИСКОВОЙ СТРАНИЦЫ НА УРОВЕНЬ КОНКУРЕНЦИИ
КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ ЗАПРОСОВ**

Одномерные результаты			
Критерий	Df	F	Sig.
Время	265	1,257*	0,259
Обработка	197	1,300*	0,329
Меню	165	6,299*	0,002
Акции	194	1,588*	0,173
Агрегаторы	179	5,198*	0,008
* $p < 0,05$			

Примечание: при анализе используются следующие значения: Df – количество степеней свободы; F – значение F-критерия; Sig. – значимость.

Анализ ANOVA показал, что с точки зрения влияния ставки для показа сверху поисковой страницы к уровню конкуренции значение имеет для критериев ассортимента меню доставки ($F = 6,299$, $p < 0,05$) и возможности заказа через агрегаторы ($F = 5,198$, $p < 0,05$). В то же время для времени доставки ($F = 1,257$, $p < 0,05$), качества термообработки блюд ($F = 1,300$, $p < 0,05$) и программы лояльности ($F = 1,588$, $p < 0,05$) взаимосвязи не установлено. Следовательно, гипотеза Н4 поддерживается частично. Показатели времени доставки, качества термообработки блюд и программы лояльности являются независимыми факторами, а меню и агрегаторы являются сопутствующими факторами, которые необходимо дополнительно продвигать. Исходя из техники реализации анализа MANOVA и ANOVA в SPSS 22.0 часть исследуемых

показателей имеют более сложную зависимость между собой, что и отражено в таблицах 3, 4. Для дальнейших исследований имеет значение оценка трех критериев (времени, обработки и акции) и установление зависимости влияния на результирующий показатель.

Выводы

Исследование, проведенное в этой статье, показывает, что на ценностное предложение влияют различные независимые переменные, в том числе индекс конкуренции и ставка для показа сверху поисковой страницы, а также зависимая переменная, т.е. уровень конкуренции (высокий, средний, низкий). Ценностное предложение, согласно результатам этого исследования, играет решающую роль в стимуляции дополнительного намерения совершения заказа доставки ресторанной продукции. Но также было выявлено, что ставка для показа сверху поисковой страницы не всегда оказывает значительное влияние на уровень конкуренции (высокий, средний, низкий) ключевого слова среди запросов потенциальных потребителей. Эти результаты согласуются с предыдущими исследованиями [Boyer, Hult 2006; Chang, Wang 2011; Suhartanto, Helmi 2019].

Анализ частоты запросов со стороны потенциальных клиентов в период пандемии помогает отрасли своевременно реагировать на изменения потребительских предпочтений и оперативно менять стратегические решения бизнес-моделирования для получения конкурентного преимущества. Ввиду этого рестораны должны осознавать важность получения актуальной информации, которая помогает учесть особенности ценностного предложения при цифровой трансформации ведения бизнеса в условиях Covid-19. Взаимосвязь между ставкой для показа сверху поисковой страницы на уровень конкуренции ключевых слов запросов значительно влияет на продвижение продукции, удовлетворенность потенциальных потребителей и, в свою очередь, на эксплуатационные характеристики производимой ресторанами продукции и оказываемого ими сервиса.

Анализ, используемый в этой статье, был основан на российском сетевом ресторанном рынке г. Санкт-Петербург, но такая же методология и дизайн исследования могут быть использованы для других городов или отраслей. Стремительное развитие вируса Covid-19 началось относительно недавно и в будущих исследованиях существует возможность сосредоточиться на сборе еще одной волны данных для более четкого определения причинно-следственных связей, а также на расширении понимания того, как на самом деле происходит процесс цифровой трансформации ведения бизнеса в условиях Covid-19. Это исследование повлечет за собой как дальнейший количественный анализ, так и расширение тематических исследований.

Для будущих исследований, продолжающих данное и касающихся концепции формирования ценностного предложения с учетом особенностей цифровой трансформации ведения бизнеса в условиях Covid-19, существуют два возможных варианта. Во-первых, дополнительные тематические исследования организаций, функционирующих в различных отраслях, позволят расширить представление о необходимых стратегических изменениях. Во-вторых, углубление данного исследования возможно посредством качественных подробных интервью с экспертами компаний сетевого ресторанного бизнеса. Это позволит узнать больше о значении отдельных элементов ценностного предложения и их взаимосвязи с запросами потенциальных клиентов, а также о наличии других элементов, которые имеют отношение к успеху цифровой трансформации предпринимательской деятельности.

Библиография

- Amit R., Zott C. Business model design: an activity system perspective // Long range planning. 2010. Vol. 43. No 2/3. P. 216–226.
- Amit R., Zott C. Creating Value Through Business Model Innovation // MIT Sloan Management Review. 2012. Vol. 53. No 3. P. 40–50.
- Arora R., Singer J. Customer satisfaction and value as drivers of business success for fine dining restaurants // Services Marketing Quarterly. 2006. Vol. 28 (1). P. 89–102.
- Bocken N.M., Short S.W., Rana P., Evans S. A literature and practice review to develop sustainable business model archetypes // Journal of cleaner production. 2014. Vol. 65. P. 42–56.
- Boyer K.K., Hult G.T. M. Customer behavioral intentions for online purchases: An examination of fulfillment method and customer experience level // Journal of Operations Management. 2006. Vol. 24 (2). P. 124–147.
- Cavusoglu M. An analysis of technology applications in the restaurant industry // Journal of Hospitality and Tourism Technology. 2019. Vol. 10 (1). P. 45–72.
- Chang H.H., Wang H.W. The moderating effect of customer perceived value on online shopping behaviour // Online Information Review. 2011. Vol. 35 (3). P. 333–359.
- Chesbrough H. Business model innovation: opportunities and barriers // Long range planning. 2010. Vol. 43. No 2/3. P. 354–363.
- Chkoniya V., Mateus A. Digital Category Management: How Technology Can Enable the Supplier-Retailer Relationship // Smart Marketing With the Internet of Things. Hershey: IGI Global, 2019. P. 139–163.
- Cho M., Bonn M.A., Giunipero L., Divers J. Restaurant purchasing skills and the impacts upon strategic purchasing and performance: the roles of supplier integration // International Journal of Hospitality Management. 2019. Vol. 78. P. 293–303.
- Eckardt R., Skaggs B.C. Service diversification and growth of professional service firms // Long Range Planning. 2018. Vol. 51 (1). P. 111–126.
- Foss N.J., Saebi T. Business models and business model innovation: Between wicked and paradigmatic problems // Long Range Planning. 2018. Vol. 51 (1). P. 9–21.
- Geissdoerfer M., Vladimirova D., Evans S. Sustainable business model innovation: a review // Journal of cleaner production. 2018. Vol. 198. P. 401–416.

Hartmann P.M., Zaki M., Feldmann N., Neely A. Capturing value from big data – a taxonomy of data-driven business models used by start-up firms // *International Journal of Operations & Production Management*. 2016. Vol. 36. No 10. P. 1382–1406.

Massa L., Tucci C.L., Afuah A. A critical assessment of business model research // *Academy of Management Annals*. 2017. Vol. 11 (1). P. 73–104.

McAleer M. Prevention Is Better Than the Cure: Risk Management of Covid-19 // *Journal of Risk and Financial Management*. 2020. Vol. 13 (3). P. 46.

Mirzaalian F., Halpenny E. Social media analytics in hospitality and tourism // *Journal of Hospitality and Tourism Technology*. 2019. Vol. 10 (4). P. 764–790.

Moreno P., Tejada P. Reviewing the progress of information and communication technology in the restaurant industry // *Journal of Hospitality and Tourism Technology*. 2019. Vol. 10. No 4. P. 673–688.

Osterwalder A., Pigneur Y. An eBusiness model ontology for modeling eBusiness // *BLED 2002 proceedings: 15th Bled Electronic Commerce Conference-Reality: Constructing the e-Economy* Bled, Slovenia, June 17–19, 2002. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.16.633&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 12.06.2020). P. 3.

Paules C.I., Marston H.D., Fauci A.S. Coronavirus infections – more than just the common cold // *Jama*. 2020. Vol. 323 (8). P. 707–708.

Porter M.E., Kramer M.R. Creating shared value // *Managing sustainable business: An Executive Education Case and Textbook*. Dordrecht: Springer, 2019. P. 323–346.

Rachinger M., Rauter R., Müller C., Vorraber W., Schirgi E. Digitalization and its influence on business model innovation // *Journal of Manufacturing Technology Management*. 2019. P. 1143–1160.

Ritter T., Lettl C. The wider implications of business-model research // *Long Range Planning*. 2018. Vol. 51 (1). P. 1–8.

Saebi T., Lien L., Foss N.J. What drives business model adaptation? The impact of opportunities, threats and strategic orientation // *Long range planning*. 2017. Vol. 50 (5). P. 567–581.

Schwarz J.S., Legner C. Business model tools at the boundary: exploring communities of practice and knowledge boundaries in business model innovation // *Electronic Markets*. 2020. Special Is.: «Business model innovation: Tools and Innovation patterns». P. 1–25.

Serova E., Bagiev G. Intelligent information technologies and systems in the systemic research of marketing space // *ICMLG 2016: 4th International Conference on Management. Leadership and Governance*. Oxford: ICMLG 2016. Academic Conferences and publishing limited, 2012. P. 296–303.

Sigala M. A market approach to social value co-creation: Findings and implications from «Mageires» the social restaurant // *Marketing Theory*. 2019. Vol. 19 (1). P. 27–45.

Singhal T. A review of coronavirus disease-2019 (Covid-19) // *The Indian Journal of Pediatrics*. 2020. No 87 (10223). P. 281–286.

Snihur Y., Wiklund J. Searching for innovation: Product, process, and business model innovations and search behavior in established firms. *Long Range Planning*, 2019. Vol. 52 (3). P. 305–325.

Suhartanto D., Helmi Ali M., Tan K.H., Sjahroeddin F., & Kusdibyo L. Loyalty toward online food delivery service: the role of e-service quality and food quality // *Journal of foodservice business research*. 2019. Vol. 22 (1). P. 81–97.

Teece D.J. A capability theory of the firm: an economics and (strategic) management perspective // *New Zealand Economic Papers*. 2019. Vol. 53 (1). P. 1–43.

Tesch J.F. Scenario Planning as a Causal Evaluation Tool for IoT Business Model Innovation // *Business Model Innovation in the Era of the Internet of Things*. Cham: Springer, 2019. P. 209–229.

Wang C., Horby P.W., Hayden F.G., Gao G.F. A novel coronavirus outbreak of global health concern // *The Lancet*. 2020. Vol. 395 (10223). P. 470–473.

Wirtz B., Daiser P. Business model innovation: An integrative conceptual framework // *Journal of Business Models*. 2017. Vol. 5 (1). P. 14–34.

References

Amit R., Zott C. Business model design: an activity system perspective. *Long range planning*. 2010. Vol. 43. No 2/3. P. 216–226.

Amit R., Zott C. Creating Value Through Business Model Innovation. *MIT Sloan Management Review*. 2012. Vol. 53. No 3. P. 40–50.

Arora R., Singer J. Customer satisfaction and value as drivers of business success for fine dining restaurants. *Services Marketing Quarterly*. 2006. Vol. 28 (1). P. 89–102.

Bocken N.M., Short S.W., Rana P., Evans S. A literature and practice review to develop sustainable business model archetypes. *Journal of cleaner production*. 2014. Vol. 65. P. 42–56.

Boyer K.K., Hult G.T. M. Customer behavioral intentions for online purchases: An examination of fulfillment method and customer experience level. *Journal of Operations Management*. 2006. Vol. 24 (2). P. 124–147.

Cavusoglu M. An analysis of technology applications in the restaurant industry. *Journal of Hospitality and Tourism Technology*. 2019. Vol. 10 (1). P. 45–72.

Chang H.H., Wang H.W. The moderating effect of customer perceived value on online shopping behavior. *Online Information Review*. 2011. Vol. 35 (3). P. 333–359.

Chesbrough H. Business model innovation: opportunities and barriers. *Long range planning*. 2010. Vol. 43. No 2/3. P. 354–363.

Chkoniya V., Mateus A. Digital Category Management: How Technology Can Enable the Supplier-Retailer Relationship. *Smart Marketing With the Internet of Things*. Hershey: IGI Global, 2019. P. 139–163.

Cho M., Bonn M.A., Giunipero L., Divers J. Restaurant purchasing skills and the impacts upon strategic purchasing and performance: The roles of supplier integration. *International Journal of Hospitality Management*. 2019. Vol. 78. P. 293–303.

Eckardt R., Skaggs B.C. Service diversification and growth of professional service firms. *Long Range Planning*. 2018. Vol. 51 (1). P. 111–126.

Foss N.J., Saebi T. Business models and business model innovation: Between wicked and paradigmatic problems. *Long Range Planning*. 2018. Vol. 51 (1). P. 9–21.

Geissdoerfer M., Vladimirova D., Evans S. Sustainable business model innovation: A review. *Journal of cleaner production*. 2018. Vol. 198. P. 401–416.

Hartmann P.M., Zaki M., Feldmann N., Neely A. Capturing value from big data – a taxonomy of data-driven business models used by start-up firms // *International Journal of Operations & Production Management*, 2016. Vol. 36. No 10. P. 1382–1406.

Massa L., Tucci C.L., Afuah A. A critical assessment of business model research. *Academy of Management Annals*. 2017. Vol. 11 (1). P. 73–104.

McAleer M. Prevention Is Better Than the Cure: Risk Management of Covid-19. *Journal of Risk and Financial Management*. 2020. Vol. 13 (3). P. 46.

Mirzaalian F., Halpenny E. Social media analytics in hospitality and tourism. *Journal of Hospitality and Tourism Technology*. 2019. Vol. 10 (4). P. 764–790.

Moreno P., Tejada P. Reviewing the progress of information and communication technology in the restaurant industry. *Journal of Hospitality and Tourism Technology*. 2019. Vol. 10. No 4. P. 673–688.

Osterwalder A., Pigneur Y. An eBusiness model ontology for modeling eBusiness. BLED 2002 proceedings: 15th Bled Electronic Commerce Conference-Reality: Constructing the e-Economy-Bled, Slovenia, June 17–19, 2002. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.16.633&rep=rep1&type=pdf> (date of access: 12.06.2020). P. 3.

Paules C.I., Marston H.D., Fauci A.S. Coronavirus infections – more than just the common cold. *Jama*. 2020. Vol. 323 (8). P. 707–708.

Porter M.E., Kramer M.R. Creating shared value. *Managing sustainable business: An Executive Education Case and Textbook*. Dordrecht: Springer, 2019. P. 323–346.

Rachinger M., Rauter R., Müller C., Vorraber W., Schirgi E. Digitalization and its influence on business model innovation. *Journal of Manufacturing Technology Management*. 2019. P. 1143–1160.

Ritter T., Lettl C. The wider implications of business-model research. *Long Range Planning*. 2018. Vol. 51 (1). P. 1–8.

Saebi T., Lien L., Foss N.J. What drives business model adaptation? The impact of opportunities, threats and strategic orientation. *Long range planning*. 2017. Vol. 50 (5). P. 567–581.

Schwarz J.S., Legner C. Business model tools at the boundary: exploring communities of practice and knowledge boundaries in business model innovation. *Electronic Markets*. 2020. Special Is.: «Business model innovation: Tools and Innovation patterns». P. 1–25.

Serova E., Bagiev G. Intelligent information technologies and systems in the systemic research of marketing space. ICMLG 2016: 4th International Conference on Management. Leadership and Governance. Oxford: ICMLG 2016. Academic Conferences and publishing limited, 2012. P. 296–303.

Sigala M. A market approach to social value co-creation: Findings and implications from «Mageires» the social restaurant. *Marketing Theory*. 2019. Vol. 19 (1). P. 27–45.

Singhal T. A review of coronavirus disease-2019 (Covid-19) // *The Indian Journal of Pediatrics*. 2020. No 87 (10223). P. 281–286.

Snihur Y., Wiklund J. Searching for innovation: Product, process, and business model innovations and search behavior in established firms. *Long Range Planning*, 2019. Vol. 52 (3). P. 305–325.

Suhartanto D., Helmi Ali M., Tan K.H., Sjahroeddin F., & Kusdibyo L. Loyalty toward online food delivery service: the role of e-service quality and food quality. *Journal of foodservice business research*. 2019. Vol. 22 (1). P. 81–97.

Teece D.J. A capability theory of the firm: an economics and (strategic) management perspective, *New Zealand Economic Papers*. 2019. Vol. 53 (1). P. 1–43.

Tesch J.F. Scenario Planning as a Causal Evaluation Tool for IoT Business Model Innovation. *Business Model Innovation in the Era of the Internet of Things*. Cham: Springer, 2019. P. 209–229.

Wang C., Horby P.W., Hayden F.G., Gao G.F. A novel coronavirus outbreak of global health concern // *The Lancet*. 2020. Vol. 395 (10223). P. 470–473.

Wirtz B., Daiser P. Business model innovation: An integrative conceptual framework. *Journal of Business Models*. 2017. Vol. 5 (1). P. 14–34.

М.И. Миряков

**КОНЦЕПЦИЯ ПЕНСИОННОГО КРИЗИСА
В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОВ-ТЕНДЕНЦИЙ
В МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ**

***Аннотация.** Во второй половине XX в. для обоснования неизбежности кризиса государства всеобщего благосостояния и необходимости сокращения пенсионных обязательств стал широко применяться аргумент старения населения. Старение населения является результатом двух демографических тенденций: последовательного снижения уровня рождаемости и увеличения продолжительности жизни. В рамках сложившегося дискурса предполагается, что старение населения ведет к неспособности государства обеспечивать накопленные социальные обязательства перед гражданами, прежде всего пенсионные выплаты.*

В работе приводится история формирования и критический анализ концепции пенсионного кризиса. Показано, что концепцию пенсионного кризиса следует рассматривать в одном ряду с законами-тенденциями, оказавшими значительное влияние на дебаты в области экономической политики, в особенности с «законом народонаселения» Т.Р. Мальтуса. Анализ концепции пенсионного кризиса как закона-тенденции позволяет более критично взглянуть на взаимосвязь между старением населения и будущим пенсионных систем. Исследователи в области истории экономической мысли уже обращали внимание на то, насколько полемика вокруг государства всеобщего благосостояния схожа с дискуссией о законе народонаселения. В работе продемонстрировано, что и один из центральных аргументов критиков государства всеобщего благосостояния по своей структуре схож с законом Мальтуса, на котором несколько столетий назад основывалась критика попыток улучшить положение бедных слоев населения.

Интуитивно простая идея, лежащая в основе концепции пенсионного кризиса, хотя и является объектом серьезной критики как излишне упрощающая реальность, до сих пор продолжает формировать политическую повестку дня многих правительств в мире. При этом, несмотря на долгие споры, степень влияния старения населения на перспективы пенсионного обеспечения остается малоизученной.

Ключевые слова: закон-тенденция; старение населения; социальная политика; пенсионная реформа; кризис пенсионных систем.

Миряков Михаил Иванович – сотрудник Центра истории и методологии экономической науки, Департамент теоретической экономики,

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Россия, Москва.
E-mail: mmiryakov@hse.ru
Scopus Author ID: 57211320024;
Web of Science Researcher ID: U-1161-2017

Miryakov M.I. The Pension Crisis Discourse in the Light of the Methodology of Economics

Abstract. *In the second half of the 20th century, the demographic trends, leading to the population ageing, shaped the pension policy agenda. The population ageing argument played a crucial role in the pension reform and, more generally, in the welfare state discourse that attempted to explain the inevitability of the fall of the «old-fashioned» state-led pension systems in the long run. The paper provides a critical analysis of these ideas, classified as the «pension crisis concept». It is shown that this concept should be regarded as a tendency-law, which extrapolates one particular factor in order to show the inevitability of a crisis in the future. One of the most famous examples of the tendency-laws is the once influential idea of T.R. Malthus – that is, the «law of population» with its criticism of any attempts aimed at improving living standards of population several centuries ago.*

The analysis of the pension crisis concept as a tendency-law makes it possible to look more critically at today's pension reform discourse, which directly links the population ageing to the future of pension systems. Historians of economic thought have already noticed that the ongoing debate over welfare state has much in common with the debate on the Malthusian principle of population. The paper argues that one of the central arguments of the welfare state critics and the Malthusian law share similar methodological principles.

Although the pension crisis concept is the subject of serious criticism as oversimplifying reality, the demographic explanation continues to shape the political agenda of many governments all over the world. However, despite lengthy debate, the degree of influence of the population aging on the prospects of pension provisions is still a poorly researched area.

Keywords: *tendency-law; population ageing; social policy; pension reform; pension system crisis.*

Miryakov Mikhail Ivanovich – Fellow at the Centre of the History and Methodology of Economics, Department of Theoretical Economics, National Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow. E-mail: mmiryakov@hse.ru
Scopus Author ID: 57211320024;
Web of Science Researcher ID: U-1161-2017

1. Введение

В 1970–1980-е годы в области социальной политики наметился сдвиг в сторону сокращения уровня обязательств государства перед населением. Стремительно распространявшийся неolibеpальный дискурс получил под-

держку международных финансовых институтов (в первую очередь Всемирного банка) и с 1990-х годов стал оказывать существенное влияние на теорию и практику пенсионных реформ во всем мире. Новый подход к дизайну пенсионных систем в немалой степени опирался на обоснования из области неоклассической экономической теории: «старая» модель пенсионного обеспечения критиковалась с позиций неэффективности перераспределения доходов и создания препятствий для экономического роста¹. Однако на первый план в распространении и применении идей новой пенсионной политики вышел не сугубо теоретический, а «эмпирический» тезис. Необходимость сокращения уровня государственных обязательств объясняется характером современных демографических трендов, прежде всего – *старением населения*. Именно старение населения в рамках сложившегося дискурса ведет в перспективе к неспособности государства обеспечивать накопившиеся социальные обязательства. В дальнейшем изложении этот тезис будет называться «концепция пенсионного кризиса».

Обобщение характерных для развитых стран XX в. тенденций к снижению рождаемости и росту продолжительности жизни определили направление развития дебатов о социальной защите и государстве всеобщего благосостояния. С точки зрения фактического влияния на экономическую политику концепцию пенсионного кризиса можно назвать одной из наиболее влиятельных идей второй половины XX – начала XXI в. Как будет показано ниже, данную концепцию следует рассматривать в одном ряду с некогда влиятельными законами-тенденциями, оказавшими значительное влияние на дебаты в области экономической политики, например с «законом народонаселения» Т.Р. Мальтуса, «теорией земельной ренты» Д. Рикардо и «тенденцией нормы прибыли к понижению» К. Маркса. Все эти упрощенные конструкции, отталкиваясь от некоторых теоретических положений, преобразовывались в базовые элементы экономических дискурсов, выступая основой для некритического принятия или отторжения тех или иных политических или идеологических положений. Рассмотрение концепции пенсионного кризиса в ряду с другими примерами законов-тенденций из истории экономической науки позволит более критично взглянуть на сложившийся дискурс, устанавливающий однозначную взаимосвязь между старением населения и будущим пенсионных систем.

2. Законы-тенденции в истории экономической мысли

Упрощение мира при анализе – ограничение числа анализируемых переменных и введение предпосылок относительно динамики этих переменных –

1. Пример такой критики представлен в: [WorldBank 1994].

является неотъемлемой и неизбежной частью исследовательской работы. Построение *законов-тенденций*², в которых экстраполируется влияние некоторого фактора при предположении о незначимости прочих, является популярным приемом теоретизирования у исследователей как общественных, так и естественных наук. С точки зрения методологии научного исследования такие закономерности могут служить промежуточным звеном в построении более общих теорий. В конечном счете факторы, принимаемые исследователем в законе-тенденции в качестве «прочих равных», могут обладать собственными закономерностями, выявление и описание которых является следующей по очередности задачей исследования: «...научная ценность закона-тенденции зависит от того, насколько эффективно он стимулирует и направляет поиски этих прочих факторов или сил» ([Kaplan 1964], цит. по: [Блауг 2004, с. 121]).

В то же время использование законов-тенденций в экономической науке имеет довольно печальную известность, поскольку они позволяют «отмахнуться от всего того, о чем автор не имеет представления» [Блауг 2004, с. 120]. Часто законы-тенденции становились окончательной истиной в рамках экономического дискурса и служили инструментом убеждения, но не промежуточным звеном исследования и инструментом анализа. Однако, поскольку подавляющая часть интеллектуальной работы экономистов относится к сфере искусства экономики [Ананьин 2007; Ананьин 2008] – практической деятельности, а не построению теорий – роль закона-тенденции как способа концептуализации реальности и структурирования дискурса исключительно важна. Даже несмотря на ограниченную способность описания мира и возможную ошибочность выводов, закон-тенденция создает фундамент для обсуждения более общих вопросов.

Один из наиболее известных примеров законов-тенденций в истории экономической мысли – это «закон народонаселения» Мальтуса. Как известно, обоснование мальтузианского тезиса опиралось на одно ключевое положение: способность человека к продолжению рода превышает его способность увеличивать количество продовольствия. В наиболее известной форме это положение представляется в качестве сравнения двух прогрессий: население (в случае отсутствия препятствий) возрастает в геометрической прогрессии, в то время как количество средств к существованию не может увеличиваться быстрее, чем в арифметической прогрессии [Мальтус 1895, с. 14, 18]. Ограничениями роста населения являются снижение рождаемости и рост смертности. Стремление к продолжению рода ограничивает перспективы роста

2. Под *законом-тенденцией (tendency law)* понимается утверждение о существовании некоторой силы (закономерности, тенденции), которая в случае отсутствия противодействующих факторов приведет к определенному результату. Подробнее о законах-тенденциях в истории экономической науки см.: [Блауг 2004, с. 118–122].

уровня жизни населения: из теории Мальтуса вытекает, что как только увеличение количества средств к существованию создает возможность улучшения качества жизни бедных, неконтролируемый рост рождаемости ведет к росту численности населения до предельно возможного состояния.

Тот факт, что концепция Мальтуса получила популярность, можно связать с ее простотой и убедительностью: «Знаменитое противопоставление двух видов прогрессий, предложенное Мальтусом ... действовало с гипнотической убедительностью лозунга или рекламы» [Блауг 1994, с. 64]. Несмотря на то что идеалом метода проведения научного исследования эпохи была индукция, обе зависимости не подтверждаются историческими фактами, а выводятся Мальтусом *apriori*³. Проблему этого метода применительно к прогнозированию будущего хорошо осознавали методологи того времени: «...человек часто ... говорит о фактическом результате, когда он может утверждать лишь о *тенденции*, ведущей к этому результату – силе, действующей с определенной интенсивностью в определенном направлении» [Mill 1967, р. 337]. (Сам Милль был одним из сторонников Мальтуса – см. гл. X кн. 1. «Основы политической экономии»: [Милль 2007, с. 225–232].)

Ключевой методологической проблемой законов-тенденций является игнорирование противодействующих сил. Социальные тенденции, которые в состоянии коренным образом изменить устройство общества (в данном случае радикальные демографические изменения), не могут рассматриваться как внешние по отношению к социально-экономической системе при долгосрочном моделировании – главным образом из-за того, что они сами могут стать причиной других, в том числе противоположных, тенденций (или же быть проявлением некоторых более общих процессов). За это критиковал Мальтуса Й. Шумпетер: «...нет никакого смысла в том, чтобы пытаться сформулировать независимые “законы” поведения двух взаимозависимых величин» [Шумпетер 2004, с. 760]. Однако другая проблема доопытного построения общих законов-тенденций состоит в том, что весь последующий процесс подбора материалов не является непредвзятым. Например, Мальтус прибегал лишь к тем фактам, которые действительно подтверждали его теорию, не погружаясь при этом в вопросы демографии по существу. Один из наиболее известных примеров тому – утверждение об удвоении населения примерно

3. Первое издание было написано Мальтусом при помощи небольшого количества материала, доступного ему в деревенской местности [Keynes 2010, р. 84]. Индуктивные проверки появились лишь в более поздних изданиях. Переходу от априорного метода к индукции способствовала поездка в поисках материалов, которую он совершил в 1799 г. по Швеции, Норвегии, Финляндии и части России – «единственные страны, открытые в то время для английских путешественников», а также вторая поездка во Францию и Швейцарию в 1802 г. [Otter 1836, р. XXXVI–XXXVII].

каждые четверть века [Мальтус 1895, с. 12–13]. Этот результат подтверждался с помощью нерепрезентативной американской статистики, которая не учитывала различия между миграцией и рождением детей и давала лишь агрегированные значения прироста населения. Как результат, Мальтус эмпирически «подтверждал» выведенную *apriori* геометрическую прогрессию прироста численности населения.

Другой пример предвзятого отбора фактов – это взрывной рост населения после начала Промышленной революции. Несмотря на фактическое снижение смертности во второй половине XVIII в., положительная динамика населения связывалась Мальтусом главным образом с ростом рождаемости. «Дело не в том, что он неверно истолковал факты ... скорее всего, он никогда не имел ясного понятия о природе взрыва народонаселения, которому его доктрина обязана своей славой, а может быть, и не интересовался этим» [Блауг 1994, с. 63]. В дальнейшем многие из последователей Мальтуса имели возможность разделять его теорию по существу, без оглядки на согласованность с эмпирическими данными, поскольку разработанная абстрактная теоретическая схема не была строго привязана к конкретным данным – имел значение лишь сам характер соотношения между перспективами экономического развития и роста населения.

Еще более примечательна в этом смысле судьба теории ренты Рикардо, которая и на сегодняшний день присутствует в арсенале экономистов в виде закона убывающей отдачи. Идея Рикардо в силу своей абстрактности вошла в корпус экономического знания, даже несмотря на то что найти подтверждение этому закону в реальном мире трудно [Блауг 1994, с. 71; Sraffa 1926].

3. Пенсионное обеспечение и распространение концепции о старении населения во второй половине XX – начале XXI в.

Несмотря на то что государственные пенсионные системы возникли уже в конце XIX в., долгое время большинство из них охватывали весьма ограниченные слои населения и характеризовались скромным объемом социальных обязательств по сравнению с текущими обязательствами развитых стран. На момент создания пенсионных систем их участниками являлась лишь незначительная часть населения (преимущественно городской пролетариат), размер выплат был сравнительно невысоким, а пенсионный возраст зачастую превышал даже сегодняшние значения⁴. Выплаты пожилым не составляли

4. Возраст выхода на пенсию участников пенсионной системы, введенной при Бисмарке в Германской империи в 1889 г., составлял 70 лет, что превышает текущий пенсионный возраст в ФРГ [Малева, Синявская 2010, с. 119, 123].

сколько-нибудь значимой статьи расходов государств и едва ли могли рассматриваться как проблема даже в долгосрочной перспективе.

Коренным образом ситуация изменилась после Второй мировой войны. Уже в конце войны, 10 мая 1944 г., в Филадельфии была принята декларация Международной организации труда «О целях и задачах Международной организации труда», в которой была отмечена важность расширения систем социальной защиты (включая здравоохранение) (см.: пункт III (f) в [ILO 1944]). Этот и другие документы, принятые в первое послевоенное десятилетие, отражают характеристики нового социального контракта [Orenstein 2011, p. 67], который довольно быстро распространился по всему миру, не только в развитых странах⁵. Одним из принятых документов была Конвенция о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенция № 102), в которой был установлен ориентир для минимального уровня пенсионного обеспечения в размере 40% от утраченного заработка [ILO 1952, Part XI]. Этот документ оказал существенное влияние на дискуссию о пенсионной реформе и в России, даже несмотря на то что ратифицирован был лишь в 2018 г. (Федеральный закон от 03.10.2018 N 349-ФЗ). По этой причине уместнее говорить, что современные пенсионные системы по своим целям и задачам являются продуктом соглашений конца 1940 – начала 1950-х годов, но не Германии времён Бисмарка.

Экспансия обязательств по пенсионному обеспечению стала причиной роста ставок социальных взносов. Уже в первые послевоенные годы, по мере расширения систем социальной защиты, некоторые исследователи стали поднимать проблему возможных негативных последствий старения населения (напр.: [Sauvy 1948]). Долгое время эта проблема, однако, не оказывала какого-либо значимого влияния на политику – разве что, возможно, ограничивала дальнейшие перспективы расширения социальных обязательств. На протяжении нескольких послевоенных десятилетий со стороны экономистов пенсионные системы критиковались в первую очередь как несправедливый и экономически неэффективный механизм государственного вмешательства, ограничивающий свободу личности (см., например, гл. XI опубликованной в 1962 г. работы «Капитализм и свобода» М. Фридмена: [Фридмен 2005]).

Ситуация резко изменилась в 1980-е годы: значимым эпизодом десятилетия, закрепившим старение населения как ключевую проблему в рамках дискурса по пенсионным реформам, стала пенсионная приватизация в Чили

5. Динамика распространения систем социальной защиты в мире в 1889–1994 гг. представлена в: [Orenstein 2003, p. 175–181]. В СССР первая массовая пенсионная система возникла также в послевоенное время, в 1956 г., а в 1964 г. была расширена на работников сельского хозяйства (подробный анализ и история советской пенсионной системы представлены в: [George 1991]).

в 1981 г. Чилийская приватизационная реформа готовилась в условиях общего экономического кризиса в конце 1970-х – начале 1980-х годов группой чилийских экономистов, которые реализовывали идеи ультралиберальных реформ после захвата власти А. Пиночетом. Автор пенсионной реформы Чили и один из популяризаторов пенсионной приватизации в мире, Х. Пиньера, писал: «Призрак бродит по миру. Это призрак банкротства государственных пенсионных систем. Распределительная пенсионная система ... разрушает ... существенную связь между усилиями и вознаграждением – другими словами, между личными обязанностями и личными правами... Два внешних фактора усугубляют результаты этого недостатка: (1) глобальная демографическая тенденция снижения уровня рождаемости; и (2) медицинские достижения, увеличивающие продолжительность жизни»⁶ [Piñera 1996, p. 1].

Роль Чили в рамках формирования дискурса по пенсионным системам невозможно переоценить [Мельник, Миряков 2019 b]. Однако несмотря на то что к 1980 г. дефицит пенсионной системы в Чили достиг 2,7% ВВП [Ruiz-Tagle, Castro 2001, p. 119] – этот факт активно использовался как аргумент против распределительной пенсионной системы – на момент проведения реформы корень проблем пенсионной системы в Чили лежал в экономике, а не в демографических тенденциях. Число работников, которые уплачивали взносы в пенсионную систему, по отношению к числу пенсионеров снизилось с 12,2 в 1955 г. до 2,5 в 1980-е годы [Ruiz-Tagle, Castro 2001, p. 118]. Столь сильное снижение активных участников пенсионной системы не было последствием лишь снижения рождаемости и увеличения продолжительности жизни чилийцев: это было закономерным результатом накопившихся экономических проблем, резкого роста неформальной занятости и увеличения безработицы.

В конце 1980-х годов идея необходимости долгосрочной балансировки пенсионных систем в свете демографических трендов получила активную поддержку со стороны сотрудников международных финансовых институтов. Сотрудники OECD с 1988 г. активно распространяли отчеты о старении населения, настаивая на необходимости проведения изменений в пенсионных системах [Ebbinghaus 2015, p. 58–59]. Идеи радикальной пенсионной приватизации стали доминирующими в дискуссиях по пенсионным реформам преимущественно в развивающихся странах: сначала в Латинской Америке, а затем в посткоммунистических экономиках. Одной из наиболее важных работ в области пенсионных систем, оказавших существенное влияние на прак-

6. Динамика возрастной структуры населения определяется тремя показателями: 1) уровнем рождаемости; 2) продолжительностью жизни; 3) уровнем миграции. Хотя в теории миграция может существенно изменить динамику возрастной структуры, на практике влияние этого фактора на пенсионные системы оценивается как незначительное, см.: [Bonoli 2000, p. 17; Cesaratto 2005, p. 11].

тику проведения пенсионных реформ в 1990–2000-е годы, является публикация сотрудников Всемирного банка «Averting the Old Age Crisis: Policies to Protect the Old and Promote Growth» [World Bank 1994]. В этой публикации были обобщены взгляды на проблемы пенсионных систем, многие из которых лежат в основе экспертного консенсуса и сегодня.

Основной задачей пенсионной политики для международных финансовых институтов стало снижение роли государства в области пенсионного обеспечения, а также усиление опоры на рынок и повышение личной ответственности будущего пенсионера за пенсию. Ключевым инструментом была приватизация пенсионной системы – замещение обязательной перераспределительной пенсионной системы (PAYG) на накопительные пенсионные планы. Приватизация предлагалась как необходимый (и единственный) вариант реформирования пенсионной системы без существенного ухудшения качества пенсионного обеспечения и наращивания дефицита бюджета в долгосрочной перспективе. Однако в качестве текущих мер по стабилизации экономики в целом и пенсионной системы, в частности, рассматривались и другие инструменты, в том числе и повышение пенсионного возраста [WorldBank 1994, р. 21–22]. Как результат, во многих посткоммунистических странах приватизация проводилась одновременно с повышением пенсионного возраста, и Россия в этом смысле представляет собой заметное исключение.

Пенсионная система отражает экономические неэффективности; катастрофические изменения на рынке труда и падение совокупного выпуска влияют на баланс пенсионной системы – поэтому неудивительно, что сторонники радикальных реформ социального обеспечения получали большую поддержку именно в развивающихся странах Латинской Америки и переходных экономиках. Так же, как и в случае приватизационной реформы Чили, в странах Восточной Европы в 1990-е годы текущие проблемы систем пенсионного обеспечения многими экспертами и политиками стали связываться главным образом с апокалиптическим старением населения – несмотря на все экономические проблемы, которые сопровождали переходный период, напрямую отражались и на балансе пенсионных систем [Мельник, Миряков 2019 а].

В качестве примера можно привести типичную оценку кризиса задолженности Пенсионного фонда России в середине 1990-х годов сторонниками концепции пенсионного кризиса: «Кризис принял *откровенно хронический* характер, ... проблема носит *системный* характер... Стало *очевидным*, что речь должна идти не о частных неудачах, не об эпизодическом явлении и не о досадном недоразумении, а о процессах *глобального* характера. Проблема приобрела принципиально иное звучание и переросла в *масштабную* общественно-политическую и научную дискуссию...» (курсив мой. – М. М.) [Малева, Синявская 2005, с. 7].

4. Концепция пенсионного кризиса

Логика аргумента о стареющем населении весьма схожа с логикой Мальтуса – с той лишь разницей, что дестабилизацию в естественный процесс экономического кругооборота вносит неконтролируемый рост доли непродовольственного класса пожилых, а не абсолютный рост населения. Концепция пенсионного кризиса может быть выведена из следующего положения: *по причине старения населения снижение доли занятого населения превосходит увеличение производительности труда*. По своей структуре это положение аналогично теории Мальтуса – неконтролируемый демографический тренд в условиях объективного экономического ограничения. В результате общее количество экономических благ в расчете на душу населения с течением времени снижается, что в конечном счете неминуемо ведет к пенсионному кризису.

Факты подтверждают, что население «стареет», т.е. доля пожилых людей в большинстве стран увеличивается. Однако важный вопрос с точки зрения пенсионной политики состоит в другом – к чему это в конечном счете может привести? Обычная практика описания проблемы пенсионного кризиса часто сводится к описанию динамики коэффициента демографической нагрузки и дефицита пенсионной системы. Подразумевается (чаще всего неявно), что демографические тенденции приведут к дефициту благ и социальным потрясениям, которые так или иначе вернут систему в текущие границы производственных возможностей (которые заданы институтами, текущим уровнем технологий и другими факторами). При этом конечной проблемой старения населения является не нехватка финансовых средств, а нехватка экономических благ. На сегодняшний день, как правило, обсуждение старения населения и проблемы пенсионного кризиса происходит в терминах перераспределения финансовых активов – просто потому, что именно денежный трансфер стал наиболее распространенной формой поддержки пожилых людей в XX в. Однако пенсионеры претендуют в первую очередь не на деньги и финансовые активы, а на часть совокупного продукта, созданного трудом. По существу, сторонники концепции пенсионного кризиса опасаются именно того, что в сложившихся условиях уменьшающаяся доля рабочего населения не сможет производить достаточного количества экономических благ.

В рамках текущего дискурса и все меры – от повышения пенсионного возраста до введения обязательных накопительных пенсионных планов – предлагаются как способ *мобилизации экономических ресурсов*. Эта установка подтверждается работами ведущих представителей Всемирного банка, например: «...для решения проблемы старения населения потребуется более

эффективное использование капитала и рабочей силы во всех регионах» [Хольцман, Хинц 2005, с. 31]⁷.

Конкретный механизм возникновения кризиса и социальных потрясений в рамках сложившегося дискурса, как правило, описывается не вполне четко. Однако наиболее часто встречается следующий сценарий. По мере старения населения растет число пенсионеров и их политический вес. В результате этого в определенный момент политики становятся своего рода заложниками ситуации. С одной стороны, игнорирование интересов пенсионеров чревато концом политической карьеры, в то время как с другой – «потакание пожилым»⁸ – это политика, которая неизбежно приведет к дефициту экономических благ, экономической стагнации и росту социальной напряженности (напр.: [Дмитриев и др. 2008, с. 28–29]).

5. Противодействующие тенденции и проблемы прогнозирования

Убеждение посредством закона-тенденции происходит путем экстраполяции некоторых выделенных закономерностей из прошлого до кризисного состояния в будущем. Чем более наглядными и очевидными выглядят закономерности прошлого и перспективы их сохранения, тем большими перспективами обладает выведенный закон как инструмент дискурса. Однако насколько в действительности выведенное выше положение, лежащее в основе концепции пенсионного кризиса, в состоянии описать проблему, с которой столкнулись большинство развитых и развивающихся экономик на начало XXI в.?

Две ключевые проблемы концепции пенсионного кризиса состоят в: 1) *сведении демографической нагрузки только к нагрузке пожилыми* и 2) *отсутствии анализа долгосрочных изменений на рынке труда*. Однако следует указать на наличие контртенденций⁹, которые остаются за рамками концепции пенсионного кризиса.

7. Один из авторов цитируемой работы, Р. Хольцман, был директором сектора Всемирного банка, где занимался вопросами социальной защиты и в течение долгого времени руководил кампанией по продвижению пенсионной приватизации и других мер по сокращению уровня государственных обязательств перед пожилыми людьми. Схожие рассуждения можно найти в других работах, например.: [World Bank 1994].

8. «Потакание пожилым», в первую очередь в области пенсионного обеспечения, хотя это касается и здравоохранения – поскольку пенсионеры также предъявляют высокий спрос на медицинские услуги.

9. М. Блауг критиковал Мальтуса за то, что он не учитывал «автоматические ограничения» действия основной силы своего закона (стремления человека к размножению), см.: [Блауг 1994, с. 66–68].

Старение населения происходит как результат снижения уровня рождаемости, а само по себе снижение рождаемости до сих пор являлось своего рода «встроенным стабилизатором» старения населения для большинства развитых и развивающихся стран. На протяжении долгого времени за счет снижения доли детей общая нагрузка на рабочее население сдерживалась или даже снижалась [Вишневский 2014]. Доля детей младше 15 лет в общей структуре населения России за 90 лет (1927–2017) снизилась с 37,8% до 17,4; при этом за тот же период совокупная доля детей младше 15 лет и взрослых в возрасте 60 лет и старше также снизилась с 44,3 до 38,2%¹⁰. В развитых западных экономиках показатель общей нагрузки также сокращался; в том числе в 1970–2010-х годах общая демографическая нагрузка¹¹ снизилась в Германии с 58,6 до 51,8%, во Франции с 60,4 до 54,6%, в Италии с 55,7 до 52,7%, в США с 61,7 до 49,7%, в Канаде с 61,7% до 44,2%. То же справедливо и в отношении посткоммунистических экономик: за тот же период (1970–2010-е годы) общая нагрузка снизилась в Польше с 54,9 до 40,2%, в Чехии с 50,0 до 42,2%, в Венгрии с 47,9 до 44,8%, в Словакии с 58,0 до 38,5%; в некоторых латиноамериканских странах снижение было еще более существенным: в Чили общая нагрузка снизилась с 73,7 до 45,9%, а в Бразилии – с 84,0% до 46,3%.

Таким образом, в большинстве стран до сегодняшнего дня старение населения само по себе не привело к росту нагрузки на рабочее население и не стало угрозой государству всеобщего благосостояния. Проблему представляет преимущественно перебалансировка систем социальной защиты, т.е. речь идет о том, каким образом часть сбережений, ранее расходовавшаяся на детей, может быть изъята у рабочего населения и передана пожилым [Easterlin 1994, р. 22–23]. Для решения этой задачи используется прямой трансфер из государственного бюджета, который направляется на покрытие дефицита бюджета Пенсионного фонда. Этот трансфер часто трактуется как прямые потери общества из-за старения населения и считается признаком пенсионного кризиса, хотя его можно назвать также и механизмом подстройки системы социальной защиты под изменение возрастной структуры населения.

Хотя у снижения рождаемости есть свой естественный предел, этот предел может быть и у роста продолжительности жизни. Доказывать неизбежность пенсионного кризиса дальнейшим старением населения нельзя. Прогнозы без границ во времени создают «апокалиптическую обманчивость»: сторонники закона-тенденции в каждый момент по поводу (не)надвигающегося

10. Расчеты автора. Данные по РСФСР: [Андреев и др. 1998]. Данные по Российской Федерации: [Российский статистический ежегодник 2018].

11. Здесь и далее показатель демографической нагрузки рассчитан как отношение числа детей младше 15 лет и взрослых в возрасте старше 65 к числу взрослых в возрасте от 15 до 64. Источник: [United Nations 2019].

кризиса могут ответить: «Подождите, посмотрите еще» [Блауг 1994, с. 67]. Процессы старения населения и изменения общей демографической нагрузки весьма сильно различаются между странами. Перспективы динамики общей демографической нагрузки в спорах по пенсионной политике фигурируют нечасто, несмотря на долгую (более 70 лет) историю этих споров. Однако недопустимо строить общие выводы касательно долгосрочной динамики пенсионной системы и ее влияния на экономику на основе простой экстраполяции численности людей пожилого возраста.

Вопрос дефицита пенсионной системы является важным, но его исследование не является целью данной работы. Отметим лишь один важный факт, связанный с концепцией пенсионного кризиса. Практически безапелляционному принятию многими экономистами и политиками концепции пенсионного кризиса в Латинской Америке и посткоммунистических странах способствовал факт дефицита пенсионной системы. Однако во многих случаях дефицит пенсионной системы является результатом не растущих выплат, а низких сборов и существования неформальной занятости. Проблема особенно характерна для развивающихся стран с неэффективным регулированием рынка труда.

Например, в России среди проблем пенсионной системы неоднократно отмечались огромные масштабы теневого сектора, а также необходимость коррекции ставок взносов [Гринберг, Сафонов 2019]. При этом неолиберальный дискурс напрямую связывает размер сборов с масштабами неформальной занятости: увеличение ставок взносов с целью компенсировать дефицит бюджета, таким образом, приведет к тому, что большее число индивидов примут рациональное решение перейти в неформальную экономику [World Bank 1994, р. 4]. Впрочем, причинами уклонения от уплаты взносов зачастую могут быть не размеры взносов, а другие факторы, например низкий уровень доходов населения [Williams 2017, р. 162–163] и провалы «формальных» государственных институтов (в том числе пенсионной системы) [Гимпельсон, Капелюшников 2014, с. 58]. В этом смысле снижение уровня социальной защиты создает порочный круг: сокращение гарантий ведет к росту неформальной занятости, а увеличение неформальной занятости способствует росту дефицита пенсионной системы.

Увеличение доли пожилых связано и с другим «встроенным стабилизатором». В рамках концепции пенсионного кризиса предполагается полная занятость, количественное исчерпание наличных трудовых ресурсов. Однако история XX в. демонстрирует возможность качественных изменений на рынке труда. Снижение рождаемости статистически сильно коррелировало с ростом уровня женского образования и вовлеченности женщин в трудовые отношения. Немногим более века назад А. Маршалл был одним из первопроходцев Кембриджа, который пытался расширить образование и на женщин, в то время

как большинство его современников относились к женщине лишь как к «хранительнице семейного очага» [Назар 2013, с. 98].

В Конвенции 1952 г. о минимальных нормах социального обеспечения типовой бенефициарий обеспечения по старости – это «мужчина с женой пенсионного возраста», где «термин “жена” означает жену, находящуюся на иждивении своего мужа» [ILO 1952, Part I, Part XI]. В течение XX в. женщины активно выходили на рынок труда, в том числе и в России [Вишневский, Щербакова 2019, с. 155], что свидетельствует не только об эмансипации женщин, но и снижении числа детей в семье и времени, затрачиваемого на их воспитание.

Приведенные аргументы позволяют усомниться в том, что до сих пор старение населения и пенсионная система были причиной повышенной нагрузки на рабочее население или станут причиной кризиса в ближайшем будущем. Увеличение доли пожилых людей в обществе до сих пор сопровождалось трендами, совокупное позитивное влияние которых может быть сильнее с точки зрения влияния на производственный процесс. Это не означает, что старение населения не влияет на экономику в целом и пенсионную систему в частности – просто за предпосылкой *ceterisparibus* игнорируются не менее важные факторы, совокупное воздействие которых взаимосвязано. «При надлежащем анализе долгосрочного периода старение населения должно занять свое место в качестве одного из многих видов структурных изменений, которые в совокупности трансформируют занятость, выпуск и производительность» [Jackson 1992, p. 36]. Впрочем, насколько в действительности возможно проведение надлежащего анализа долгосрочного периода до сих пор остается неясным.

Важным является и другое наблюдение. Наиболее частым «научным» инструментом, обосновывающим необходимость снижения государственных обязательств перед пожилыми, является динамика численных показателей демографической нагрузки (например, увеличение числа пенсионеров, приходящихся на одного работника). Но каждый аргумент квантификации неизбежно вызывает вопрос: «Много – это насколько много?» [Макклоски 2015, гл. 7]. Сопоставление ряда численных значений предполагает некоторую референтную точку, и эта точка не существует сама по себе – она определяется конвенционально. На сегодняшний день объективных критериев, которые ставят в соответствие состояние экономической системы и долю пожилых в обществе, представлено не было. При этом попытки дать количественные оценки бремени, которое пенсионные системы оказывают на стареющее

общество, неизбежно содержат в себе ценностную компоненту, и поэтому часто становятся объектом критики¹².

6. Заключение: Экономическая наука и экономическая политика

Прикладное значение экономической науки в немалой степени определяется тем, насколько эффективно она способствует разработке и обоснованию политических рекомендаций. В реальности, однако, экономический дискурс характеризуется конвенционализмом в вопросах установления истины, а «научное» обоснование часто используется для придания аргументу большего веса.

Концепция пенсионного кризиса во многом определила направление дебатов по пенсионным реформам и перспективам социальной политики. В рамках современного дискурса конвенциональная позиция по вопросу взаимосвязи старения населения состоит в том, что, по мере старения населения, уменьшение доли рабочей силы приведет к невозможности обеспечить все общество экономическими благами. Однако способ построения дискурса – на основе закона-тенденции, экстраполирующего влияние некоторых факторов при предпосылках о незначимости / неизменности других, которые в перспективе могут переломить выделяемую тенденцию – не дает достаточных оснований для утверждений о неизбежности надвигающегося кризиса.

Историки экономической мысли уже обращали внимание на то, насколько полемика вокруг государства всеобщего благосостояния схожа с дискуссией о законе народонаселения¹³. В данной работе было показано, что один из центральных аргументов критиков государства всеобщего благосостояния по своей структуре схож с законом Мальтуса, который несколько столетий назад лежал в основе критики попыток улучшить положение бедных слоев

12. Можно привести пример из российской дискуссии, посвященной вопросу повышения пенсионного возраста. Опираясь на долгосрочные демографические прогнозы Минэкономразвития РФ, в исследовании [Горлин и др. 2018, с. 151] был сделан вывод о том, что «в 2036 году среднестатистический работник должен обладать такой производительностью труда ... которая позволит ему обеспечивать жизненными благами себя, свою семью и дополнительно одного пенсионера, а в дальнейшем один работник будет нести материальную ответственность более чем за одного пенсионера». Другие исследователи отметили, что это утверждение «предполагает, что пенсионер – заведомо не член семьи» [Вишневский, Щербакова 2019, с. 152].

13. «Роль политической экономии в освещении границ того, что может быть достигнуто государственным вмешательством, была объектом дискуссий на протяжении веков, хотя с течением времени изменялись подходы... Возможно, более близкую аналогию с дискуссией о законе народонаселения представляют нескончаемые разногласия в отношении государства всеобщего благосостояния» [Ронкалья 2018, с. 204].

населения. Интуитивно простая идея, лежащая в основе концепции пенсионного кризиса, хотя и является объектом серьезной критики как излишне упрощающая реальность, до сих пор продолжает формировать политическую повестку дня многих правительств в мире. При этом, несмотря на долгие споры, степень влияния старения населения на перспективы пенсионного обеспечения остается недостаточно изученной.

Библиография

- Ананьин О.И. Экономика: наука и / или искусство // Вопросы экономики. 2007. № 11. С. 4–24.
- Ананьин О.И. Искусство экономики и / или прикладная экономика: методологический анализ // Ананьин О.И. (ред.) Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях. М.: Наука, 2008. С. 9–62.
- Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М.: Информатика, 1998. 187 с.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. 687 с.
- Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Редакция журнала “Вопросы экономики”», 2004. 416 с.
- Вишневский А.Г. Пенсионная реформа: на пересечении экономического и демографического // Ясин Е.Г. XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 1. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 207–214.
- Вишневский А.Г., Щербакова Е.М. Демография: за и против повышения пенсионного возраста // Журнал новой экономической ассоциации. 2019. Т. 42. № 2. С. 148–167.
- Гимпельсон В.Е., Капельюшников Р.И. В тени регулирования. Неформальность на российском рынке труда. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 20–77.
- Гринберг Р.С., Сафонов А.Л. Повышение пенсионного возраста в России, или Как бюджетная мифология усугубляет социальное неблагополучие страны // Журнал новой экономической ассоциации. 2019. Т. 42. № 2. С. 167–177.
- Горлин Ю., Ляшок В., Малева Т. Повышение пенсионного возраста: позитивные эффекты и вероятные риски // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 1. С. 148–179.
- Дмитриев, М., Дробышевский, С., Михайлов, Л., Омельчук, Т., Сычева, Л. Можно ли повысить пенсии до 40% заработной платы? // Экономическая политика. 2008. № 3. С. 26–36.
- Маккроски Д. Риторика экономической науки. 2-е изд. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Международные отношения; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 328 с.
- Малева Т.М., Синявская О.В. Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы. М.: Поматур, 2005. 75 с. (Сер. «Аналитические доклады НИСП»).
- Малева Т.М., Синявская О.В. Повышение пенсионного возраста: pro et contra // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 8. С. 117–139.
- Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1895. 249 с.
- Мельник Д.В., Миражков М.И. Пенсионные реформы в посткоммунистических странах: механизмы распространения новой пенсионной ортодоксии // Общественные науки и современность. 2019 а. № 2. С. 79–90.
- Мельник Д.В., Миражков М.И. Приватизация пенсионной системы в Чили и формирование новой пенсионной ортодоксии // Вопросы экономики. 2019 б. № 9. С. 40–54.

Милль Дж.С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007. 1040 с.

Назар С. Путь к великой цели: история одной экономической идеи. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 704 с.

Ронкалья А. Богатство идей: история экономической мысли. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 1110 с.

Российский статистический ежегодник. 2018. Статистический сборник. М.: Росстат, 2018. 694 с.

Фридмен М. Капитализм и свобода. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое издательство, 2005. 240 с.

Хольцман Р., Хинц Р. Обеспеченная старость в XXI веке: пенсионные системы и реформы в международной перспективе. Вашингтон, Округ Колумбия: Всемирный банк, 2005. 199 с.

Шумпетер Й.А. История экономического анализа: в 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 2. VIII + 496 с.

Bonoli G. The politics of pension reform: institutions and policy change in Western Europe. Cambridge UK: Cambridge University Press, 2000. 188 p.

C102 – Social Security (Minimum Standards) Convention, 1952 (No 102) // URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312247:NO // ILO: International Labour Organization (дата обращения: 14.04.2020).

Cesaratto S. Pension Reform and Economic Theory: A Non-Orthodox Analysis. Cheltenham UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2005. 365 p.

Declaration concerning the aims and purposes of the International Labour Organisation, (Philadelphia Declaration) 10 May 1944 // ILO: International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/public/libdoc/ilo/1944/44B09_10_e_f.pdf (дата обращения: 14.04.2020).

Easterlin R. The Birth Dearth, Aging, and the Economy. In: Asefa S., Huang W. (eds). Human Capital and Economic Development. Kalamazoo, MI: W.E. Upjohn Institute for Employment Research, 1994. P. 11–34.

Ebbinghaus B. The Privatization and Marketization of Pensions in Europe: A Double Transformation Facing the Crisis // European Policy Analysis. 2015. Vol. 1. No 1. P. 56–73.

George V. Social security in the USSR // International Social Security Review. 1991. Vol. 44. No 4. P. 47–64.

Jackson W.A. Population ageing and intergenerational conflict: a post Keynesian view // Journal of Economic Studies. 1992. Vol. 19. No 2. P. 26–37.

Keynes J.M. Essays in Biography. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2010. 460 p.

Mill J.S. Essays on Economics and Society Part I / Robson J.M. (ed.) The Collected Works of John Stuart Mill, Volume IV. Toronto: University of Toronto Press; London: Routledge and Kegan Paul, 1967. 404 p.

Orenstein M.A. Mapping the diffusion of pension innovation / Holzmann R., Orenstein M.A., Rutkowski M. (eds.). Pension reform in Europe: Process and progress. Washington, DC: World Bank, 2003. P. 171–194.

Orenstein M.A. Pension Privatization in Crisis: Death or Rebirth of a Global Policy Trend? // International Social Security Review. 2011. Vol. 64. No 3. P. 65–80.

Otter W. Memoir of Robert Malthus / T. Malthus. Principles of Political Economy (2 nd edition). London: W. Pickering, 1836. P. XIII–LIV.

Piñera J. Empowering workers: The privatization of social security in Chile. Cato's letter N 10. Washington, DC: Cato Institute, 1996. 18 p.

Ruiz-Tagle J.V., Castro F. The Chilean Pension System // OECD Journal on Budgeting. 2001. Vol. 1. No 1. P. 117–137.

- Sauvy A. Social and economic consequences of the ageing of Western European populations // *Population Studies*. 1948. Vol. 2. No 1. P. 115–124.
- Sraffa P. The laws of returns under competitive conditions // *The Economic Journal*. 1926. Vol. 36. No 144. P. 535–550.
- Williams C.C. Tackling employment in the informal economy: A critical evaluation of the neo-liberal policy approach // *Economic and Industrial Democracy*. 2017. Vol. 38. No 1. P. 145–169.
- World Bank. Averting the old age crisis: Policies to protect the old and promote growth. New York: Oxford University Press, 1994. 402 p.
- World Population Prospects 2019, Online Edition. Rev. 1 // United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. 2019. URL: [https://population.un.org/wpp/Download/ Standard/Population](https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population) (дата обращения: 14.04.2020).

References

- Ananyin O.I. *Ekonomika: nauka i / ili iskusstvo* [Economics: Art and / or Science]. Problems of Economics. 2007. No 11. P. 4–24. (In Russ.)
- Ananyin O.I. *Iskusstvo ekonomiki i / ili prikladnaya ekonomika: metodologicheskiy analiz* [Art of economics and / or applied economics: methodological analysis]. In.: Ananyin O.I. (ed.) *Ekonomika kak iskusstvo: metodologicheskie voprosy primeneniya ekonomicheskoy teorii v prikladnykh socialno-ekonomicheskikh issledovaniyakh* [Economics as an art: methodological issues of the application of economic theory in applied socio-economic research]. Moscow: Nauka, 2008. P. 9–62. (In Russ.)
- Andreev E.M., Darsky L.E., Kharkova T.L. *Demographicheskaya istoriya Rossii: 1927–1959*. [The demographic history of Russia: 1927–1959]. Moscow: Informatika, 1998. 187 p. (In Russ.)
- Blaug M. *Economic theory in retrospect*. Moscow: Delo, 1994. 687 p. (In Russ.)
- Blaug M. *The Methodology of Economics, or How economists explain*. Moscow: Non-profit Partnership «Redaktsiya zhurnala “Voprosy Ekonomiki”», 2004. 416 p. (In Russ.)
- Bonoli G. *The politics of pension reform: institutions and policy change in Western Europe*. Cambridge UK: Cambridge University Press, 2000. 188 p.
- Cesaratto S. *Pension Reform and Economic Theory: A Non-Orthodox Analysis*. Cheltenham UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2005. 365 p.
- Dmitriev M., Drobyshevsky S., Mikhailov L., Omelchuk T., Sycheva L. *Mozhno li povysit pensii do 40% zarabotnoy platy?* [Is It Possible to Rise a Pension up to 40% of Wage?]. *Economic Policy*. 2008. No 3. P. 26–36. (In Russ.)
- Easterlin R. *The Birth Dearth, Aging, and the Economy*. In: Asefa S., Huang W. (eds). *Human Capital and Economic Development*. Kalamazoo, MI: W.E. Upjohn Institute for Employment Research, 1994. P. 11–34.
- Ebbinghaus B. *The Privatization and Marketization of Pensions in Europe: A Double Transformation Facing the Crisis*. *European Policy Analysis*. 2015. Vol. 1. No 1. P. 56–73.
- Friedman M. *Kapitalizm i svoboda* [Capitalism and freedom]. Moscow: Liberalnaya missiya foundation; Novoye Izdatelstvo, 2005. 240 p. (In Russ.)
- George V. *Social security in the USSR*. *International Social Security Review*. 1991. Vol. 44. No 4. P. 47–64.
- Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. *Glava 1. Neformalnost na rynke truda: kontseptualnie ramki analiza* [Chapter 1. Informality in the labor market: conceptual framework for analysis]. In: Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. (Eds). *V teni regulirovaniya: neformalnost na rossiyskom rynke truda* [In the shadow of regulation: informality in the Russian labor market]. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House, 2014. P. 20–77. (In Russ.)

Gorlin Yu., Liashok V., Maleva T. Povysheniye pensionnogo vozrasta: pozitivnyye efekty i veroyatnyye riski [Pension Age Increase: Positive Effects and the Possible Risks]. *Economic Policy*. 2018. Vol. 13. No 1. P. 148–179. (In Russ.)

Grinberg R.S., Safonov A.L. (2019). Povysheniye pensionnogo vozrasta v Rossii, ili Kak byudzhetskaya mifologiya usugublyayet sotsialnoye neblagopoluchiyе strany [Raising the Retirement Age in Russia, or How Budget Mythology Exacerbates the Social Disadvantage of the Country]. *Journal of the New Economic Association*. 2019. Vol. 42. No 2. P. 167–177. (In Russ.)

Holzmann R., Hinz R. Obespechennaya starost v XXI veke: pensionnyye sistemy i reformy v mezhdunarodnoy perspektive [Old-age income support in the 21st century: An international perspective on pension systems and reform]. Washington, DC: World Bank, 2005. 199 p. (In Russ.)

ILO. Declaration concerning the aims and purposes of the International Labour Organisation, (Philadelphia Declaration). 1944. URL: https://www.ilo.org/public/libdoc/ilo/1944/44B09_10_e_f.pdf (date of access: 14.04.2020).

ILO. Social Security (Minimum Standards) Convention, 1952 (No 102). 1952. URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312247:NO (date of access: 14.04.2020).

Jackson W.A. Population ageing and intergenerational conflict: a post – Keynesian view. *Journal of Economic Studies*. 1992. Vol. 19. No 2. P. 26–37.

Keynes J.M. *Essays in Biography*. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2010. 460 p.

Maleva T.M., Sinyavskaya O.V. Pensionnaya reforma v Rossii: istoria, rezultati, perspektivi. Seria «Analiticheskiye doklady NISP» [Pension reform in Russia: history, results, prospects. «Independent Institute for Social Policy Analytical Reports» Series]. Moscow: Pomatur, 2005. 75 p. (In Russ.)

Maleva T.M., Sinyavskaya O.V. Povysheniye pensionnogo vozrasta: pro et contra [Pension Age Increase: Pro et Contra]. *Journal of the New Economic Association*. 2010. No 8. P. 117–139. (In Russ.)

Malthus T.R. Opyt zakona o narodonaselenii [An Essay on the Principle of Population]. Moscow: Soldatenkov K.T. Edition. 1895. 249 p. (In Russ.)

McCloskey D. Ritorika ekonomicheskoy nauki. 2-ye izd. [The rhetoric of economics. 2 nd ed.]. Moscow; St. Petersburg: Gaidar Institute Publ.; Mezhdunarodnye otnosheniya; Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University, 2015. 328 p. (In Russ.)

Melnik D.V., Miryakov M.I. Pensionnye reformy v postkommunisticheskikh stranah: mehanizmy rasprostraneniya novoi pensionnoi ortodoksii [Pension reforms in post-communist countries: mechanisms of diffusion of new pension orthodoxy]. *Social Sciences and Modernity*. 2019 a. No 2. P. 79–90. (In Russ.)

Melnik D.V., Miryakov M.I. Privatizatsia pensionnoi sistemy v Chili i formirovaniye novoi pensionnoi ortodoksii [Privatization of pension system in Chile and formation of new pension orthodoxy]. *Voprosy Ekonomiki* [Problems of Economics]. 2019 b. No 9. P. 40–54. (In Russ.)

Mill J.S. *Essays on Economics and Society Part I*. In.: Robson J.M. (ed.) *The Collected Works of John Stuart Mill, Volume IV*. Toronto: University of Toronto Press; London: Routledge and Kegan Paul, 1967. 404 p.

Mill J.S. Osnovy politicheskoi ekonomii s nekotorymi prilozheniyami k sotsialnoi filosofii [Principles of Political Economy with Some of their Application to Social Philosophy]. Moscow: Eksmo, 2007. 1040 p. (In Russ.)

Nazar S. Put k velikoi tseli: istoria odnoi ekonomicheskoi idei. *Grand Pursuit: The Story of Economic Genius*. Moscow: AST: CORPUS, 2013. 704 p. (In Russ.)

Orenstein M.A. Mapping the diffusion of pension innovation. In: Holzmann R., Orenstein M.A., Rutkowski M. (eds.). *Pension reform in Europe: Process and progress*. Washington, DC: World Bank, 2003. P. 171–194.

- Orenstein M.A. Pension Privatization in Crisis: Death or Rebirth of a Global Policy Trend? // *International Social Security Review*. 2011. Vol. 64. No 3. P. 65–80.
- Otter W. Memoir of Robert Malthus. In: T. Malthus. *Principles of Political Economy* (2 nd edition). London: W. Pickering, 1836. P. XIII–LIV.
- Piñera J. Empowering workers: The privatization of social security in Chile. Cato's letter N 10. Washington, DC: Cato Institute, 1996. 18 p.
- Roncaglia A. Bogatstvo idey: istoria ekonomicheskoy mysli [The Wealth of Ideas. A history of economic thought]. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House, 2018. 1110 p. (In Russ.)
- Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2018. Statisticheskiy sbornik. Moscow: Rosstat, 2018. 694 p. (In Russ.)
- Ruiz-Tagle J.V., Castro F. The Chilean Pension System. *OECD Journal on Budgeting*. 2001. Vol. 1. No 1. P. 117–137.
- Sauvy A. Social and economic consequences of the ageing of Western European populations. *Population Studies*. 1948. Vol. 2. No 1. P. 115–124.
- Schumpeter J.A. History of economic analysis. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola, 2004. Vol. 2. VIII + 496 p. (In Russ.)
- Sraffa P. The laws of returns under competitive conditions. *The Economic Journal*. 1926. Vol. 36. No 144. P. 535–550.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. *World Population Prospects 2019*, Online Edition. Rev. 1. 2019. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population> (date of access: 14.04.2020).
- Vishnevsky A.G. Pensionnaya reforma: na peresechenii ekonomicheskogo i demograficheskogo [Pension reform: at the intersection of economic and demographic]. In.: Yasin E.G. (Ed.) *XIV Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva: v 4 kn. Kniga 1* [XIV April International Academic Conference on Economic and Social Development: in 4 volumes. Vol. 1]. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House, 2014. P. 207–214. (In Russ.)
- Vishnevsky A.G., Scherbakova E.M. Demografiya: za i protiv povysheniya pensionnogo vozrasta [Demography: the pros and cons of raising the retirement age]. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. 2019. Vol. 42. No 2. P. 148–167. (In Russ.)
- Williams C.C. Tackling employment in the informal economy: A critical evaluation of the neo-liberal policy approach. *Economic and Industrial Democracy*. 2017. Vol. 38. No 1. P. 145–169.
- World Bank. *Averting the old age crisis: Policies to protect the old and promote growth*. New York: Oxford University Press, 1994. 402 p.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31249/rsm/2020.04.15

Г.В. Семеко

ЭКОНОМИКА РОССИИ: ВСЁ ЕЩЕ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Рец. на книгу: Vercueil J. Économie politique de la Russie.

1918–2018. P.: Le Seuil (coll. Points économie), 2019. 432 p.

Аннотация. Автор рецензирует монографию французского ученого, специалиста по экономике России и постсоветских государств, в которой представлена масштабная ретроспектива трансформации российской экономики за 100 лет – с революции 1917 г. и до периода четвертого президентского мандата В.В. Путина. Анализ показывает принципы работы экономики СССР, противоречия и проблемы, обусловившие ее неэффективность и в конечном счете приведшие к рыночным реформам. Советское наследие, считает автор, до сих пор влияет на российскую экономику и является причиной многих проблем и дисбалансов. Автор критически оценивает переход к капитализму, проведенный методом шоковой терапии, выявляет основы роста в период «Блестящего десятилетия» (1999–2008), причины и последствия кризисов 2008 и 2014–2016 гг. Главной структурной слабостью современной российской экономики автор считает доминирование нефтегазового сектора, характеризующегося высокой зависимостью от конъюнктуры мирового рынка сырья. Учитывая замедление экономической динамики и накопление структурных проблем в российской экономике в последнее десятилетие, автор характеризует его как «период отступления России назад в экономическом и социальном плане».

Ключевые слова: Россия; социалистическая экономика; рыночная экономика; трансформационный переход; шоковая терапия; темпы экономического роста; структура экономики; сырьевая зависимость; внешние шоки; стагнация.

Семеко Галина Викторовна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва.
E-mail: semeko@mail.ru

Semeko G.V. Russia's Economy: Still at a Crossroads. Review of: Vercueil J. Économie politique de la Russie. 1918–2018. P.: Le Seuil (coll. Points économie), 2018. 432 p.

Abstract. The author reviews a monograph by a French scientist, an expert in the economy of Russia and post-Soviet states, which presents a large-scale retrospective of the

transformation of the Russian economy over a hundred years – from the revolution of 1917 to the period of the fourth presidential mandate of Vladimir Putin. The analysis highlights the principles of the Soviet economy, the contradictions and problems that caused its inefficiency, and, ultimately, led to market reforms. The author believes that the Soviet heritage still affects the Russian economy and is the cause of many problems and imbalances. The book critically assesses the transition to capitalism carried out by means of the shock therapy method, identifies the drivers of growth during the «brilliant decade» (1999–2008) and the causes and consequences of the crises of 2008 and 2014–2016. The author sees the main structural weakness of today's Russian economy in the dominance of the oil and gas sector, which is characterized by a high dependence on the world commodity market. Taking into account the slowdown in economic dynamics and the accumulation of structural problems in the Russian economy over the last decade, the author describes it as «a period of Russia's retreat in economic and social terms».

Keywords: Russia; socialist economy; market economy; transformational transition; shock therapy; economic growth rates; economic structure; commodity dependence; external shocks; stagnation.

**Semeko Galina Viktorovna – Candidate of Economic Sciences,
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN), Russia, Moscow. E-mail: cemeko@mail.ru**

В последние годы темпы роста российской экономики замедлились, как и процессы структурных изменений. Тем не менее руководство страны ставит достаточно амбициозные цели по ускорению развития, сокращению бедности, формированию технологических инноваций, активизации инвестиций, диверсификации экспорта, восстановлению глобальных геополитических позиций и т.д.¹ Их реализация подразумевает глубокие изменения в модели экономического роста, которые позволят повысить эффективность экономики и снизить ее уязвимость к внешним воздействиям (колебаниям цен на углеводороды, курсов валют и финансовых активов, санкциям и т.д.).

Чтобы понять, каким потенциалом располагает Россия для подобных преобразований и какие препятствия тормозят их, целесообразно рассмотреть и сопоставить различные концептуальные подходы, сценарии и рецепты, предлагаемые не только отечественными, но и зарубежными учеными. Известно, что «взгляд со стороны», особенно если это непредвзятый и компетентный взгляд, позволяет глубже проникнуть в суть проблемы, увидеть ее новые грани, а порой и переосмыслить кажущиеся очевидными выводы. Рецензируемая работа, как представляется, дает такую возможность. Ее автор – один из ведущих французских специалистов по экономике России и бывших

1. См.: [Указ 2018; Основные направления 2018].

социалистических стран. Профессор, доктор экономических наук Ж. Веркей преподает экономику постсоветских государств в ведущих вузах Франции, в том числе в Национальном институте восточных языков и цивилизаций (Institut national des langues et civilisations orientales, INALCO) в Париже, в котором он является вице-президентом, и в Высшей школе социальных наук (École des hautes études en sciences sociales, EHESS), где ведет семинар по проблемам БРИКС. Кроме того, он активно занимается научными исследованиями, посвященными проблемам развития стран постсоветского пространства, и опубликовал много работ по данной тематике (включая учебные пособия). Ж. Веркей стал первым французским экономистом, которому в 2017 г. была присуждена золотая медаль Международного фонда Н.Д. Кондратьева, одна из самых высоких наград ученым-обществоведам в России.

Среди зарубежных научных публикаций (в основном англоязычных) последнего десятилетия, посвященных российской экономике, рецензируемая монография выделяется прежде всего тем, что это первая работа на французском языке, в которой представлена масштабная ретроспектива эволюции экономики России за продолжительный исторический период – столетие – с революции 1917 г. и до периода четвертого мандата В.В. Путина.

Ж. Веркей показывает, как происходило постепенное разрушение советской экономической модели, какие ее элементы, сохраняющиеся до сих пор, влияют на развитие современной экономики и мешают повысить ее эффективность. По мнению автора, именно советское наследие является причиной многих проблем и дисбалансов, мешающих России занять соответствующее ее потенциалу место в мировом хозяйстве. Мысль о постоянном конфликте между наследием прошлого, вызовами настоящего и амбициями будущего в экономике (а также и обществе) проходит красной нитью через всю книгу. Так, наследие централизованного планирования экономики, от которой формально отказались в начале 1990-х годов, на практике продолжает определять траекторию страны и решения ее руководства.

В структуре книги выделены четыре главы, в которых в хронологическом порядке представлены основные этапы развития экономики России за столетие с использованием значительного массива фактов и статистических данных.

Первая глава «Функционирование, нарушение функционирования и крушение советской экономики», в которой описываются принципы работы советской экономики за период с революции 1917 г. и до 1991 г. включительно, является своеобразной логической точкой отсчета: проведенный здесь анализ позволяет объяснить и понять, какие объективные причины сделали неизбежным трансформационный переход.

Основное внимание в главе сосредоточено на характеристике хозяйственной системы, основанной на обобществлении производства, централизованном регулировании и планировании экономики в масштабе всей страны.

В созданной после 1917 г. системе централизованного планирования, поглощающего огромные людские и технические ресурсы, указывает автор, отчетливо проявился разительный контраст между идеалом высшей рациональности, которая управляет действиями индивидов в интересах обеспечения эффективности и коллективного благополучия в условиях рыночной экономики, и реальностью, в которой господствовали предписания руководства КПСС. Парадоксальным результатом этой плановой организации была постоянная импровизация и, зачастую, произвол в решениях, принимаемых на каждой ступени властной иерархии [Vercueil 2019, с. 26].

Механизм централизованного планирования, как показано в работе, постоянно порождал многочисленные макроэкономические диспропорции и провалы (в распределении ресурсов и материальных благ, отраслевой структуре, территориальном размещении предприятий, потреблении населения, инвестиционном процессе, трудовых отношениях и т.д.). Среди важнейших негативных последствий плановой организации управления на микроуровне автор называет низкую производительность труда, отсутствие у предприятий мотивации для ее повышения, модернизации производства, учета спроса и др.

После Второй мировой войны процесс планирования превратился в круговорот многосторонних согласований сначала директив ЦК КПСС с Госпланом СССР, который их трансформировал в плановые задания единого общегосударственного хозяйственного плана, а затем Госплана с исполнительными органами власти (министерства, научно-исследовательские организации, колхозы и совхозы, организации предприятий). На этом этапе Госплан дезагрегировал по отраслевому принципу общие плановые задания и директивы для многочисленных исполнительных органов. В послевоенный период насчитывалось около 50 федеральных отраслевых министерств, каждое из которых (за небольшим исключением) распределяло плановые задания и ресурсы 15 республиканским министерствам, которые дальше распределяли задания и ресурсы подведомственным предприятиям.

Техническим инструментом планирования был балансовый метод, при этом в основном использовались материальные балансы по широкому кругу продукции. Госплан ежегодно разрабатывал около 300 балансов по основным продуктам; затем они согласовывались и уточнялись министерствами, и в конечном итоге число балансов вырастало до 2 тыс. Это, конечно, очень скромная цифра в сравнении количеством продуктов, обращающихся на современном рынке [Vercueil 2019, с. 32]. Кроме того, параллельно существовали планы разного срока действия: долгосрочные, пятилетние, годовые, квартальные, месячные и даже планы на сутки (24 часа).

Внутренняя структура самого Госплана была дополнительным фактором, усложняющим процедуры планирования: она включала 15 республиканских федеральных подразделений, около 20 республиканских автономных подраз-

делений, 113 региональных или территориальных подразделений и 2976 областных подразделений [Vercueil 2019, с. 30]. Кроме того, на федеральном уровне работу Госплана поддерживала группа функциональных административных структур: Центральное статистическое управление (ЦСУ), Госбанк, Госкомитет по ценам, Госснаб, Госстрой, ГКНТ и др.

Главная проблема централизованного планирования состояла в обеспечении сбора информации и ее адекватной обработки. Предприятия не всегда предоставляли достоверные данные, а в процесс их передачи она претерпевала дополнительные изменения. Громоздкая структура процесса планирования не позволяла добиться если не оптимального распределения ресурсов, то хотя бы распределения, достаточного для реализации плановых целей.

Госплану СССР так и не удалось до конца воплотить в жизнь великую мечту К. Маркса и его российских последователей о создании нового, справедливого общества, в котором развитие экономики определяется единым планом, ставящим разумные, общенародные (а не личные) цели, в котором все блага распределяются строго по труду и разница в благосостоянии каждого зависит только от его способностей и трудовых усилий.

Централизованное планирование не распространялось на распределение трудящихся по рабочим местам (право на труд подразумевало, что трудящиеся могут сами выбирать место работы), но ставки оплаты труда устанавливались централизованно и не входили в компетенцию предприятий. Такая система лишала работодателей возможности привлекать работников более высокой зарплатой. Поэтому они широко использовали другие стимулы (лучшие условия труда, дополнительные блага – распределение дефицитных продуктов и товаров, доступ к учреждениям здравоохранения, домам отдыха, удлинение отпуска и т.п.). Поскольку все трудоспособные граждане должны были работать, то увольнение работников допускалось лишь в исключительных случаях. Таким образом, между работодателями и занятыми сформировались особые отношения (*rapport salarial atténué*), когда работник знает, что в интересах выполнения плана работодатель будет мириться с его низкоэффективным трудом [Vercueil 2019, с. 37]. На макроэкономическом уровне распространение таких особых отношений выражалось в низком уровне производительности труда и повсеместном превышении численности занятых по сравнению с той численностью, которая необходима для реализации плановых заданий.

Следуя догме марксизма относительно денег как средства обогащения капиталистов, советские экономисты осуществляли планирование, главным образом, в физических, а не денежных показателях. Однако деньги не были исключены из компетенции Госплана, но они (как и цены) являлись одним из рычагов выполнения плана и распределения ресурсов, а не самостоятельной силой.

Автор справедливо отмечает, что корни многочисленных макроэкономических дисбалансов и провалов в экономике СССР следует искать в системе централизованного планирования. В их числе он выделяет следующие: количественные и качественные диспропорции в производстве товаров и услуг; хроническую неопределенность в области снабжения товарами потребителей; систематический дефицит отдельных продуктов и их нормированное распределение. Распространенная характеристика социалистической экономики как «экономики дефицита», по словам автора, является «результатом одновременно неадекватности целей планирования реальным потребностям экономики и спонтанного приспособления поведения экономических агентов к этой неадекватности» [Vercueil 2019, с. 51].

Нельзя не согласиться с выводом автора, что количественные и качественные диспропорции в производстве товаров и услуг, хроническая неопределенность в области снабжения товарами потребителей, систематический дефицит продуктов и их нормированное распределение – все это неизбежный итог централизации регулирования экономики. Распределение денег (через зарплату наемных работников) было оторвано от эффективности труда экономических агентов, а их покупательная способность превышала стоимость доступных для покупки товаров. Установление цен на товары административным путем порождало разбалансированность между спросом и предложением, которая проявлялась в увеличении очередей за этими товарами. Поскольку потребители не могли потратить заработанные деньги на потребительские товары, они вынуждены были их накапливать. Если при капитализме накопление – это добровольное ограничение потребления с целью в будущем осуществить покупку, то в социалистической экономике – это вынужденное действие, связанное с нехваткой конкретных товаров.

Несмотря на улучшение условий жизни и повышение доходов населения за три послевоенные десятилетия («тридцать славных лет», по терминологии автора), отставание СССР от западных стран усилилось из-за недостаточного роста производительности труда. В конце 1980-х годов средний уровень жизни в СССР составлял только треть от уровня западных стран [Vercueil 2019, с. 70]. Наблюдалась также сильная региональная дифференциация зарплат за счет надбавок работникам в некоторых районах (Сибирь, Крайний Север, и др.) и отраслях (военно-промышленный комплекс), а также социальная дифференциация в доходах между представителями номенклатуры (партийные работники, высшие военные чины и др.), которые помимо зарплат пользовались многочисленными дополнительными благами, и основной массой населения.

Автор критически оценивает данные официальной статистики начала 1980-х годов об успехах советской экономики, считая их завышенными (поскольку на всех этапах сбора информации данные подгонялись к плановым

заданиям, советская система счетоводства не учитывала сектор неформальной экономики, некоторые данные не обнародовались по политическим причинам и т.д.). Он указывает на их сильное расхождение с оценками западных экспертов: так, советские официальные данные по темпам роста экономики за три послевоенных десятилетия на 30–40% превышали западные оценки [Vercueil 2019, с. 66]. Однако, какие бы оценки ни брались за основу, в послевоенный период в СССР прослеживалось замедление темпов роста, особенно сильное в 1970-е годы. Это, по мнению автора, объяснялось, во-первых, экстенсивным типом экономического роста, когда высокие темпы достигаются за счет мобилизации новых производственных ресурсов (капитала, рабочей силы и т.д.), и, во-вторых, недостаточной специализацией промышленности и слабым развитием инноваций. Очевидно, что и в этом случае негативную роль сыграло централизованное планирование, которое не успевало планировать диверсификацию производства по мере появления новых потребностей и ограничивало инновации, поскольку они могли повлечь за собой каскадные нарушения в функционировании плановой системы.

В 1980-е годы неэффективность советской экономики и контраст между начинающейся на Западе цифровой революцией и технологической стагнацией в СССР становились все более очевидными для руководства СССР. Приход к власти в 1985 г. М. Горбачёва открыл эру ускоренной трансформации советской экономики. Однако реформы Горбачёва (провозглашение принципа гласности, расширение свободы выражения политических взглядов, либерализация экономики и внешней торговли, развитие частного предпринимательства, поспешные меры по макроэкономической стабилизации, проводившиеся с конца 1989 г., и т.д.) не дали ожидаемого результата, а напротив, привели в 1992 г. к окончательному распаду СССР. «Перестройка» не смогла преодолеть главные дисбалансы советской системы, в частности структурный дисбаланс между спросом и предложением. Частичная либерализация хозяйства, которую удалось провести, породила новые дисбалансы, в том числе в сфере внешнеэкономических отношений, что способствовало ослаблению международных позиций СССР [Vercueil 2019, с. 79].

Вторая глава «От “Великого перехода” к великой депрессии (1992–1998)» посвящена перестройке советской экономики методом шоковой терапии. Б. Ельцин, в отличие от своего предшественника – М. Горбачёва, был убежден в невозможности реформировать советскую систему: единственный путь – это окончательный отказ от нее, как это сделали страны Центральной и Восточной Европы.

В конце 1991 г. новые руководители страны, отбросив принципы марксизма, с энтузиазмом устремились в глобализированный капитализм. Это, по терминологии автора, «брутальное погружение» в капитализм в соответствии с рекомендациями международных организаций происходило болезненно

и привело к разрушению огромной части промышленности, падению темпов роста, обеднению значительной части населения, деградации здравоохранения и т.д. Резкий и поспешный переход к рынку оставил глубокий след в сознании населения, близкий к психологической травме. Одновременно новая и немногочисленная группа руководителей, часто из бывшей номенклатуры, быстро взяла под свой контроль рычаги экономического и политического управления. В рекордные сроки эта элита накопила огромные состояния, т.е., по выражению К. Маркса, произошло «первоначальное накопление капитала», беспрецедентное по скорости и масштабу.

Радикальные реформы, проведенные командой Е. Гайдара при поддержке МВФ и западных советников в рамках трех шоковых программ (двух программ либерализации и стабилизации и программы массовой ваучерной приватизации 1992–1994 гг.) на макроэкономическом уровне завершились полным провалом, резюмирует автор. В результате шоковой терапии в 1992 г. падение производства достигло 19%, госдолг – 15–20% ВВП, инфляция – 2500% [Vercueil 2019, с. 107]. На микроэкономическом уровне наблюдались быстрое расширение теневой экономики, рост разного рода неплатежей (зарплат, пенсий, пособий и т.д.) и падение уровня жизни россиян.

Последующее изменение приоритета экономической политики в пользу денежной и финансовой стабилизации позволило снизить инфляцию в 1995–1998 гг. (до 11%) и стабилизировать официальный курс рубля и процентных ставок. Однако в реальной экономике продолжали накапливаться проблемы из-за нехватки ликвидности. Бюджетный кризис не удалось преодолеть: из-за неэффективной работы налоговой службы сохранилась низкая собираемость налогов, широкое распространение получает практика уклонения от налогов и т.д. По оценкам, только 17% предприятий выполняли все налоговые обязательства [Vercueil 2019, с. 125]. Из-за нехватки налоговых доходов правительство стало урезать расходы, задерживать бюджетные платежи поставщикам, зарплаты служащим, пенсии и т.д. Однако дефицит бюджета не сокращался (9% ВВП в 1996 г. и 7% ВВП в 1997 г.), а его финансирование за счет займов (ГКО) увеличивало госдолг; на его обслуживание в 1997–1998 гг. тратилось 30–40% бюджетных расходов [Vercueil 2019, с. 128].

Приватизация, как ваучерная, так и денежная путем залоговых аукционов, сопровождалась большим числом скандалов и нанесла ущерб государству. Ваучерная приватизация не обеспечила, как предполагалось, «справедливое распределение» капитала приватизированных предприятий: в конце 1994 г. бывшие руководители этих предприятий владели 17% капитала, но занимали при этом две трети мест в их административных советах. Внешние акционеры фактически не имели права контроля над управлением, а держатели ваучеров вообще были ограблены инвестиционными фондами типа финансовой пирамиды (такими, как МММ). Суммарные доходы от ваучерной приватизации,

по оценкам, составили всего 12 млрд долл., что меньше стоимости одной крупной западной компании [Vercueil 2019, с. 105]. Не менее важно то, что ваучерная приватизация не привела к изменению методов управления предприятиями, расширению инвестиций, обновлению оборудования и т.д.

Поскольку отчуждение федеральной собственности было произведено по заниженным ценам, то государство недополучило огромную сумму и в ходе денежной приватизации: по итогам приватизации шести компаний (Норильский никель, ЮКОС, Сиданко, Сибнефть, Сургутнефтегаз, Лукойл) она оценивается в 11 065 млн долл. [Vercueil 2019, с. 117].

Шесть лет «Великого перехода», шоковая терапия и ее последствия глубоко трансформировали экономику и общество России. Доля частного сектора выросла с 10% ВВП в 1992 г. до 50% – в 1994 г. и 70% – в 1997 г. Однако одновременно произошло сильное сокращение численности занятых – за 1990–1998 гг. на 11 млн человек; реальная зарплата упала за 1991–1995 гг. на 55%, что усилило дифференциацию населения по доходам: коэффициент Джини вырос с 0,256 в 1991 г. до 0,412 в 1994 г. и 0,531 в 1998 г. Официальный уровень безработицы достиг 13% активного населения [Vercueil 2019, с. 131, 133, 135, 137].

Анализ показал отсутствие хоть какого-либо соответствия рыночной трансформации в России стандартным предсказаниями теоретиков и реформаторов. Политика либерализации, хотя и позволила ликвидировать дефицит товаров за счет импорта, спровоцировала ускорение инфляции, депрессию и падение курса рубля. Политика стабилизации не смогла сдержать разрушительные последствия этой либерализации. Наконец, провалилась и политика структурной перестройки экономики: во-первых, приватизация привела к огромному росту имущественного неравенства и неравенства доходов и не обеспечила модернизацию и реструктуризацию производства; во-вторых, перестройка системы социальной защиты столкнулась с финансовыми и организационными проблемами, а также с прямыми последствиями либерализации и неудачной политики стабилизации [Vercueil 2019, с. 147].

Среди критических выводов автора о рыночных реформах в рассматриваемый период хочется отметить обоснованные, по нашему мнению, замечания относительно роли государства в рыночной экономике. В ходе легитимизации новых рыночных институтов активно раскручивались: идея о государстве как институте, ограничивающем свободу действий, и вытекающий из этого вывод о необходимости сокращения до минимума его влияния. Такой подход автор считает несовместимым с фундаментальной идеей о том, что трансформация правовых рамок не может быть успешной, если новые формальные правила не будут соблюдаться. Значит, необходим институт принуждения, гарантирующий равенство экономических агентов перед законом, обеспечивающий сбор налогов, работу денежной системы и т.д. В современной

экономике, в том числе либеральной, таким институтом, конечно, является государство.

Автор справедливо указывает на опасность сильного ослабления власти государства. Как показал опыт России, поспешные рыночные реформы и чрезмерное ограничение роли государства ведут к усилению мощи других институтов (региональных и местных властей, частного сектора, теневого сектора) и к увеличению числа нарушений формальных правил (случаев уклонения от налогов, коррупции, хищений, преступлений и т.д.). В конечном счете это может вообще разрушить государство.

В третьей главе «Блестящее десятилетие (1999–2008)» анализируется период «потрясающего», по терминологии автора, восстановления экономической и дипломатической мощи России, укрепления ее геополитических позиций. Автор выявляет факторы экономического обновления страны и структурные границы модели роста.

За «Блестящее десятилетие» Россия повысила свой международный статус – от маргинальной страны (с ВВП на уровне валового продукта одного лишь центрального района Франции – Иль-де-Франс, где численность жителей в 13 раз ниже, чем в России) к «стране с развивающейся экономикой» (*puissance émergente*), которая по ВВП входила в десятку ведущих стран мира. В текущих долларах ВВП России увеличился со 170 млрд в 1999 г. до 267 млрд в 2001 г. [Vercueil 2019, с. 153, 162].

В 1999–2003 гг. темпы роста российской экономики опережали все западные прогнозы. Особенность экономического подъема состояла в том, что он начался сразу после дефолта 1998 г. и падения ВВП в 1998 г. на 5,3%: в 1999 г. рост ВВП равнялся 6,4%, в 2000 – 10, в 2001 – 5,1, в 2002 – 4,8 и в 2003 г. – 8% [Vercueil 2019, с. 162]. Первоначально, указывает автор, из-за девальвации и финансового кризиса рост внутреннего спроса был негативным, так как реальные доходы населения падали, а потому основной импульс роста ВВП исходил от чистого экспорта (положительного сальдо торгового баланса). С 2000 г. внутренний спрос берет верх над внешней торговлей: объем импорта, стимулированный спросом, растет быстрее экспорта.

Отказ руководства страны от ошибочной догмы, что проблему доверия к рублю можно решить путем монетарных ограничений, позволил снизить инфляционные риски, ограничить отток капитала, восстановить свободу движения краткосрочного капитала. Благоприятное воздействие на российскую экономику оказали также повышение цен на нефть и увеличение экспорта, рост валютных резервов.

Главный успех рассматриваемого периода – это восстановление бюджетного равновесия благодаря проведению с 2000 г. налоговых реформ (введению плоской шкалы по налогу на доходы физических лиц с единой ставкой в 13%, упрощению налогообложения предприятий, внесению изменений

в налог на прибыль предприятий, в налог на добавленную стоимость, в таможенные тарифы и т.д.). В результате бюджет существенно пополнился. Увеличению бюджетных доходов способствовали на этот раз высокие доходы от приватизации: в 2000 г. – 1,8 млрд долл., т.е. на 1/3 больше, чем ожидало правительство. В 2000–2003 гг. рост доходов федерального бюджета превышал рост расходов, и бюджет сводился с положительным сальдо: 2000 г. – +1,4% ВВП, 2001 г. – +3%, 2002 г. – +1,7% и 2003 г. – +1,7% [Vercueil 2019, с. 169–170].

Наблюдаются и другие структурные улучшения. Так, задержки зарплаты и бартерный обмен пошли на убыль, быстрыми темпами росло производство на мелких и средних предприятиях, с 1999 г. начался рост (после падения в 1997–1998 гг.) производственных инвестиций, рабочих мест, постепенно сокращался госдолг и др.

Вместе с тем ряд факторов ограничивал экономический рост, в частности такие слабости производственной структуры, сохранившиеся с 1990-х годов, как высокий уровень концентрации в добывающих отраслях, тормозящий рост конкуренции и инноваций, и коррупция. В 2001 г. на первые десять промышленно-финансовых групп (государственных и частных) приходилась половина промышленного производства, т.е. сохранялась появившаяся в 1990-е годы модель олигархического капитализма, основанная на концентрации власти и собственности в руках финансово-промышленной элиты, сросшейся с государственной властью [Vercueil 2019, с. 175]. Однако соотношение сил между государственной властью и олигархией с приходом к власти Президента В.В. Путина в 2000 г. стало постепенно меняться в пользу государства, в частности в ходе реформ, направленных на укрепление властной вертикали.

В период второго мандата В.В. Путина (2004–2008) огромное влияние на экономику России и особенно на энергетические предприятия оказало повышение цены на нефть (с 30 долл. на баррель в начале 2004 г. до 140 долл. летом 2008 г.) [Vercueil 2019, с. 179]. Увеличение валютных доходов нефтегазового сектора позволило укрепить валютные резервы Центробанка; благодаря налоговым доходам от энергетического и нефтяного секторов (в 2007 и 2008 гг. на них приходилась примерно половина доходов федерального бюджета и треть консолидированного бюджета) в 2004–2008 гг. госбюджет имел профицит в размере в среднем 4,9% ВВП [Vercueil 2019, с. 217]. Это дало возможность сократить госдолг с 99% ВВП в 1999 г. и 60% в 2000 г. до 23% ВВП в 2004 г. и 6,5% в 2008 г. [Vercueil 2019, с. 183].

Основным двигателем роста в 2004–2008 гг., как и в 2000–2003 гг., выступал внутренний спрос. Потребление росло в среднем на 12% в год, производственные инвестиции – почти на 15%. Средний рост зарплаты (с поправкой на инфляцию) был эквивалентен росту производительности (в среднем 5% в год). Это свидетельствовало о том, что деформация распре-

деления добавленной стоимости в пользу прибыли преодолена. Но сохранялись сильные различия в средней зарплате по отраслям: в образовании она была почти в 4 раза ниже, чем в сфере финансов и почти в 3 раза ниже, чем в добывающих отраслях [Vercueil 2019, с. 188–189].

В промышленной политике 2004–2008 гг. В.В. Путин продолжил курс на усиление контроля над крупными предприятиями и стимулирование промышленного производства, в частности в рамках законодательства протекционистского характера, мер по укрупнению государственных компаний и в некоторых случаях юридических методов принуждения непослушных предприятий. Государство возвращает под свой контроль ведущие компании энергетического сектора: Юкос переходит в госхолдинг Роснефть; Сибнефть выкупается Газпромом; в 2006 г. Газпрому предоставляется монопольное право на экспорт газа по газопроводу; в 2008 г. принимается закон о недрах, согласно которому только подконтрольные государству компании могут претендовать на лицензии на шельфовые месторождения (на практике речь идет о двух компаниях – Газпроме и Роснефти) и др. Такой же курс проводится в рамках политики создания компаний – национальных чемпионов с государственным капиталом в нескольких отраслях.

Кроме того, правительство пытается поставить под свой контроль газо- и нефтепроводы, что приводит к обострению отношений с пограничными странами, через которые осуществляются поставки нефти и газа, и вызывает озабоченность в странах – импортерах углеводородов.

В целом позиции государства в промышленности укрепились: согласно официальной статистике за 2002–2008 гг., доля госпредприятий, где государству принадлежит более 50% капитала, увеличилась с менее 5% до 50% [Vercueil 2019, с. 201]. Разумеется, наиболее сильное присутствие государства отмечается в отраслях, считающихся приоритетными (банковский сектор, производство углеводородов, химическая промышленность, военно-промышленный комплекс и т.д.).

Несмотря на улучшение ситуации с госфинансами, социальные расходы в начале 2000-х годов упали до 13% ВВП против 20% ВВП в десятилетие кризиса, и в дальнейшем их повышение происходило очень медленно. Лишь в 2008 г. они достигли 15% ВВП. Отмечался также рост неравенства в доходах: в 2008 г. на 25% самого бедного населения приходилось 5% национального дохода против 6% в 2000 г., а на 20% самых богатых – 50% [Vercueil 2019, с. 184, 189].

Постепенно происходит накопление факторов, ограничивающих рост. Среди них: слабая модернизация производственной базы (норма инвестирования оставалась ниже 20%) [Vercueil 2019, с. 212]; признаки перегрева в производстве, максимальный уровень загрузки производственных мощностей в большинстве отраслей; рост номинальной зарплаты, опережающий рост

инфляции и производительности; диспропорции в отраслевой структуре роста; завышенный курс рубля, как и накануне краха 1998 г.; глубинные бюджетные диспропорции, связанные с беспрецедентным ростом доли доходов от экспорта углеводородов и др.

В «Блестящее десятилетие», указывает автор, в экономике России прослеживаются основные симптомы «голландской болезни», обычно связанной с бумом в какой-либо добывающей отрасли и ростом инвестиций в нее, что ведет к повышению курса национальной валюты, а это сокращает экспортную конкурентоспособность, производство и занятость в традиционных отраслях. Иными словами, «нефтяная манна» ведет к деформациям и диспропорциям в экономике. Именно такие процессы наблюдались в «Блестящее десятилетие»: хотя нефтегазовая промышленность быстро развивалась, перерабатывающая промышленность так и не достигла уровня, зарегистрированного до падения производства в 1990-е годы. Быстрая ревальвация рубля была напрямую связана с повышением цен на углеводороды, что спровоцировало приток капитала, причем лишь небольшая его часть поступила в обрабатывающую промышленность. Кроме основных признаков «голландской болезни», у «русской болезни» имелись и другие характерные черты: сращивание финансового и энергетического секторов и высокая концентрация производства в добывающих отраслях и банковском секторе.

В четвертой главе «Период турбулентности – российская экономика после 2008 г.» рассматривается развитие российской экономики после глобального финансового кризиса 2008 г. Учитывая продолжительность и негативные социально-экономические тренды «периода турбулентности» автор характеризует его как «потерянное десятилетие» [Vergueil 2019, с. 230].

Финансовый кризис был для России в определенной степени неожиданностью, так как банковские учреждения России не имели долговых обязательств по иностранным токсическим ипотечным бумагам (subprimes). Но власти отреагировали на него быстро и компетентно. Как и в странах Запада, сначала были приняты срочные меры по поддержке банковского сектора (гарантии по бессрочным депозитам частных лиц, финансовая поддержка банков, испытывающих трудности, гарантии по ссудам, которые предоставляют коммерческие банки, открытие кредитных линий для 220 самых важных банков и т.д.), затем по поддержке экономической активности (смягчение монетарной политики, меры протекционистской защиты национальной промышленности от импорта, в частности автомобилестроения и агропромышленного комплекса, гарантии по ссудам стратегическим предприятиям и др.).

Спасение банковской системы и стратегических предприятий способствовало дальнейшему усилению контроля государства над экономикой: в 2012 г. в нефтяном секторе государство контролировало 45% производства, в банковском секторе – 49, на транспорте – 73%. Рост госрасходов (на 28%)

в 2009 г. на фоне сокращения госдоходов (на 28%) привел к появлению бюджетного дефицита в размере 7% ВВП против профицита в 3% ВВП в 2008 г. [Vercueil 2019, с. 239, 233].

Несмотря на огромные затраты на антикризисные меры (по оценкам экспертов, в размере около 7% ВВП), экономический кризис в России был более сильным по сравнению с другими странами: падение ВВП в 2009 г. составило 7,9% [Vercueil 2019, с. 234]. Зато кризис продолжался недолго: уже в 2010 г. Россия продемонстрировала рост ВВП в 4,5%, начался возврат капитала в страну, активизировались производственные инвестиции, стабилизировался курс рубля [Vercueil 2019, с. 242]. Однако подъем быстро выдохся: со второй половине 2011 г. рост ВВП замедлился, а в 2013 г. прекратился рост в промышленности.

В контексте падения мировой цены на нефть, обострения украинского конфликта и введения западных санкций в РФ ускорились инфляция и девальвация рубля, что в конечном счете привело зимой 2014 г. к обвалу курса рубля, а затем и к экономическому кризису. Падение курса рубля было сопоставимым с 1998 г.: с 10 июня по 18 декабря 2014 г. рубль потерял 50% стоимости относительно доллара. Кризис рубля резко сократил покупательную способность населения, а падение спроса отразилось на инвестициях предприятий и производстве. В целом за 2015 г. ВВП упал на –2,8%, а в 2016 г., несмотря на экспансионистскую бюджетную политику и медленное восстановление цены на нефть, – на –0,2% [Vercueil 2019, с. 275–276].

Кризис 2014–2016 гг. показал, подчеркивает автор, что за истекшие 20 лет России не удалось сократить зависимость от мировой цены на нефть [Vercueil 2019, с. 278–279]. Чтобы понять, что помешало России стабилизировать социально-экономическое развитие, автор строит теоретическую схему, показывающую общую конфигурацию и соотношение основных элементов структуры экономики России с позиции теории регуляции (*la théorie de la régulation*).

В основе предложенной схемы лежит базовая категория теории регуляции – «режим накопления» (*regime d'accumulation*), т.е. макроэкономический режим, поддерживающий сбалансированные отношения между производством и потреблением. Своего рода объектами регуляции на макроуровне выступают институциональные подсистемы режима накопления (фундаментальные социальные отношения), которые именуются «институциональные формы» («*formes institutionnelles*»). В классификации институциональных форм выделяются пять групп: монетарный режим (управление деньгами и организация финансовой системы); форма и роль государства (отношения между государством и экономикой); формы конкуренции; отношения по поводу найма рабочей силы (отношения между собственниками капитала и занятыми и формирование доходов); способ международного включения

(отношения между национальной экономикой и остальным миром). Идентификация и характеристика этих институциональных форм в российской экономике за период 1999–2015 гг. дает возможность установить их иерархию и выявить доминирующую форму, т.е. главную характеристику режима накопления.

Монетарный режим, который определяет и регулирует Центробанк России, по мнению автора, в силу ряда особенностей российской экономики (низкий уровень сбережений населения, сравнительно небольшой вклад банков в финансирование инвестиций предприятий, разделение банковского сектора на два сегмента – десяток крупных банковских групп, в основном государственных, и несколько сотен частных мелких и средних учреждений) носит двойственный характер: он является одновременно либеральным и ортодоксальным. Либеральным – так как содействует свободе обращения краткосрочного капитала, ортодоксальным – так как концентрируется на главной задаче – стабилизации обменного курса рубля и на сокращении инфляции. Двойственность монетарного режима усиливает риск внезапного обвала курса рубля и требует накопления валютных резервов. Автор характеризует монетарный режим в рассматриваемый период как «режим, испытывающий давление со стороны обменного курса».

Отличительной чертой отношений между государством и экономикой является укрепление присутствия государства в экономике путем целенаправленного захвата определенных стратегических компаний. По этой причине автор характеризует эту форму режима накопления как «государство – селективный монополист».

Главной характеристикой института конкуренции в России, по мнению автора, является не ее слабый уровень, а ее сегментация и гетерогенность: в секторах, где доминирует государство, конкуренция очень слабая или вообще отсутствует; однако имеются отрасли (легкая промышленность, агропродовольственный комплекс, розничная торговля, услуги населению и др.), где отмечается сильная конкуренция. Поэтому автор называет данную институциональную форму «сегментированной конкуренцией».

Отношения по поводу найма рабочей силы во многом схожи с предшествующей формой режима накопления: низкий уровень зарплаты типичен для сферы госуслуг (здравоохранение, образование, федеральная и местная администрация) и отраслей, испытывающих сильное давление со стороны импорта (обрабатывающая промышленность), а сравнительно высокий – для отраслей, защищенных от международной конкуренции (главным образом финансового сектора), и добывающих отраслей, получающих ренту. Перераспределение доходов между указанными двумя группами отраслей очень незначительное, что является одной из причин высокого уровня неравенства

доходов и его роста в последние годы. Автор характеризует эту форму как «фрагментированные отношения по поводу найма рабочей силы».

Способ международного включения является доминирующей формой режима накопления в России. В 2000-е годы (как и в 1990-е) внешние шоки всегда задавали ритм подъемам и спадам в экономике; объем экспорта влиял на сальдо счета текущих платежей и приток валюты в страну; приток валюты определял приоритеты монетарной и бюджетной политики и т.д. Основной чертой международного включения является высокая подверженность влиянию цен на углеводороды. Ключевая роль нефтегазовой ренты в экономике служит основанием для определения рассматриваемой институциональной формы режима накопления как «рентное международное включение».

В 1999–2015 гг. иерархия форм режима накопления в России выглядела следующим образом: способ международного включения (доминирующая форма) – форма и роль государства и монетарная политика – формы конкуренции – отношения по поводу найма рабочей силы. Поскольку доминирующие позиции занимает способ международного включения, то сам режим накопления автор называет рентным.

Рентный режим накопления предопределил основные черты «способа регуляции» (*mode de régulation*) российской рентной экономики с начала 2000-х годов. Автор характеризует этот «способ регуляции» как газпромовский (*gazpromien*), учитывая растущее значение нефтегазового сектора для развития экономики, доминирование в нем Газпрома и возможность использования Газпрома государством в качестве рычага своего экономического, социального и политического влияния.

Хотя в 2017 и 2018 гг. российская экономика стала восстанавливаться (+1,5% рост в год), подчеркивает автор в заключении, неравномерная траектория развития в последние 25 лет говорит о том, что решение структурных проблем зависит в первую очередь от стабильности развития в будущем. «В этом смысле экономика России все еще находится на перепутье, как и в течение всего периода с 1991 г.», – такой малоутешительный вывод делает автор.

Рецензируемая книга представляет собой редкий по нынешним временам пример вдумчивого, скрупулезного и непредвзятого анализа тенденций развития российской экономики. Несомненным достоинством работы является многомерность охвата тем и событий. Авторская трактовка основ и специфики системных преобразований в экономике России выглядит логически обоснованной и опирается на обширный фактологический материал. Отдельные разделы книги, как представляется, даже перегружены подробными описаниями событий и фактов. Напротив, порой не хватает развернутых обобщений и выводов, а возможно, и рекомендаций по рассматриваемым проблемам.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИЯ

В работе поставлено много важных для будущего России вопросов, которые пока остаются без ответа и могут стать предметом дальнейших обсуждений, в частности вопрос о преодолении «русской болезни». Книга, несомненно, будет очень полезна зарубежным студентам и аспирантам, изучающим экономику России, и научным исследователям, а также широкой аудитории, интересующейся проблемами российской экономики.

Библиография

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года от 29 сентября 2018 // Гарант. Ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71965871/> (дата обращения: 21.02.2020).

Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года // Гарант. Ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (дата обращения: 21.02.2020).

Vercueil J. *Économie politique de la Russie. 1918–2018*. P.: Le Seuil (coll. Points économie), 2019. 432 p.

References

Osnovnye napravlenija dejatel'nosti Pravitel'stva Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda ot 29 sentjabrja 2018 [Main Activities of the Government of the Russian Federation for the Period until 2024 September 29, 2018]. Garant. Ru. Information and legal portal. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71965871/> (date of access: 21.02.2020). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta RF «O nacional'nyh celjah i strategicheskikh zadachah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda» ot 7 maja 2018 goda [Presidential Decree of May 7 2018 on the national development goals and strategic objectives of the Russian Federation for the period up to 2024]. Garant. Ru. Information and legal portal. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (date of access: 21.02.2020). (In Russ.)

Vercueil J. *Économie politique de la Russie. 1918–2018*. P.: Le Seuil (coll. Points économie), 2019. 432 p.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР» ЗА 2020 г.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

- Аватков В.А.* Идеинный фактор и тюркский элемент в политике России сквозь призму трансформации мирового порядка № 3, с. 38
- Богомолов И.К.* Сбор сведений о военных преступлениях австро-германских войск в годы Первой мировой войны (на материалах Московской губернии) № 2, с. 50
- Глебова И.И.* «Страшная пора перелома»: О русской революции и культуре № 4, с. 81
- Киянская О.И.* Империя упущенных возможностей. К истории общественных настроений в России конца 1810 – начала 1820-х годов..... № 2, с. 6
- Киянская О.И.* «Люди двадцатых годов». К биографиям Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов № 4, с. 38
- Ланник Л.В.* Германская интервенция 1918 г. на западных окраинах России (на примере Брянщины) № 3, с. 23
- Ларин А.Б.* «Грешно одного и того же человека оставлять долго в этом глупом и скучном месте»: Об одном повседневном факторе жизни и деятельности российских дипломатов в Иране в XIX – начале XX в. № 4, с. 6
- Лиманова С.А.* Убить словом. Петроградская и московская пресса 1917–1918 гг. о судьбе отрекшегося императора и его семьи № 1, с. 33
- Пинюгина Е.В.* Патриарх Сергей в политике памяти Русской православной церкви в конце XX – начале XXI в. № 2, с. 61
- Рудникова Е.В.* Иммигранты из Российской империи в ранней истории Новой Зеландии № 3, с. 6
- Савицкий Е.Е.* Были ли колониальные гостиницы форпостами европейской культуры? Свидетельства русских

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2020 г.

путешественников по Нидерландской Индии конца XIX – начала XX в.	№ 4, с. 23
<i>Черникова Н.В.</i> «Законодательная инициатива» Государственного совета Российской империи во второй половине XIX в.	№ 4, с. 62
<i>Черникова Т.В.</i> Международные династические проекты в России времен царствования Фёдора Иоанновича	№ 1, с. 6

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

<i>Белинский А.В.</i> Изгнание из рая. Как глобализация и неолиберализм уничтожают немецкий средний класс	№ 2, с. 210
<i>Белинский А.В.</i> «Придут честолубивые дублеры...». Эволюция правого экстремизма в ФРГ в конце XX – начале XXI столетия.....	№ 1, с. 95
<i>Булатов А.С.</i> Современная российская экономическая модель и ее внешнеэкономические аспекты.....	№ 2, с. 158
<i>Васильева Н.И., Кашуро И.А., Мусиева Д.М.</i> Российская экономика в 2019–2020 гг.: От стагнирующего роста к обновленному инвестиционному циклу	№ 3, с. 130
<i>Веркёй Ж.</i> Понять изменения в процессе современной глобализации: Экономические перспективы	№ 2, с. 78
<i>Власов Н.А., Филина Н.В.</i> «Альтернатива для Германии» и проблемы эволюции партийной системы Федеративной Республики Германия	№ 1, с. 81
<i>Гадзацев К.В.</i> Россия и обеспечение энергетической безопасности мира в условиях обострения глобальной энергоэкологической проблемы	№ 4, с. 140
<i>Гордон А.В.</i> Возвышение Китая в парадигме глобализации	№ 2, с. 95
<i>Гущин А.В.</i> Проблемы и перспективы евразийской интеграции	№ 4, с. 105
<i>Даниелова Т.А.</i> Подходы администрации Барака Обамы к созданию архитектуры ПРО в странах Вышеградской группы в 2009–2013 гг.	№ 4, с. 174
<i>Жилина И.Ю.</i> Экономические последствия изменения климата.....	№ 3, с. 50
<i>Захаров А.И.</i> Вступление Индии в глобальный мир: Особенности пути	№ 2, с. 113
<i>Коданева С.И.</i> «Зеленые инвестиции» в России и за рубежом: Проблемы, механизмы, перспективы	№ 3, с. 68

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2020 г.

<i>Коданева С.И.</i> От «коричневой экономики» – к «зеленой». Российский и зарубежный опыт	№ 1, с. 46
<i>Комкова Е.Г.</i> Канада: Особый путь в глобализацию	№ 2, с. 169
<i>Кузицына А.А.</i> США и Китай: Когда состоится «битва за Анкоридж»?	№ 4, с. 158
<i>Кузякин Ю.П., Кузякин С.В., Реунова Е.С.</i> Территории опережающего социально-экономического развития: Становление эффективного механизма развития экономики	№ 1, с. 67
<i>Лапина Н.Ю.</i> Национальные модели вступления в глобализацию	№ 2, с. 73
<i>Лапина Н.Ю.</i> Не очень счастливая глобализация: Французский опыт	№ 2, с. 190
<i>Мачитидзе Г.Г.</i> Стратегия в Афганистане: Артефакт президента Д. Трампа	№ 1, с. 119
<i>Новикова О.Н.</i> После «Халифата». Угрозы терроризма в Европе	№ 3, с. 151
<i>Положихина М.А.</i> Ход и результаты реформ в научной сфере: Сравнение России и Китая	№ 3, с. 89
<i>Преснякова Е.В.</i> Инвестиционные эффекты интеграции Беларуси и России в рамках Евразийского экономического союза	№ 4, с. 119
<i>Сидоров А.С.</i> Африканская архитектура мира и безопасности и конфликт в Сахеле	№ 3, с. 175
<i>Степанов Н.С.</i> Влияние ЕАЭС и ОПОП на ускорение модернизации экономических моделей развития России и Китая	№ 3, с. 109
<i>Ханалиев Н.У.</i> Региональная безопасность сквозь призму исторических связей Центральной Азии и Ближнего Востока	№ 3, с. 166
<i>Яковлев П.П.</i> Латиноамериканские модели участия в глобализации: Региональные черты и страновые особенности	№ 2, с. 135

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

<i>Брилёв С.Б.</i> Операция «Эверест» (1944 г.). К истории выжившей советской разведгруппы – участницы схемы «Ледоруб»	№ 1, с. 164
<i>Жданова Е.С.</i> Помощь Святого Престола гражданам СССР, оказавшимся за границей, в 1941–1947 гг. (по материалам Апостольского архива Ватикана)	№ 4, с. 210

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2020 г.

<i>Ланник Л.В.</i> Германская интервенция 1918 г. на западных окраинах России (на примере Брянщины).....	№ 3, с. 23
<i>Ланник Л.В.</i> Миссия Гельфериха в Москве: Забытая флуктуация советско-германских отношений летом 1918 г.	№ 4, с. 186
<i>Плещенко В.И.</i> К вопросу об ограниченной функциональности наличных денег и специфике розничного товарооборота в СССР	№ 2, с. 228
<i>Соколова Л.Д., Чёрный Ю.Ю.</i> Эвакогоспитали № 2002 и № 5397 на территории санатория им. А.М. Горького в Кисловодске в период Великой Отечественной войны.....	№ 2, с. 240
<i>Фельдман М.А.</i> Отложенное осмысление. XVI съезд ВКП (б): Мифологическое и реальное спустя 90 лет	№ 1, с. 139
<i>Шабельник Н.В.</i> Подготовка партизанских кадров в Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны	№ 3, с. 204
<i>Яковенко В.А.</i> Здоровье населения и социальная стратификация в публицистике Н.А. Семашко (1918–1928 гг.).....	№ 3, с. 191

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

<i>Алексеев В.Ю.</i> Совет ООН по правам человека в современной международной правозащитной системе	№ 3, с. 253
<i>Брилёв С.Б.</i> Загадка геноцида «Горелова». Реакция немецкой научной общественности на публикацию о загадочном советском агенте-немце из числа участников англо-советской операции «Тоник» (1943 г.).....	№ 3, с. 241
<i>Бубнова Н.И.</i> Устранение Сулеймани: Безрассудное убийство или опасный просчет Трампа?.....	№ 2, с. 251
<i>Казакова Н.Ю.</i> Диктатура духа. Роман Ф.М. Достоевского «Бесы» в критике Серебряного века.....	№ 2, с. 276
<i>Космарская Н.П.</i> Какой видит Россию молодежь постсоветских стран? Мнения студентов Казахстана.....	№ 1, с. 186
<i>Миряков М.И.</i> Концепция пенсионного кризиса в свете проблемы законов-тенденций в методологии экономической науки	№ 4, с. 242
<i>Мягков М.Ю.</i> Освобождение Европы Красной Армией и войсками западных союзников: Военно-политический аспект.....	№ 1, с. 211
<i>Файнштейн Е.М.</i> Особенности цифровой трансформации сетевого бизнеса в условиях Covid-19	№ 4, с. 225

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2020 г.

- Фельдман Д.М., Щербаков Д.А.* Мастер игры: Политика и риторика в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать? (из рассказов о новых людях)» № 3, с. 216
- Ядова М.А.* Взгляды и жизненные траектории молодежи сквозь призму биографических исследований № 1, с. 204
- Ядова М.А.* Молодежь в мире глобальных угроз: Социально-психологические последствия № 3, с. 265

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

- Восканян Э.С., Бычкова Н.С.* «Цветные революции» в современном мире: Мнения исследователей № 1, с. 242
- Корочаров А.В.* Распад СССР в отечественной историографии: Основные методологические подходы № 1, с. 221
- Манойло А.В., Попадюк А.Э.* Зарубежные научные подходы к исследованию «фейковых новостей» в мировой политике № 2, с. 285
- Семеко Г.В.* Экономика России: Всё еще на перепутье. Рец. на книгу: Vercueil J. Économie politique de la Russie. 1918–2018. P.: Le Seuil (coll. Points économie), 2019. 432 p. № 4, с. 262
- Шанишьева Л.Н.* Меняющаяся Восточная Европа как предмет исследований (на примере изданий ИНИОНа) № 3, с. 275

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: www.rossovmir.ru

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п. л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com. Кроме того, на сайте журнала предусмотрена специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла информации. Автор несет ответственность за содержание работы, за точность и корректность цитирования и отсутствие плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (не более 10), употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, страна, город, e-mail. Также требуется указать Scopus Author ID и Web of Science Researcher ID.

Далее те же сведения даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. **Список цитированных источников и литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы, представленный на русском языке, дается в переводе на английский язык (с указанием языка оригинала); на английский язык также переводятся названия городов в библиографическом описании, буква р. – обозначение страницы и «дата обращения» – «data of access». Переведенный список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту. Кроме того, список должен быть транслитерирован латинскими буквами.

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: Бутенко А.П. Историческая неудача или начало революции // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 55–66.

В переведенном и транслитерированном виде описание выглядит так (символ слэш – // – не употребляется): Butenko A.P. Istoricheskaya neudacha ili

nachalo revolyutsii [Historical Failure or Beginning of Revolution]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 4. P. 55–66. (In Russ.)

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: Личное дело Харламова Николая Сергеевича // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 14397.

В переведенном и транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: Lichnoe delo Kharlamova Nikolaya Sergeevicha [Personal file. Kharlamov Nikolay Sergeevich]. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Inv. 65 a. F. 14397. (In Russ.)

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93> (дата обращения: 02.08.2019); Federal'nyj zakon ot 22 ijulja 2005 g. № 116-FZ «Ob osobyh ekonomicheskikh zonah v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of July 22, 2005 N 116-FZ «On Special Economic Zones in the Russian Federation»]. Sbornik zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2005. N 30 (part II). Art. 3127. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93> (date of access: 02.08.2019). (In Russ.)

В тексте статьи ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (если фамилия автора отсутствует – первые слова названия), год публикации и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Для архивных документов после фамилии автора или названия дела указывается дата формирования дела и те листы, к которым отсылается читатель. Например: [Бутенко 1995, с. 170], [Личное дело Харламова, л. 2]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [Бутенко 1995, с. 170; Личное дело Харламова, л. 2]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [Федеральный закон от 22 июля 2005 г.].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Россия и современный мир № 4 – 2020 (109)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка Н . М . В л а с о в а

Корректор
О . П . Д о р м и д о н т о в а

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 07.12.2020 г.
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 23,3 Уч.-изд. л. 19,2
Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № 119

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У